

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 1 (60) 2026

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 1 (60) 2026

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в электронном каталоге «Почта России» ПД037.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминова** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневская** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index in the electronic catalog "Post of Russia" is PD037.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Eremeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	8
Лингвистика	
<i>Ускова О.А., Байкова Н.В.</i> Русский язык в современном мире: носители языка vs пользователи языком.....	9
<i>Недоступова Л.В.</i> О некоторых особенностях речи деревенских жителей Воронежской области.....	17
<i>Долгова Е.Ю.</i> Бинарные и градуальные семантические оппозиции ахроматических колоративов в русском языке конца XX – начала XXI века.....	27
<i>Степанова П.С.</i> Создание и анализ текстов ольфакторной тематики с помощью нейроредактора.....	38
<i>Замальдинов В.Е.</i> Медийные неадеривативы как актуальное средство формирования оценки.....	45
<i>Скуридина С.А., Новиков Д.В.</i> Особенности сленга уличной культуры (на материале российской граффити-сцены).....	51
<i>Вострокнутова Н.Н., Шехватова А.Н.</i> Дисциплина «Культура речи» в медицинском вузе: проблема структуры и содержания учебно-методических пособий.....	59
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Заварзина Г.А., Лупина Е.Ю.</i> Ядро цветовой палитры в прозе А.И. Куприна 1890-1910-х годов.....	67
<i>Денисова М.А.</i> Языковая экспликация мира вещей как индикатора истории семьи в современной литературе для детей.....	75
<i>Агафонцев М.С.</i> Языковые единицы с семантикой нанесения вреда индивидууму и их представленность в произведениях Н.Г. Помяловского.....	83
<i>Сулемина О.В., Ломов М.А., Ласуков Н.И.</i> Колористика страха в произведениях А.П. Чехова.....	93
<i>Ягодина И.Д.</i> Языковая репрезентация образа женщины-казачки в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» (на материале системы сравнений).....	98
<i>Рассторгуева В.С., Слостён А.Ю.</i> Трансформация национального женского типа в современной русской литературе.....	104
Писатели-юбиляры: М.Е. Салтыков-Щедрин	
<i>Новикова М.В., Сулемина О.В., Овсян Г.А.</i> Страшное пространство города в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.Г. Короленко.....	114
Лингвокультурология	
<i>Бугакова Н.Б., Лаптева М.А.</i> К вопросу о терминологическом аппарате лингвокультурологии.....	120
Концептология	
<i>Никишина Д.И., Куранова Т.П.</i> Концепт «настоящая женщина» в русском языковом сознании.....	130
Межкультурная коммуникация	
<i>Ситянина Н.В.</i> Стратегии перевода композитных наименований природных объектов в английской поэзии (на материале переводов поэзии романтиков и модернистов).....	135
Журналистика в историко- теоретическом аспекте	
<i>Грицай Л.А.</i> Пастырское служение в эпоху цифровизации: анализ феномена православного блоггерства.....	146
<i>Деревцова И.А., Попова Ю.С.</i> Этические стандарты в современной журналистике.....	156

<i>Дякина А.А., Есин И.Р.</i> Медиаобразовательный потенциал экономических новостей в региональном пространстве (кейс Липецкой области).....	163
<i>Павличенко В.А., Попова Ю.С.</i> Телевизионные форматы России: консерватизм и провокация на примере «Первого канала» и ТНТ.....	172
<i>Попова Г.Н., Трубицина Н.А.</i> Особенности нативной рекламы в региональных СМИ (на примере Липецкой области).....	182
<i>Посохова Е.С.</i> TELEGRAM как среда формирования неинституционального экспертного потенциала.....	189
Язык СМИ	
<i>Барбина Н.С.</i> Медиаобраз сибирского города: стереотипы и цифровые стратегии их преодоления (на примере Иркутска).....	198
<i>Корнейчук Т.А.</i> Названия российских и латиноамериканских кинофильмов как объект языковой рефлексии.....	206
События, обзоры, рецензии	
<i>Клюшина А.М., Куренкова Я.И.</i> Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного на V Поволжском педагогическом форуме «Система непрерывного педагогического образования: инновационные идеи, модели и перспективы».....	216
<i>Бугакова Н.Б., Скуридина С.А.</i> Актуальные проблемы современной ономастики: итоги II Всероссийской научной конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» (Воронеж, ВГТУ, 18 февраля 2026 г.).....	223
Правила оформления статей	227

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	8
Linguistics	
<i>Uskova O.A., Baykova N.V.</i> The Russian language in the modern world: native speakers vs language users.....	9
<i>Nedostupova L.V.</i> On some features of the speech of village residents of the Voronezh region.....	17
<i>Dolgova E.Y.</i> Binary and graduated semantic oppositions of achromatic colour terms in the Russian language of the late XX century – early XXI century.....	27
<i>Stepanova P.S.</i> Creation and analysis of olfactory texts using a neuro-editor.....	38
<i>Zamaldinov V.E.</i> Media nominations as an actual means of forming an assessment.....	45
<i>Skuridina S.A., Novikov D.V.</i> Features of slang in street culture (based on the Russian graffiti scene).....	51
<i>Vostroknutova N.N., Shekhvatova A.N.</i> Culture of speech as a discipline at the medical university: the problem of the structure and content of textbooks.....	59
Literary text: aspects of study	
<i>Zavarzina G.A., Lupina E.Y.</i> The core of the color palette in the prose of A.I. Kuprin in the 1890s-1910s.....	67
<i>Denisova M.A.</i> The world of things as an indicator of family history in modern literature for children.....	75
<i>Agafontsev M.S.</i> Linguistic units with the semantics of harming an individual and their representation in the works of N.G. Pomyalovsky.....	83
<i>Sulemina O.V., Lomov M.A., Lasukov N.I.</i> Coloristic of fear in A.P. Chekhov’s works.....	93
<i>Yagodina I.D.</i> Linguistic representation of the Cossack woman image in M.A. Sholokhov’s novel “And quiet flows the Don” (based on the system of similes).....	98
<i>Rastorgueva V.S., Slasten A.Yu.</i> Transformation of the National Female Type in Contemporary Russian Literature.....	104
Jubilee writers: M.E. Saltykov-Shchedrin	
<i>Novikova M.V., Sulemina O.V., Ovsepyan G.A.</i> The terrible city space in M.E. Saltykov-Shchedrin and V.G. Korolenko works.....	114
Language and culture studies	
<i>Bugakova N.B., Lapteva M.A.</i> On the question of the terminological apparatus of linguocultural science.....	120
Intercultural communication	
<i>Sityanina N.V.</i> Strategies of translating compound nature-related nominations in English poetry (based on translations of romantic and modern poetry).....	130
Concept studies	
<i>Nikishina D.I., Kuranova T.P.</i> The concept of “real woman” in the Russian language consciousness.....	135
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Gritsay L.A.</i> Pastoral ministry in the era of digital mediation: analysis of the phenomenon of Orthodox blogging.....	146
<i>Derevtsova I.A., Popova Y.S.</i> Ethical standards in modern journalism.....	156
<i>Dyakina A.A., Esin I.R.</i> media educational potential of economic news in the regional media space (the case of the Lipetsk region).....	163
<i>Pavlichenko V.A., Popova Yu.S.</i> Television format in Russia: conservatism and provocation on the example of “First channel” and TNT.....	172

<i>Popova G.N., Trubitsina N.A.</i> Features of native advertising in regional media (on the example of the Lipetsk region).....	182
<i>Posokhova E.S.</i> TELEGRAM as a medium for the formation of non-institutional expert capital.....	189
<i>Language of mass media</i>	
<i>Barebina N.S.</i> Media image of a Siberian city: stereotypes and digital strategies to overcome them (on the example of Irkutsk city).....	198
<i>Korneychuk T.A.</i> The titles of Russian and Latin American films as an object of language reflection.....	206
<i>Events and reviews</i>	
<i>Klyushina A.M., Kurenkova Ya.I.</i> Issues of studying and teaching Russian as a foreign language at the V Volga pedagogical forum “The system of continuous pedagogical education: innovative ideas, models, and prospects”.....	216
<i>Bugakova N.B., Skuridina S.A.</i> Topical issues of modern onomastics: results of the II All-Russian scientific conference with international participation “Voronezh Onomastic Readings” (Voronezh, VSTU, February 18, 2026).....	223
<i>Layout of the articles</i>	227

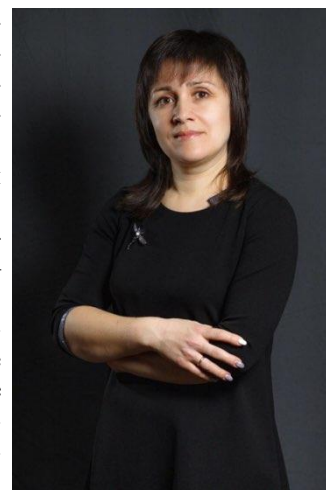
Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей шестидесятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II «Аспекты изучения художественного текста», III – «Писатели-юбиляры: М.Е. Салтыков-Щедрин», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 27 научных работ. Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие специфику формирования поликультурной личности (О.А. Ускова, Н.В. Байкова), диалектные особенности речи деревенских жителей Воронежской области (Л.В. Недоступова), проблему бинарных и градуальных семантических оппозиций ахромативов *белый, серый, черный* в составе атрибутивно-субстантивных комплексов (Е.Ю. Долгова), теоретические вопросы составления текстов нейросетями (П.С. Степанова), принципы разработки профессионально-ориентированных учебных материалов по культуре речи для студентов-медиков (Н.Н. Вострокнутова, А.Н. Шехватова), словообразовательные неологизмы как актуальное средство формирования оценки (В.Е. Замальдинов) и сленг уличной культуры России на материале граффити-сцены как особую форму неофициальной городской коммуникации (С.А. Скуридина, Д.В. Новиков). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, авторы которых обращаются к структурно-семантической организации поля цветообозначений в прозе А.И. Куприна 1890–1910 гг. (Г.А. Заварзина, Е.Ю. Лупина), к изучению повседневности через предметы материальной культуры детства (М.А. Денисова), к характеристике языковых единиц с семантикой нанесения вреда индивидууму, представленных в текстах произведений русского писателя Н.Г. Помяловского (М.С. Агафонцев), к категории страшного в творчестве А.П. Чехова (О.В. Сулемина, М.А. Ломов, Н.И. Ласуков), к анализу художественных сравнений как ключевого приема создания женских образов в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» (И.Д. Ягодина), к трансформации национального женского типа, открытого В.Г. Белинским в 9 статье «Сочинений А.С. Пушкина» (В.С. Расторгуева, А.Ю. Сластён). В разделе «Писатели-юбиляры» представлен сопоставительный анализ образа «страшного города» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.Г. Короленко (М.В. Новикова, О.В. Сулемина, Г.А. Овсепян). Раздел «Лингвокультурология» содержит работу, описывающую процесс становления лингвокультурологии как науки, ее развитие и состояние в настоящее время (Н.Б. Бугакова, М.А. Лаптева). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлены стратегии перевода сложных композитных наименований природных объектов и явлений (типа *harebell, fire-flake, mountain-tarn*) с английского языка на русский в поэтических текстах эпох романтизма и модернизм (Н.В. Ситянина). В разделе «Концептология» авторы осуществляют лингвокультурологический анализ концепта «настоящая женщина» в русском языковом сознании (Д.И. Никишина, Т.П. Куранова). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» исследуется феномен миссионерской деятельности православных блогеров-священников как специфической формы диалога Русской Православной Церкви и современного общества в условиях цифровой репрезентации религиозного дискурса (Л.А. Грицай), рассматриваются этические стандарты в современной журналистике (И.А. Деревцова, Ю.С. Попова), медиаобразовательный потенциал экономических новостей в СМИ Липецкой области (А.А. Дякина, И.Р. Есин) и особенности нативной рекламы в региональных средствах массовой информации Липецкой области (Г.Н. Попова, Н.А. Трубицина), выявляется специфика телешоу на двух телеканалах России — «Первом канале» и ТНТ (В.А. Павличенко, Ю.С. Попова), альтернативная модель экспертного авторитета (Е.С. Посохова). В разделе «Язык СМИ» представлена авторская языковая рефлексия создателей названий российских и латиноамериканских художественных кинофильмов (Т.А. Корнейчук) и особенности формирования медиаобраза сибирского города (Н.С. Барбина). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги V Поволжского педагогического форума «Система непрерывного педагогического образования: инновационные идеи, модели и перспективы» (А.М. Ключина, Я.И. Куренкова) и II Всероссийской научной конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» (Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина).

Содержащиеся в выпуске 1 (60) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 808.51

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.001

*Государственный институт русского языка
им. А.С.Пушкина*

*доктор филологических наук, профессор ка-
федры методики преподавания*

русского языка как иностранного

Ускова О.А.

Россия, г. Москва, тел. +7-916-418-33-09

e-mail: olgauskova@mail.ru

Pushkin Russian Language State Institute

*D.Hab (philology), professor of the Rus-
sian as a foreign language methodology*

Department

Uskova O.A.

Russia, Moscow, tel. +7-916-418-33-09

e-mail: olgauskova@mail.ru

*Московский государственный лингвистический
университет*

*преподаватель кафедры русского
языка как иностранного*

Байкова Н.В.

Россия, г. Москва, тел. +7-915-087-96-16

e-mail: baykova.sportin@gmail.com

Moscow State Linguistic University

*Lecturer of the Russian as a foreign lan-
guage Department*

Baykova N.V.

Russia, Moscow, tel. +7-915-087-96-16

e-mail: baykova.sportin@gmail.com

О.А. Ускова, Н.В. Байкова

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОСИТЕЛИ ЯЗЫКА VS ПОЛЬЗОВАТЕЛИ ЯЗЫКОМ

Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью продвижения русского языка и традиционных ценностей русской цивилизации в мире. В статье рассматриваются проблемы формирования поликультурной личности, что требует уточнения понятий «родной язык», «носитель языка» в его противопоставленности понятию «пользователь языком», а также представлена на основе психолингвистической квалификации типология пользователя русским языком. Целью исследования является выявление и систематизация характеристик «носителя языка» vs «пользователя языком», способствующих формированию поликультурной личности. Методология исследования базируется на лингвокультурологическом подходе, а также включает методы анализа эмпирических данных и теоретического моделирования. В статье проанализированы наиболее распространённые концепции «носителя языка» и типологии носителей. В результате исследования стало возможным уточнить понятия «родной язык», под которым понимается язык самоидентификации личности, «носитель языка», с позиций лингвокультурологического подхода, квалифицируется как носитель национально-культурного кода, индивид социокультурной общности, устанавливающей нормы коммуникации в соответствии с действующим социокультурным контекстом, «пользователь» языком как многовекторная характеристика личности, определяемая способностью удовлетворять свои коммуникативные потребности с целью достижения экстралингвистических целей общения на иностранном языке в соответствии со знанием социокультурного контекста носителя языка; на основе теоретического моделирования предлагается типология пользователя русским языком. Практическая значимость исследования заключается в том, что квалификация носителей языка и пользователей языком позволяет разработать эффективные методы обучения русскому языку, учитывающие потребности и цели изучения языка и направленные на формирование поликультурной языковой личности.

Ключевые слова: носитель языка, пользователь языком, поликультурная личность, родной язык, русский язык

O.A. Uskova, N.V. Baykova

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MODERN WORLD: NATIVE SPEAKERS VS LANGUAGE USERS

The relevance of the study is due to the need to promote the Russian language and traditional values of the Russian civilization in the world. The paper is focused on the problems of formatting the multicultural personality, that requires clarifying such concepts as «native language», «native speaker» vs «language user» and on the types of Russian language users that are based on the psycholinguistic qualification. The guiding idea of the research was to identify and systematize the characteristics of the «native speaker» vs «language user» contributing to the formation of the multicultural personality. The research methodology includes linguacultural approach, methods of empirical data analysis and theoretical modelling. The paper analyzes the most common concepts of the «native speaker» and types of native speakers. The results of the analysis clarify such concepts as a «native language» concept, which refers to the language of an individual's self-identification, a «native speaker» concept that is defined from the perspective of a linguacultural approach as a bearer of the national cultural code, an individual of the sociocultural community, establishing communication norms in accordance with the current socio-cultural context, a «language user» concept qualified as a multiple personality characteristic determined by the ability to satisfy one's communicative needs in order to achieve extralinguistic communication goals in a foreign language in accordance with knowledge of the socio-cultural context of the native speaker. On the basis of a theoretical modelling method different types of the Russian language users are disclosed. The practical significance of the study is important for qualifying native speakers and language users that makes it possible to develop effective methods of teaching Russian which take into account the needs and goals of language learning and are aimed at formatting a multicultural linguistic personality.

Keywords: native speaker, language user, multicultural linguistic personality, native language, Russian language.

Русский язык изначально существует в поликультурной среде, что исторически обусловлено политико-экономическими и географическими факторами, определившими зону влияния русского языка в евразийском пространстве. Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью продвижения русского языка и традиционных ценностей русской цивилизации. В настоящее время происходит смена в системе координат мироустройства, что оказывает непосредственное влияние на функционирование русского языка и образование на русском языке за рубежом. Как показывают исследования, в странах «глобального Юга» возвращается интерес к русскому языку, что поддерживается на государственном уровне, однако в странах постсоветского пространства, образовательные системы которых исторически представляют собой билингвальное образование с русскоязычным компонентом, отмечаются разнонаправленные процессы, (Т.В. Васильева, О.А. Ускова [1; 2], С.А. Вишнякова [3], Образование с русскоязычным компонентом за рубежом: состояние и возможности для развития [4]).

Целью исследования является выявление и систематизация характеристик «носителя языка» vs «пользователя языком», способствующих формированию поликультурной личности. В основе методологии исследования лежит лингвокультурологический подход, а также методы анализа эмпирических данных и теоретического моделирования.

Начиная с XX века русский язык входит в число мировых языков, что позволило ему получить статус «рабочего языка» в международных организациях, таких как ООН, ЮНЕСКО и др. Условия функционирования русского языка и его перспективы в конкретной зарубежной стране определяют на основании социолингвистических исследований, включающих ряд параметров [1]:

- 1) характеристика пользователей;
- 2) сферы употребления русского языка, таких как гос.управление, делопроизводство, профессиональное общение, СМИ, образование, здравоохранение, сфера услуг и бытовая сфера
- 3) степень интенсивности использования русского языка как неродного, а также как языка межнационального и международного общения;
- 4) мотивация изучения русского языка;
- 5) формы и условия его изучения, предоставляемые разным категориям пользователей.

В связи с этим получает особую актуальность проблема определения понятия «носителя языка» и «пользователя языком». Следует подчеркнуть, что дефиниция «носитель языка» активно используется в социолингвистике, начиная с 70-х годов XX века (N.C. Dorian [15], L. Menn [6], H.J. Sasse [7], K. Grinevald, M. Bert [8] и др.), но к настоящему времени не имеет четкого определения, к тому же, исследователи предлагают достаточно спорные варианты типологии «носителя языка» (Л. Гренобль [5], Д.В. Попов [10] и др.).

Так, понятие «носителя языка», восходящее к эпохе колониализма времен Британской Империи, во многих исследованиях по социолингвистике определяется как «*традиционный носитель языка* (англ. *speaker, fluent speaker, full speaker*): человек, который свободно владеет языком во всех сферах, без колебания и без принуждения» [5; с. 15]. Данное определение идёт в русле проблематики «функциональной грамотности» ЮНЕСКО (1956 г.).

С позиции лингвокультурологического подхода, понятие «носителя языка» тесно связано с понятием «языковой личности», введённого Ю.Н. Карауловым [6], которое определяется национальным кодом, национальными стереотипами общения (Ю.Е. Прохоров [7]) и, в конечном счёте, формирует русское коммуникативное поведение [8].

С нашей точки зрения, языковая личность является составляющим компонентом системы «Языковая картина – национальные стереотипы общения – языковая личность» [9: с. 18].

Национально-культурные особенности речевого общения носителей языка определяются следующим:

1. концепты, концептуальное пространство русского языка [10]; константы культуры (Ю. С. Степанов [11]);
2. национально-культурная семантика русского слова, фразеологии и прецедентных текстов;
3. регистры общения (Г.А. Золотова [12]);
4. кодифицированная речь vs диалект;
5. речевой этикет как совокупность правил речевого поведения в среде носителей языка / конвенция вежливости (Н.И. Формановская [13]).

Выделим критерии идентификации носителя:

1. естественное усвоение языка (пороговый уровень, возраст 6-7 лет, однако по последним данным, 12 лет, до этого возраста возможна смена самоидентификации);
2. спонтанная речь;
3. интуитивное понимание;
4. коммуникативная компетентность;
5. отсутствие акцента.

Считаем необходимым уточнить понятия «родной язык», под которым понимается язык самоидентификации личности, а «носитель языка», с позиций лингвокультурологического подхода, квалифицируется как носитель национально-культурного кода, индивид социокультурной общности, устанавливающей нормы коммуникации в соответствии с действующим социокультурным контекстом.

В связи с этим варианты типологии носителя языка, представленные в исследованиях по социолингвистике, следует относить к категории пользователя. Рассмотрим некоторые из них (см. Таблицу 1).

Таблица 1
Типология «носителей языка»

№ п/п	Тип	Характеристика	Язык самоидентификации		Национально-культурный Код	
			русский	язык социализации	русский	язык социализации
1.	<i>Полуносители</i> (полуговорящие, англ. semi-speakers) (Л. Гренобль [5: с.15]; Д.Е. Попов [14]); «несовершенные двуязычные» (N.C. Dorian [15: с. 417])	Навыки устной коммуникации в стандартных ситуациях общения в разговорной сфере		+		+
2.	<i>неполные носители</i> (O'Rourke et al., [16])	коммуникативная компетенция сформирована на уровне B2		+		+
3.	<i>наследователи</i> (heritage speakers)	- смена самоидентификации - родной язык стагнирует - формирование языковой личности языка социализации.		+		+
4.	<i>атриторы</i> (англ. attritors, rusty speakers) (Menn [17]; Sasse [18])	- родной язык утрачен		+		+
5.	<i>носители-невидимки</i> (англ. ghost speakers) (Grinevald et al., [19])	- отказ от языка при сохранении некоторых компетенций		+		+

6.	<i>молчаливые носители</i> (англ. <i>silent speakers</i>) / «восприимчивыеи двуязычные»	- пассивное знание языка (J. Juuso [20]) - пассивный билингвизм (Л. Гренобль [5])		+		+
7.	<i>неоносители</i> (англ. <i>new speakers</i>)	- декларация культурной и этнической идентичности - изучение языкакак иностранного		+	+	
8.	«остаточные» носители (англ. <i>terminal speakers</i>)	- уровень владения языком A0+		+		+
9.	<i>вспоминающие носители</i> (С.В. Кириленко [21])	- язык утрачен - в языковой среде проявляются навыки рецепции		+		+
10.	<i>последний носитель</i> (англ. <i>last speaker</i>)	- отсутствует коммуникативная компетенция - уровень владения языком A1-A2 (не релевантен для всех составляющих коммуникативной компетенции: языковой, дискурсивной, прагматической, социокультурной)		+		+

Проведенное исследование доказывает, что по критериям самоидентификации, национально-культурного кода в предлагаемых классификациях рассматриваются не носители, а пользователи языком. В свете лингвокультурологического подхода под понятием «пользователь языком» понимается многовекторная характеристика личности, определяемая способностью удовлетворять свои коммуникативные потребности с целью достижения экстралингвистических целей общения на иностранном языке в соответствии со знанием социокультурного контекста носителя языка.

Предлагаемое определение базируется на доказанных экспериментальным путем теоретических концепциях усвоения языка, что предполагает учет следующих факторов:

- *психолингвистическую квалификацию языка с позиции носителя/пользователя;*
- *характеристику окружающей языковой среды.*

В данной системе координат можно выделить *носителей*, для которых язык является родным, и *пользователей* «неродным языком», «языком “наследования”» (HS), «иностранном языком». В соответствии с этим представим характеристики пользователей русским языком (см. Таблица 2).

Носители русского языка vs пользователи русским языком

Носители РЯ	Пользователи РЯ
язык самоидентификации личности	1. билингвы (субординативный билингвизм): использование русского языка в условиях реального/официального двуязычия во всех сферах общения (субъекты РФ, страны СНГ и Балтии)
	2. представители диаспор (“Heritage Speakers”/learners – русский язык как языка «наследования»): использование русского языка в условиях ограниченной языковой среды (страны дальнего зарубежья);
	3. иноязычные пользователи – носители других языков: использование русского языка для удовлетворения коммуникативных потребностей как в монолингвальной языковой среде (в России), так и вне языковой среды (в других странах).

В заключение отметим, что принятые во многих исследованиях типы носителей языка могут рассматриваться в контексте концепции «русского мира», охватывающей ареал распространения русского языка, но не как носители национально-культурного кода, определяющего русскую языковую личность.

Проведенное исследование имеет практическую значимость, которая заключается в том, что квалификация носителей языка и пользователей языком позволяет разработать эффективные методы обучения русскому языку, учитывающие потребности и цели изучения языка и направленные на формирование поликультурной языковой личности.

Библиографический список

1. Васильева Т.В., Ускова О.А. Русский язык в многоязычном мире: вопросы статуса и билингвального образования: монография. Изд. 2-е. Саратов: Ай Пи Эр Медиа; Вузовское образование, 2022. 320 с.
2. Васильева Т.В., Ускова О.А. Обучение мигрантов в зеркале исторического опыта билингвального образования в России и СССР // Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции: колл. монография / под ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск: Издательство Томского университета, 2019. С.3-34.
3. Вишнякова С.А. Позиции русского языка за рубежом в современных политических условиях // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады [Электронный ресурс] / ред. кол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С.96-101.
4. Образование с русскоязычным компонентом за рубежом: состояние и возможности для развития: коллективная монография / под ред. А. В. Коротышева, Н. В. Бруновой, Ю. А. Горячева, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. [Авт. колл.: Ю. А. Горячев, В. Ф. Захаров, М. А. Кривенькая, А. Ю. Орлова, А. А. Шевцова, Е. О. Хабенская, Ю. Ю. Юренко, О. Н. Яшина]. – М.: Этносфера, 2024. 636 с.
5. Гренобль Л. Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2021. № 2 (6). С. 9-35.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.261 с.

7. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Комкнига, 2017. 224 с.
8. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 4-е. М.: Флинта, 2011. 328 с.
9. Ускова О. А., Саакян Л. Н. Мир говорит на русском (теоретические и прикладные аспекты обучения русскому языку как иностранному): учебно-методическое пособие. М.: Русская Речь, 2019. 176 с.
10. Ускова О.А. Метаязык бизнеса в языковом пространстве. Монография. М.: МОЦ НГ, 2006. 218 с.
11. Степанов Ю. С. Константы русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 992 с.
12. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Монография. М.: Наука, 1982. 368 с.
13. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. 2-е изд., доп. и испр. М.: ИКАР, 2010. 237 с.
14. Попов Д.В. Феномен носителя языка // *Academic Research in Educational Sciences*. 2022. Volume 3. Issue 5. С.157-162.
15. Dorian, Nancy C. (1973) Grammatical change in a dying dialect // *Language*. Vol. 49. No. 2. Pp. 413–438.
16. O'Rourke, Bernadette, Pujolar, Joan, Ramallo, Fernando. (2015) New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 231. Pp. 1–20.
17. Menn, Lisa. Some people who don't talk right: Universal and particular in child language, aphasia, and language obsolescence // *Investigating obsolescence* / Ed. by Nancy C. Dorian. Cambridge: Cambridge University Press. (1989) Pp. 335–345.
18. Sasse, Hans-Jürgen. Language decay and contact-induced change: Similarities and differences // *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa* / Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin: Mouton de Gruyter. 1992 Pp. 59–80.
19. Grinevald, Colette, Bert, Michel. Speakers and communities // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages* / Ed. by Peter K. Austin and Julia Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. Pp. 45-65.
20. Juuso, Jane. (2013) *Mov gïelem bäästede vaaltam. Jag tar tillbaka mitt språk. [I'm taking back my language]* Östersund: Sametinget. 116 p.
21. Кириленко С.В. Изменения в языковой жизни сообщества в условиях языкового сдвига // *Социолингвистика*. 2023. № 4 (16). С. 80–91.

References

1. Vasilyeva T.V., Uskova O.A. The Russian language in the multilingual world: issues of status and bilingual education: monography. Edition 2. Saratov: I P R Media; High School education, 2022. 320 p.
2. Vasilyeva T.V., Uskova O.A. Teaching migrants in the mirror of historical experience of bilingual education in Russia and the USSR // *The educational migration. Russian schools, high schools, museums as adaptation and integration agents: coll. monography* / edited by E.U. Kosheleva. Tomsk: Tomsk university, 2019. P.3-34.
3. Vishniakova, S. A. The position of the Russian language abroad in modern political conditions. // *XV MAPRYAL Congress: selected reports [e-resource]* / editorial board: N.A. Bojenkova, S.V. Vyatkina, V.N. Klimova and co; edited by M.S. Shishkov. St.P.: MAPRYAL, 2024. P.96-101.
4. Education with the Russian language component abroad: status and development opportunities: coll. Monography / edited by A.V. Korotysheva, N.V. Brunova, Y.A. Goryachev, E.A.

Omelchenko, A. A. Shevtsova. [Authors: Y.A. Goryachev, V.F. Zakharov, M.A. Krivenkaya, A.Y. Orlova, A. A. Shevtsova, E.O. Khabenskaya, Y.Y. Yurenko, O.N. Yashina]. M.: MPGU; Ethnosphere, 2024. 636 p.

5. Grenoble L. Sociolinguistics and language shift: toward understanding the processes of shift through the prism of speakers [e-resource] // *Sociolinguistics*. 2021. № 2 (6). P. 9-35.

6. Karaulov Y.N. The Russian language and language personality. M.: Nauka, 1987. 261 p.

7. Prokhorov Y.E. The national sociocultural speech stereotypes and their role in teaching Russian to foreigners. M.: Komkniga, 2017. 224 p.

8. Prokhorov Y.E., Sternin I. A. The Russians: communicative behavior. Edition 4. M.: Flinta, 2011. 328 p.

9. Uskova O.A., Saakyan L.N. The world speaks Russian (theoretical and applied aspects of teaching Russian as a foreign language): teaching manual. M.: Russkaya Rech, 2019. 176 p.

10. Uskova O.A. Business metalanguage in the language volume. Monography. M.: MOC NG, 2006. 218 p.

11. Stepanov Y.S. The Russian Culture Constants. Research experience. M.: Yazyki russkoy kultury, 1997. 992 p.

12. Zolotova G.A. Communicative aspects of the Russian Syntax. Monography. – M.: Nauka, 1982. – 368 p.

13. Phormanovskaya N.I. Culture of communication and speech. Revised and expanded edition 2. M.: IKAR, 2010. 237 p.

14. Popov D.V. The phenomenon of a native speaker. // *Academic Research in Educational Sciences*. 2022. Volume 3. Issue 5. P.157-162.

15. Dorian, Nancy C. (1973) Grammatical change in a dying dialect // *Language*. Vol. 49. No. 2. Pp. 413–438.

16. O'Rourke, Bernadette, Pujolar, Joan, Ramallo, Fernando. (2015) New speakers of minority languages: The challenging opportunity – Foreword // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 231. Pp. 1–20.

17. Menn, Lisa. Some people who don't talk right: Universal and particular in child language, aphasia, and language obsolescence // *Investigating obsolescence* / Ed. by Nancy C. Dorian. Cambridge: Cambridge University Press. (1989) Pp. 335–345.

18. Sasse, Hans-Jürgen. Language decay and contact-induced change: Similarities and differences // *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa* / Ed. by Matthias Brenzinger. Berlin: Mouton de Gruyter. 1992 Pp. 59–80.

19. Grinevald, Colette, Bert, Michel. Speakers and communities // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages* / Ed. by Peter K. Austin and Julia Sallabank. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. Pp. 45-65.

20. Juuso, Jane. (2013) *Mov gïelem baaſtede vaaltam. Jag tar tillbaka mitt språk. [I'm taking back my language]* Östersund: Sametinget. 116 p.

21. Kirilenko S.V. Changes in the language life of a community in the context of language shift // *Sociolinguistics*. 2023. No. 4 (16). Pp. 80–91.

УДК 811.161.1+81'282

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.002

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. н., доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 9204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercul-
tural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 9204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧИ ДЕРЕВЕНСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В предлагаемом исследовании рассматриваются качества воронежских говоров. Актуальность обращения к данной теме обусловлена существующим интересом к современным процессам, происходящим в диалектах. Объектом работы выступает живая речь селян. Предметом научного сочинения являются отличительные характеристики диалектоносителей. Цель исследования заключается в установлении наиболее выделяющихся черт речи деревенских жителей – носителей русско-украинских говоров Воронежского края. Изучение диалектных особенностей осуществляется на лингвистическом материале с применением метода стационарного наблюдения, описания и анализа. В ходе подготовки статьи определены 15 отличительных фонетических диалектных черт: [и] после мягких согласных на месте этимологического «ѣ»; [и] на месте [о]; оканье; утрата гласного в начале слова; переход [э] в [о]; отсутствие перехода [э] в [о]; отсутствие перехода [о] в [а]; яканье; аканье; ассимиляция гласных; г фрикативного образования; [в] как неслоговой [у] и как губно-губной [в]; [хв] и [х] на месте [ф], [в]; шоканье и др. Отмечено произношение, отличное от литературного языка. Показано, что лексический уровень говоров репрезентируется фонетическими, семантическими, лексическими диалектизмами, а также просторечными и разговорными словами. Фактическая обработка полевого материала свидетельствует о том, что в речи жителей указанных сельских поселений налицо диалектные черты. В процессе изыскательской деятельности мы пришли к заключению, что обследованные говоры нужно считать русско-украинскими по ряду выявленных характеристик. Представленные признаки диалектов обусловлены процессами заселения Воронежского края в XVII-XVIII веках выходцами из Украины, смешением населения и взаимопроницаемостью разных уровней народного языка. В результате исследования обозначено, что и в третьем десятилетии XXI века наблюдается сохранность выделяющихся диалектных черт в речи представителей старшей возрастной группы, проживающих не только в приграничных к Украине районах (на юге), но и на северо-востоке и западе Воронежской области.

Ключевые слова: живая речь, диалект, фонетические черты, лексические особенности, русско-украинские говоры.

L. V. Nedostupova

ON SOME FEATURES OF THE SPEECH OF VILLAGE RESIDENTS OF THE VORONEZH REGION

The proposed study examines the qualities of the Voronezh dialects. The relevance of addressing this topic is due to the existing interest in modern processes occurring in dialects. The object of the work is the living speech of villagers. The subject of the scientific essay is the distinctive characteristics of dialect speakers. The purpose of the study is to establish the most prominent features of the speech of villagers - native speakers of Russian-Ukrainian dialects of the Voronezh region. The study of dialectal features is carried out on linguistic material using the method of stationary observation, description and analysis. In the course of preparing the article, 15 distinctive phonetic dialect features were identified: [i] after soft consonants in place of the etymological "ѣ"; [i] in place of [o]; okan'e; loss of a vowel at the beginning of a word; the transition of [e] to [o]; no transition of [e] to [o]; no transition of [o] to [a]; yakan'e; akan'e; assimilation of vowels; g of fricative formation; [v] as a non-syllabic [u] and as a bilabial [v]; [khv] and [kh] in place of [f], [v]; shokanye, etc. Pronunciation is noted to differ from the literary language. It is shown that the lexical level of

dialects is represented by phonetic, semantic, lexical dialectisms, as well as colloquial and colloquial words. The actual processing of field material indicates that dialectal features are evident in the speech of the inhabitants of the aforementioned rural settlements. In the course of research, we came to the conclusion that the examined dialects should be considered Russian-Ukrainian based on a number of identified characteristics. The presented features of dialects are conditioned by the processes of settlement of the Voronezh region in the 17th-18th centuries by immigrants from Ukraine, the mixing of the population and the interpenetration of different levels of the vernacular. The study showed that even in the third decade of the 21st century, the preservation of prominent dialectal features is observed in the speech of representatives of the older age group living not only in the regions bordering Ukraine (in the south), but also in the northeast and west of the Voronezh region.

Key words: living speech, dialect, phonetic features, lexical peculiarities, Russian-Ukrainian dialects.

Изучение народных говоров входит в задачу диалектологов не одно десятилетие. Не случайно российский учёный Л.Я. Костючук сделала акцент на том, что «необходимо знать и понимать неопределимую роль народной некодифицированной речи... Надо знать диалекты, народные говоры. Вот почему и сейчас просвещённое человечество преклоняет голову перед В.И. Далем, инженером, врачом, моряком, но человеком, прославившимся тем, что всю жизнь собирал русские народные слова и оставил после себя бесценный «Толковый словарь живого великорусского языка»» [1; URL]. Цитата известного лингвиста приобретает особую значимость в юбилейный год великого исследователя, отдавшего более 50 лет жизни шедевральному творению.

Актуальность данной работы обусловлена существующим интересом к современным процессам, происходящим в диалектах, и важностью продолжения изыскательской деятельности, начатой известными учёными.

Следует отметить, что сложившаяся в настоящее время в Российской Федерации ситуация свидетельствует о сокращении сельских социумов и в целом жителей страны. Обратившись к статистическим сведениям на 1 января 2026 года, находим: «численность населения России составляет 146 150 789 человек» [2; URL]. В частности, «в сельской местности, соответственно, живёт 24,86% россиян, или 36,32 млн человек. За последние 10 лет сельских жителей в России стало на 1,5 млн меньше, а городских – на 480 тысяч больше. Доля городского населения составляла тогда 74,27%» [3; URL]. В Воронежской области «численность населения составляет 2 324 205 человек» [4; URL]. По данным Воронежстата на 01.01.2025 года, «32 городские населенные пункты и 1697 сельские населенные пункты. Соотношение численности городского и сельского населения 68,5% на 31,5%» [5; URL].

В свете уменьшения количества жителей деревень для диалектологов важно успеть зафиксировать и описать те особенности говоров старожилов и долгожителей Воронежской области, которые отличают их от других.

Объектом статьи выступает живая речь селян. Предметом работы являются отличительные характеристики говорящих на диалекте. Цель исследования состоит в установлении наиболее выделяющихся черт речи деревенских жителей – носителей русско-украинских говоров Воронежского края.

Изучение диалектных особенностей осуществляется на лингвистическом материале с применением следующих методов: стационарного наблюдения, описания и анализа.

Стоит обратить внимание на то, что «диалект является уникальным культурным и гносеологическим феноменом, представляющим собой одновременно и памятник культуры, и живую основу национально-языкового развития» [6; с. 36], и каждое погружение в мир народного слова открывает его новые грани.

Укажем, что в настоящее время активной изыскательской деятельностью по изучению разговорной речи сельских жителей Воронежской области занимаются немногие исследователи, среди которых: М.В. Панова [7], Т.В. Карасёва [8], Е.П. Куйдина [9], С.С. Токарева [10], Д.Н. Гальцова [11], Д.А. Коваль [12], автор настоящей работы [13] и др.

Изучение русско-украинских говоров на территории нашего края во 2-й половине прошлого века осуществлялось Т.Е. Ворониной [14], Г.Т. Солонской [15], Е.Ф. Акаткиной [16]. В XXI столетии эти диалекты нашли отображение в трудах М.Т. Авдеевой [17], М.Я. Запрягаевой [18], Л.Н. Верховых [19], Л.В. Недоступовой [20] и др.

Большую работу по анализу и систематизации материала, имеющегося в картотеке Лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Собинниковой, провела М.Т. Авдеева – автор двухтомного «Словаря украинских говоров Воронежской области». Исследователь обратила внимание на то, что украинские говоры, отмеченные в районах юга области, «... всё ещё сохраняют выразительный украинский языковой тип... В то же время испытывают влияние русского литературного языка, что понуждает активизировать работу по сбору материала» [17; с. 3].

Об этом лингвистическом факте пишет А.Д. Черенкова: «Русские говоры населённых пунктов, находящихся вдали от русско-украинского пограничья, почти не испытывают влияния украинского языка. И наоборот, украинские говоры во всей своей массе подвержены влиянию русского языка» [21; с. 162]. Происходившие длительные процессы позволяют «говорить о переходных русско-украинских говорах на территории Воронежской области» [21; с. 164]. Мы разделяем представленные точки зрения коллег.

Примечательно то, что «сейчас нередко можно встретить сельских жителей, которые владеют и диалектом и литературным языком и пользуются то тем, то другим в зависимости от условий коммуникации и от ситуации» [21; с. 188]. Однако наблюдения показывают: люди старшей возрастной группы в местной коммуникации практически всегда используют диалект.

Важно указать, что при изучении живой народной речи мы выявили особенности русско-украинских говоров в некоторых хуторах и сёлах Воронежского края, расположенных территориально близко и далеко друг от друга. Они стали объектом исследований, начиная с 2015 года.

Наиболее яркие диалектные черты нами зарегистрированы в речи жителей старшей возрастной группы в Бутурлиновском районе (хутор Тюниково, село Кучеряевка), в Лискинском районе (село Щучье), в Острогжском районе (хутор Растыкайловка), в Грибановском районе (село Кутки), в Петропавловском районе (село Прогорелое, село Старая Меловая), в Кантемировском районе (село Колещатовка), в Калачеевском районе (село Четвериково), в Подгоренском районе (хутор Саприно), в Россошанском районе (слобода Россошь), в Лискинском районе (село Коломынцево) и др.

Располагая лингвистическим материалом, собранным в полевых условиях, транслируем некоторые сведения, отражающие особенности речи, быт и культуру в деревенской среде.

Репрезентируем отдельные фонетические и лексические черты.

1. Отмечена фонема [и] после мягких согласных на месте этимологического «ять» (ѣ): [вѣдра, вѣки, вѣнык, вѣтир, бѣдно, дви, дѣты, дѣло, калѣика, копѣик, копѣичка, лѣтом, пѣчка, пѣсня, сѣны, сѣно, сосѣд, хлиб, чиловѣк, жилизно, йѣхать, нидѣля, побѣгла, пообѣдала, поѣйл, розвѣся, рѣпа, снѣгом, сосѣдка, тарѣлка, умѣишь, у силѣ, умѣсти, успѣлы, утѣкла] и др. Названное явление характерно для украинского языка и некоторых его говоров, где дифтонгический «ять» перешел в «і» [22; с. 113].

2. Функционирует фонема [и] на месте [о]: [штани́в, стил, кишка, питхóдэ] – штанов, стол, кошка, подходит и др.

3. Зарегистрировано оканье: [добрó, добáвють, восимнáцатом, носýл, но́лично, нормáльно, посыпáл, полóжено, общезжѣтие, обрýд, об́язаность, оддовáл, однá, октáбрь, огорóд, óколо, онý, основнóе, оп́ять, осóбэнно, отвичáть, отвэрну́л, отработáл, отключóу, открýв, отз́ц, отучѣвся, оэродрóм, посилѣние, повэзлý, постóяв, постѣль, потóм, подспóрье, покá, покупáл, постáрше, полицáя, подáвно, полóлы, полнóстью, полóжено, половýина, помыдóр, полý, понýтия, попáло, послáлэ, постáвыл, порос́и, пострóил, поступýла, попъѣшь,

посуда, пообщаешься, посыдышь, посыпала, просто, порядок, потом, продовалося, проучилась, производственна, проходила, пультом, родылась, по росказам, распорядыл, родытэлы, розула, роздвал, собырал, с собой, сорок, совет, сочиняя, следом, слона, сложно, спыцално, спросилы, становыл, столовая, стоял, строитэльство, торжэствэнна, тайно, хлопоты, хозяйство, ходыл] и др.

4. Наблюдается утрата гласного в начале слова: [фицальна, лёктрык, кардэон, фицэр] – официально, электрик, аккордеон, офицер и др.

5. Присутствует переход [э] в [о]: [дэдушок] – дедушек, [бабушок] – бабушек, [його] – его, [ужо] – уже, [замужом] – замужем, [нашой] – нашей, [ничого] – ничего, [учора] – вчера и др. Данное свойство исследуемых говоров присуще и некоторым южнорусским диалектам.

6. И, наоборот, имеет место отсутствие перехода [э] в [о]: [ждэш] – ждёшь, [живэ] – живёт, [ийэй] – её, [ишиэй] – ещё, [сэла] – сёла, [сошьём] – сошьём, [попыйём] – попьём, [усэ] – всё, [остайётца] – остаётся, [упэрэд] – вперёд и др. Это качество украинского языка, его диалектной системы и ряда русских говоров, включая воронежские.

7. Установлено отсутствие перехода [о] в [а]: [заплотылы] – заплатили, [посодылы] – посадили, [зворылы] – сварили и др.

8. Характерно яканье: [выглядая, зэмянной, распорядыв, мяшая, слядыв, тягають, тякають, яму, яйцо] и др. Как известно, названное фонетическое явление считается свойством украинских и южнорусских говоров.

9. Замечено аканье: [квартира, красучик, вары, дажно, забрав, забудеть, закрутив, закрыл, замучелась, скажут, калика, кладэшь, машинка, капуста, прабабушка, работа, сказала, танцевалы], являющееся показателем южнорусских диалектов и литературного языка. Однако в речи респондентов оно не частотно.

10. Зафиксирована ассимиляция гласных: [жанылы, жализна, часной, чарнылыца, часношный], также наблюдаемая в русских говорах юга страны.

11. Используется г фрикативного образования [γ]: [бытоγо-нэбытоγо, γожуся, γородом, γлодówka, коγо, ноγы, нэγожя, нэγымы, побйγала, подγотбука, подруγа, поγналася, поγоворка, помоγы, помоγал, пγтоγо, трыцáтоγо, тоγо, руγылэ, разоγревáв, руγáйтэ, γлэчик, γарбуз, всэγудá, ёγо, γолову, γотóвылы, тγáють, моγлы, поγлэдышь, пóγγрыба, помоγáеть, сапоγы, снэγамы, торγуеть, тγáв] и др. Данная черта характерна и для говоров украинского языка, и для южнорусских говоров.

12. Звук [в] зарегистрирован в 2-х свойствах: как неслоговой [у]: [зáутраиный, позаучёраиный, красáучэк, ополóунык, устáл, уключíл, унóчэк, унóк, усю, учёра] и как губно-губной [в]: [ходыв, такív, вже, вывчуся] и др.

13. Установлены [хв] и [х] на месте [ф], [в]: [инхвáрк, хворсúnка, хвэрма, шóхвэр, шихванэр, шíхвэр, хвундámэнт, хронт, ахтóбус] – инфаркт, форсунка, ферма, шофёр, шифоньер, шифер, фундамент, фронт, автобус и др.

14. Шоканье: [шоб, шо] – чтоб, что.

15. Произношение, отличающееся от литературного языка: [нóгтымы] – ногтями, [погнáлася] – погналась, [посыдышь] – посидышь, [родылась] – родилась, [зворылы] – сварили, [ёго] – его, [нэ прíдэ] – не придёт, [снэгамы] – снегами, [прыйдэть] – придёт, [уйдэ] – уйдёт, [позаучёраиный] – позавчерашний, [шóхвэр] – шофёр и др.

Далее обратим внимание на диалектные особенности лексического уровня. Продемонстрируем это посредством речевых произведений.

Так, например, представителей кровного родства по прямой линии – родителей, отца и мать, в указанных сельских социумах именуют *родытэлы, бáтько, мáтэ, мáтэрь*. Это находит репрезентацию в следующем: *Родытэлы умáливалы наз слúхать. Поéдуть тодú родытэлы на базáрь. У наз булó у бáтько с мáтэ мálэнэчка хáтка. Тодú бáтько забрáлы у наз трыцáтого июня. На хронт забрáлы. У мáтэ булó наз сэмеро, мáтэ фсих паднымáла, кахáлэ, убырáлэ. Мáтэ шíла, ткáлэ, вышивáлэ. И голóдны булы годá. Нэ булó у наз нычэв. Тодú мáтэ*

хвати́в инсу́лт. Ма́тэры спы́ну больну́ разотрэ́. Ма́тэрь ны пай́ки нэ полóла. А тудá ж посэлы́лы и ма́тэрю и фсих йих. Находим толкование лексемы *батько*: «это устаревшее или диалектное русское слово, которое означает отец. В современном украинском языке "батько" также используется для обозначения отца» [23; URL]. Лексема *ма́тэрь* не отображена (речь идёт о фонематическом диалектизме), однако представлено слово *ма́терь* – «высок. устар. То же, что *мать* (в 1 знач.)» [24; URL].

Старших, дедушек и бабушек, селяне называют *старэйсы*, *дид* и *ба́ба*. Первые две лексемы, как видим, отличаются от общеупотребительных слов фонетическим оформлением: *Старэйсы булы́ дид и ба́ба. Дид же божэ́ствен быв. Дид у наз трóшки хворáв. Дид ййздыл тоди́ по Дóну. Бэ́з весты дид пропáв. Ба́ба у наз у́мна. На ба́быном двори́ остáлыся солóмою кры́ты сара́и.* Родных людей зовут *рэдны*: *У наз богáто рэдны лю́ды. У дй́да булы́ рэдны браткй́.*

Представителей молодого поколения: мальчика, парня, юношу, девочку, девушку именуют: *хло́пец*, *па́рубок*, *дивчы́на*. Приведём в качестве доказательства отрывки народной речи: *Хло́пец бо́льшуце, здоро́вуще. Цэ́ наш па́рубок – красавэ́ц! У инстыту́тэ па́рубок учй́вся. Хло́пчик по до́му мэ́нэ помога́е. Ма́лэнька дивчы́на умэ́рла, болэ́ла, булы́ болэ́зны. Дивчы́на та́мэчко робы́в. Цэ́ па́рубок з дивчы́ной пожены́лся.*

Приведём значение лексем из словарей: *хло́пец* – «разг. Подросток, мальчик. Молодой человек, парень» [24; URL]. Далее, *па́рубок* – «на Украине: юноша, парень» [25; URL], что подтверждает отнесённость слова к лексическим диалектизмам.

Касательно лексемы *дивчы́на*, данные словарей отличаются и приводят её с разными пометами. В частности, *дивчы́на* – «прост. То же, что девушка» [24; URL] и «*дивчы́на* – разг. Дёвушка (обычно в речи украинца или об украинке)» [26; URL].

Составляющие сельского быта отображаются посредством разных лексических единиц. Так, например, носители исследуемых говоров жилище именуют хатой: *Хаты́ у наз добрóтны, здоро́вы. Тоди́ булы́ ма́хоньки, хо́лодни.* Заметим, что данное слово распространено и в южно-русских диалектах.

Укажем, что в качестве покрытия для дворовых деревенских построек использовали не только солому, но и камыш, обозначаемый в говорах *очэрэд*: *Хаты́ под солóмою, сара́и под очэрэ́дом булы́, камы́ш назывáлы та́кэчко.* Лестницу номинируют *дробы́ной*: *Стояла тоди́ у сй́нях дробы́на. На чирда́к ла́зылы на ей. Дробы́на дэрэ́вянна.* Створки для окон жилища обозначают *викóнэца*: *Викна́ у наз всэ́гда булы́ тоди́ закры́ты викóнэцамы.* Место для лежания, отдыха в деревенском доме считают *лэ́жанкой*: *Ба́ба тоди́ кла́лэ солóму под лэ́жанку. На пичь туды́ зала́зышь и лэ́жй́шь.* Керамический горшок в форме сосуда, кувшин именуют *глэ́чиком*: *Молоко́ та смэ́тану храны́лы у глэ́чиках. Ма́тэ ло́жкой возмэ́ з глэ́чика смэ́тану и помáжэ пыро́гы.* Названные выше слова *очэрэд*, *дробы́на*, *викóнцы*, *глэ́чик* считаем лексическими диалектизмами, *лэ́жанка* – фонематическим диалектизмом.

Теперь о пищевых продуктах, выращенных на собственных участках. Они обозначаются разными лексемами, в частности, арбуз называется *гарбу́з* и *кову́н*: *У наз песча́на пóчва, гарбузы́ здоро́вы расту́ть. Тоди́ сольы́ гарбузы́ у бо́чкы. Иши́э гото́вылы мочёни кову́ны. Мэ́нэ на сва́дьбы вы́купылы за гарбу́з.* Между тем, красную свёклу именуют *буря́к*: *Тоди́ буря́кй и до́ма сажáлы, и полóлы у по́лы. Буря́кйв у наз богáто було́.* Полагаем, что *гарбу́з* и *кову́н* – лексические диалектизмы.

Заслуживает репрезентации слово, употребляемое для названия настоя золы, используемого для мытья головы и стирки белья – *щёлок*: *Го́лву щё́локом мы́лы. Бра́лы зо́лу з пэ́чи, насыпа́лы у сы́то, та́мэчко пролы́ва́лы водо́ю. И вин получа́вси мы́льный раство́р – щё́лок. Ице́ щё́локом стыра́лы ба́бы, тоди́ бельё́ чй́сто бу́дэ.* Обратившись к толковому словарю, определим значение лексемы *щёлок*: «раствор, содержащий какую-л. щелочь, преимущественно едкую (употребляется при стирке белья, мытье полов и т. п.)» [24; URL]. Однако

использование при мытье головы не представлено. Полагаем, что лексему можно отнести к семантическим диалектизмам.

Известно, что в сельскохозяйственном животноводстве для кормления скота используют остатки от производства растительного масла. Речь идёт о спрессованном в прямоугольные плитки жмыхе, обозначаемом лексемой *маку́ха*: *Уназ жэ хвэрма туточкэ: корóви да поросі. Трáвки даю́ть, шишэ добавля́ють маку́ху с патсо́лнуха и с со́е. Усэ такі полэ́зни*. В Малом академическом словаре лексема приведена с пометой *областное* в значении «жмыхи» [24; URL].

Отдельно следует сказать о финансах в речи селян. Деньги, как оказалось, носители диалекта именуют грошами: *И грóши тяга́ють по врачáм, а шо то́лку. Оны́ нэ могу́ть ба́чить шо больіть и за грóши. А она́ конча́лося. И грóши идэ набра́ть? Усэ дорогові́зня ста́лэ*. Поясним, что лексема *грóши* в значении «деньги» в Большом толковом словаре русского языка словаре отобразается с пометой *разговорное* [25; URL].

В качестве трансляции других особенностей речи диалектоносителей приведём несколько слов, относящихся к божественности и обрядовой лексике. Так, например, невидимое присутствие высших сил и обращение к ним респонденты выражают с помощью лексических единиц: *Гóсподэ, Гóсподы, Бóжа, Бóже, Бóжья ма́тэрь*. Конкретизируем: *Гóсподэ наз нэ оставля́е, вин помога́е. Бóже, така́ жы́знэ прышла́: я ста́лэ нэ слухмя́нэ, нэрвы шаля́ нэмно́жко. Гóсподы, за шо же людáм такі испытáнье: скі́ко хло́пцев гы́бнэ? Бóжа, мая́ сы́ла, помогы́ и просты́!* Как видно, лексемы отличаются от общеупотребительных слов фонетическим оформлением и демонстрируют определённую богобоязненность, стремление жить, не нарушая запреты, ответственность за собственные дела. И это, скорее всего, целая философия жизни старшего поколения, запечатлённая в языке.

Любопытна лексема, именуемая мужчиной, который читает молитвы по умершим людям, – *чита́ка*: *Умрэ́ чило́вік, лэ́жит у грóби. Прыхо́дэ муці́ціна – чита́ка. Вин по покóйных оды́н чита́в. Нарóт пры́йдэ и уйдэ, а чита́ка чита́е*. Подчеркнём, что в словаре лексическая единица *чита́ка* приведена в роли: «*шутл.* О том, кто любит читать, грамотей» [25; URL], что отличает её от представленного выше. Данный факт позволяет считать рассматриваемое слово семантическим диалектизмом по значению.

Итак, фактическая обработка материала свидетельствует о наличии диалектных черт в речи жителей обследованных населённых пунктов и позволяет считать говоры русско-украинскими по ряду характеристик. Отличительными признаками выступают:

- *[и] после мягких согласных на месте этимологического «ф»,
- * [и] на месте [о],
- * оканье,
- * утрата гласного в начале слова,
- * переход [э] в [о],
- * отсутствие перехода [э] в [о],
- * отсутствие перехода [о] в [а],
- * яканье,
- * аканье,
- * ассимиляция гласных,
- * *з* фрикативного образования,
- * [в] как неслоговой [у] и как губно-губной [в],
- * применение [хв] и [х] на месте [ф], [в],
- * шоканье,

* произношение, отличающееся от литературного языка и др.,

а также использование особой лексики, репрезентированной фонетическими, семантическими, лексическими диалектизмами, просторечными и разговорными словами.

Представленные качества говоров обусловлены происходившими процессами заселения Воронежской области в XVII-XVIII веках выходцами из Украины, в результате длительных контактов произошло смешение населения, взаимопроникновение и взаимопроницаемость определённых уровней народного языка.

В заключение отметим, что «жизнь диалектного слова во многом определяется состоянием и механизмами эволюции словарного состава диалектов... состояние лексико-семантической системы русских диалектов представляет собой динамическую устойчивость» [27; с. 436].

В воронежских русско-украинских говорах, как показали материалы исследования, в речи представителей старшей возрастной группы в третьем десятилетии XXI века наблюдается сохранность выделяющихся диалектных черт. И «рассыпаны» они по всей территории Воронежского края, а не только в приграничных к Украине районах: на северо-востоке, западе области и больше на юге.

Примечание: в статье используется русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Костючук Л.Я. О псковских говорах: Летопись. Глава 2-я // Псковская губерния, № 6 (26). Псков, 2001. URL: https://gubernia.media/number_26/7.php (дата обращения: 04.01.2026).
2. Население России, численность в 2026 и 2025. URL: https://bdex.ru/naselenie/russia/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.01.2026).
3. Численность городского и сельского населения России. URL: https://t-j.ru/gorod-i-selo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 04.01.2026).
4. Население Воронежской области. https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.01.2026).
5. Численность населения Воронежской области на 20 января 2025 года. URL: <https://36.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Численность%20населения%20Воронежской%20области%20на%201%20января%202025%20года> (дата обращения: 04.01.2026).
6. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 36-54.
7. Панова М.В. Наименования традиционных юбок в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2025 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 280-295.
8. Карасёва Т.В. Названия коровы в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2025 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 85-122.
9. Куйдина Е.П. Названия рыб в каширских говорах // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Выпуск IV / [науч. ред. А.Д. Черенкова]. Воронеж: ВГПУ, 2022. С. 72-81.
10. Токарева С.С. Лексическая наполненность третьего типа склонения в диалектах (по материалам говоров Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2023. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 394-408.

11. Гальцова Д.Н. Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 334-344.
12. Коваль Д.А. Языковая личность диалектоносителя (на материале идиолекта жителя села Старина Каширского района Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2024 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 218-225.
13. Недоступова Л.В. Своеобразие речевого портрета жительницы села Скупая Потудань // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2025. № 3 (58). С. 61-68.
14. Воронина Т.Е. Сельскохозяйственная лексика украинских говоров Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1970. 16 с.
15. Солонская Г.Т. Украинские говоры Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1967. 26 с.
16. Акаткина Е.Ф. Обозначение пространственных отношений предложно-падежными и падежными формами в северноукраинских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1974. 25 с.
17. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: [в 2 т.] Т. 1 (А – М) Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. 228 с.; Т. 2 (Н – Я). Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. 307 с.
18. Запрягаева М.Я. Лексика с сочетаниями типа *torit* в украинском языке и украинских говорах южнорусского наречия: (На материале говоров села Петровка Павловского района Воронежской области) / М.Я. Запрягаева // Материалы по русско-славянскому языкознанию: сб. науч. тр. Воронеж, 1985. С. 58-64.
19. Верховых Л.Н. Русско-украинское взаимодействие в антропонимии с. Красного Новохопёрского р-на Воронежской обл. / Л.Н. Верховых // Воронежское лингвоязыковедение. Выпуск 3. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 99-101.
20. Недоступова Л.В. Слободская действительность прошлого в русско-украинском говоре Воронежской области // *RUSISTIKA BEZ GRANICI*. Sofia, 2024. Volume VIII. Issue 3. S.7-15.
21. Черенкова А.Д. Русская диалектология. Воронеж: ВГПУ, 2014. 268 с.
22. Матвіяс, І.Г. Українська мова і її говори / І. Г. Матвіяс; АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 1990. 163 с.
23. Батько – это... Значение слова. URL: <https://sinonim.org/t/батько> (дата обращения: 04.01.2026).
24. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): [Фундаментальная электронная библиотека](#) (дата обращения: 04.01.2026).
25. Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?dicts\[0\]=42&mode=slovari&query=читака&simple=0](https://gramota.ru/poisk?dicts[0]=42&mode=slovari&query=читака&simple=0) (дата обращения: 04.01.2026).
26. Большой Российский энциклопедический словарь (БРЭС). URL: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm?ysclid=mkz8zmaasg180259227> (дата обращения: 04.01.2026).
27. Вендина Т.И. Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной коммуникации // Славянский мир в третьем тысячелетии. Москва: Институт славяноведения РАН, 2016. Т. 11. С. 425-440.

References

1. Kostyuchuk L.Ya. On Pskov Dialects: Chronicle. Chapter 2 // *Pskovskaya Gubernia*, No. 6 (26). Pskov, 2001. URL: https://gubernia.media/number_26/7.php (accessed: 04.01.2026).

2. Population of Russia, numbers in 2026 and 2025. URL: https://bdex.ru/naselenie/russia/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 04.01.2026).
3. Urban and rural population of Russia. URL: https://t-j.ru/gorod-i-selo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (accessed: 04.01.2026).
4. Population of the Voronezh Oblast. https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 04.01.2026).
5. Population of the Voronezh Oblast as of January 20, 2025. URL: <https://36.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Численность%20населения%20Воронежской%20области%20на%20января%202025%20года> (date of access: 04.01.2026).
6. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialectal discourse as a sphere of realization of national culture: constants and transformations // Bulletin of Tomsk state University. Philology. 2017. No. 50. pp. 36-54.
7. Panova M.V. Names of traditional skirts in Voronezh dialects // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2025 / ed. S.A. Myznikov. SPb.: IL RAS, 2025. Pp. 280-295.
8. Karaseva T.V. Names of cow in Voronezh dialects // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2025 / ed. S.A. Myznikov. SPb.: IL RAS, 2025. Pp. 85-122.
9. Kuidina E.P. Names of fish in Kashira dialects // Dialectological almanac: collection of materials and research. Issue IV / [scientific ed. A.D. Cherenkova]. Voronezh: VSPU, 2022. Pp. 72-81.
10. Tokareva S.S. Lexical Content of the Third Type of Declension in Dialects (Based on the Dialects of the Voronezh Region) // Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2023. St. Petersburg: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 394-408.
11. Gal'tsova D.N. Common Names of Outbuildings in Voronezh Dialects // Studies in Slavic Dialectology. Issue 25. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. Pp. 334-344.
12. Koval D.A. Linguistic Personality of a Dialect Speaker (Based on the Idiolect of a Resident of the Village of Starina, Kashira District, Voronezh Region) // Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2024 / Ed. S.A. Myznikov. SPb.: IL RAS, 2024. Pp. 218-225.
13. Nedostupova L.V. Peculiarities of the Speech Portrait of a Female Resident of the Village of Skupaya Potudan // Current Issues in Modern Philology and Journalism. Voronezh. 2025. No. 3 (58). Pp. 61-68.
14. Voronina T.E. Agricultural Lexicon of Ukrainian Dialects of the Voronezh Region: Abstract of a Cand. Sci. (Philological) Dissertation. Voronezh, 1970. 16 p.
15. Solonskaya G.T. Ukrainian Dialects of the Voronezh Region: Abstract of a Cand. Sci. (Philological) Dissertation. Kharkov, 1967. 26 p.
16. Akatkina E.F. Designation of spatial relations by prepositional-case and case forms in northern Ukrainian dialects: author's abstract. diss. ... cand. philological sciences. Voronezh, 1974. 25 p.
17. Avdeeva M.T. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: [in 2 volumes] V. 1 (A - M) Voronezh: IPC VSU, 2008. 228 p.; V. 2 (N - Ya). Voronezh: IPC VSU, 2012. 307 p.
18. Zapryagaeva M.Ya. Vocabulary with torit-type combinations in the Ukrainian language and Ukrainian dialects of the southern Russian dialect: (Based on the dialects of the village of Petrovka, Pavlovsky district, Voronezh region) / M.Ya. Zapryagaeva // Materials on Russian-Slavic linguistics: collection of works. scientific t. Voronezh, 1985, pp. 58-64.
19. Verkhovykh L.N. Russian-Ukrainian interaction in the anthroponymy of the village of Krasny, Novokhopersky District, Voronezh Region / L.N. Verkhovykh // Voronezh linguoregional studies. Issue 3. Voronezh: VSU, 2016. pp. 99-101.
20. Nedostupova L.V. Sloboda reality of the past in the Russian-Ukrainian dialect of the Voronezh Region // RUSISTIKA BEZ GRANICI. Sofia, 2024, Volume VIII. Issue 3. pp. 7-15.
21. Cherenkova A.D. Russian dialectology. Voronezh: VSPU, 2014. 268 p.

22. Matvijas, I.G. Ukrainian Language and Languages / I. G. Matvijas; AN URSSR, Institute of Language Studies. Kyiv: Naukova Dumka, 1990. 163 p.

23. Batko is... The meaning of the word. URL: <https://sinonim.org/t/batko> (date accessed: 04.01.2026).

24. Large explanatory dictionary of the Russian language. URL: [https://gramota.ru/poisk?dicts\[0\]=42&mode=slovari&query=читака&simple=0](https://gramota.ru/poisk?dicts[0]=42&mode=slovari&query=читака&simple=0) (date of access: 04.01.2026).

25. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. by A. P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. Moscow: Russian language; Polygraphresources, 1999; (electronic version): Fundamental Electronic Library (date accessed: 04.01.2026).

26. Great Russian Encyclopedic Dictionary (BRES). URL: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm?ysclid=mkz8zmaasg180259227> (date of access: 04.01.2026).

27. Vendina, T.I. Russian Dialects in Modern Ethnolinguistic and Ethnocultural Communication // The Slavic World in the Third Millennium. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016. Vol. 11, pp. 425-440.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.003

*Самарский государственный
социально-педагогический университет,
кафедра русского языка,
культуры речи и методики их преподавания,
канд. филол. наук, доцент
Долгова Е.Ю.
Россия, г. Самара, тел. +79277254025
e-mail: dolgova@pgsga.ru*

*Samara State University of Social Sciences
and Education, Department of the Russian
Language, Speech Culture and Methods of
Their Teaching,
PhD in Philology, Associate Professor
Dolgova E.Yu.
Russia, Samara, +79277254025
e-mail: dolgova@pgsga.ru*

Е.Ю. Долгова

БИНАРНЫЕ И ГРАДУАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ АХРОМАТИЧЕСКИХ КОЛОРАТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В данной статье рассматривается проблема бинарных и градуальных семантических оппозиций ахромативов *белый, серый, черный* в составе атрибутивно-субстантивных комплексов (АСК). Исследование выполнено в рамках комбинаторной семасиологии – раздела языкознания, изучающего и описывающего семантические механизмы взаимосвязи значения слова и его сочетаемости. Колоративная лексика в течение многих десятилетий является объектом изучения в лингвистической науке. Это обусловлено экстралингвистическими факторами. Практически все предметы окружающего мира, воспринимаемые органами зрения, обладают признаком цвета, названным в языке тем или иным колоративом. Однако не менее важны и системные связи самих цветообозначений в языке. Образование у колоративов новых парадигматических и синтагматических связей происходит традиционно на базе вторичных номинаций, появление которых обусловлено ассоциативным характером человеческого мышления и может иметь как языковую, так и речевую репрезентацию. Объектом нашего исследования стали основные ахроматические колоративы (ахромативы) *белый, серый, черный*, которые активно вступают в бинарные и градуальные семантические связи и последовательно расширяют свой семантический объём. Результаты исследования показали, что в семантических бинарных и градуальных оппозициях активно участвуют переносные значения ахромативов: «законный, легальный, официальный» – «незаконный, нелегальный, неофициальный»; «занимающийся законной деятельностью» – «занимающийся незаконной деятельностью»; «использующий достоверную информацию», «формирующий положительное общественное мнение о ком-, чем-л.» – «использующий недостоверную информацию», «формирующий негативное общественное мнение о ком-, чем-л.».

Ключевые слова: ахромативы, атрибутивно-субстантивные комплексы, бинарные и градуальные семантические оппозиции, комбинаторная семасиология.

E.Y. Dolgova

BINARY AND GRADUATED SEMANTIC OPPOSITIONS OF ACHROMATIC COLOUR TERMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE LATE XX CENTURY – EARLY XXI CENTURY

This article considers the problem of binary and graduated semantic oppositions of achromatic colours like white, gray, and black as the part of attributive-substantive complexes (ASCs). The research was carried out within the framework of combinatorial semasiology, a branch of linguistics that studies the semantic mechanisms of the relationship between the meaning of a word and its compatibility. The colour terms have been an object of linguistic science study for many decades. This is primarily due to extralinguistic factors. Almost all objects around, perceived by vision organs, have a color, which is called a colour term in the language. However, the systemic connections of the color meanings in the language are also very important. The formation of new paradigmatic and syntagmatic connections among colour terms traditionally is made on the basis of secondary nominations, the appearance of which is due to the associative nature of human thinking, and can be both linguistic and verbal in nature. The object of our research is the main achromatic colour

terms (achromatic colours) like white, gray, and black, which join binary and graduated semantic relationships very actively and consistently expand their semantic scope. The study results showed that figurative meanings of achromatic colours are actively involved in semantic binary and graduated oppositions: "legitimate, legal, official" – "illegal, illegal, unofficial"; "engaged in legitimate activities" – "engaged in illegal activities"; "using reliable information", "forming a positive public opinion about smb" – "using false information", "forming a negative public opinion about smb".

Key words: achromatic colours, attributive-substantive complexes, binary and graduated semantic oppositions, combinatorial semasiology.

Человек, стараясь упорядочить обладающую цветом действительность, выявляет микро- и макросистемы, бинарные, градуальные, многочленные оппозиции в окружающей среде, а затем выражает процессы категоризации и упорядочения мира в языке. Колоративная лексика представляют собой «устойчивое семиотическое пространство. Оно формируется исторически, расширяя свою семантику в соответствии с изменениями стереотипов восприятия и понимания окружающего мира» [1; с. 11]. Образование у колоративов новых парадигматических и синтагматических связей происходит традиционно на базе вторичных номинаций, появление которых обусловлено ассоциативным характером человеческого мышления и может иметь как языковую, так и речевую репрезентацию.

Вторичные номинации определенным образом концептуализируют фрагменты реальности в человеческом сознании. Актуализация отдельных качеств и свойств предмета часто осуществляется в процессе вступления как самих предметов, так и их номинаций в различного рода оппозиции. «Изучение семантических оппозиций представляется весьма эффективным способом выявления сущности языковых изменений под влиянием различных социальных процессов» [2; с. 2]. Вслед за И.В. Глазковой под термином *семантическая оппозиция* мы понимаем «коррелирующие в рамках семантического поля лексические единицы, противопоставленные на уровне денотативного, а также (или) эмотивного компонентов лексического значения (и, как следствие, на уровне собственно-языкового компонента значения (парадигматического, синтагматического и стилистического микрокомпонентов лексической семантики)» [2; с. 4]. Для обозначения семантически противопоставленных лексем в рамках бинарных и градуальных оппозиций используем термин *оппозиты* [3; с. 69].

В русском языке ахроматические колоративы (или ахромативы) *белый, серый, черный* являются полисемантами, каждая семема которых может стать катализатором переосмысления значения в речевом контексте. По замечанию М.В. Никитина, «нельзя предугадать все конкретные модификации актуального словозначения, то конкретное содержание, которое может с ним связаться в контекстах» [4; с. 32]. При этом семантическая деривация происходит традиционно в рамках переносных значений лексем. Как отмечает А.А. Брагина, «цветовые прилагательные, хотя и составляют одну семантическую группу, в своих абсолютных (цветовых) значениях обычно не смешиваются. Но в переносных осмыслениях, выходя за пределы строгой цветовой корреляции, обнаруживают возможности сближений, противопоставлений, взаимно обуславливают семантические вариации и переносные употребления <...>. Возникновение переносного значения не всегда обусловлено только прямой цветовой ассоциацией, оно зависит также и от тех системных отношений, в которых находится слово» [5; с. 89].

Предметом нашего внимания в рамках данного исследования стали бинарные и градуальные семантические оппозиции ахромативов в составе атрибутивно-субстантивных комплексов (далее – АСК), под которыми мы, вслед за Н.В. Юдиной, понимаем сочетания слов, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное» [6; с. 75].

Рассмотрим специфику бинарных семантических отношений ахроматических колоративов. Из всех прилагательных цвета только колоративы *черный* и *белый* являются языковыми антонимами. Конвенциональность этой антонимической оппозиции определяется тем, что практически любой носитель языка воспринимает и определяет её члены как противоположные. Как отмечает С.В. Кезина, семантика цветообозначений в диахронии эволюционировала в соответствии с законом расширения семантического объёма слова, при этом изначальной

«основой цветовой семантики стали семы ‘белый’ и ‘чёрный’, ‘светлый’ и ‘тёмный’, восходящие к ‘свет’ и ‘тьма’. Первичные световые семы выражали наличие света и его отсутствие [7; с. 35]. Названные **бинарные оппозитивные отношения** имели и имеют «статус универсальных, поскольку дихотомичность является базовым свойством природных процессов и культуры, человеческого языка и мышления» [8; с. 7]. Это фундаментальное противопоставление сохраняется в рамках коррелирующих друг с другом антонимичных значений лексем *белый* и *черный*. Далее в таблице представлены семемы и семантические оттенки лексем изучаемых ахромативов, зафиксированные в «Большом академическом словаре русского языка» (далее – БАС) [9] и «Словаре русского языка» (далее – МАС) [10]. Последний привлекался к лексикографическому анализу языкового материала вследствие отсутствия опубликованного тома БАС на букву **Ч**).

Таблица 1
Антонимические бинарные оппозиции ахромативов *белый* и *черный*
в БАС и МАС (здесь и далее выделено нами – Е.Д.)

Белый (БАС)	Черный (МАС)
Имеющий цвет снега, молока, мела (противоп. черный): <i>белая бумага.</i>	Цвета сажи, угля (противоп. белый): <i>черная бумага.</i>
2. Светлокожий (как признак европеоидной расы): <i>белая раса.</i>	2. только полн. ф. Темнокожий (как признак расы): <i>черная раса.</i>
3. Ясный, светлый (о времени суток): <i>белые ночи</i>	2. Темный , полностью лишенный света: <i>черные ночи</i>
4. перен. Нравственно безупречный: <i>белая зависть</i>	13. перен. Злостный, низкий, коварный: <i>черная зависть</i>
◇ Часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и т. п. в отличие от черного (монашеского) духовенства (БАС, МАС): <i>белое духовенство</i>	◇ Часть православного духовенства, связанная монашеским обетом (строгого воздержания, безбрачия и т. п.), в отличие от белого духовенства: <i>черное духовенство</i>
◇ По средневековым суеверным представлениям: колдовство с помощью небесных сил (МАС). <i>белая магия</i>	◇ По средневековым суеверным представлениям: колдовство с помощью адских сил: <i>черная магия</i>

Бинарная семантическая оппозиция переносных значений, зафиксированных академическими толковыми словарями: *белый* «нравственно безупречный», *черный* «злостный, низкий, коварный» – представлена как аксиологическая, восходящая к оппозиции концептуального уровня *добро–зло*. Белый цвет символизирует светлые силы, силы добра; черный ассоциируется с темными силами, силами зла. Лексема *белый* обладает положительными коннотациями (к основным семам, согласно БАС, относятся признаки ‘чистый’, ‘светлый’, ‘ясный’, ‘открытый’, ‘нравственный’), лексема *черный* имеет только отрицательные коннотации (в разных семемах в МАС актуализируются признаки ‘грязный’, ‘темный’, ‘скрытый’, ‘отрицательный’, ‘плохой’, ‘мрачный’, ‘безрадостный’, ‘тяжелый’, ‘злостный’, ‘низкий’, ‘коварный’, ‘безнравственный’).

Каждая из указанных сем способна манифестировать в контексте новые, символические смыслы. Конкретный смысл актуализируется при сочетании ахромативов с существительными соответствующей семантики. Обычно имя прилагательное предсказывает возможный круг сочетающихся с ним имен существительных. По словам Л.В. Щербы, «без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» [11; с. 85].

Учитывая это, в рамках каждого значения прилагательных либо в конце словарной статьи авторы толковых словарей для иллюстрации значений приводят словосочетания «прилагательное + существительное», или атрибутивно-субстантивные комплексы, разной степени устойчивости.

Так, в МАС (4-е изд., стер., 1999) после характеристики всех значений лексемы *черный* приведены АСК, связанные с данным словом. Первыми в списке авторы указывают следующие: «*Черная биржа; черный рынок* – неофициальная, тайная биржа (рынок) в капиталистических странах» [10]. Данные АСК встречаем и в более ранних толковых словарях: в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1940 г.) – *черная биржа* «неофициальная, спекулянтская» [12]; в «Толковом словаре русского языка» (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1992 г.) *черная биржа* «неофициальная, спекулянтская биржа». *Черный рынок* «незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля») [13]. В данных АСК видим актуализацию сем, не указанных в словарях в составе семантической структуры лексемы *черный*, – ‘неофициальный’, ‘незаконный’.

Те же семы наблюдаем в значении ахроматива *черный* в составе АСК, приведенных в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.) и «Толковом словаре начала XXI века. Актуальная лексика» (2006 г.) под редакцией Г.Н. Скляревской, фиксирующих, по словам авторов, «динамические языковые процессы, которые традиционно остаются за рамками известных академических словарей» [14; с. 4]: «*ΔЧерная биржа. ΔЧерная валюта. ΔЧерные деньги. ΔЧерный нал. ΔЧерный рынок*» [15].

Семы ‘неофициальный’, ‘незаконный’ появляются в составе отдельного словарного значения лексемы *черный* только в начале 2000-ых годов в словарях, фиксирующих новую, чаще экспрессивную разговорную или жаргонную, лексику конца XX–начала XXI века.

Таблица 2
Значение ахроматива *черный* по данным словарей 2000-х годов

2004 год	Новое в русской лексике. Словарные материалы-92 [16].	Черный. 2. Не обеспеченный лицензией, незаконный . <i>Название, под которым фильм ходит в «черном» прокате.</i> – «Любовная горячка». КП 9.5.
2004 год	Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи [17].	Черный. Жарг. Крим. Незаконный , неучтенный, незафиксированный в соответствующих официальных документах. Добытый, приобретенный противозаконными «темными» путями или из «темных» источников. <i>Черный товар. Черный рынок. Черный бизнес</i> (≈ ЛЕВЫЙ и др.)
2006 год	Новое в русской лексике. Словарные материалы-94 [18].	Черный. 2. Относящийся к сфере теневой экономики; неофициальный, противозаконный . □В составе сочетаний слов: <i>Черный курс</i> . Неофициальный курс обмена валюты, существующий на черном рынке (в разг. речи). <i>Черный дилер</i> . Дилер, действующий противозаконными методами (в разг. проф. речи). – Оба сочет. От «черный рынок».
2014 год	Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т.3 [19].	Черный. 2. Разг. Не обеспеченный лицензией, незаконный, нелегальный .

Антонимичное значение «законный, легальный» у ахроматива *белый* в рамках бинарной оппозиции [*черный* ↔ *белый*] академические толковые словари и указанные выше словари экспрессивной и новой лексики не фиксируют. Данное значение со стилистической пометой «разговорное» указано и подтверждено соответствующими АСК и контекстами их употребления только в «Толковом словаре русского языка начала XXI века: актуальная лексика» (2006 год): «Белый. 2. Разг. **Официальный, легальный**, указываемый в документах,

осуществляемый в соответствии с существующими законами. *Белый оборот торговой компании; ... белая зарплата, ... белая торговля*» [15].

Опубликованный в 2019 году проект «Словаря русского языка XXI века», автором и главным редактором которого также является профессор Г.Н. Складневская, среди значений лексемы *белый* приводит аналогичное определение: «Белый. 10. Только полн. ф. *Разг. Перен.* Законный, легальный; указываемый в документах и облагаемый налогом». При этом в продолжение словарной статьи автор указывает на наличие антонимичного значения в рамках бинарной семантической оппозиции [*белый* ↔ *черный*]. Вот как это выглядит в словаре: «**противоп. черный** в (16 зн.). *Белый рынок. Белый оборот средств. < Белая зарплата. Белая наличность. Белая касса. Белые деньги. Δ Белый шпионаж (законные средства получения информации)*» [20].

Поскольку словарь еще не опубликован, соответствующее значение лексемы *черный* можно сформулировать, используя дифференциальный признак антонимии (наличие семы 'не', входящей в состав «негативного члена» оппозиции). Антоним будет включать в свое значение все содержание «позитивного члена»: «**незаконный, нелегальный; не указываемый в документах и не облагаемый налогом**». Кроме того, противоположными элементами бинарной оппозиции станут следующие АСК: *белый рынок – черный рынок; белый оборот средств – черный оборот средств; белая зарплата – черная зарплата; белая наличность – черная наличность; белая касса – черная касса; белые деньги – черные деньги; белый шпионаж – черный шпионаж*.

Ахромативы *белый* и *черный* в зафиксированных выше переносных значениях в рамках бинарной оппозиции располагают большим комбинаторно-синтагматическим потенциалом. Они легко сочетаются с существительными, относящимися к сфере экономической и социально-правовой деятельности человека. При этом существительные в составе АСК с указанными ахромативами могут состоять между собой в любых парадигматических отношениях: гиперо-гипонимических, меронимических, конверсивных, синонимических, антонимических и т.п. *белые/черные схемы, белый/черный нал, белые/черные деньги, белый/черный рынок, белая/черная валюта (криптовалюта, крипта), белый/черный риелтор* и т.п.

Изначально возникая в речи как экспрессивные жаргонные или разговорные номинации, они затем спорадически закрепляются в словарях, фиксирующих подобную лексику и фразеологию: *белые схемы* [21], [22]; *белые деньги* [19] – *черные деньги* [15]; *белый нал* [23] – *черный нал* [17], [23], [24]; *черный налик (наличка)* [15], [19] – *белый нал* [19]; *черная валюта* [15].

Рассмотрим словарные статьи к антонимичным атрибутивно-субстантивным комплексам *белая зарплата – черная зарплата*.

Таблица 3
Значение АСК *белая зарплата, черная зарплата*
по данным словарей 2000-х годов

	<i>белая зарплата</i>	<i>чёрная зарплата</i>
Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов [21]	Законно выплачиваемая работодателем и получаемая работником заработная плата, с которой уплачены все установленные налоги.	(<i>теневая зарплата, зарплата в конверте</i>) Незаконно выплачиваемая работодателем (получаемая работником) заработная плата, при выплате которой государству не были уплачены (полностью или частично) установленные налоги. Как правило, выплачивается «в конверте» « черным налом », либо начисляется на личный банковский счет с применением ссудно-депозитных и других «зарплатных» схем.
Новые слова и значения. Словарь-	Не фиксируется словарем.	2. Не обеспеченный лицензией, незаконный, нелегальный (<i>разг.</i>).

справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века [19]		□ <i>Черная зарплата.</i>
Словарь русских фразеологических неологизмов [25]	Разг. Официальная заработная плата, с которой отчисляются налоги.	Разг. Неофициальная , скрываемая заработная плата, с которой не отчисляются налоги.

АСК с ахромативами *черный* и *белый* в рамках указанной в таблице бинарной семантической оппозиции широко представлены в Национальном корпусе русского языка (38 примеров употребления). Ср.: *Можно получать белую зарплату и платить с нее налоги. Можно, наоборот, получать черную зарплату, не платить налоги государству и отдавать деньги непосредственно в руки коммерческому электрику* («Русский репортер», 2008).

Первичным и наиболее часто реализуемым в контексте, как показал лингвистический анализ, является отрицательное значение колоратива *черный* («незаконный, нелегальный, неофициальный»), а уже затем в сознании говорящего возникает логический антоним, который рано или поздно находит реализацию в речи: *черная / белая экономика, черный / белый рынок, черные / белые инвестиции, черная / белая бухгалтерия, черный / белый бизнес, черные / белые доходы, черные / белые схемы* и т.п.

Ахроматив *черный* в переносном значении «незаконный, нелегальный» вступает в синонимические отношения с прилагательным *грязный*, которое в «Толковом словаре начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н. Скляревской имеет переносное значение «нечестный, незаконный, мошеннический» [15]. Синонимичны и АСК *черные схемы / грязные схемы, черные деньги / грязные деньги, черные технологии / грязные технологии* и т.п. Ахроматив *белый* в антонимичном переносном значении «законный, легальный», в свою очередь, синонимичен прилагательному *чистый* «2. Разг. Законный, не мошеннический; полученный, заработанный честным образом; **противоп. грязный** (2 знач.)» [15]. Таким образом, наблюдаем синонимичность оппозиций [*черный* ↔ *белый*] и [*грязный* ↔ *чистый*], выражающих бинарные отношения значений «неофициальный, незаконный» – «официальный, законный». Ср.: *Либо черные деньги, либо стопроцентная приватизация одной структурой, либо попытка обойти Закон о выборах* («Московские новости», 2003); *Каждый зарубежный дорогой магазин трудно заподозрить в отмывании «грязных» денег* (Сергей Есин. Марбург, 2005); *Отпадет необходимость в «черных» платежах, можно будет легко и просто нести «белые» деньги в соответствующее рекламное агентство* («Отечественные записки», 2003); *...Ипотека любит «чистые» деньги — потенциальный заемщик должен иметь подтвержденные доходы ...* («Газета», 2003)

Бинарная оппозиция [*белый* ↔ *чёрный*] не является закрытой системой и может легко трансформироваться в градуальную, трехчленную: *белая / серая / черная зарплата, белые / серые / черные доходы, белый / серый / черный бизнес, белая / серая / черная бухгалтерия* и т.п. Это объясняется принадлежностью ахромативов *белый* и *черный* к градуальным антонимам по типу выражаемой ими противоположности (качественной, контрарной). Между черным и белым цветами на серой шкале находятся многочисленные оттенки серого (отсюда и название шкалы).

В.Г. Руделев и О.А. Руделева, изучающие системные представления названий цвета в русском языке, отмечают определенную дефектность бинарной оппозиции [*белый* ↔ *чёрный*] с нулевым «средним», элементом [26; с. 62]. Эта дефектность устраняется, если бинарная антонимическая оппозиция с «крайними» элементами *белый* и *чёрный* позволяет проявиться третьему, самому слабому в этой структуре, элементу *серый*: [*белый* → *серый* ← *чёрный*], серый – «не черный, и не белый». Все три участника градуальной (ступенчатой) оппозиции характеризуются различной степенью одного и того же признака, интенсивностью его проявления.

Поэтому в трехчленной градуальной оппозиции *белый* «законный, официальный, легальный» – *серый* – *черный* «незаконный, неофициальный, нелегальный» ахроматив *серый*, занимая среднее положение, должен был бы иметь, следуя логике, значение «не вполне законный и официальный, полуправильный». Актуализацию именно этих сем мы наблюдаем в следующих контекстах. Ср.: *Белые, серые и черные схемы заработка в интернете: белая схема – законные действия, серая схема – на грани законных и незаконных действий, черная схема – незаконные действия* (<https://telegra.ph/Shemy-zarabotka-v-internete-belye--serye--chernye-TOP-sposobov-zarabotat-06-27?ysclid=lyt9m5qb4u929577106>); *Белый бизнес живет полностью по законам страны. Серый делает видимость, что платит налоги. Черный бизнес не имеет ничего общего с этикой и моральными законами общества.* (<https://otvet.mail.ru/question/205258170>).

Однако словари фиксируют у ахроматива *серый* другое значение в рамках указанной оппозиции. В частности БАС (Т. 25, 2019 г.) приводит следующее определение: «СЕРЫЙ. 5. Незаконный, нелегальный (о бизнесе, торговле, товаре, доходах). *Серая компания. Серый рынок. Серые доходы. Серый телефон... «Серые» схемы... Серые прибыли* [9].

Подобное значение находим и в следующих словарях.

Таблица 4
Значение ахроматива *серый* по данным словарей 2000-х годов

2004 г.: Большой словарь русской разговорной речи [17].	СЕРЫЙ. <i>Жарг.</i> Нелегальный, незаконный , подпольный – о торговле, бизнесе и товарах массового спроса (обычно об электронике). • Очевидно, смягченный вариант к <i>черный</i> по цветовой аналогии и по негативной ассоциации с «серый».	<i>Серая торговля, «серый» рынок мобильных телефонов.</i>
2006 г.: Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика [15].	СЕРЫЙ. <i>Разг.</i> Осуществляемый в обход существующих законов , обычно через посредников, без уплаты надлежащих пошлин, налогов (о коммерческой, финансовой и т.п. деятельности), связанный с такой деятельностью.	«Серая» схема ..., «серый» и легальный секторы рынка..., серый импорт
2014 г.: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века [19].	СЕРЫЙ (<i>Публ., неодобр.</i>): 1. Ввезенный в страну неофициально , без таможенного оформления и не имеющий необходимых сертификатов (о различных товарах). 2. Занимающийся производством и сбытом такой продукции. – От <i>серый</i> в 1-м знач. 3. Связанный с различными способами уклонения от налогов.	«Серая» продукция □ Серая техника. Калька англ. <i>Gray</i> . <i>Серые поставщики, «серые» экспортеры, «серые» дилеры, «серые» продавцы</i> «серый» рынок □ Серая экономика. – Калька англ. <i>Gray</i> ; <i>gray economy</i> .

Как видим, в переносном значении лексемы *серый* среди основных сем словари указывают ‘незаконный’, ‘нелегальный’. Ранее данные семы мы наблюдали в переносном значении лексемы *черный*. Актуализация одних и тех же сем переводит оппозиции *черный* и *серый* в статус синонимических. Возникает избыточность в плане выражения, и один из оппозитивов в значении «незаконный, нелегальный» все чаще вытесняет другой. Более активно, по данным Национального корпуса русского языка, оказывается ахроматив *серый*: *серая экономика, серый бизнес, серый рынок, серая компания, серые предприниматели, серая зарплата, серые доходы, серая прибыль* и т.д. Эта категоризация находит отражение в речи в виде бинарной

неконвенциональной антонимической оппозиции *белый* «законный, легальный» – *серый* «незаконный, нелегальный». При этом данный признак в семантической структуре лексемы *серый* остается смягченным и менее интенсивным, чем в структуре лексемы *черный*.

Отличный от рассмотренного выше актуальный смысл выявляется в семантике ахромативов при их сочетаемости с существительным *пиар*. Ср.: *С развитием политтехнологий все, что человечество придумывает, чтобы сделать политику серьезной, оборачивается игрой или даже фарсом, включая процедуру выборов и подсчета голосов, предвыборные кампании, черный и белый пиар и т.п.* («Русский репортер», 2010); *Редакции всех видов СМИ пользуются впоследствии уже не «черным», а «серым» пиаром, когда информация якобы апробирована, проверена и доступна любым пользователям* (Газета «Завтра», 2000).

«Новые слова и значения: словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века» приводит следующие значения данных АСК [19].

□ *Белый, светлый, чистый пиар.*

□ *Серый пиар.*

□ *Черный, грязный пиар.*

Использование **достоверной информации** для формирования **положительного общественного мнения** о ком-, чем-л.

Использование информации (часто – из открытых анонимных источников), не содержащей прямых обвинений, фальсификаций и т. п., но способствующей формированию **негативного общественного мнения** о ком-, чем-л.; **скрытый черный пиар.**

Использование **информации (часто – недостоверной, намеренно сфабрикованной, компрометирующей и т. п.)** для формирования **негативного общественного мнения** о ком-, чем-л.

В трехчленной семантической оппозиции [*белый пиар* → *серый пиар* ← *черный пиар*] у крайних оппозитивов актуализированы антонимичные компоненты значения: «использующий **достоверную** информацию», «формирующий **положительное** общественное мнение о ком-, чем-л.» – «использующий **недостоверную** информацию», «формирующий **негативное** общественное мнение о ком-, чем-л.». Основными в составе этих элементов значения выступают антонимичные семы ‘достоверный’ – ‘недостоверный’, ‘положительный’ – ‘негативный’. Ахроматив *серый* в значении «скрытый черный пиар» выступает в рамках данной градуальной оппозиции в качестве гипонима по отношению к ахромативу *черный* (дифференциальная сема – ‘скрытый’).

Проект «Словаря русского языка XXI века» фиксирует следующее переносное значение ахроматива *белый* в целом и в составе АСК *белый пиар* в частности: «9. Только полн. ф. Перен. Не связанный с негативными намерениями; **противоп. черный**1 (15 зн.). Δ Белая зависть. Δ **Белый пиар, PR Публ. (формирование положительного общественного мнения о ком-, чем-л.; противоп. черный пиар)**. Δ Белый список (перечень предприятий, организаций и частных лиц, получивших хорошие отзывы клиентов [20]. «Новые слова и значения: словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века» указывает еще один АСК «□ *Розовый пиар*» [19], расширяя трехчленную оппозицию до многочленной (многочленные семантические оппозиции колоративов будут рассмотрены в рамках отдельного исследования). Этот же словарь фиксирует АСК *белый пиарщик* («тот, кто занимается белым пиаром») – *черный пиарщик* («тот, кто занимается черным пиаром; черный пиаровец (неодобр.)») [19], которые достаточно часто реализуются в речи. Ср.: «**Белые пиарщики должны быть честными и бедными, как старушки Зюганова** (ФАС, 1999); *Я сделал серию репортажей, обличающих **черного пиарщика*** («Волга», 2009).

Результаты исследования показали, что в семантических бинарных и градуальных оппозициях активно участвуют следующие переносные значения ахромативов: 1) *белый* «законный, легальный, официальный» – *черный* «незаконный, нелегальный, неофициальный» (в рамках конвенциональной бинарной семантической оппозиции в языке и речи); 2) *белый*

«законный, легальный, официальный» – *серый* «незаконный, нелегальный, неофициальный» (в рамках неконвенциональной бинарной оппозиции в языке и речи); 3) *белый* «законный, легальный, официальный» – *серый* «не вполне законный, полуполюгальный» – *черный* «незаконный, нелегальный, неофициальный» (в рамках трехчленной градуальной оппозиции в речи); 4) *белый* «занимающийся законной деятельностью» – *серый* «занимающийся незаконной деятельностью» / *черный* «занимающийся незаконной деятельностью» (в рамках трехчленной градуальной оппозиции в языке и речи); 5) *белый* «использующий достоверную информацию», «формирующий положительное общественное мнение о ком-, чем-л.» – *серый* «скрыто использующий недостоверную информацию», «скрыто формирующий негативное общественное мнение о ком-, чем-л.» – *черный* «использующий недостоверную информацию», «формирующий негативное общественное мнение о ком-, чем-л.» (в рамках трехчленной градуальной оппозиции в языке и речи) и др. Дальнейшее изучение системных семантических отношений колоративов будет связано с многочисленными оппозициями колоративов в составе атрибутивно-субстантивных комплексов.

Библиографический список

1. Выродова А.С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. Белгород: Изд-во БГУ, 2008. 22 с.
2. Глазкова И.В. Семантические оппозиции в публицистике на рубеже XX-XXI веков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва: Моск. гос. обл. ун-т, 2004. 28 с.
3. Гудкова К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 9. Вып. 3. С. 68–71.
4. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и англ. лексикологии. Владимир: Владимир. пед. ин-т, 1974. 222 с.
5. Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1972. С. 73–105.
6. Юдина Н.В. О некоторых новых явлениях в сочетаемости лексем современного русского языка (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 16. С. 75–84.
7. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке: Диахронический аспект: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Пенза, 2005. 51 с.
8. Лапатинский П.В. Бинарная оппозиция как объект лингвистического исследования: теоретический аспект. Минск: БГПУ, 2020. С. 51–54.
9. Большой академический словарь русского языка: [более 150 000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI вв.) периодов]. Т. 1 / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004. 664 с. С. 530–536.
10. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Изд. 3-е, стер. Москва: Русский язык, 1988. 795 с. С. 597.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
12. Толковый словарь русского языка: т. 1-4. Т. 4 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. ин-т "Советская энциклопедия", 1940. 1552 с. С. 1261.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва: Азъ, 1992. 907 с.
14. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. 700 с.

15. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика: около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / под ред. Г. Н. Скляревской. Москва: Эксмо, 2006. 1131 с.
16. Новое в русской лексике. Словарные материалы-92 / Отв. редактор Е.А. Левашов. Ин-т лингв. исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 447 с.
17. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
18. Новое в русской лексике. Словарные материалы-94 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко. Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 398 с.
19. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 816 с.
20. Ваулина Е.Ю., Скляревская Г.Н., Ткачева И.О. и др. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2019. № 1. 311 с. С. 274.
21. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов [и др.]. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 256 с.
22. Словарь внешнеэкономических и таможенных терминов / под ред. д-ра экон. наук, профессора В.Б. Мантусова. Москва: РИО Российской таможенной академии, 2018. 822 с.
23. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. 693 с.
24. Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / Под ред. д-ра филол.наук, проф. Б.И. Осипова. М., 2003. 566 с.
25. Словарь русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000-2020 гг. XXI в.). Составители: Е.В. Генералова, В.М. Мокиенко. При участии О.В. Раиной, Н.А. Росовой. (фрагмент). Санкт-Петербург, 2022. 290 с.
26. Руделёв В.Г., Руделёва О.А. Системные представления названий цвета в русском языке. От «чёрного» и «белого» до «зелёного» и «красного» // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2012. № 2 (2). С. 62–68.

References

1. Vyrodova A.S. The linguistic and cultural space of coloratives in the Russian poetic discourse of the first half of the 20th century: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology: 02/10/2011. Belgorod: Publishing House of BSU, 2008. 22 p.
2. Glazkova I.V. Semantic oppositions in journalism at the turn of the XX-XXI centuries: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Philological Sciences: 10.02.0. Moscow: Moscow State Regional University, 2004. 28 p.
3. Gudkova K.V. On the issue of antonymic and binary oppositions // *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2012. Ser. 9. Issue 3. Pp. 68–71.
4. Nikitin M.V. Lexical meaning in a word and a phrase: A special course in general and English. Lexicology. Vladimir: [Vladimir. pedagogical Institute], 1974. 222 p.
5. Bragina A.A. "Color" definitions and the formation of new meanings of words and phrases // *Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 73–105.
6. Yudina N.V. On some new phenomena in the compatibility of lexemes of the modern Russian language (based on the material of attributive-substantive complexes) // *Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen*. 2006. № 16. Pp. 75–84.
7. Kezina S.V. Semantic field of color meanings in the Russian language: A diachronic aspect: abstract of the dissertation... Doctor of Philology: 02/10/2011 / Penza, 2005. 51 p.
8. Lapatinsky P.V. Binary opposition as an object of linguistic research: a theoretical aspect. Russian Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Minsk: BSPU, 2020. Pp. 51–54.

9. Large Academic Dictionary of the Russian language: [more than 150,000 words of the Russian language of its classical (XIX century) and new (XX–XXI centuries) periods]/ Moscow; St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. Pp. 530–536.
10. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Language, 3rd Edition, ster. Moscow: Russian Language, 1988. 597 p.
11. Shcherba L.V. Language system and speech activity. 2nd ed., stereotype. Moscow: Unitorial URSS, 2004. 432 p.
12. Explanatory Dictionary of the Russian language: vol. 1-4 / edited by prof. D. N. Ushakov. Moscow: State Institute of the Soviet Encyclopedia, 1940. P.1261.
13. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Y. Shvedova. Moscow: Az, 1992. 907 p.
14. Explanatory dictionary of the Russian language of the end of the XX century. Linguistic changes / edited by G.N. Sklyarevskaya. St. Petersburg: Folio Press Publishing House, 1998. 700 p.
15. Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century: current vocabulary: about 8,500 words and stable phrases / edited by G. N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo, 2006. 1131 p.
16. New in Russian vocabulary. Dictionary materials-92 / Editor -in-chief E.A. Levashov. Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. 447 p.
17. Khimik V.V. A large dictionary of Russian colloquial speech. St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 762 p.
18. New in Russian vocabulary. Dictionary materials-94 / Edited by Yu.F. Denisenko. Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006. 398 p.
19. New words and meanings: a dictionary of the press and literature of the 90s of the XX century: in 3 volumes / edited by T. N. Butseva (ed.) and E.A. Levashov; In-Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Vol. 3. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014. 816 p.
20. Vaulina E.Yu., Sklyarevskaya G.N., Tkacheva I.O. et al. The project of the Dictionary of the Russian language of the XXI century. Dictionary samples // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. № 1. 274 p.
21. Dictionary of Modern jargon of Russian politicians and Journalists / A.V. Mochenov [et al.]. Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 256 p.
22. Dictionary of Foreign Economic and Customs terms / ed. by Doctor of Economics, Professor V.B. Mantusova. Moscow: RIO of the Russian Customs Academy, 2018. 822 p.
23. Russian Russian Argot Dictionary: Materials from 1980-1990: About 9,000 words, 3,000 idiomatic expressions. Moscow: Russkie slovari, 2000. 693 p.
24. Dictionary of the modern Russian city: approx. 11,000 words, approx. 1,000 idiomatic expressions / Edited by Dr. Philol.B.I. Osipova, M., 2003. 566 p.
25. Dictionary of Russian phraseological neologisms (late 80s of the XX century. – 2000-2020 of the XXI century.). Compiled by: E.V. Generalova, V.M. Mokienko. With the participation of O.V. Raina, N.A. Rosova. Saint Petersburg, 2022. 290 p.
26. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. System representations of color names in Russian. From "black" and "white" to "green" and "red" // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2012. № 2 (2). Pp. 62–68.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.004

*Самарский государственный социально-педагогический университет
аспирант кафедры русского языка,
культуры речи и методики их преподавания*

Степанова П.С.

Россия, г. Самара, +7(846)208-44-00

e-mail: po18li4na@mail.ru

Samara State Social and Pedagogical University

*Postgraduate student of the Department
of Russian Language, Culture of Speech and
Methods of Teaching*

Stepanova P.S.

Russia, Samara, +7(846)208-44-00

e-mail: po18li4na@mail.ru

П.С. Степанова

СОЗДАНИЕ И АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ОЛЬФАКТОРНОЙ ТЕМАТИКИ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОРЕДАКТОРА

В статье проанализированы тексты ольфакторной тематики, созданные нейросетью браузера Яндекс. Рассмотрена теоретическая база об особенностях составления текстов нейросетями: способы применения нейросетей на практике; характеристика текстов, созданных нейросетями (многократные верификации полученного результата, отсутствие ярких языковых выразительных средств, недостоверные данные, основанные на стереотипах, псевдотеориях, слухах). По итогам ассоциативного эксперимента выявлено: реакции на стимулы тематической группы «Абстракция» менее частотны, так как участники эксперимента затруднялись дать реакцию на стимул, который в денотате не соотносится ни с каким запахом; пространство и вещество в представлениях носителей русского языка имеют расплывчатую материальную оболочку. Выявлены наиболее частотные абстрактные существительные в интернет-дискурсе российского парфюмерного продукта («Аромат», «Нота», «Время», «Звучание», «Композиция», «Запах», «Аккорд», «Год», «День», «Отенок», «Свежесть», «Мир», «Стойкость», «Любовь», «Красота», «Лето», «Образ», «Жизнь», «Семейство», «Нотка», «Настроение») из 503 рекламных текстов, таких производителей как «Новая заря», «Ладаника», «Брокер», «Ирина Ваганова», «ЛабФрагранс», «NoInose», «EsoParfum» и др. К лексемам, выраженными абстрактными существительными добавлялись три разных по оценочности признака (воняет, благоухает, пахнет), например, «Я пах как аромат», «Я благоухал как аромат», «Я вонял как аромат». Исследование предполагало анализ полученных нейросетью текстов. Результаты показали стереотипность составления текстов нейросетью: текст условно можно разделить на две части: образы предыдущего года и пожелание в новом году; применение восклицательных предложений; конструкции «Не только, но и...», «Не просто, а...» и подобные; грамматические ошибки в построении предложений; лексические ошибки, алогичность.

Ключевые слова: ольфакторный модус перцепции, нейроредактор, текст, абстрактное существительное, парфюмерный продукт

P.S. Stepanova

CREATION AND ANALYSIS OF OLFACTOR TEXTS USING A NEURO-EDITOR

The article analyzes olfactory texts created by the Yandex browser neural network. The theoretical base on the features of compiling texts by neural networks is considered: methods of using neural networks in practice; characteristics of texts created by neural networks (multiple verifications of the result obtained, lack of bright language expressive means, inaccurate data based on stereotypes, pseudo-theories, rumors). According to the results of the associative experiment, it was revealed: reactions to stimuli of the Abstraction thematic group are less frequent, since the participants in the experiment found it difficult to give a reaction to a stimulus that does not correspond to any smell in the denotate; space and substance in the representations of native speakers of the Russian language have a vague material shell. The most frequent abstract nouns were identified in the Internet discourse of the Russian perfume product ("Aroma," "Note," "Time," "Sound," "Composition," "Smell," "Accord," "Year," "Day," "Shade," "Freshness," "Peace," "Persistence," "Love,"

"Beauty," "Summer," "Image," "Life," "Family," "Note," "Mood") from 503 advertising texts, such manufacturers as "New Dawn," "Ladanika," "Brokar," "Irina Vaganova," "LabFragrance," "Holynose," "EcoParfum" and others. To lexemes, expressed abstract nouns, three signs were added (smells, fragrances, smells), for example, "I smelled like a fragrance," "I smelled like a fragrance," "I stank like a fragrance." The study involved the analysis of texts obtained by the neural network. The results showed the stereotypical composition of texts by neurism: the text can be conditionally divided into two parts: images of the previous year and a wish in the new year; application of exclamation clauses; constructions "Not only, but also...", "Not just, but..." and the like; grammatical errors in sentence construction; lexical errors, illogicality.

Keywords: olfactory mode of perception, neuroeditor, text, abstract noun, perfume product

В современном мире становится актуальным вопрос создания текстов с помощью нейросетей. А. Е. Смирнов в статье «Способы применения нейросетей и перспективы» перечисляет способы применения нейросетей на практике [1]: распознавание изображений; распознавание речи, её воспроизведение, осуществление перевода; создание музыки, трейлеров фильмов; создание текстов для сайтов, информационных агентств и научных изданий; для технического использования; работа с аудиторией, использование нейросети в качестве менеджера.

Тексты, созданные нейросетью, являются рабочим инструментом в деятельности. Качество генерируемых текстов приобрело статус производственного фактора и самым непосредственным образом влияет на успех в профессиональной деятельности [2; с. 369].

Можно отметить следующие особенности текстов, созданных нейросетями:

- многократные верификации полученного результата при работе с языковыми нейросетями не всегда возможны, поскольку на одно и то же задание нейросеть может выдать разные по содержанию, структуре и объему тексты [2; с. 370];

- при всей стилистической выдержанности сгенерированных рассказов, тексты не содержат ярких языковых выразительных средств (метафоры, сравнения, гиперболы и пр.), только отдельные эпитеты [2; с. 378].

- искусственный интеллект, анализируя объемные тексты в интернете, имеет дело с контентом, созданным активным большинством пользователей. В результате этого, могут быть выданы недостоверные данные, основанные на стереотипах, псевдотеориях, слухах [3; с. 282].

Исследователи С. В. Гусаренко и М. К. Гусаренко отмечают, что «необходимо изучать сгенерированный рассказ с точки зрения фреймовых структур» [2; с. 369]. Фрейм представляется уникальной структурой репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяющей область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности [4; с. 39].

Цель исследования - проанализировать тексты ольфакторной тематики, созданные нейросетью браузера Яндекс.

Задачи исследования следующие: 1) рассмотреть теоретическую базу об особенностях составления текстов нейросетями; 2) выявить наиболее частотные абстрактные существительные в интернет-дискурсе российского парфюмерного продукта; 3) выявить языковые особенности текстов, созданных нейросетью Яндекс.

Новизна данного исследования заключается в малоизученности ольфакторного модуса перцепции, а также применения нейросетей для создания текстов. В современной русистике исследования корпоральности, а именно ольфакторного модуса перцепции, являются актуальными [см. 5].

Нами были выявлены в интернет-дискурсе 503 рекламных текста российского парфюмерного продукта, таких производителей как «Новая заря», «Ладаника», «Брокер», «Ирина Ваганова», «ЛабФрагранс», «Holynose», «EcoParfum» и др. – 1215 абстрактных существительных, 7782 употребления в анализируемых текстах. Наиболее частотные лексемы, выраженные абстрактными существительными, следующие: «Аромат», «Нота», «Время», «Звучание», «Композиция», «Запах», «Аккорд», «Год», «День», «Отенок», «Свежесть», «Мир», «Стойкость», «Любовь», «Красота», «Лето», «Образ», «Жизнь», «Семейство», «Нотка»,

«Настроение».

На протяжении октября 2018 – ноября 2022 годов проводился ассоциативный эксперимент, в котором участвовало 412 человек, полученных реакций – 9711. Участникам эксперимента предлагалось ответить на 27 стимулов. К сферам-мишеням сравнений, состоящим в 9-ти тематических группах «Человек», «Животное», «Природа», «Растение», «Предмет», «Пространство», «Еда», «Абстракция», «Вещество», были добавлены три разных по оценочности признака: *воняет, пахнет, благоухает*. К аксиологически положительно маркированным относим реакции к стимулу *кто-то / что-то благоухает, как...*, к отрицательно маркированным – *кто-то / что-то воняет как...*, к аксиологически немаркированным – *кто-то / что-то пахнет, как...* Больше всего реакций было получено на стимулы с тематической группой «Человек» (всего 1185), меньше всего реакций – на стимулы с тематической группой «Абстракция» (всего 859 реакций), так как участники эксперимента затруднялись дать реакцию на стимул, который в денотате не соотносится ни с каким запахом. Подробнее о данном эксперименте [см.6].

Запахом обладают объекты, имеющие материальную оболочку, абстракция нематериальна, поэтому реакции на стимулы тематической группы «Абстракция» менее частотны, пространство и вещество в представлениях носителей русского языка имеют расплывчатую материальную оболочку. В статье В.А. Молчанова, А.Б. Алавердян доказаны совпадающие результаты ассоциативного эксперимента и нейросетевых моделей: «в языковом сознании как студентов, так и нейросетевых моделей существуют совпадающие ассоциации» [7; с. 131].

В данном исследовании к выявленным частотным лексемам, выраженными абстрактными существительными («Аромат», «Нота», «Время», «Звучание», «Композиция», «Запах», «Аккорд», «Год», «День», «Оттенок», «Свежесть», «Мир», «Стойкость», «Любовь», «Красота», «Лето», «Образ», «Жизнь», «Семейство», «Нотка», «Настроение») добавлялись три разных по оценочности признака (*воняет, благоухает, пахнет*).

Рассмотрим нейросеть браузера Яндекс (<https://browser.yandex.ru/molodets/neuroanswer>), в которой предлагалось составить тексты как подведение итогов 2024 года. Текст создавался нейросетью YandexGPT на основе нашего исходного запроса. В поисковой строке предлагается ввести слова после «Я...». Например, «Я научил ребёнка кататься на велике». После того, как пользователь введет достижение, ему предлагают текст с описанием.

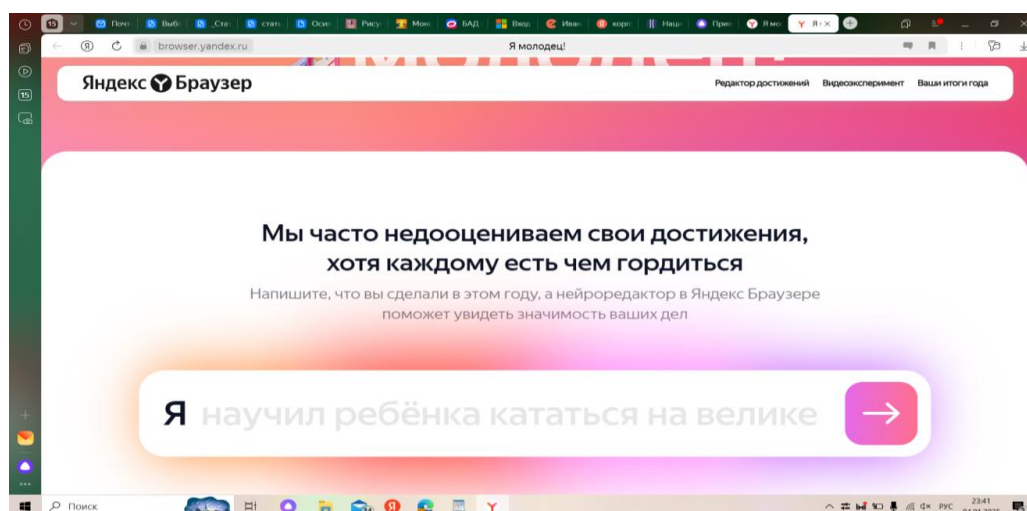

Рис. Введение запроса

Мы вводили следующие запросы со сферой-мишенью «Я» и сферой-источником - наиболее частотными абстрактными существительными парфюмерного интернет-дискурса («Аромат», «Нота», «Время», «Звучание», «Композиция», «Запах», «Аккорд», «Год», «День»,

«Отенок», «Свежесть», «Мир», «Стойкость», «Любовь», «Красота», «Лето», «Образ», «Жизнь», «Семейство», «Нотка», «Настроение»). Например, «Я пах как аромат», «Я благоухал как аромат», «Я вонял как аромат». После введенных запросов нейросеть нам предлагала текст. Например, к сфере-источнику аромат были предложены следующие тексты:

1) пах;

Этот год был как парфюм — сначала немного резковато, но потом раскрылся во всей своей красе. Я достиг многого, и это придаёт мне уверенности в следующем году. Желаю себе в новом году не только прекрасного аромата, но и много ярких моментов!

2) благоухал;

Этот год был для меня как любимый парфюм — он не кричащий, но запоминающийся. Я достиг многого, и это придаёт мне уверенности в следующем году. Желаю себе в новом году не просто приоткрыть форточку, а приоткрыть дверь в новые возможности!

3) вонял.

Этот год был довольно вонючим, но я не из тех, кто сдаётся, даже когда от меня разит как от химзавода! Я достиг многого, и это придаёт мне сил двигаться дальше. Желаю себе в новом году не терять обоняние на успехи и продолжать вонять своими достижениями! С наступающим!

Представим частично результаты с несколькими абстрактными существительными в таблице.

Таблица. Анализ результатов

Сфера-источник	Глагол-признак	Образы предыдущего года	Пожелание в новом году
Аромат	Пах	<i>Парфюм; немного резковато > раскрылся во всей красе; достиг много, уверенность.</i>	<i>не только прекрасного аромата, но и много ярких моментов</i>
	Благоухал	<i>Любимый парфюм; не кричащий, но запоминающийся; достиг много, уверенность.</i>	<i>не просто приоткрыть форточку, а приоткрыть дверь в новые возможности</i>
	Вонял	<i>Вонючий год (олицетворение); разит как от химзавода (пейоративное сравнение); достиг много, силы двигаться дальше</i>	<i>не терять обоняние на успехи и продолжать вонять своими достижениями (оксюморон)</i>
Нота	Пахла	<i>Насыщенный и запоминающийся; Достиг много, уверенность.</i>	<i>Не только новых пахов, но и ярких моментов</i>
	Благоухала	<i>как букет раскрывающихся нот: одни ароматы уже отцвели, другие только начали раскрываться, и я вместе с ними — рос, менялся и учился новому</i>	<i>не просто прекрасно пахнуть, а по-настоящему расцвететь, как настоящий орхидей(изменение формы рода); таким же ароматным, но наполненным уже другими, более яркими красками жизни</i>

	Воняла	<i>Мистический; я и правда и выл, и ноял (грам- матическая ошибка, вм. ныл), но не сдавался и добивался своего</i>	<i>не терять нюх на хорошие возможности и мировые события; пусть он <u>воняет</u> победами и радуется приятными сюр- призами</i>
Время	Пахло	<i>Этот год был как пряный пах (пах как существительное); полный ярких моментов; следующий сезон моей жизни; достиг многого, уверенность</i>	<i>не <u>просто</u> дышать полной грудью, а <u>летать</u> выше об- лаков</i>
	Благоухало	<i>как букет свежих цветов — яркий, ароматный и полный жизни; достиг много, силы дви- гаться дальше</i>	<i>не <u>просто</u> расцвести, а прямо-таки взорвать все планы; пусть он будет таким же насыщенным и прекрасным, как аромат моего самого успешного года</i>
	Воняло	<i>я не всегда успевал играть в прятки со временем и порой вонял прокрастинацией(раз- говорное слово вонял в соче- тании с психологическим тер- мином)</i>	<i>не прогорать в своих начи- наниях и не сгореть по до- роге, ведь жизнь — она как спичка: может случайно потухнуть или вспыхнуть пламенем (сравнение); <u>не воняет</u> старыми пробле- мами, а <u>пахнет</u> новыми воз- можностями</i>
Звучание	Пахло	<i>как парфюм — постепенно раскрывался новыми гранями, наполняя жизнь яркими крас- ками; достиг многого, уверен- ность</i>	<i>не терять этот потрясаю- щий аромат успеха, <u>цветь</u> (просторечная форма гла- гола) и процветать, как редкий экзотический цве- ток</i>
	Благоухало	<i>как букет свежих лавандовых надежд, которые расцвели в настоящие достижения; Я <u>не просто</u> жил, а полно- ценно ЖИЛ этот опыт, и пусть я не всегда ПУДРил до- стижения, они остались со мною (несогласованное пред- ложения по смыслу и грамма- тически)</i>	<i>продолжать так же восхи- тительно ПАХнуть реши- мостью и успехом, а пока пусть этот Новый год бу- дет не менее ароматным - давайте вместе сделаем следующий год по-настоя- щему КЛАССным</i>
	Воняло	<i>Вонючий год; разит как от химлаборато- рии; Я просто сказал себе: Воня- ешь? Действуй! - и достиг</i>	<i><u>не только</u> избавиться от запахов, но и от всех про- блем, причём с тем же эн- тузиазмом, с которым я из- бавляюсь от старого</i>

		<i>новых высот, доказав, что даже самый ароматный год может быть чертовски успешным (комический призыв к действию).</i>	
Композиция	Пахла	<i>аромат дорогого парфюма: сложносочиненным, но невероятно притягательным; <u>не просто иду, а пахну в мире дизайна</u></i>	<i>не терять этот аромат успеха, продолжать творить и радовать себя и близких (ряды однородных членов)</i>
	Благоухала	<i>изысканный парфюм — сложный, многогранный и полный сюрпризов; достиг много; каждое достижение добавляло новую ноту в мой аромат успеха</i>	<i>таким же ароматным, но уже на пути к ещё большим высотам</i>
	Воняла	<i>парфюм — сначала казалось, что аромат не выветрится, но нет; вонять — не значит пахнуть, и это тоже своего рода прогресс</i>	<i><u>не вонять</u> духом, а духом не падать, и пусть следующий год будет таким ароматным, что даже парфюмеры обзавидуются</i>

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

- текст условно можно разделить на две части: образы предыдущего года и пожелание в новом году;
- частотны восклицательные предложения, н-р, *С Новым годом, пусть он воняет победами и радуется приятными сюрпризами!*;
- в пожеланиях конструкции «*Не только, но и...*», «*Не просто, а...*» и подобные;
- в образах предыдущего года повторение «*достиг много, уверенность*», стремление к образности;
- грамматические ошибки в построении, например, *не просто прекрасно пахнуть, а по-настоящему расцвести, как настоящий орхидей*(изменение формы рода); *я и правда и был, и ноял* (грамматическая ошибка, вм. был), *но не сдавался и добивался своего*;
- лексические ошибки, например, *не терять обоняние на успехи и продолжать вонять своими достижениями.*
- алогичные тексты, например, на запрос «Я вонял как звучание»: *Этот год был довольно вонючим, но я не из тех, кто сдаётся, даже когда от меня разит как от химлаборатории. Я просто сказал себе: Воняешь? Действуй! - и достиг новых высот, доказав, что даже самый ароматный год может быть чертовски успешным. Желаю себе в новом году не только избавиться от запахов, но и от всех проблем, причём с тем же энтузиазмом, с которым я избавляюсь от старого.*

Библиографический список

1. Смирнов А.Е. Способы применения нейросетей и перспективы // Точная наука. Кемерово : ИП Никитин Игорь Анатольевич, 2022. С. 9-11.
2. Гусаренко С.В., Гусаренко М.К. Композиционно-структурные, семантические и пресуппозиционально-прагматические параметры и дефекты сгенерированных коротких текстов

в языковой нейросети gigachat // Филологические науки, 2024. № 2. С. 368-379.

3. Чурюмова Е.Д. Чат-боты и нейросети как новые помощники современной журналистики // Журналистика и медиакоммуникации в цифровой среде - 2024. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. С. 279-284.

4. Никонова Ж.В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского государственного университета. Киров: Вятский государственный университет, 2008. С. 86-89.

5. Немич Н.Н. Репрезентация ольфакторной лексики в современном газетном тексте // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, № 2 (57). Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 200-210.

6. Иванян Е.П., Иванова П.С. Представленность тематических групп в сравнениях ольфакторного модуса перцепции // Поволжский педагогический вестник. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 2020. Т. 8. № 1 (26). С. 54-60.

7. Молчанова В.А., Алавердян А.Б. Образ ВГПУ: языковой анализ на основе данных ассоциативного эксперимента и нейросетевого анализа // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, № 2 (57). Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 127-133.

References

1. Smirnov A.E. Methods of using neural networks and prospects//Exact science. Kemerovo: IP Nikitin Igor Anatolyevich, 2022. P. 9-11.

2. Gusarenko S.V., Gusarenko M.K. Compositional-structural, semantic and press-position-pragmatic parameters and defects of generated short texts in the language neural network gigachat//Philological sciences, 2024. № 2. P. 368-379.

3. Churyumova E.D. Chat bots and neural networks as new assistants to modern journalism//Journalism and media communications in the digital environment - 2024. М.: Russian State University for the Humanities, 2024. P. 279-284.

4. Nikonova J.V. Frame in the context of linguistic science//Bulletin of Vyatka State University. Kirov: Vyatka State University, 2008. P. 86-89.

5. Nemich N.N. Representation of olfactory vocabulary in a modern newspaper text//Actual issues of modern philology and journalism, No. 2 (57). Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2025. P. 200-210.

6. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Representation of thematic groups in comparisons of the olfactory mode of perception//Volga Pedagogical Bulletin. Samara: Samara State Social and Pedagogical University (Samara), 2020. VOL. 8.№ 1 (26). P. 54-60.

7. Molchanova V.A., Alaverdyan A.B. Image of VSPU: language analysis based on data from an associative experiment and neural network analysis//Actual issues of modern philology and journalism, No. 2 (57). - Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2025. P. 127-133.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.005

*Нижегородская академия МВД России
Канд. филол. наук, доцент кафедры
иностранного языка и культуры речи*

Замальдинов В.Е.

*Россия, г. Нижний Новгород,
тел. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru*

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

*PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture
Zamaldinov V.E.*

*Russia, Nizhny Novgorod,
tel. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru*

В.Е. Замальдинов

МЕДИЙНЫЕ НЕОДЕРИВАТЫ КАК АКТУАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ

Рассматриваются словообразовательные неологизмы как актуальное средство формирования оценки. В качестве материала использовались тексты медийной коммуникации за период с января 2021 года по декабрь 2025 года. Основными источниками материала стали следующие СМИ: «Regions.ru», «Комсомольская правда», «RostovGazeta», «Аргументы и факты». Для достижения цели и решения поставленных задач применялись следующие методы исследования: словообразовательный, структурно-семантический виды анализа, описательный метод. Кроме того, учитывались различные методики: сбор информации, наблюдение, интерпретация, обобщение. Анализируются новые лексические единицы, созданные с помощью префиксального способа. Приставки присоединяются к основам с положительной и отрицательной оценочностью, сочетаются с одушевленными и неодушевленными именами существительными. Изучаются словообразовательные неологизмы, образованные с помощью суффиксального способа. Для создания неодериватов с негативной оценкой адресант может использовать безоценочные суффиксы. Экспрессия в подобных номинациях поддерживается контекстом и зависит от отношения автора публицистического текста к обозначаемому лицу. Выявляются новообразования аффиксоидного типа. Их оценочность, как правило, усиливается за счет словесного окружения. Демонстрируются новые лексические единицы, возникшие в результате неузальных способов. В медийной коммуникации активность проявляют контаминация, междусловное наложение, заменительная деривация. Окказиональные слова выражают оценку определенных социальных явлений, привлекают внимание читателей своей нестандартной формой. Практическая ценность исследования определяется возможностью применения полученных результатов в практике вузовского преподавания курсов современного русского языка, спецкурсов по неологии, лингвоэкологии, прагмалингвистике. Кроме того, полученные в ходе работы материалы и выводы могут быть использованы в журналистской практике.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, оценочность, оценка, медиакоммуникация, способы словообразования, русский язык.

V.E. Zamaldinov

MEDIA NOMINATIONS AS AN ACTUAL MEANS OF FORMING AN ASSESSMENT

Word-forming neologisms are considered as an actual means of forming an assessment. The media communication texts for the period from January 2021 to December 2025 were used as the material. The main sources of the material were the following media outlets: «Regions.ru», «Komsomolskaya Pravda», «RostovGazeta», «Arguments and Facts». To achieve the goal and solve the tasks, the following research methods were used: word-formation, structural and semantic types of analysis, descriptive method. In addition, various methods were taken into account: information collection, observation, interpretation, generalization. New lexical units created using the prefix method are analyzed. Prefixes are attached to the bases with positive and negative evaluation, combined with animate and inanimate nouns. Word-forming neologisms formed using the suffixing method are studied. To create nominations with a negative assessment, the addressee can use non-evaluative suffixes. Expression in such nominations is supported by context and depends on

the attitude of the author of the journalistic text to the designated person. Word-forming neologisms of the affixoid type are revealed. Their appreciation is usually enhanced by the verbal environment. New lexical units that have arisen as a result of non-usual methods are demonstrated. In media communication, contamination, interconditional overlap, and substitution derivation are active. Occasional words express an assessment of certain social phenomena, attract the attention of readers with their non-standard form. The practical value of the research is determined by the possibility of applying the results obtained in the practice of university teaching of modern Russian language courses, special courses in neology, linguoecology, and pragmalinguistics. In addition, the materials and conclusions obtained in the course of the work can be used in journalistic practice.

Key words: word-forming neologisms, evaluativeness, evaluation, media communication, ways of word formation, Russian language.

Важнейшей стилиевой чертой медийного текста является оценочность — языковая реализация логической категории оценки. Под категорией оценки мы понимаем совокупность языковых единиц, с помощью которых адресант выражает отношение (негативное или позитивное) к содержанию речи. Оценка находится под влиянием различных факторов (культурных, временных и т.д.), участвует в формировании определенной аксиологической модели общества.

Для выражения оценки (открытой или скрытой) журналисты используют разнообразные лингвистические способы, которые включают в себя следующие языковые средства: пейоративные и мелиоративные слова, ярлыки, метафоры, эвфемизмы и т.д. Одним из ярких средств проявления оценки являются медийные неодериваты – новообразования, созданные узуальными и незузальными (оказиональными) способами. Как показано в наших работах [1; 2], новые лексические единицы отражают социальные реалии, передают информацию об отношении адресанта к обозначаемому предмету или явлению. Все сказанное определяет актуальность темы данного исследования.

Цель работы – охарактеризовать медийные неодериваты как актуальное средство формирования оценки.

Проблемы, связанные с изучением категории оценки, остаются актуальными для филологической науки начала XXI века. В.В. Катермина и Д.Е. Володина рассматривают аксиологический потенциал, социопрагматические особенности англоязычных неологизмов медиатурбанистического дискурса [3]. В.В. Деметьев анализирует сложность как текстовую, языковую и метаязыковую категорию. Ученый приходит к выводу о том, что в большинстве контекстов сложность несет негативную оценку [4]. Т.Б. Зубова и О.И. Калинин изучают оценочность как характеристику дискурса, отражающую субъективное отношение адресанта к объектам и явлениям окружающего мира [5]. Однако при всем многообразии представленных исследований остаются некоторые вопросы, требующие решения.

Актуальным средством формирования оценки являются неодериваты, созданные с помощью узуальных способов. При образовании подобных языковых инноваций адресант не нарушает действующие в языке словообразовательные законы. Так, поставщиком медийных неодериватов является такой узуальный способ, как префиксация. Обнаруживает продуктивность заимствованная приставка *анти-*, обозначающая противоположность и отрицание. Проиллюстрируем сказанное: *Обман врача из Одинцово вошел в **анти-топ** самых крупных мошенничеств в области* («Regions.ru». 18.12.25); *В **анти-рейтинг** также попали колбасные нарезки, соленая красная рыба и популярное мясо по-французски. Эти продукты содержат много соли, жиров и добавок, а при приготовлении могут образовываться вещества, вредные для сосудов и пищеварения* («Комсомольская правда». 18.12.25); *К началу четвертого квартала 2025 года на рынке новостроек в Ростовской области зафиксировали высокую затоваренность. Регион переиграл другие российские субъекты и стал **анти-лидером** в этом плане, рассказывает пресс-служба Единого ресурса застройщиков Российской Федерации (ЕРЗ.РФ)* («RostovGazeta». 25.11.25); *Такого количества падений за сезон у Баньяи не было с дебюта в MotoGP, так что он установил своего рода персональный **анти-рекорд*** («Мотогонки.ру».

09.11.25). Данные новообразования-существительные образованы от слов с положительной коннотацией. Однако неодериваты *анти-топ*, *анти-рейтинг*, *анти-лидер*, *анти-рекорд* имеют негативную оценочность за счет семантики отрицания положительных явлений, называемых основой. Отметим, что в медиакоммуникации встречаются случаи, когда производящая лексема обладает негативной коннотацией, а производная от нее приобретает положительную оценочность: *Для предотвращения краж теперь масло помещают в пластиковые контейнеры «анти-вор», на которых установлены радиометки. Достать продукт из сейфа может кассир* («Ура.ру». 17.12.25); *В Москве начался проект Анти-мошенник для защиты граждан от аферистов* (заголовок) («PublisherNews.Ru». 27.02.25). Таким образом, префикс *анти-* может присоединяться в медийных текстах как к основам с положительной, так и отрицательной оценочностью.

Для обозначения ложных явлений действительности пишущие используют неодериваты с заимствованной приставкой *псевдо-* с семантикой неистинности. Приведем примеры: *Житель Новороссийска лишился более 900 тысяч рублей на псевдо-бирже* (заголовок) («Коммерсантъ». 18.12.25); *Наиболее распространенной схемой мошенничества, на долю которой пришлось около 28% преступлений, остаются звонки от представителей псевдо-банков с требованием перевести средства на «безопасные счета»* («Комсомольская правда – Оренбург». 17.12.25); *Пенсионерка 1945 года рождения в Чите потеряла 7 млн на псевдо-инвестициях* (заголовок) («Zabnews.ru». 24.10.25). Данный препозитивный элемент присоединяется не только к основам неодушевленных, но и одушевленных имен существительных: *Влюбленная костромичка сделала псевдо-айтишника из интернета миллионером* (заголовок). *Женщина попала на популярную среди мошенников уловку* («Комсомольская правда – Кострома». 07.12.25); *В Бурятии псевдо-логопед обогатилась на несколько сотен тысяч рублей* (заголовок) («Байкал Медиа Консалтинг». 05.12.25); *Псевдо-мастера и ремонтники активно обманывают доверчивых ивановцев* (заголовок) («IvanovoNews». 29.11.25). Новообразования с приставкой *псевдо-* имеют негативную оценочность, которая обусловлена экспрессивным словообразовательным формантом и поддержана словесным окружением (*лишиться, мошенничество, преступления, потерять, попала, обманывать*).

Таким образом, префиксальные неодериваты являются актуальным средством формирования оценки. Приставки могут присоединяться к основам с положительной и отрицательной оценочностью, сочетаться с одушевленными и неодушевленными именами существительными.

Другим узуальным способом, с помощью которого создаются неодериваты как средство выражения оценки, является суффиксация. Востребованы в медиакоммуникации новые лексические единицы с безоценочным суффиксом *-(из)аци(я)* с семантикой отвлеченного состояния. Приведем некоторые иллюстрации из текстов СМИ: *«Байденизация»: как Трамп заставили втянуться в антироссийскую игру* (заголовок). *Политолог-американист Дмитрий Дробницкий констатировал, что президента США Дональда Трампа все-таки склонили к возвращению в антироссийскую коалицию и подписанию новых санкций в отношении Москвы* («Военное дело». 23.10.25); *Какова степень персональной ответственности мадам Каллас за создание этой ситуации? <...> Реальность такова, что мы имеем все основания говорить о «калласизации» высших европейских эшелонов власти. Да-да, я не спорю: термин у меня получился не слишком благозвучный. Но еще более «неблагозвучным» является то явление, которое он призван описывать* («RT». 30.05.25); *Выразительной тенденцией ушедшего года стала орбанизация мира, когда в ЕС и США политики начали прибегать к откровенному шантажу для достижения своих корыстных целей* («Онфлот». 22.01.24); *«Макронизация» Франции угрожает всей Европе* (заголовок) («Day.Az». 30.06.23). Авторы публицистических текстов активно используют неодериваты с суффиксом *-(из)аци(я)* на базе фамилий политических лидеров (*Д. Байден, К. Каллас, В. Орбан, Э. Макрон*). Негативная экспрессивность подобных языковых инноваций достаточно часто связана с контекстуальным окружением. Нельзя

не согласиться с Н.И. Клушиной, что «различные идеологические установки современных печатных органов диктуют употребление одних и тех же по значению слов в совершенно противоположных по стилистической окраске контекстах» [6; с. 108].

Представлены в медийной коммуникации неодериваты с безоценочным суффиксом *-ист* со значением лица. Приведем примеры: *Макронистов оттесняют на периферию* (заголовок) («Дзен». 15.06.24); *«Трамнист» Джордан не смог стать спикером Палаты представителей. Республиканцы сняли его кандидатуру* (заголовок) («RTVI». 21.10.23); *Недавно в сеть прошла информация, что байденисты сами признались о свершенных фальсификациях во время выборов* («Аргументы недели». 19.02.21). Негативная оценочность номинаций с греко-латинским суффиксом *-ист* определяется особенностями контекста, в котором функционирует новая лексическая единица, и отношением адресанта к тому лицу, которое названо мотивирующей лексемой.

Итак, в создании неодериватов с негативной оценкой могут участвовать безоценочные суффиксы. Отрицательный характер экспрессии в подобных номинациях поддерживается контекстом и зависит от отношения автора публицистического текста к обозначаемому лицу.

Среди узуальных способов для создания негативно-оценочных номинаций востребована аффиксоидация (префиксоидация и суффиксоидация). Зафиксированы в медийной коммуникации неодериваты с исконным префиксоидом *лже-* с семантикой ‘лживый’. Проиллюстрируем сказанное: *В Рязани заметили лже-волонтеров, собирающих деньги от имени Дома ребенка* (заголовок) («Рязанские ведомости». 19.12.25); *Жительница Коми едва не стала жертвой мошенников, выдав код из СМС лже-электрику* (заголовок) («Про Город Сыктывкар». 19.12.25); *Хабаровчанин отдал 680 тысяч лже-юристу, чтобы обжаловать сыну приговор* (заголовок) («Аргументы и факты – Хабаровск». 19.12.25). Новообразования с префиксоидом *лже-* могут создаваться не только на базе одушевленных, но и неодушевленных имен существительных: *Житель Пензы потерял 800 тысяч на лже-инвестициях* (заголовок) («Столица58». 20.12.25); *Петербуржцам раскрыли схему обмана с лже-сайтами Минобрнауки и Госуслугами* (заголовок) («Деловой Петербург». 04.12.25); *В Липецкой области выявлены лже-ломбарды* (заголовок) («Московский комсомолец в Липецке». 01.12.25). Кроме того, префиксоид *лже-* может присоединяться к именам собственным: *В Швейцарии пенсионерка отдала более 9 млн рублей лже-Брэду Питту* (заголовок) («Аргументы и факты». 26.11.25); *Лже-Хави и лже-Гвардиола предложили свои услуги сборной Индии* (заголовок). *Сборная Индии находится в поисках утраченного – главного тренера. Федерация футбола этой гигантской страны анализирует различные кандидатуры, и на днях получила электронные письма от людей, при упоминании которых сердце начинает биться быстрее у любого футбольного болельщика – Хави и Гвардиолы* («Евро-Футбол.ру». 27.07.25). Языковые инновации с префиксоидом *лже-* используются, как правило, в публикациях, посвященных вопросам мошенничества. По мнению Н.И. Коноваловой, «активное использование префиксоидов в современном русском языке позволяет не только обозначать новые понятия, но и выражать рациональную и/или эмоционально-экспрессивную оценку предмета речи» [7; с. 55].

Представлены в медиакommunikации неодериваты с заимствованным суффиксоидом *-гейт* с семантикой ‘скандал’: *По решению Верховного суда Ларису Долину выселят из проданной квартиры. Решение Верховного суда России поставило точку в Долина-гейте, завершив тянущуюся более года эпопею с квартирой невицы* («Inbusiness.kz». 16.12.25); *«Кошачий след» оборвался в Тунисе: Turkish Airlines в центре «мяу»-гейта с пропажей питомца дипломата* (заголовок) («Турпром». 10.12.25); *На этой неделе специальный посланник Стив Уиткофф вылетит в Москву, чтобы обсудить последние нюансы обновленного мирного соглашения после «плодотворных» переговоров в Майами между представителями Украины и госсекретарем Марко Рубио. <...> Всего через несколько дней после того, как план Трампа из 28 пунктов просочился в сеть — судя по всему, свою грязную руку приложила украинская разведка — разразился «Уиткоффгейт»* («ИноСМИ». 03.12.25); *Тимур Миндич объявлен в розыск на*

Украине (заголовок). *Коррупционный скандал на Украине. «Миндич-Гейт» и вызванный им острый политический кризис превратились в мыльную оперу — хронометраж затянут, но оторваться невозможно, очень хочется узнать, что в финале* («Первый канал». 23.11.25); **Симоненко-гейт**: *могли завести дело на 6 брянских строителей оборонных сооружений* (заголовок). *Данные об уголовном деле, якобы заведенном помимо замгубернатора Николая Симоненко и Евгения Журу из областного УКСа на 6 специализированных организаций-подрядчиков строительства в брянском приграничье фортификационных объектов, пока неофициальные* («Брянский ворчун». 24.07.25). Неодериваты с суффиксоидом *-гейт* отражают стремление адресанта к краткому способу передачи смысла, передают социокультурную информацию о мире, используются как в заголовке, так и в тексте публикации. Как отмечают Н.В. Козловская и А.С. Павлова, «использование негативно-оценочного суффиксоида *-гейт* также относится к проявлениям экспрессивной языковой игры» [8; с. 13].

Таким образом, данные неодериваты аффиксоидного типа обозначают лиц с ложным социальным статусом и актуальные общественно-политические явления, способствуют понижению статуса номинируемого в восприятии адресата. Оценочность новообразований, созданных с помощью аффиксоидации, усиливается за счет словесного окружения.

Оценочную функцию в медийной коммуникации могут выполнять новые лексические единицы, возникшие в результате незуальных способов (см., например: [9; 10]). При создании окказионализмов пишущие намеренно нарушают действующие в языке законы. Приведем примеры: **Гастарбойня** (заголовок). *Миграционные потоки несут в Россию преступность, но что предпримут власти?* («Наша версия». 02.06.25) ← *гастарб(айтер) + бойня*; **Молдавление** на энергетику (заголовок). *В январе республика может остаться без российского газа* («Коммерсантъ». 17.12.24) ← *Молдав(ия) + давление*; **Психоразводный процесс** (заголовок). *Депутаты со второй попытки пытаются спасти браки россиян* («Коммерсантъ». 02.12.24) – ср. исходное *бракоразводный*. Среди окказиональных способов в медийной коммуникации активность проявляют контаминация, междусловное наложение, заменительная деривация. Подобные номинации привлекают внимание адресата нестандартной формой, выполняют развлекательную функцию, выражают оценку определенных социальных явлений.

Завершая анализ медийных неодериватов, подчеркнем следующее.

1. Префиксальные номинации – актуальное средство формирования оценки. Приставки могут присоединяться к основам с положительной и негативной оценочностью, сочетаться как с одушевленными, так и с неодушевленными именами существительными.

2. Негативный характер экспрессии могут иметь дериваты с изначально безоценочными суффиксами.

3. Оценочность неодериватов аффиксоидного типа достаточно часто усиливается за счет словесного окружения.

4. С помощью окказионализмов адресант дает оценку происходящим в мире событиям, экономит языковые средства.

Библиографический список

1. Замальдинов В.Е. Экспрессивные способы создания новообразований в социальных сетях (на примере социальной сети «Telegram») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24. № 1. С. 20-25.
2. Замальдинов В.Е. Новообразования-гибриды в текстах современной медиакommunikации // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 210-219.
3. Катермина В.В., Володина Д.Е. Англоязычные неологизмы медиаурбанистического дискурса: аксиологический и социопрагматический аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. № 1. С. 108-118.

4. Дементьев В.В. Сложность как текстовая, языковая и метаязыковая категория // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25. № 1. С. 4-14.
5. Зубова Т.Б., Калинин О.И. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 172-187.
6. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. Москва: Флинта, 2019. 241 с.
7. Коновалова Н.И. Префиксоиды как средство выражения оценочности // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2025. № 2(16). С. 46-57.
8. Козловская Н.В., Павлова А.С. Слова одного месяца в зеркале оперативной неографии // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 1(11). С. 8-20.
9. Шилихина К.М., Паньин Е.А. Лингвокреативность и языковая игра: почему возникает комический эффект? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 24-31.
10. Вьяльсова А.П. Москва vs Петербург: оценка столиц в лексических значениях окказионализмов // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 4. С. 196-210.

References

1. Zamaldinov V.E. Expressive ways of creating new nominations in social networks (on the example of the Telegram social network) // Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism. 2024. Vol. 24. No. 1. pp. 20-25.
2. Zamaldinov V.E. Neologisms-hybrids in the texts of modern media communication // Media Linguistics. 2022. Vol. 9. No. 3. pp. 210-219.
3. Katermina V.V., Volodina D.E. English neologisms of urban communication studies discourse: axiological and sociopragmatic aspects // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2025. No. 1. pp. 108-118.
4. Demytyev V.V. Complexity as a textual, linguistic and metalinguistic category // Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism. 2025. Vol. 25. No. 1. pp. 4-14.
5. Zubova T.B., Kalinin O.I. Evaluativeness as a discursive characteristic: properties and typology // Philology: scientific research. 2025. No. 2. pp. 172-187.
6. Klushina N.I. Stylistics of journalistic text. Moscow: Flinta, 2019. 241 p.
7. Konovalova N.I. Prefixoids as evaluation means // VERBA. North-West linguistic journal. 2025. No. 2(16). pp. 46-57.
8. Kozlovskaya N.V., Pavlova A.S. One-month words mirrored by operational neography // VERBA. North-West linguistic journal. 2024. No. 1(11). pp. 8-20.
9. Shilikhina K.M., Panyin E.A. Linguistic creativity and language play: when and why is humour created? // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2025. No. 1. pp. 24-31.
10. Vialsova A.P. Moscow versus Saint Peterburg: assessment of the capitals in the lexical meanings of the occasional derivatives // Slovo.ru: baltic accent. 2025. Vol. 16. No. 4. pp. 196-210.

УДК 81'282.8

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.006

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru :

Воронежский государственный технический университет
студент 4 курса направления «Журналистика»
Новиков Д.В.
Россия, г. Воронеж
тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: shozond@gmail.com

Voronezh State Technical University
The faculty of journalism,
Fourth-year student
Novikov D.V.
Russia, Voronezh
tel. +7(920)404-04-48
e-mail: shozond@gmail.com

С.А. Скуридина, Д.В. Новиков

ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА УЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ГРАФФИТИ-СЦЕНЫ)

Настоящая статья посвящена изучению сленга уличной культуры России на материале граффити-сцены как особой формы неофициальной городской коммуникации. Материалом исследования послужили сленговые единицы, зафиксированные в устной и письменной уличной практике, а также в специализированных интернет-ресурсах и визуальных архивах граффити. В ходе анализа было рассмотрено функционирование лексики, используемой участниками граффити-сообщества, и обозначены основные типы терминов, формирующих данный пласт языка. Проанализированы заимствованные и локальные единицы, выявлены особенности их употребления в российском контексте. Установлено, что значительная часть терминов имеет англоязычное происхождение, однако в процессе адаптации данные слова изменяют значение, получают дополнительные оценочные оттенки либо используются ограниченно и фрагментарно. Было выявлено различие между терминами, реально функционирующими в российской граффити-среде, и лексикой, существующей преимущественно в теоретических и переводных глоссариях. Отмечено, что в уличной практике активно используются локальные обозначения, не имеющие прямых англоязычных аналогов, а также единицы, отражающие специфику взаимодействия с городским пространством, транспортной инфраструктурой и представителями власти. В итоге сленг граффити-сцены может рассматриваться как динамичная система, в которой сочетаются элементы заимствованной лексики и локальные языковые образования. Это позволяет говорить о сленге не только как о средстве профессиональной коммуникации, но и как о маркере субкультурной идентичности и специфического способа освоения городской среды.

Ключевые слова: уличная культура, граффити, сленг, субкультура, социолект, заимствования, городская коммуникация, языковая идентичность.

S.A. Skuridina, D.V. Novikov

FEATURES OF SLANG IN STREET CULTURE (BASED ON THE RUSSIAN GRAFFITI SCENE)

This article is devoted to the study of slang in Russian street culture based on the graffiti scene as a specific form of informal urban communication. The material of the research consists of slang units recorded in oral and written street practices, as well as in specialized online resources and visual graffiti archives. During the analysis, the functioning of the vocabulary used by members of the graffiti community was examined, and the main types of terms forming this layer of language were identified. Borrowed and local lexical units were analyzed, and the features of their usage in the Russian context were revealed. It was established that a significant number of terms are of English origin; however, in the process of adaptation these units undergo semantic changes, acquire additional evaluative connotations, or are used in a limited and fragmentary manner. A distinction was identified between terms that actually function in the Russian graffiti environment and lexical units that exist mainly in theoretical or translated glossaries. It was noted that local designations without direct English equivalents are actively used in street practice, as well as units reflecting the specifics of interaction with urban space, transport infrastructure, and representatives of authority. As a result, graffiti slang can be regarded as a dynamic system combining elements of borrowed vocabulary and locally formed linguistic units. This makes it possible to consider slang not only as a means of professional communication, but also as a marker of subcultural identity and a specific way of appropriating urban space.

Keywords: street culture, graffiti, slang, subculture, sociolect, borrowings, urban communication, linguistic identity.

Современная уличная культура представляет собой особую форму неофициальной городской коммуникации, в рамках которой язык выполняет не только номинативную, но и оценочную и идентификационную функции. Сленг, формирующийся внутри уличных сообществ, отражает социальную стратификацию говорящих, специфику их взаимодействия с городской средой и устойчивые культурные установки. По мнению Л.П. Крысина, нелитературные формы речи, включая жаргон и разговорную лексику, служат важным показателем социальной дифференциации языка и позволяют фиксировать границы групповой принадлежности [1]. В этой связи сленг уличной культуры может рассматриваться как языковой механизм, посредством которого осуществляется самоидентификация участников сообщества и оценка окружающей действительности.

В научной литературе подчёркивается, что разговорная и жаргонная лексика характеризуется высокой степенью экспрессивности и контекстуальной зависимости, что особенно проявляется в неофициальных формах коммуникации [2]. Как отмечает Е.А. Земская, подобные языковые единицы активно функционируют в устной речи и склонны к быстрому обновлению, отражая актуальные социальные и культурные процессы [3]. Это позволяет наблюдать, как в рамках уличной культуры формируются собственные номинации, оценочные обозначения и термины, не всегда зафиксированные в нормативных словарях, но устойчиво закреплённые в коммуникативной практике.

Граффити-сцена в данном контексте выступает как специфическое коммуникативное пространство, в котором язык реализуется в визуальной и вербальной формах. Лексика, используемая участниками граффити-сообщества, функционирует не только как средство профессионального общения, но и как способ символического освоения городского пространства, маркирования территории и демонстрации принадлежности к определённой субкультуре. Вследствие этого сленг граффити-сцены формируется под влиянием как заимствованных языковых моделей, так и локальных культурных факторов, что обуславливает его внутреннюю неоднородность и семантическую подвижность.

Характерной особенностью сленга граффити-сцены является высокая степень заимствованности лексики, прежде всего из англоязычной культурной среды. Это обусловлено историческими условиями формирования граффити как субкультурного явления, а также ролью англоязычных источников в распространении визуальных и языковых моделей уличного искусства. Вместе с тем заимствованные термины в российской граффити-среде редко сохраняют исходное значение в неизменном виде. В процессе функционирования они подвергаются семантическому сдвигу, получают дополнительные оценочные оттенки либо используются в ограниченном и фрагментарном виде.

Можно наблюдать, что часть англоязычных терминов закрепляется в речи участников граффити-сообщества как профессиональные обозначения, тогда как другие функционируют преимущественно номинально, не будучи включёнными в повседневную уличную практику. Подобная

неоднородность связана с различиями в локальных условиях, уровне включённости в субкультурную среду и характере коммуникации внутри сообщества. В результате в российской граффити-сцене сосуществуют термины, активно используемые в устной и письменной коммуникации, и лексические единицы, присутствующие главным образом в теоретических описаниях и переводных глоссариях.

Наряду с заимствованной лексикой в уличной практике формируются локальные обозначения, не имеющие прямых англоязычных аналогов. Такие единицы отражают специфику взаимодействия райтеров с городским пространством, транспортной инфраструктурой и представителями власти, а также внутреннюю иерархию граффити-сообщества. Наличие подобных терминов позволяет рассматривать сленг граффити-сцены не как вторичное отражение зарубежной модели, а как самостоятельное языковое образование, адаптированное к российскому социальному и культурному контексту.

В связи с высокой динамичностью и неустойчивостью сленга уличной культуры особую значимость приобретает вопрос его фиксации и описания. В настоящее время основными источниками систематизации лексики граффити-сцены выступают словари и глоссарии, представленные в переводных изданиях и русскоязычных интернет-ресурсах. Однако анализ подобных источников показывает, что большинство из них не отражает реальных особенностей функционирования сленга в российском контексте. Как правило, такие словари воспроизводят англоязычную терминологическую модель без учёта процессов семантической трансформации и локальной адаптации.

Можно наблюдать, что в переводных глоссариях термины граффити-сцены описываются как универсальные и интернациональные, при этом игнорируется специфика их употребления в конкретной культурной среде. В результате в словарных списках оказываются единицы, которые либо используются ограниченно, либо функционируют исключительно в теоретическом дискурсе и не закреплены в живой уличной практике. Подобный подход затрудняет анализ сленга как реально действующей языковой системы и приводит к смешению профессиональной лексики граффити-сообщества с общеупотребительными англицизмами.

Русскоязычные интернет-глоссарии, в свою очередь, часто формируются по принципу накопления разрозненных терминов без их контекстуального анализа. В таких источниках отсутствует разграничение между лексикой, активно используемой в уличной среде, и словами, зафиксированными эпизодически или заимствованными формально. Кроме того, в подобных словарях не учитываются региональные различия и социальная неоднородность граффити-сцены, что приводит к упрощённому и схематичному описанию языкового материала. Отметим, что исследователи обращались к сленгу граффити с целью его систематизации, что отражено в ряде работ разных лет [4], [5], [6], [7], [8], однако данные языковые единицы, активно используемые в устной речи представителей уличной культуры, склонны к быстрому обновлению, что обусловлено новыми заимствованиями иноязычной лексики.

На основании этого можно говорить о необходимости обращения к аналитическому описанию современного граффити-сленга, ориентированному на реальные коммуникативные практики. Такой подход позволяет не только зафиксировать лексические единицы, но и выявить особенности их употребления, оценочную нагрузку и различия между исходным и локальным значением терминов. В данном контексте аналитический словарь рассматривается как наиболее адекватная форма описания сленга российской граффити-сцены.

Материалом настоящей работы, являющейся продолжением нашего исследования уличной культуры [9], [10], послужили сленговые единицы, функционирующие в рамках российской граффити-сцены и зафиксированные в устной уличной коммуникации, письменных надписях в городском пространстве, а также в специализированных интернет-ресурсах и визуальных архивах граффити. В корпус исследования были включены термины, используемые участниками граффити-сообщества для обозначения действий, объектов, ролей и оценочных характеристик, связанных с уличной художественной практикой. При отборе материала учитывалось не только наличие

термина в словарях и глоссариях, но прежде всего его реальное функционирование в коммуникативной среде.

В процессе работы были сознательно исключены лексические единицы, существующие исключительно в переводных источниках и не подтверждённые практикой российской граффити-сцены. Также не включались общеупотребительные англицизмы и элементы общего уличного или криминального жаргона, не имеющие специфической связи с граффити-культурой. Это позволило сосредоточиться на анализе именно тех языковых единиц, которые выполняют функцию профессионального и идентификационного маркера внутри сообщества. Отбор и систематизация материала осуществлялись с опорой на описательный и сопоставительный методы анализа. В рамках исследования рассматривались происхождение терминов, особенности их семантики и пути адаптации в российском контексте. Особое внимание уделялось выявлению различий между исходным значением заимствованных единиц и их локальным употреблением, а также фиксации оценочных и функциональных сдвигов, возникающих в процессе функционирования сленга.

Такой подход позволяет рассматривать сленг граффити-сцены не как статичный набор терминов, а как динамичную языковую систему, отражающую внутреннюю структуру уличного сообщества и особенности его взаимодействия с городской средой. На основании этого дальнейший анализ строится в формате аналитического словаря, ориентированного на описание реального употребления сленговых единиц в российской уличной культуре.

В структуре сленга российской граффити-сцены центральное место занимают термины, обозначающие базовые формы уличной художественной деятельности и роли её участников. К числу таких единиц относятся, прежде всего, обозначения субъекта действия и минимальной формы визуального высказывания. Так, одним из ключевых терминов является слово *райтер*, употребляемое для обозначения участника граффити-сообщества. Данная единица имеет англоязычное происхождение и восходит к слову *writer*, однако в российском контексте её значение сужается и приобретает специализированный характер, закрепляясь исключительно за уличной художественной практикой. В отличие от исходного значения, связанного с письменной деятельностью в широком смысле, в граффити-среде термин *райтер* функционирует как маркер профессиональной и субкультурной принадлежности.

Не менее значимым элементом сленговой системы является термин *тэг*, обозначающий стилизованную подпись автора. В российской уличной практике данная единица используется как в узком профессиональном значении, так и в расширенном, где словом *тэг* может называться практически любая надпись в городском пространстве. Подобное расширение семантики свидетельствует о частичном размывании границ термина за пределами профессиональной среды, однако внутри граффити-сообщества сохраняется разграничение между тэгом как формой авторской идентификации и другими типами визуальных высказываний.

Связанным с данным понятием является термин *тэгинг*, обозначающий процесс нанесения подписей в городском пространстве. В российской граффити-сцене он часто противопоставляется более сложным формам уличной живописи и может использоваться с оценочной нагрузкой. В ряде случаев тэгинг воспринимается как базовый этап включения в субкультуру, что отражает иерархичность внутри сообщества и различие статусов его участников. Это позволяет рассматривать данные термины не только как номинативные единицы, но и как элементы системы оценок и самопозиционирования.

Анализ указанных лексических единиц показывает, что даже базовые термины граффити-сленга в российском контексте претерпевают семантические сдвиги и приобретают дополнительные социальные и оценочные значения. Их функционирование связано не столько с формальным описанием действий, сколько с фиксацией принадлежности к уличному сообществу и определённой модели поведения в городском пространстве.

Важную группу в системе сленга граффити-сцены образуют термины, обозначающие формы уличных работ и способы их выполнения. Одним из базовых понятий является *бомба* (или *бомбинг*), под которым в российской граффити-среде понимается быстрое нелегальное нанесение

надписей или изображений, ориентированное прежде всего на количество и охват территории. Происходя от англоязычного *bombing*, данный термин в отечественном употреблении смещает акцент с соревновательного аспекта, характерного для исходной традиции, на фактор риска и противостояния городскому контролю. В результате бомбинг в российском контексте воспринимается не столько как эстетическая практика, сколько как демонстрация присутствия и активности в уличном пространстве.

С бомбингом тесно связан термин *троу-ап*, обозначающий упрощённую форму работы, как правило, выполненную в ограниченной цветовой гамме и рассчитанную на быстрое исполнение. В российской уличной практике данный термин часто смешивается с понятием *флон*, что свидетельствует о размытости классификации и адаптации англоязычных обозначений под локальные условия. Подобное смешение отражает практическую ориентацию сленга: важным оказывается не точное следование исходной терминологии, а удобство использования термина в реальной коммуникации.

Более сложной формой уличной работы считается *кусок*, представляющий собой крупную композицию с проработанной формой букв и цветовым решением. В отличие от англоязычного *pièce*, в российской граффити-сцене данный термин используется сравнительно редко и зачастую уступает обобщающим обозначениям вроде «работа» или «надпись». Это позволяет говорить о частичном вытеснении исходного термина и о снижении его функциональной значимости в повседневной уличной практике.

Анализ терминов, обозначающих формы работ, показывает, что в российской граффити-среде они функционируют не как строгая система классификации, а как гибкий набор обозначений, приспособленных к конкретным условиям рискованной и ситуативной коммуникации. Вследствие этого границы между отдельными понятиями оказываются подвижными, а их значение определяется контекстом употребления и позицией говорящего внутри субкультурной иерархии.

Существенное место в сленге российской граффити-сцены занимают лексические единицы, выполняющие оценочную и иерархическую функции. Через данные термины фиксируются различия в статусе участников сообщества, уровне их опыта и степени признания внутри субкультуры. Одним из наиболее распространённых оценочных обозначений является термин *той*, используемый для характеристики неопытного или недостаточно компетентного участника граффити-сцены. Заимствованный из англоязычной среды, данный термин в российской практике приобретает выраженную негативную окраску и часто используется как форма маргинализации, подчёркивающая несоответствие субъекта неформальным нормам сообщества.

Близким по функции является термин *байтер*, обозначающий участника, копирующего чужой стиль или отдельные элементы работ. В российской уличной культуре данная лексема также выполняет преимущественно оценочную функцию и нередко приравнивается к обозначению *той*, несмотря на различие исходных значений. Подобное сближение терминов свидетельствует о том, что в локальной практике важным оказывается не тип нарушения, а сам факт отклонения от принципа индивидуальности, который воспринимается как базовая ценность граффити-сообщества.

Наряду с заимствованными обозначениями в российской граффити-среде функционируют локальные оценочные термины, такие как *чикарь* или *чикокер*. Данные единицы не имеют прямых англоязычных аналогов и формируются внутри устной уличной коммуникации. Их использование, как правило, носит резко негативный характер и направлено на подчёркивание низкого статуса участника, что позволяет рассматривать подобные лексеммы как маркеры внутренней субкультурной иерархии.

Противоположную часть оценочного поля образуют обозначения высокого статуса, среди которых выделяются термины *олд* и *кинг*. В российской граффити-сцене данные единицы используются ограниченно и зачастую в ироничном ключе. В отличие от англоязычной традиции, где подобные обозначения могут выполнять функцию официального признания, в отечественной

практике они чаще служат неформальным маркером опыта и длительности участия в уличной культуре, а не строгого иерархического статуса.

Анализ оценочных и иерархических терминов показывает, что сленг граффити-сцены выполняет функцию внутреннего регулирования сообщества. Посредством лексики осуществляется не только номинация ролей, но и выражение одобрения или осуждения, формирование норм поведения и поддержание субкультурных границ. Это позволяет рассматривать сленг как инструмент социальной стратификации внутри уличной культуры, а не просто как набор профессиональных обозначений.

Значимую часть сленга российской граффити-сцены составляют термины, связанные с пространственной организацией уличной практики и условиями её осуществления. Одним из ключевых понятий является *спот*, обозначающий место для нанесения граффити. В российской уличной культуре данный термин используется в расширенном значении и может относиться как к легальным, так и к нелегальным локациям. При этом важным оказывается не юридический статус пространства, а степень его доступности, проходимости и включённости в уличную коммуникацию. В ряде случаев спот рассматривается как зона повышенного риска и потенциального конфликта, что придаёт термину дополнительную оценочную нагрузку.

Противопоставленным понятием выступает *легал*, под которым понимается разрешённая для рисования поверхность. Несмотря на формально нейтральное значение, в российской граффити-среде данный термин нередко приобретает отрицательную или ироничную окраску. Легальные стены могут восприниматься как пространство, лишённое субкультурной значимости, поскольку они исключают фактор риска, играющий важную роль в уличной практике. Это позволяет рассматривать отношение к легалу как показатель ценностных установок внутри сообщества.

Особую группу образуют термины, связанные с труднодоступными или опасными локациями. К ним относятся обозначения типа *руфтоп*, используемого для описания работ, выполненных на крышах или карнизах зданий. В российской граффити-сцене подобные локации наделяются символическим статусом и воспринимаются как подтверждение опыта и смелости участника. Аналогичную функцию выполняют термины, связанные с железнодорожной инфраструктурой, такие как *ярд* или *панель*, отражающие специфику транспортного граффити и высокий уровень риска, сопутствующий данной практике.

Отдельное место в пространственном сленге занимают обозначения, связанные с контролем и противодействием со стороны властей. Так, термин *акаб*, активно используемый в уличной среде, служит не только для обозначения представителей правоохранительных органов, но и как сигнальный маркер опасности. Его функционирование выходит за рамки граффити-сцены, однако в уличной художественной практике он приобретает прикладной характер, связанный с координацией действий и предупреждением участников.

Анализ пространственных и ситуационных терминов показывает, что сленг граффити-сцены фиксирует не только объекты и действия, но и отношение сообщества к городскому пространству как к зоне постоянного взаимодействия, конфликта и символического освоения. В результате язык становится инструментом навигации в уличной среде, отражая как практические, так и ценностные аспекты уличной культуры.

Проведённый анализ сленговых единиц, функционирующих в российской граффити-сцене, позволяет рассматривать данный языковой пласт как целостную, хотя и внутренне неоднородную систему. В структуре сленга сочетаются заимствованные и локальные элементы, номинативные и оценочные обозначения, а также термины, связанные с пространственной организацией уличной практики. Их функционирование определяется не только исходным значением, но и контекстом употребления, статусом говорящего и конкретной ситуацией коммуникации.

Можно наблюдать, что англоязычные заимствования играют значительную роль в формировании сленга граффити-сцены, однако в российском контексте они редко воспроизводят исходную модель в неизменном виде. В процессе адаптации данные термины подвергаются семантическим сдвигам, упрощению или, напротив, переосмыслению, что приводит к формированию

локальных значений. Часть заимствованной лексики закрепляется в повседневной уличной практике, тогда как другая часть сохраняется преимущественно в теоретических описаниях и переводных глоссариях, не будучи активно включённой в живую коммуникацию.

Наряду с заимствованными единицами важное место в сленге занимают локальные обозначения, отражающие специфику российской городской среды, транспортной инфраструктуры и социального контроля. Подобные термины не имеют прямых англоязычных аналогов и формируются в рамках устной уличной коммуникации. Их устойчивое функционирование свидетельствует о самостоятельности российской граффити-сцены и о способности сообщества вырабатывать собственные языковые средства для описания опыта взаимодействия с городским пространством.

В итоге сленг граффити-сцены может быть охарактеризован как динамичный лексический пласт, выполняющий одновременно номинативную, оценочную и идентификационную функции. Он служит средством профессионального общения, инструментом внутренней регуляции сообщества и маркером субкультурной принадлежности. Это позволяет рассматривать сленг уличной культуры не как периферийное языковое явление, а как значимый объект лингвистического и культурологического анализа, отражающий процессы, происходящие в современной городской среде.

Библиографический список

1. Крысин Л.П. Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031000 и специальности 031001 «Филология». М.: Академия, 2007. 239 с.
2. Крысин Л.П. Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка // Русское слово, свое и чужое: Исслед. по соврем. рус. яз. и социолингвистике Москва : Яз. славян. культуры, 2004. С. 323 - 375.
3. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. Общие вопросы Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. М.: Наука, 1981. 276 с.
4. Андреев В.К. Доминанты молодежных субкультур в языковом отображении: граффити // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. №54. С. 4-7.
5. Андреев В.К. Язык русского граффити – английский или русский? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2010. №1 (11). С. 80-85.
6. Гуто Е. Язык и графика студенческих граффити: специальность 10.02.00 «Языкознание»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Задар, 2014. 222 с.
7. Гаптарь О.В. Граффити в городском пространстве: лингвистические особенности //Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2024. № 6 (62). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-62/nauka-dlya-megapolisa/graffiti-v-gorodskom-prostranstve-lingvisticheskie-osobennosti.html> (дата обращения – 15.10.2025).
8. Гаптарь О.В. Особенности использования директивных речевых актов в англоязычных и русскоязычных граффити // Язык. Культура. Перевод: от живой речи до цифровых моделей. сборник научных трудов. Москва, 2025. С. 318-324.
9. Новиков Д.В. Граффити в культурном пространстве современного города //Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 286-291.
10. Скуридина С.А., Новиков Д.В. Уличная культура: от вандализма к духовности // Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2025. С. 126-129.

References

1. Krysin, L.P. The Modern Russian Language: Lexical Semantics, Lexicology, Phraseology, Lexicography: for students of higher education institutions studying in the field of 031000 and specialty 031001 "Philology". Moscow: Academy, 2007. 239 p.
2. Krysin, L.P. Social and Functional Differentiation of the Modern Russian Language // The Russian Word, Our Own and Someone Else: Research in the Modern Russian Language and Sociolinguistics Moscow: Slavic Languages of Culture, 2004. pp. 323-375.
3. Russian Colloquial Speech / Ed. E. A. Zemskaya. General Issues of Word Formation. Syntax / E. A. Zemskaya, M. V. Kitaygorodskaya, E. N. Shiryaev. Moscow: Nauka, 1981. 276 p.
4. Andreev, V.K. "Dominants of Youth Subcultures in Linguistic Display: Graffiti" // Bulletin of Novgorod State University. 2009. No. 54. pp. 4-7.
5. Andreev, V.K. "The Language of Russian Graffiti – English or Russian?" // Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2010. No. 1 (11). pp. 80-85.
6. Guto, E. "The Language and Graphics of Student Graffiti: Specialty 10.02.00 "Linguistics": Dissertation for the Degree of Doctor of Philology. Zadar, 2014. 222 p.
7. Gaptar, O.V. "Graffiti in Urban Space: Linguistic Features" // Science in a Megapolis. 2024. No. 6 (62). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-62/nauka-dlya-megapolisa/graffiti-v-gorodskom-prostranstve-lingvisticheskie-osobennosti.html> (accessed 15.10.2025).
8. Gaptar, O.V. "Features of the Use of Directive Speech Acts in English-Language and Russian-Language Graffiti" // Language. Culture. Translation: From Living Speech to Digital Models. A Collection of Scientific Papers. Moscow, 2025. pp. 318–324.
9. Novikov, D.V. "Graffiti in the Cultural Space of the Modern City" // Linguistic and Cultural Universals in the World Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Editor-in-Chief S.A. Skuridina. Voronezh, 2023. pp. 286–291.
10. Skuridina, S.A., Novikov, D.V. Street culture: from vandalism to spirituality // Spirit, soul and body in world culture. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference. Voronezh, 2025. Pp. 126-129.

УДК: 811:378.661

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.007

*Северо-Западный Государственный медицинский университет им.И.И.Мечникова
доцент кафедры русского языка как иностранного, канд. филол. наук,*

*ВострокнUTOва Н.Н.,
Российская Федерация, Санкт-Петербург,
+79516852723,
e-mail: kultura17@mail.ru*

*Северо-Западный Государственный медицинский университет им.И.И.Мечникова
доцент кафедры русского языка как иностранного,*

*кандидат филологических наук,
Шехватова А.Н.,
Российская Федерация, Санкт-Петербург,
+79112627438,
e-mail: arina_sheh@mail.ru*

*North-Western State Medical University
named after I.I. Mechnikov
Associate Professor of the Department of Russian as a foreign language,
PhD in Philology,
Vostroknutova N.N.,
Russian Federation, St. Petersburg,
+79516852723,
e-mail: kultura17@mail.ru*

*North-Western State Medical University
named after I.I. Mechnikov
Associate Professor of the Department of Russian as a foreign language,
Candidate of Philological Sciences,
Shekhvatova A.N.,
Russian Federation, St. Petersburg,
+79112627438,
e-mail: arina_sheh@mail.ru*

Н.Н. ВострокнUTOва, А.Н. Шехватова

ДИСЦИПЛИНА «КУЛЬТУРА РЕЧИ» В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ

В статье анализируется проблема недостаточной обеспеченности учебно-методическими пособиями дисциплины «Культура речи» для целевой аудитории студентов медицинских вузов; представлен краткий обзор существующих учебно-методических пособий по культуре речи для медицинских вузов. Особое внимание уделяется принципам разработки профессионально-ориентированных учебных материалов по культуре речи для студентов-медиков. Отмечается, что пособия для студентов-медиков недостаточно представлены в сети Интернет и часто доступны только авторизованным пользователям электронных библиотечных ресурсов. Презентация материала в анализируемых пособиях преимущественно строится по принципу от наименьших языковых единиц (фонетический уровень) к наибольшим (текст и стили речи), от теории к практике. Теоретический блок в большинстве пособий представлен фрагментарно, что затрудняет самостоятельную подготовку обучающихся по темам. Практическая часть пособий чаще всего ориентирована на индивидуальную работу студента, однако материал некоторых пособий может быть использован в групповой работе на занятиях. Некоторые пособия посвящены лишь одной-двум практическим темам. В целом, объем исследованных пособий очень разный – от очень большого (более 400 страниц) до более оптимального (100-120 страниц). При составлении учебно-методических пособий предлагается ориентироваться на принципы их построения – с направленностью на специфически медицинскую аудиторию или на широкий круг пользователей разных специальностей. В первом случае обращается внимание на сохранение лексического баланса при наполнении контента пособия: объем медицинской терминологии должен соотноситься с объемом общеупотребительной лексики в равных пропорциях. Соответственно тексты с медицинской тематикой могут сопровождаться неспециализированными текстами. В заключении делаются выводы о целесообразности включения на федеральном уровне дисциплины «Культура речи» в основные профессиональные образовательные программы специалитета по медицинским специальностям.

Ключевые слова: русский язык, культура речи, медицинский вуз, учебники по культуре речи, рабочая программа по культуре речи, учебно-методические пособия по культуре речи для медицинских вузов.

N.N. Vostroknutova, A.N. Shekhvatova

CULTURE OF SPEECH AS A DISCIPLINE AT THE MEDICAL UNIVERSITY: THE PROBLEM OF THE STRUCTURE AND CONTENT OF TEXTBOOKS

The paper deals with the aspects of the problem of insufficient provision of educational and methodological materials for Culture of Speech discipline for medical students; it provides a brief overview of existing educational and methodological materials on culture of speech for medical universities. Special attention is paid to the principles of developing professionally oriented educational materials on speech culture for medical students. It is noted that manuals for medical students are insufficiently represented on the Internet and are often available only to authorized users through electronic library resources. The analyzed manuals are most often based on the principle from the smallest linguistic units (phonetic level) to the largest (text and speech styles), from theory to practice. The theoretical block in most manuals is presented in fragments, which makes it difficult for students to prepare themselves on the topics. The practical part of the manuals is most often focused on the individual work of the student, however, the material of some manuals can be used in group work in the classroom. Some manuals are devoted to only one or two practical topics. In general, the volume of the studied manuals varies greatly, from very large (more than 400 pages) to more optimal (100-120 pages). When compiling teaching aids, it is proposed to focus on the principles of their construction - with a focus on a specific medical audience or on a wide range of users of different specialties. In the first case, attention is paid to maintaining the lexical balance when filling the content of the manual: the volume of medical terminology should be correlated with the volume of common vocabulary in equal proportions. Accordingly, medical texts may be accompanied by non-specialized texts. The paper draws conclusions about the feasibility of including Culture of Speech the discipline in the main professional educational programs of medical specialties at the federal level.

Keywords: Russian language, Culture of Speech, medical university, textbooks on culture of speech, work program on Culture of Speech, textbooks Culture of Speech for medical universities.

В современном мире речевая культура является неотъемлемой частью имиджа специалиста в любой отрасли знаний и профессиональной деятельности, особенно в сферах личностного взаимодействия. Среди профессий типа «человек-человек» первой, наряду с профессией учителя и психолога, стоит профессия врача (шире – медицинского работника). Авторы статьи твердо убеждены, что, формируя у пациента представление о медицинском работнике, чей речевой портрет становится его «визитной карточкой», речевая культура личности врача одновременно презентует общую культуру всего медицинского учреждения и шире всей системы медицинского обслуживания в стране.

Включение в наполнение образовательных программ высшего образования по медицинским специальностям (Лечебное дело, Стоматология, Педиатрия, Медико-профилактическое дело, Клиническая психология, Сестринское дело и других) дисциплины «Культура речи» (в разных ее вариациях) является необходимым. Занятия по культуре речи – не только «трамплин» для формирования коммуникативной компетенции («софт-скилл») профессионала, но и «выразитель» общей тенденции к стандартизации речевой деятельности в той или иной сфере деятельности с целью оптимизации процесса общения (в нашем случае общения типа «врач-пациент»). Это становится возможным благодаря профессионально-ориентированному методическому оснащению данных занятий.

При формировании учебно-методического комплекса для занятий по культуре речи особое внимание уделяется созданию практико-ориентированного учебно-методического пособия, которое становится основой как для аудиторных занятий, так и для самостоятельной работы обучающихся.

Данное исследование посвящено краткому обзору имеющихся в открытом доступе учебно-методических пособий по культуре речи для обучающихся медицинских вузов. Актуальность исследования обусловлена недостаточной укомплектованностью учебно-методическими материалами курсов по культуре речи в медицинских вузах и необходимостью формулирования основных принципов построения таких пособий и критериев отбора материала для них с целью повышения уровня качества пособий, которые еще только предстоит создать. Таким образом, целью нашего исследования становится прогностическое моделирование

«идеального образа» учебно-методического пособия по культуре речи для обучающихся медицинского вуза и определение возможных траекторий создания таких пособий.

Методические пособия были избраны из числа существующих в глобальной системе Интернет методом сплошной выборки с последующим анализом данных пособий: с точки зрения их объема, структуры, соотношения теоретической и практической части пособия, видов заданий в практической части, соответствия целевой аудитории студентов-медиков.

В соответствии с ФГОС ВО [1] включение дисциплины по культуре речи в учебные планы образовательных программ высшего образования по медицинским специальностям в часть, формируемую участниками образовательных отношений, и количество зачетных единиц определяют вузы. Анализ образовательных программ, размещенных на официальных сайтах вузов, показал, что на освоение дисциплины, если она вообще присутствует в программе, обычно отводится 2 зачетные единицы (з.е.) – 72 часа, реже 3 з.е. – 108 часов. Для примера, в СЗГМУ им. И.И. Мечникова: бакалавриат «Сестринское дело» (34.03.01) дисциплина 1 курса «Культура речи как основа успешной профессиональной коммуникации» – 2 з.е.; специалитет «Лечебное дело» (31.05.01) дисциплина 1 курса «Культура речи» – 2 з.е. ФГБУ «НМИЦ им. В.А. Алмазова»: специалитет «Лечебное дело» (31.05.01) дисциплина 2 курса «Культура речи врача» – 2 з.е. РНИМУ им. Н.И. Пирогова (Пироговский университет): специалитет «Педиатрия» (31.05.02) дисциплина 2 курса «Культура речи в практике врача» – 3 з.е. В рабочих программах дисциплин по культуре речи, размещенных в открытом доступе, в перечне основной и дополнительной учебной литературы часто указываются учебные пособия для студентов вузов, обучающихся по широкому кругу направлений и специальностей, пособия для гуманитарных специальностей, пособия, предназначенные для других уровней образования. Авторами данной статьи рассматривались только методические пособия для обучающихся медицинских вузов.

Учебное пособие Орловой Елены Владимировны «Русский язык и культура речи для медицинских вузов» [2] состоит из восьми глав, каждая из которых имеет теоретическую часть и практикум, приложений с художественными и научными текстами, диктантами. Большое количество интересных разноплановых языковых, речевых и творческих заданий на материале общего содержания и медико-биологического содержания дает преподавателю большое поле для работы со студентами, однако объем пособия (464 страницы) затрудняет его использование при реализации дисциплин по культуре речи, на которые в медицинских вузах в среднем отводится около 72 часов, включая 36 часов самостоятельной работы. Обширный дидактический материал (сопоставимый по объему с учебными пособиями по культуре речи для гуманитарных вузов), который можно было бы последовательно презентовать обучающимся и отрабатывать на материале практической части пособия при достаточном количестве учебных часов, оказывается избыточным и требует предварительного сокращения с выбором презентуемого учебного материала и подбором соответствующих практических заданий.

В аннотации автор в качестве целевой аудитории указывает также слушателей спецкурсов коммуникативной направленности и учащихся различных специальностей, изучающих, помимо русского языка и культуры речи, риторику, этику и эстетику. Такое расширение целевой аудитории, с одной стороны, делает учебное пособие более универсальным, но, с другой стороны, размывает профессиональную направленность учебного пособия на студентов медицинских специальностей.

Учебно-методическое пособие «Русский язык и культура речи» [3] коллектива авторов (Т.Ф. Извековой, Л.С. Захидовой, Л.А. Шабалиной и Т.Д. Богачановой) нацелено, согласно заявленной авторами во «Введении» концепции, на «освоение студентами теоретических основ курса и приобретение практических навыков использования языка в повседневной жизни и профессиональной коммуникации» [3; с. 4]. В качестве характерной особенности пособия авторы называют его текстоцентрическую направленность, причем материалом для закрепления практических навыков избираются тексты медицинской тематики. Пособие включает в

себя задания по трем разделам курса «Русский язык и культура речи»: «Языковая норма»; «Стилистика»; «Риторика». Теоретический материал предлагается обучающимся изучить самостоятельно согласно списку рекомендованной литературы с обязательным конспектированием. В аудитории осуществляется закрепление полученных знаний путем выполнения заданий индивидуально или в микрогруппах. Также предлагаются задания для самостоятельной работы студентов. В первом разделе пособия представлен материал курса орфографии и пунктуации, который дублирует соответствующий раздел школьной программы. Однако, на наш взгляд, невозможно в часы, отведенные для самостоятельной работы, законспектировать большой свод правил по орфографии и пунктуации. Пособие проверяет остаточные знания школьной программы.

Исходя из поставленных задач, авторами пособия предлагается следующая структура материала по каждой теме:

1. Тема. Основные понятия (ключевые слова).
2. Вопросы для обсуждения на занятии.
3. Практические задания на основе текстов по специальности.
4. Задания для самостоятельной работы.

Такая структура выдерживается в формате всего пособия. Пособие также снабжено Приложениями со справочным и теоретическим материалом по некоторым темам разделов (например, по орфографии дается алгоритм правописания -н-/-нн- в прилагательных и причастиях). В разделе «Приложения» некоторые темы представлены в форме сжатого конспекта или даже схемы, другие – в форме целостного текста. В заключении авторы объясняют подбор заданий подготовкой студентов к Федеральному экзамену по русскому языку в сфере профессионального образования.

Во «Введении» к пособию «Русский язык и культура речи для медицинских вузов» [4] авторы М.Н. Васильева, О.Н. Васильева напоминают позицию государства (в лице Президента В.В. Путина) и тем самым утверждают свою собственную позицию о важности русского языка как ценности – для народа в целом и для отдельной личности – и о необходимости введения курса русского языка в вузах страны. Преимущество данного пособия заключается в его четко выверенной структуре: от краткого теоретического материала к практическим заданиям на закрепление этого материала. Содержание раскрывается в традиционной манере – от наименьших единиц (фонем) к наибольшим (текст, стиль). После блока заданий на базе общеупотребительных языковых единиц особо выделяются задания с медицинской терминологией, что является целесообразным и практически оправданным в медицинском вузе. Важным представляется и блок «Особенности публичной речи. Речь врача на приеме пациента». Учебное пособие снабжено «Приложениями», из них первые три адресованы преподавателям дисциплины «Культура речи», показывая им примерные образцы построения дисциплины в медицинском вузе и прогнозируемые результаты. Данное пособие может быть рекомендовано для использования в медицинском вузе, однако теоретический материал в нем представлен сжато и требует дополнения.

На кафедре белорусского и русского языка Белорусского государственного медицинского университета было подготовлено учебно-методическое пособие В.В. Белого и Г.Н. Аксеновой «Культура речи молодого врача» [5]. Разделы пособия «Структурные и коммуникативные свойства языка», «Культура речи и речевой этикет», «Речевое общение», «Нормы устной и письменной речи», «Лексическая норма», «Морфологическая норма», «Синтаксическая норма», «Стили речи», «Научный стиль речи», «Официально-деловой стиль речи» включают в себя в кратком изложении основные теоретические сведения, необходимые для выполнения практических заданий по каждой теме, упражнения на разные виды работ. Несмотря на небольшой объем пособия (100 страниц), которое предназначено для факультатива по программе «Речевая культура молодого специалиста», авторы пособия сумели последовательно реализовать принцип профессиональной направленности учебного пособия, в пособии

затронуты все ключевые темы с опорой на профессиональную лексику, микротексты на медицинские и околomedicalные темы.

В перечнях литературы в рабочих программах встречаются также учебные пособия для медицинских вузов по отдельным разделам культуры речи. Например, практикум по орфографии М.А. Соиной «Русский язык как язык специальности. Научно-практическое пособие для повышения качества языковой подготовки будущих медиков» [6]. В пособии последовательно используются лексические единицы профессиональной речи и медицинской терминологии, соблюдается принцип отработки навыка применения орфографических норм в профессиональной сфере речевой деятельности.

Пособие «Русский язык как язык специальности. Нормы письменной речи (орфография). Практикум» презентовалось автором как первая книга комплекса материалов, среди которых упоминались учебник «Русский язык для будущих медиков», серия практикумов, хрестоматия для чтения и анализа художественной литературы. В открытом доступе на официальной странице кафедры русского языка Института мировой медицины Пироговского университета (<https://rsmu.ru/structure/edu-dept/ims/rus-lang-dept/forstudents>) размещено только упомянутое выше пособие. Структура пособия и качество его подготовки дают основания ожидать от разрабатываемого кафедрой комплекса материалов высокого методического уровня.

Учебное пособие Л.Ю. Берзеговой «Культура речи врача: правописание медицинских терминов» [7] посвящено особенностям орфографической нормы в языке медицины. Два раздела пособия содержат теоретический и практический материал по отдельным правилам орфографии медицинских терминов, в третьем разделе собраны приложения, включающие рекомендации, справочный материал, словари, материалы для подготовки к терминологическим диктантам для студентов различных факультетов и специальностей и тестовые задания.

Коллективы кафедр, реализующих дисциплины в области культуры речи, решают задачу обеспеченности дисциплин учебно-методическими пособиями в условиях их отсутствия или несоответствия наполнению рабочей программы и количеству часов не только изданием печатных учебных материалов в издательствах своих вузов или других издательствах, но и созданием учебных материалов на электронных носителях (например, учебные материалы размещаются на электронно-образовательных ресурсах – ЭОР). Поскольку доступ к ЭОР учебных заведений обычно ограничен для сторонних посетителей, такие учебные материалы остаются вне поля зрения профессионального сообщества преподавателей других учебных заведений. Обмен такими учебными материалами между медицинскими вузами имеет определенные юридические и практические сложности. Материалы, попадающие в интернет и находящиеся в свободном доступе, сложно анализировать в силу фрагментарности и сомнительной достоверности.

На практике складывается ситуация, когда происходит дублирование методической работы, ориентированной на аналогичный контингент, коллективами кафедр различных вузов. Повысить продуктивность методической работы могло бы, на наш взгляд, создание специализированных профессионально-ориентированных учебников и учебных пособий совместными авторскими коллективами различных медицинских вузов. В этом процессе возможен обмен опытом и имеющимися наработками, обсуждение принципов построения пособий, отбора материала.

Учитывая проблемы, которые стоят перед создателями учебно-методических пособий по культуре речи, можно выделить следующие принципы их разработки:

- ориентация на содержательное наполнение: бегло и кратко осветить все темы или сконцентрироваться на отдельных выбранных темах (например, орфография, научный стиль речи и т.д.);

- преемственность со школьной программой: повторять пройденное в школе с установкой на прогнозируемый недостаточный уровень остаточных знаний или ориентироваться на движение «вглубь и вширь» от потенциально ожидаемого достаточного уровня знаний;

- сохранение баланса в лексическом наполнении: определить соотношение общеупотребительной и профессиональной лексики;

- конкретизация «фонового» наполнения: подбирать микротексты и тексты исключительно на медицинские и околомедицинские темы (в том числе научные статьи, например: Е.В. Кудрина «Медицинская лексика в метафорическом использовании в поэзии: с начала XX века до времен ковид-пандемии на примере лексем «вирус» и «маска»» [8; с. 50-56], чередовать их с текстами на общекультурные и познавательные темы (для реализации этой цели мы предлагаем использовать практические задания с несколькими «горизонтами» обучающего контента: подробнее о данной методике в другой нашей статье [9]) или использовать тексты, традиционно включаемые в сборники упражнений по русскому языку и культуре речи, без учета профессиональной направленности курса и сверхдисциплинарных задач (расширение общего кругозора, построение междисциплинарных связей и т.д.);

- актуализация потенциала для инициативного самостоятельного изучения материала обучающимися: количественное соответствие заданий продолжительности курса (все задания выполняются на занятиях или планируются на часы, выделенные в рабочей программе для самостоятельной работы) или включение факультативных заданий с пометами, маркирующими выход заданий за пределы основного курса, и рекомендациями для обучающихся по их выполнению или ключами.

- обоснование выбранного для данной дисциплины объема часов в учебном плане специальностей медицинского вуза. Исходя из выбранного количества часов, в том числе для самостоятельной работы обучающихся, необходимо:

- презентовать обучающимся источники достоверной информации по темам (например, по орфографии и пунктуации – Академос (<https://orfo.ruslang.ru/>), Грамота (<https://gramota.ru/>); по собственно речевой культуре – Культура письменной речи (<http://gramma.ru/>));

- научить пользоваться актуальными достоверными источниками информации, для чего предлагать на занятии практические задания по работе с данными источниками.

Таким образом, авторам статьи представляется целесообразным при подготовке проекта основных образовательных программ медицинского вуза (специалитет по направлениям подготовки «Лечебное дело», «Стоматология», «Педиатрия» и «Медико-профилактическое дело» и др.) включить дисциплину по изучению культуры речи в блок обязательных дисциплин, причем именно на федеральном уровне. «Совместно с другими дисциплинами социально-гуманитарного модуля дисциплина «Культура речи» играет важную роль в формировании личности обучающегося – будущего врача» [9; с. 47]. В процессе изучения культуры речи формируется положительный образ врача, который свободно владеет речевыми нормами и способен без затруднений коммуницировать с коллегами и пациентами.

Важнейшим инструментом в обучении культуре речи является учебно-методическое пособие, которое должно соответствовать критериям уместности (целесообразности) и доступности контента для обучающихся, актуальности для дальнейшей деятельности специалистов в медицинской сфере и практикоориентированности. Учебно-методическое пособие по культуре речи должно иметь четкую структуру: от теории к практике, от наименьших языковых единиц к наибольшим. Необходимо уделять внимание не только общеупотребительным нормам, но и собственно медицинской терминологии. Возможно включение итоговых тестов для экспресс-контроля знаний обучающихся по избранным темам, а также ситуационных задач, связанных с будущей профессиональной деятельностью студентов-медиков. Объем пособия должен быть оптимальным с точки зрения учебной рабочей программы вуза. Теоретический материал может быть представлен сжато в основном формате пособия и расширен и дополнен в приложениях (для самостоятельного изучения обучающимися). Практические задания должны способствовать формированию базового представления о тех или иных речевых нормах и правилах коммуникации, в том числе в профессиональной сфере.

Библиографический список

1. ФГОС 31.05.01 Лечебное дело (уровень специалитета) Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 N 988. [сайт] URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-01-lechebnoe-delo-988>. (дата обращения: 28.07.2025).
2. Орлова Е.В. Русский язык и культура речи для медицинских вузов: Учебное пособие. 2 изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2016. 464 с.
3. Извекова Т.Ф., Захидова Л.С., Шабалина Л.А., Богачанова Т.Д. Русский язык и культура речи: учебно-методическое пособие. Новосибирск: НГМУ, 2019. 112 с. // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/145032> (дата обращения: 28.01.2025). Режим доступа: для авториз. пользователей.
4. Васильева М.Н., Васильева О.Н. Русский язык и культура речи для студентов медицинских вузов: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2022. 84 с. // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/231785> (дата обращения: 21.07.2025). Режим доступа: для авториз. пользователей.
5. Белый В.В., Аксенова Г.Н. Культура речи молодого врача: учеб.-метод. Пособие. Минск: БГМУ, 2011. 100 с.
6. Соина М.А. Русский язык как язык специальности. Научно-практическое пособие для повышения качества языковой подготовки будущих медиков, 2014. 130 с. / Интернет-ресурс РНИМУ. URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/LF/rus_lang/soina_ma_russkiy_yazyk_2.pdf (дата обращения: 21.07.2025).
7. Берзегова Л.Ю., Матвеева Т.Ф., Нетёсина М.С. Культура речи врача: правописание медицинских терминов: учебное пособие. М: ГЭОТАР-Медиа, 2024. 96 с. Электронная версия доступна на сайте ЭБС «Консультант студента»: [сайт] URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970480519.html> (дата обращения: 21.07.2025).
8. Кудрина Е.В. Медицинская лексика в метафорическом использовании в поэзии: с начала XX века до времен ковид-пандемии на примере лексем «вирус» и «маска» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 1(56). С. 50-56.
9. Вострокнутова Н.Н., Шехватова А.Н. Дисциплина «Культура речи» в медицинском вузе: проблемы и перспективы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 3(58). С. 41-49.

References

1. FGOS 31.05.01. Federal State Educational Standard 05.31.01 Medical practice (specialty level) Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08.12.2020 N 988. Available at: <https://fgos.ru/fgos/fgos-31-05-01-lechebnoe-delo-988> (date of access: 28.07.2025).
2. Orlova E.V. Russian language and culture of speech for medical universities: A textbook. 2nd ed., revised and add. Rostov-on-Don: Publishing house «Phoenix», 2016. 464 p.
3. Izvekova T.F., Zahidova L.S., L.A. Shabalina, Bogachanova T.D. Russian language and culture of speech: an educational and methodical manual. NSMU, 2019. 112 p. // Lan: electronic library system. Available at: <https://e.lanbook.com/book/145032> (date of request: 28.01.2025). Access mode: for authorization users.
4. Vasil'eva M.N., Vasil'eva O.N. Russian language and speech culture for medical university students: a textbook Moscow. Moskow: FLINTA, 2022. 84 p. // Lan: electronic library system. Available at: <https://e.lanbook.com/book/231785> (date of request: 21.07.2025). Access mode: for authorization users.
5. Belyj V.V., Aksenova G.N. Culture of speech of a young doctor: textbook.- the method. manual. Minsk: BSMU, 2011. 100 p.

6. Soina M.A. Russian as a specialty language. Scientific and practical guide for improving the quality of language training for future doctors. 2014. 130 p. / RNIMU Internet resource. Available at: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/LF/rus_lang/soina_ma_russkiy_yazyk_2.pdf (date of request: 21.07.2025).

7. Berzegova, L.Ju., Matveeva T.F., Netjosina M.S. Culture of the doctor's speech: spelling of medical terms: a textbook. Moscow: GEOTAR-Media, 2024. 96 p. The electronic version is available on the website of the EBS «Student Consultant»: Available at: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970480519.html> (date of request: 21.07.2025).

8. E.V. Kudrina. Medical vocabulary in metaphorical use in poetry: from the beginning of the 20th century to the time of the covid-pandemic using the lexemes «virus» and «mask» as an example // Actual issues of modern philology and journalism. 2025. № 1(56). Pp. 50-56.

9. Vostroknutova N.N., Shehvatova A.N. Disciplina Culture of speech as a discipline at the medical university: problems and prospects // Actual issues of modern philology and journalism. 2025. № 3(58). Pp. 41-49.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.008

Воронежский государственный педагогический университет

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Заварзина Г.А.

Россия, Воронеж, тел.: +7(473)264-44-17

e-mail: zga1311@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Ph.D., Head of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Zavarzina G.A.

Russia, Voronezh, tel.: +7(473)264-44-17

e-mail: zga1311@mail.ru

Воронежский государственный педагогический университет

Студент гуманитарного факультета

Лупина Е.Ю.

Россия, г. Воронеж,

тел.: +7 980-362-64-72

e-mail: lupinaelizaveta12@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Student of the Faculty of Humanities Lupina E.Y.

Russia, Voronezh,

tel.: +7 980-362-64-72

e-mail: lupinaelizaveta12@yandex.ru

Г.А. Заварзина, Е.Ю. Лупина

ЯДРО ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ В ПРОЗЕ А.И. КУПРИНА 1890–1910-х ГОДОВ

Статья посвящена исследованию структурно-семантической организации поля цветообозначений в прозе А.И. Куприна 1890–1910 гг. и выявлению его текстообразующих и аксиологических функций. На основании комплексного лингвостилистического анализа цветовой лексики, функционирующей в художественных произведениях писателя, выявлены доминирующие цветовые доминанты (чёрный, белый, красный, жёлтый), и описана многоуровневая система их языковой репрезентации. Описана многоаспектная система языковой репрезентации цвета, охватывающая простые и сложные прилагательные, существительные, глаголы, а также оттеночные и вторичные номинации. Установлено, что колоративы функционируют как важнейший семиотический ресурс, обеспечивая портретную и пейзажную характеристики, а также формируя символично-психологический подтекст. В заключении обосновывается тезис о трансформации цветовой лексики у Куприна из орнаментального элемента в структурообразующий семиотический знак с амбивалентной символикой, определяющий специфику художественной картины мира писателя.

Ключевые слова: колоративная лексика, идиостиль, семантика цвета, лингвостилистический анализ, художественная картина мира.

G.A. Zavarzina, E.Y. Lupina

THE CORE OF THE COLOR PALETTE IN THE PROSE OF A.I. KUPRIN IN THE 1890s-1910s

The article examines the structural and semantic organization of the field of colour terms in A. I. Kuprin's prose of the 1890–1910s and identifies their text-forming and axiological functions. Based on a comprehensive linguostylistic analysis of colour vocabulary functioning in the writer's literary works, the study reveals the dominant chromatic markers (black, white, red, yellow) and describes the multi-level system of their linguistic representation. It outlines a multifaceted system of colour representation encompassing simple and compound adjectives, nouns, verbs, as well as nuanced and

secondary nominations. The research establishes that colour terms function as a key semiotic resource, contributing to portrait and landscape characterization and shaping symbolic-psychological subtexts. The conclusion substantiates the claim that in Kuprin's prose, colour vocabulary undergoes a transformation from an ornamental element into a structuring semiotic sign with ambivalent symbolism, which determines the specificity of the writer's artistic worldview.

Keywords: colour vocabulary, idiostyle, colour semantics, linguostylistic analysis, artistic worldview.

Лексика, связанная с цветом, занимает важное место в словаре любого языка, поскольку отражает культурные особенности восприятия окружающего мира: цветовые номинации несут в себе информацию о духовной жизни, историческом развитии и традициях народа, – и обладает системным характером, что позволяет рассматривать ее как лексико-семантическое поле. А. Вежбицкая отмечает, что лексический разряд цвета представляет собой «универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений и в полной мере воплощает процесс последовательного осмысления человеческим разумом множества оттенков цветового спектра, который у различных этнических общностей происходит неодинаково» [6]. В контексте художественного творчества цветовая лексика отличается сложной структурой и глубоким содержанием: семантика цвета отражает целый комплекс дополнительных значений смысла, коннотативных оттенков, кодируемых автором. Подобные семантические наслоения создают особый символический подтекст, который выходит за рамки простого описания и раскрывает глубинные, подчас скрытые идеи произведения. Физическая категория цвета, «пропущенная через авторское сознание, представляет собой языковое выражение уже собственно онтологической категории цвета, опосредованной историческими, социальными, культурологическими факторами, которые напрямую связаны с развитием цивилизации, с важнейшими сферами деятельности человека» [13].

Как показало исследование, цветовая лексика в идиостиле А.И. Куприна периода 1890–1910 годов («Чудесный доктор», «Белый пудель», «Гранатовый браслет», «Олеся», «Поединок») представлена 528 номинациями, среди которых можно выделить доминирующие цвета: ахроматические – черный и белый, хроматические – красный и желтый (см. табл. 1).

Таблица 1

Цвет	Чудесный доктор	Белый пудель	Гранатовый браслет	Олеся	Поединок	Всего
Чёрный	6	19	5	14	60	104
Белый	2	12	9	13	60	96
Красный	2	9	17	10	46	84
Жёлтый	2	8	9	4	33	56
Серый	1	4	4	8	23	40
Зелёный		5	4	7	18	34
Розовый	1	9	4	3	11	28
Голубой		6	4	5	12	27
Синий	2	6	2	5	6	21
Коричневый		4	1	7	7	19
Оранжевый		2	2	2	5	11

Фиолетовый				3	5	8
------------	--	--	--	---	---	---

Цветовая лексика в прозе писателя 1890-е годы выполняет орнаментально-декоративную функцию и используется в первую очередь для характеристики внешности человека и окружающего его быта. Так, цветовая номинация «черный» представлена эксплицитно и участвует в описании словесных знаков, входящих в лексико-тематические группы «одежда человека» (ср.: «*черные горошины на рубашке*», «*чёрное платье*», «*чёрные чулки*»), «внешность человека» (ср.: «*чёрные глаза*», «*чёрная борода*», «*чёрные брови*», «*губы чёрные*», «*чёрные холёные усы*», «*чёрные волнистые волосы*»), «экстерьер и интерьер дома» («*чёрная рама раскрытой двери*», «*тёмные окна*»). Колоративы в прозе А.И. Куприна используются также для характеристики природных явлений и особенностей животного и растительного мира («*чёрная туча*», «*чёрная ночь*», «*чёрный баран*», «*чёрный кот*», «*чёрные стволы дубов*»). Важной особенностью идиостиля А. Куприна являются тропеические средства с цветовой лексемой, представленными метафорическими и метонимическими наименованиями (ср.: «*чёрные нивы*», «*чёрные обильные гроздья, издававшие слабый запах клубники*»; «*вода чёрная и страшная*», «*чёрное искусство*») и сравнениями («*чёрные, как сапог*»). Номинация «чёрный» функционирует чаще всего в прямом значении, однако при сочетании с абстрактными лексемами *тьма*, *горе*, *несчастье*, *зло* реализует переносные смыслы и содержит коннотации пейоративного характера (ср.: «*Полнеба закрыла черная туча с резкими курчавыми краями, но солнце еще светило, склоняясь к западу, и в этом смешении света и надвигающейся тьмы было что-то злое*», «*Действительно, для многого из ее черного искусства я не умел найти объяснения в своей небольшой науке*», – «Олеся», «*Не буду же я заниматься черной работой, сечь людям голы...*» - «Поединок»).

Следует отметить сложность семантического наполнения колоратива «белый», который в языке писателя реализует символику амбивалентности: он функционирует как маркер чистоты и невинности, красоты окружающего мира, духовного совершенства (ср.: «*белые нитяные перчатки*», «*белый платок*», «*белое платье*», «*белая рубашка*», «*белая рубаха*», «*белые стиснутые зубы*», «*белые острые зубки*», «*ноги белые до колен*», «*белый затылок*», «*белая шейка*», «*белые губы*», «*белые, низкие домики*», «*белый крошечный флигелёк*», «*белые обои*», «*белая зала*», «*белые стены*», «*белые облака*», «*белые яркие молнии*», «*белые клубы морозного воздуха*», «*деревья, окутанные в свои белые ризы*», «*ослепительно-белый фон снега*», «*белые мыши*», «*белая худая лошадь*», «*белый пудель*», «*белые шапки черёмухи*», «*белая акация*», «*белели большие головки кувшинок*», «*мухоморы... вышиты белым бисером*»; «*белая женщина*», «*белая фигура*», «*белый господин*», «*белели головки кувшинок*», «*белые шапки черёмухи*», «*белые стройные паруса*», «*как белый прыгающий комок, выскочил с лаем Арто*», «*Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шелк, кудель...*»), но в отдельных случаях реализует семантику формализма, (ср.: «*Генерал грузно нагнул на седле и протянул Стельковскому свою пухлую руку в белой незастегнутой перчатке*», – «Поединок», перчатка здесь формальный код чина и ритуала, стереотипный знак офицерского обихода).

Цветовая лексика в прозе писателя 1900-1910-х годов связана с передачей психологически-экспрессивных особенностей человека и отражением амбивалентной символики: она начинает использоваться для раскрытия внутреннего мира персонажей, передачи эмоций и конфликтов. Так, лексема «красный» чаще всего используется для описания внешности персонажа («*губища красные*», «*короткие красные веки*», «*красные шейки*», «*красное, раздражённое лицо*», «*красные, горящие губы*», «*красная, толстая, сивая подрядческая морда*», «*зарубите это на своем красном, пьяном носу*», «*мясистые красные руки*», «*красное напудренное лицо*») и природных явлений («*багровый отблеск догорающей зари*», «*красные, косые лучи солнца*»), а также выступает символическим маркером, выполняющим важную роль в раскрытии тем любви и страсти, судьбы и трагедии.

Колоратив «жёлтый» иногда ассоциируется с негативными эмоциями, такими как злость и раздражение (ср.: «*Ромашов видел, как постепенно бледнело его лицо и как в глазах его разгорался зловеющий желтый блеск*» - «Поединок»), с физическими недостатками (ср.: «*Это был худой, чахоточный человек, с лысым желтым черепом и черными глазами — влажными и ласковыми, но с затаенным злобным огоньком*», «*Но его черные глаза с желтыми белками пылко и тревожно перебежали с лица жены на лицо Ромашова*», - «Поединок»), старостью и дряблостью (ср.: «*Тело у него было желтое дряблое и бессильное, ноги — паразитально тонкие, а спина с выдавшимися острыми лопатками была сгорблена от долголетнего таскания шарманки*» - «Белый пудель»). Это индивидуально-авторская символика, которая усиливает психологический портрет персонажей и атмосферу произведения. Часто встречающийся оттенок жёлтого цвета – это «золотой», используется для передачи семантики материального благополучия и богатства (ср.: «*Барыня с мальчиком и господин в золотых очках подошли к самым перилам; остальные почтительно оставались на заднем плане*» - «Белый пудель»), словосочетание «золотые очки» - встречается в тексте рассказа 4 раза, подтверждая материальное положение героя, «*Он сидел на том же самом месте, где теперь сидите вы. Он играл своим золотым пенсне и говорил о женищинах*» - «Поединок», а также символ торжества и блеска (ср.: «*А слева блестят золотые поющие трубы оркестра, и Ромашов чувствует, что между генералом и музыкой протянулась невидимая волшебная нить, которую и радостно и жутко перейти*», «*Имя его записано в академии на золотую доску. Профессора сулят ему блестящую будущность ...*» – «Поединок»).

Как отмечает С.В. Пилатовская, «каждое цветовое обозначение состоит из двух компонентов – реального и символического. В цветоведении существуют две основные точки зрения: учение о физической оптике и учение о цветовых ассоциациях, психологическом эффекте цвета; на основе второй появилась наука о цветовой символике, где именно цвет играет важную роль в произведении, культуре. У истоков культуры цвет был эквивалентен слову, т.е. был символом различных предметов и понятий» [11]. Цветообозначения – это древние ментальные образования, в основе которых лежат собственно цветовое значение и совокупность символических значений [9]. По мнению И.Ф. Гараниной, «в произведениях А.И. Куприна цветовая лексика является одной из главных составляющих языковой картины мира писателя, которая формирует его цветовое восприятие окружающего пространства и человеческого общества: пейзажа, портрета, внутреннего мира персонажа» [8].

Цветовая лексика в прозе А.И. Куприна представлена широким спектром оттеночных колоративов, среди которых можно выделить имена прилагательные без ясно прослеживаемой этимологии («*Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов*» - «Гранатовый браслет»; «*Держась за стену, сотрясаясь на каждом шагу сгорбленным телом, она подошла к столу, достала колоду бурых, распухших от времени карт, стасовала их и придвинула ко мне*» - «Олеся»; «*Под ним был огромный, видный гнедой мерин, весь в темных яблоках, все четыре ноги белые до колен*» - «Поединок»; «*Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака...*» – «Поединок»), и вторичные (аналитические) суффиксальные номинации («*Кое-где сквозь их мертвую желтизну подымали свои лиловые головки крупные колокольчики «сна» – первого цветка Полесья*» - «Олеся»; «*Тихие лиловые тени от деревьев легли на полянку*» – «Поединок»; «*Длинный, худой, шоколадного цвета мерин, с отвислой нижней губой и обиженной мордой, степенной рысцой влек высокую тряскую плетушку...*»; «*Он энергично ударил себя по могучему бронзовому затылку, который свешивался на воротник жирной безволосой складкой*»; «*На раскаленном и точно подернутом серебристой пылью небе не показалось ни одного облачка*»; «*Я сильно привязался к этому милому животному, с крепкими, тоненькими, точеными ножками, с косматой челкой, из-под которой сердито и недоверчиво выглядывали огненные глазки, с крепкими, энергично сжатыми губами*»; «*Он был в сером пиджачке с огромными рыжими клетками, в узких брючках василькового цвета...*» -

«Олеся»); «Так раздумывала княгиня Вера и не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней, дрожавших внутри пяти гранатов» - «Гранатовый браслет»). Производные колоративы, функционирующие в творчестве А. Куприна, могут образовываться с помощью сложения («Белокурые волосы, все в крупных локонах, растрепались у него небрежно по плечам»; «Из полковых дам была еще приглашена жена поручика Андрусевича, маленькая белолицая толстушка, глупая и смешливая...», «Краснонося девица кричала с трагическими жестами что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке», «Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя вдаль, оно в то же время подымается вверх спокойной могучей стеной, и цвет его был еще синее, еще гуще в узорчатых прорезах, среди серебристо-зеленой листвы»; «Ее не было видно из-за высокой белой стены, над которой, с той стороны, возвышался плотный строй тонких запыленных кипарисов, похожих на длинные черно-серые веретена» - «Белый пудель») и от заимствованных лексем суффиксальным способом («Вера вынула из вазочки две маленькие розы, розовую и карминную (ср.: кармин – красная краска, через нем. Karmin или прямо из франц. carmin, объясняемого контаминацией араб. qirmiz и minium – [12, т. 2], и вдела их в петлицу генеральского пальто) – «Гранатовый браслет»; «В руках у болезненной дамы появился маленький перламутровый (ср.: перламутр – заимств. из нем. Perlemutter; франц. mère-perle, ср.-лат. māter perlārum мать жемчуга – [12, т. 4; с. 405] кошелек) – «Белый пудель»).

К числу цветообозначений уточняющего характера можно отнести лексемы с формантами ярко- («Перед ним лежало видное глазу на полверсты, ровное, ярко-белое полотно до роги, но на нем — ни одной фигуры, ни одной тени...» - «Белый пудель»), весело-, густо-, тускло -, нежно -, бледно- («Вода была ласково-спокойна и весело-синя, светлея лишь косыми гладкими полосами в местах течения и переходя в густо-синий глубокий цвет на горизонте»; «Она достала из своего ручного мешочка маленькую записную книжку в удивительном переплете: на старом, стершемся и посеревшем от времени синем бархате вилась тускло-золотой филигранный узор редкой сложности ...»; «Ее чешиця отливала золотом, плавники были ярко-красного цвета, а от громадной хищной морды шли в стороны два нежно-голубых складчатых, как веер, длинных крыла»; «Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку» – «Гранатовый браслет»), ослепительно-, огненно- («Красная юбка Олеси, слегка колеблемая ветром, еще виднелась на крыльце хаты, выделяясь ярким пятном на ослепительно-белом, ровном фоне снега»; «Он был в сером пиджачке с огромными рыжими клетками, в узких брючках василькового цвета и в огненно-красном галстуке, с припомаженным пробором посередине головы, весь благоухающий персидской сиренью» - «Олеся»). Среди конструктивно-сложных цветовых наименований выделяются генитивные конструкции: «Он прикрыл пальцем отверстие трубы, и от этого в фонтане бесчисленных брызг солнце играло всеми цветами радуги» («Белый пудель»), «Из-за угла выскочили два огромных молодых корнухих дога мышастого цвета» («Поединок») – и конструкции, выраженные сравнительными оборотами: «Выемка уходила вниз, как темная пропасть; на дне ее слабо блестели отполированные рельсы»; «Мое существование однообразно, как забор, и серо, как солдатское сукно»; «Сейчас же за окном начинался сад, где во множестве росли черешни, все белые от цветов, круглые и кудрявые, точно стадо белоснежных овец, точно толпа девочек в белых платьях» (Поединок); «Губищи у них красные, толстые, а глазищи белые, а волосы курчавые, как на черном баране», «Но в ту же минуту из темноты раскрытой двери, как белый прыгающий комок, выскочил с лаем Арто»; «Она проделала в почве круглый неглубокий водоем, из которого сбегала в ручей тонкой змейкой, блестящей в траве, как живое серебро» (Белый пудель).

Цветовая лексика в прозе А.И. Куприна представлена словами разных частей речи, что демонстрирует ее полифункциональность. Безусловно, имена прилагательные являются доминирующей частью речи в системе цветообозначений. Их основная функция – атрибутивное

определение признака предмета, что позволяет максимально усилить эмоциональную выразительность художественного текста. Ср.: «*Лунный свет, прорезавшись сквозь чащу деревьев, скользил по резьбе ворот слабыми фосфорическими пятнами*» («Белый пудель»); «*Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном...*» («Чудесный доктор»). Колоративная лексика находит выражение в глаголах, деепричастиях и причастиях, которые передают цветовую динамику описания или повествования: обозначают процесс изменения цвета или приобретения цветового признака, отражая мгновенные эмоциональные или физиологические состояния персонажей, а также изменения в пейзаже (ср.: *посинели, побагровело, покраснел, темнеет, почернело; зеленея, чернея; золотившийся, разрумяненный, почерневший, позеленевший, раскрасневшаяся*): «*А над вулканом поднималось куполом вверх, зеленея бирюзой и аквамарином, кроткое вечернее весеннее небо*» («Поединок»); «*Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щеки облипли вокруг десен, точно у мертвеца*», «...*разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам...*», «*Высокая, худая женщина, с измождённым, усталым, точно почерневшим от горя лицом...*» («Чудесный доктор») «*Ходит за ней, как привидение. Измучился весь, исхудал, почернел*» («Гранатовый браслет»); «*Мы медленно пошли по тропинке, чуть розовевшей на вечернем солнце*» («Олеся»). Имена существительные обозначают цвет как самостоятельную субстанцию, несущую выраженную символическую нагрузку (напр., *бледность, темнота, мрак, зелень, белизна, синева, желтизна, золото*): «*В это время в коридоре послышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь*» («Чудесный доктор»); «*На что бы лучше! – вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря*» («Белый пудель»); «*После дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостным сверканьем облитую дождем молодую, еще нежную зелень сиреней...*» («Олеся»).

В ходе комплексного лингвостилистического анализа выбранных прозаических произведений А.И. Куприна установлена системно-структурная организация колоративного пространства. Цветовая палитра писателя характеризуется строгой избирательностью и системностью: автор оперирует ограниченным набором из двенадцати основных цветов, среди которых доминируют хроматические (красный, жёлтый) и ахроматические (белый, чёрный). Выявлено преобладание лексемы «чёрный» и «белый» над хроматическими цветами, что свидетельствует о специфике авторского восприятия, тяготеющего к контрастности и графичности. Лексическая реализация цвета осуществляется посредством сложной системы колоративов, включающих как простые, так и сложные прилагательные, существительные, глаголы, а также обширный пласт отгеночных колоративов, среди которых выделяются аналитические образования, цветообозначения вторичной номинации. Цветовая лексема в текстах А.И. Куприна 1900-1910-х годов функционирует как семиотический знак с глубокой символической нагрузкой, где, например, «белый» и «красный» выступают не просто визуальными маркерами, а носителями этических и философских смыслов (от чистоты до формализма, от любви до трагедии). Цвет трансформируется из средства орнаментальной выразительности в структурообразующий и аксиологический элемент построения художественного текста.

Таким образом, колоративная лексика в прозе А.И. Куприна представляет собой сложную семиотическую систему, являющуюся фундаментальным компонентом когнитивной модели мира писателя и важнейшим инструментом реализации его эстетической концепции.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Цветоведение. Москва : ГОНТИ, 1989. 160 с.
2. Арнаутова Н.В. Колоризм : понятие и основные типологии. Тихорецк : Концепт, 2014. 50 с.
3. Афанасьев В.Н. Александр Иванович Куприн : критико-биографический очерк. М.: Художественная литература, 1972. 158 с.

4. Батырова Г.А. Семантическое поле «цвет» и его структурное своеобразие в художественной речи А.И. Куприна // Слово и текст: теория и практика коммуникации : сборник научно-методических трудов. Армавир, 2022. С. 196-198.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 277 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Языки славянской культуры, 1996. 234 с.
7. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
8. Гаранина И.Ф. Колоративная лексика в прозе А.И. Куприна // Молодой исследователь: от идеи к проекту: Материалы VII студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 24–28 апреля 2023 года. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2023. С. 608-609.
9. Мартянова Н.А. Особенности объективации эмоциональных состояний посредством цветообозначений (на материале произведений А. И. Куприна) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 2013. С. 79-83.
10. Мурыгина Г.С. Психологическая функция цветочных слов в повести А. И. Куприна «Олеся» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Филологические науки. 2007. № 3. С. 155–159.
11. Пилатовская С.В. О семантике колоративов в художественном тексте // Новые горизонты русистики. 2023. № 3(21). С. 64-70.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах; перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева, под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986-1987.
13. Фрумкина, Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа /ред. В.Н. Телия; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1984. 174 с.
14. Шемякин Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) // Известия Академии педагогических наук РСФСР. 1960. № 113. С. 120–129.
15. Широлапова Н.Ю., Шатохина А.В. Функционирование перцептивной лексики в повести «Гранатовый браслет» А.И. Куприна / Н. Ю. Широлапова, // Наука и Образование. Мишуринск, 2024. Т. 7. № 3. С. 19–29.

References

1. Alekseyev, S.S. Tsvetovedenie. Moscow : GONTI, 1989. 160 p.
2. Arnautova N.V. Kolorizm : the concept and basic typologies. Tikhoretsk: Koncept, 2014. 50 p.
3. Afanasyev V.N. Aleksandr Ivanovich Kuprin: A Critical and Biographical Essay. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 158 p.
4. Batirova G.A. The Semantic Field of "Color" and Its Structural Peculiarities in the Artistic Speech of A.I. Kuprin // Word and Text: Theory and Practice of Communication: Collection of Scientific and Methodological Works. Armavir, 2022. Pp. 196-198.
5. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Keywords. M.: Languages of Slavic Culture, 2001. 277 p.
6. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. M.: Languages of Slavic Culture, 1996. 234 p.
7. Vinogradov V.V. On the Language of Fiction. Moscow: Nauka, 1980. 360 p.
8. Garanina I.F. Colorative Vocabulary in the Prose of A.I. Kuprin // Young Researcher: From Idea to Project: Proceedings of the 7th Student Scientific and Practical Conference, Yoshkar-Ola, April 24–28, 2023. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2023.

9. Martyanova N.A. Features of the objectification of emotional states by means of color designations (based on the works of A.I. Kuprin) // Bulletin of Surgut State Pedagogical University, 2013. pp. 79-83.

10. Murygina G.S. Psychological function of color words in A.I. Kuprin's story "Olesya" // Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Philological sciences. 2007. No. 3. pp. 155-159.

11. Pilatovskaya S.V. On the semantics of coloratives in a fiction text // New horizons of Russian studies. 2023. No. 3(21). pp. 64-70.

12. Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes; translation from German. and additions by O.N. Trubachev, edited and with a preface by B.A. Larin. 2nd ed., stereotype. Moscow: Progress, 1986-1987.

13. Frumkina, R.M. Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis / ed. V.N. Teliya; USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Moscow: Nauka, 1984. 174 p.

14. Shemyakin, F.N. On the Relationship between Word and Visual Image (Color and Its Names) // Bulletin of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. 1960. No. 113. pp. 120-129.

15. Shirolapova, N.Yu., Shatokhina, A.V. Functioning of Perceptual Lexicon in the Story "The Garnet Bracelet" by A.I. Kuprin / N. Yu. Shirolapova, // Science and Education. Michurinsk, 2024. Vol. 7. No. 3. Pp. 19-29.

УДК 82-91/087.6

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.009

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Денисова М.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
Intercultural communication
PhD, associate professor*

*M. A. Denisova
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

М.А. Денисова

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ МИРА ВЕЩЕЙ КАК ИНДИКАТОРА ИСТОРИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Статья посвящена одному из перспективных направлений современной гуманитарной науки – изучению повседневности через предметы материальной культуры, прежде всего – материальной культуры детства. Актуальность настоящего исследования обусловлена возросшим интересом читателей к бытовой сфере жизни. Целью аннотируемой работы является анализ инструментов использования фактов материальной культуры в текстах жанра нон-фикшн для повествования об эпохе XX века. Объектом изысканий стали издания для детей, вышедшие в последние полтора десятка лет: повесть Петра Горелика «Семейная реликвия» (2013), книги Екатерины Мурашовой, Натальи Майоровой «Когда бабушка и дедушка были маленькими» (2016, 2019), Александры Литвиной, Анны Десницкой «История старой квартиры» (2017), Александры Ершанской «Вещи моего детства» (2019), Елены Головановой «Триста тысяч узелков. Как я прочитал ковёр» (2024). Анализ осуществляется описательным и сравнительно-сопоставительным методами. Утверждается что анализируемые издания имеют максимально широкую адресацию. Делается вывод о том, что, сопоставляя артефакты прошлого с реалиями сегодняшнего дня, можно проследить течение времени, таким образом книги мотивируют юных читателей к изучению истории своей семьи и своего народа. В работе поднимается проблема отсутствия осмысления ценности вещей на фоне их сегодняшнего обилия, чрезмерному потреблению противопоставлено разумное, бережное отношение к вещам в прошлом. Настоящая работа представляет собой этап в изучении современной литературы для детей в целом и литературы, посвящённой изучению материальной культуры, в частности и открывает перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: мир детства, вещь, повседневность, материальная культура, свидетельство эпохи, современная детская литература, жанр нон-фикшн, адресация.

M. A. Denisova

THE WORLD OF THINGS AS AN INDICATOR OF FAMILY HISTORY IN MODERN LITERATURE FOR CHILDREN

The article is devoted to one of the promising areas of modern humanities – the study of everyday life through the objects of material culture, primarily the material culture of childhood. The relevance of this research is due to the increased interest of readers in the everyday sphere of life. The purpose of this article is to analyze the tools for using the facts of material culture in non-fiction texts to narrate about the 20th century. The research focused on children's books published in the last decade and a half, including Peter Gorelik's novel "Family Relic" (2013), Ekaterina Murashova and Natalia Mayorova's books "When Grandparents Were Young" (2016, 2019), Alexandra Litina and Anna Desnitskaya's "The Story of an Old Apartment" (2017), Alexandra Ershanskaya's "Things from My Childhood" (2019), and Elena Golovanova's "Three Hundred Thousand Knots. How I Read the Carpet" (2024). The analysis is carried out using descriptive and comparative methods. It is argued that the publications under analysis have the broadest possible audience. It is concluded that by comparing the artifacts of the past with the realities of today, it is possible to trace the passage of time, thus motivating young readers to study the history of their family and their people. The work raises the problem of the

lack of understanding of the value of things in the context of their current abundance, and contrasts excessive consumption with a reasonable and careful attitude towards things in the past. This work represents a step in the study of modern literature for children in general and literature dedicated to the study of material culture in particular, and opens up prospects for further research.

Keywords: childhood world, thing, everyday life, material culture, testimony of the era, modern children's literature, genre of non-fiction, addressing.

Повседневная жизнь россиян претерпела в последние десятилетия серьёзные изменения. Стремительный научно-технический прогресс, смена экономической модели, расширение международных контактов, повышение уровня жизни, доступность товаров сделали иным наше отношение к вещам: предметы быта, прежде необходимые, важные, бережно хранимые, быстро оказываются неактуальными, устаревшими, немодными и без сожаления выбрасываются. Это в полной мере относится и к материальной культуре детства, предметам, созданным взрослыми для детей. Ребёнок, как правило, иначе относится к своим вещам, для него свойственно привязываться к игрушкам, одежде, которые создают для него ощущение безопасности и способствуют формированию эмоциональной стабильности, неслучайно, что порой на протяжении всей жизни человек помнит свою любимую игрушку. Таким образом материальная культура может осмысливаться как часть детства и детских воспоминаний.

Изучение культуры и истории повседневности через её материальную составляющую является сегодня одним из актуальных направлений исследования. Пространство дома с тем или иным набором вещей, занимающих своё определённое место, может рассматриваться как материальный мир семьи, где элементы обстановки и домашняя утварь не только выполняют свою функцию, но и раскрывают ценностные установки членов семьи, свидетельствуют об особенностях жизни, интересах, увлечениях. Уникальность каждого дома, наполненного мебелью, посудой, текстилем, подаренными и купленными вещами, непременно несёт на себе и печать времени. Предметы быта, в том числе непосредственно связанные с детством, становятся первым шагом к изучению ребёнком истории своей семьи в целом ряде изданий в жанре нон-фикшн, вышедших в последние полтора десятилетия и предназначенных преимущественно для семейного чтения.

Авторская идея создать произведение на основе своей семейной истории воплотилась у художника Анны Десницкой и писателя Александры Литвиной в книгу «История старой квартиры» (2017), признанную в этом же году лучшим инновационным книжным проектом года и лауреатом премии «Ревизор», а в 2019 вошедшую в каталог 100 лучших современных иллюстрированных книг мира по версии ассоциации издателей DPICUS. Анна Десницкая также получила ряд престижных наград в области книжной иллюстрации, главная среди которых — «Золотое яблоко» Международной Биеннале в Братиславе. В издании представлена большая московская квартира, в которую в 1902 году переезжает семья доктора Муромцева. Читатели узнают о жизни её членов вплоть до 2002 года, когда все собираются в кафе, расположенном на месте их старой квартиры, чтобы отпраздновать 92-летие бабушки. Стабильность пространства позволяет показать изменения, происходящие с квартирой и её жителями во время Первой мировой войны, революции 1917 года, Гражданской войны, в период индустриализации, коллективизации, репрессий 1937 года, Великой Отечественной войны, послевоенных событий, распада Советского Союза и периода перестройки.

С точки зрения жанровой принадлежности издание объединяет в себе художественное повествование от лица ребёнка – непосредственного участника описываемых событий, справочную информацию энциклопедического характера, значительный максимально детализированный иллюстративный материал, свойственный виммельбуху, элементы комикса. Сведения о реальных исторических событиях, поданные здесь от лица вымышленных персонажей позволяют отнести книгу к литературе докуфикшн [1, с. 82]. Герои книги – члены семьи Муромцевых и люди, которые в разное время жили в этой квартире. Разобраться с персоналиями читателям позволяет генеалогическое древо семьи и информация в конце книги с указанием

дат рождения и смерти. Выбор ребёнка в качестве повествователя является хорошей возможностью рассказать читателю младшего возраста о событиях, происходящих в стране в течение столетия, помочь увидеть историю не в масштабах государства, а в рамках конкретной семьи. «История – это то, что происходит с тобой, твоей семьей, в твоей квартире, а не где-то там, за окном. У каждого есть своя история», – объясняет свою идею Десницкая [2].

Течение времени можно проследить и по фактам материальной культуры – мебели, купленной в начале века, предметам быта, еде, посуде, фасонам одежды. Читатели могут увидеть газетные вырезки, первый телевизор, телефон, патефон, радиолу, катушечный магнитофон, примус, керосиновую лампу и многое другое, познакомиться с текстами некогда популярных песен, рецептами блюд, сравнить быт разных семей, так как после революции квартира стала коммунальной. Материальная культура детства представлена в первую очередь игрушками, которые осмысливаются сегодня как феномен культуры, [3] и одеждой. Их рисунки, как и прочие, снабжены подписями, позволяющими читателям получить дополнительные сведения. «У кукол фарфоровые головы, руки и ноги, а тело набито опилками» [4, с. 11], – сообщается, например, о куклах, полученных героиней в подарок на Рождество в 1914 году. Семилетний Николка Муромцев, повествуя о происходящем в этот рождественский день, «арестовал Марусину большую немецкую куклу как шпионку и хотел её расстрелять, а Маруся тут как поднимет вой!» [4, с. 9]. Слова мальчика, что немецкие шпионы повсюду и объяснение мамы, что кукла ни в чем не виновата, подкрепляются на следующей странице информацией о Первой мировой войне, в которую вступила Россия в это время, её союзниках и противниках.

Набор игрушек, представленных в книге, соответствует времени: лошадка-каталка, куклы, кукольная коляска, мяч, паровозик, оловянные солдатики, медвежонок, кукольная мебель в первой половине века, пупсы, револьвер с пистонами, юла, олимпийский мишка, неваляшка, кукла Барби, игра «За рулём» и электронная игра «Ну, погоди» – во второй. Семья доктора Муромцева, как задумывалось авторами [2], имеет средний достаток, поэтому предметы не указывают на высокий социальный статус. Тем не менее они информируют читателя о том, где и как были получены или приобретены в соответствии с теми или иными историческими событиями. Так, например, на страничках, посвящённых 1953-ему году, изображены куклы Лены из целлулоида (из этого легковоспламеняющегося материала игрушки выпускали в СССР в 30-50-х годах) и трофейная кукла с фарфоровой головой. Трофейные игрушки появились в стране после Великой Отечественной войны, это с высокой долей вероятности позволяет предположить, что куклу с фронта привёз отец девочки.

Предметы детской одежды также демонстрируют культурный контекст времени: Николка Муромцев в 1914 году ходит в коротких штанишках и популярной в тот период матроске: белой блузе без застёжки, надеваемой сверху, с матросским V-образным воротником и сине-белой вставкой, напоминающей тельняшку. В середине века в качестве теплого белья девочки и мальчики должны были носить чулки, «они крепятся на резинках с застёжками к специальной майке, которая называется лифчик» [4, с. 33], на рисунке изображены также панталоны и трусы. Не обошли вниманием авторы и школьную форму образца 60-х годов, рассказывая и о правилах её использования: о воротничке, манжетах, черном и белом фартуке для девочек. Возобновление контактов между странами в период перестройки, расширение торговых связей привело к появлению новой удобной и красивой одежды импортного производства. В книге в Москву к родственникам из Парижа в 1987 году приезжает прабабушка Ира, среди её подарков – непромокаемые детские трусы для маленькой Ани, футболка с принтом для подростка Мити и кукла Барби для Саши.

Повествование в книге предваряют рисунки мебели и некоторых предметов, которые незадолго до переезда семьи завезли в новую квартиру, среди них игрушечная лошадка-каталка. Авторы предлагают проследить судьбу этих объектов на протяжении ста лет. Внимательное разглядывание разворотов с иллюстрациями дает возможность увидеть лошадку то на полу в детской комнате семьи Муромцевых, то при входе на кухню коммунальной квартиры с

маленьким всадником на спине, то на антресолях среди других старых вещей. Эта игрушка наряду с утилитарной функцией, приобретает ещё и знаковую, символическую: когда-то купленная родителями для своих старших детей, она переходит к младшей Марусе, затем, наверное, катает по квартире уже её детей, а впоследствии бережно хранится, встречая со своей хозяйкой её старость. А если предположить, что это любимая игрушка, семейная реликвия, с которой связаны воспоминания нескольких поколений семьи, то можно говорить уже о её мемориальной функции. Вещь имеет свою биографию [5, с. 72], она включена в жизнь, историю семьи и разделяет с ней её непростую судьбу.

Книга соединяет в себе оценку происходящего представителями разных поколений: взгляд ребёнка военной поры, который видит только то, что ему доступно, взгляд взрослого, автора, отбирающего и представляющего информацию, взгляд современного ребёнка, взгляд родителя, который объяснит написанное и ответит на вопросы, взгляд бабушек и дедушек, которые не только сами были очевидцами многих событий, но ещё помнят и могут передать внукам воспоминания своих бабушек и дедушек. Поэтому адресация издания максимально широка, а рассчитано оно на многократное повторное обращение к тексту и иллюстрациям. Если книгу ребёнку читает родитель, то в зависимости от его возраста и своих представлений о том, какая информация ему доступна, он выберет то, о чём считает нужным ему рассказать. Если какие-то сведения покажутся ему лишними, например, о судьбе героев, погибших на войне или застреленных в гетто [4, с. 29], то он не станет акцентировать на них внимание.

Среди особенностей книг с расширенной адресацией, к которым относится и «Старая квартира», можно выделить прежде всего тему, одинаково близкую людям разного возраста. Так, можно говорить о многослойности, то есть наличии нескольких смысловых уровней текста, возможности неоднократного обращения и побуждение читателей к диалогу [6]. В данном случае к разговору представителей разных поколений об истории собственной семьи, в которой быть может сохранились свои игрушки, своя старинная посуда и другие предметы быта, свои фотографии и свои реликвии. Эту книгу можно не только читать, но и просто разглядывать. Немаловажна в этом отношении и работа художника, так как иллюстрации и текст книги в этом и остальных анализируемых изданиях представляют собой неразделимое единство. Изданием, также инициирующим занимательную беседу между старшими и младшими представителями одной семьи, являются и книги «Когда бабушки и дедушки были маленькими» Екатерины Мурашовой и Натальи Майоровой, проиллюстрированная Екатериной Бауман (2016, 2019).

Маленькие рассказы, не объединённые ни общим сюжетом, ни героями, и вследствие этого перенасыщенные именами, ориентированы на дошкольников. В предисловии авторы указывают возраст четыре года, как период появления интереса к осознанию себя как части семьи. Среди персонажей, а их возраст авторы тоже нередко указывают, самому старшему семь с половиной лет. Являющиеся диалогами между внуками, дедушками, бабушками и даже прабабушками, рассказы затрагивают ту или иную сферу жизни, актуализируя оппозицию «сейчас – давно» и становятся толчком для повествования о том, как было раньше, «когда я сам пошёл в школу» [7, с. 11], «когда я была такой, как вы» [7, с. 16], «в моё время» [7, с. 23]. Выбор противопоставления как средства организации книжного пространства прослеживается и в оформлении книжных разворотов [1, с. 87].

Рассказ начинают персонажи, а продолжать должны бабушки и дедушки читателей, используя материалы для бесед: рисунки тех или иных предметов, подписанные шрифтом, создающим впечатление рукописного текста, и вопросы – задания для бабушек и дедушек, как называют их авторы. Очевидно, предполагается, что при регулярном чтении для каждого обращения к книге достаточно будет прочесть один-два рассказа и обсудить задания после них, предоставляющие немало поводов для воспоминаний и увлекательных историй. Так, например, в главе, повествующей об украшении новогодней ёлки, и последующих заданиях затрагивается не только история новогодних игрушек прошлого и традиции празднования Нового

года в семье, но и в целом о праздниках прошлого, подготовке к ним дома, в детском саду, в школе, о подарках, традициях и обычаях, с ними связанных, о любимых праздниках и самом запомнившемся праздничном дне детства.

В отличие от хронологического принципа построения «Истории старой квартиры», здесь используется тематический принцип подачи материала. Среди тем, затронутых в четырнадцати рассказах первой части диптиха, начальная школа, медицина, лакомства, летний отдых, песни, елочные игрушки и прочие. Во второй части – взрослая одежда и прически, активный отдых, питомцы, коллекции, секреты, еда, средства связи и прочие. Страницы, повествующие об игрушках, которые были у бабушек и дедушек, условно разделены по гендерному принципу: машинки, самолет, автобус, подъёмный кран, конструктор, солдатика для мальчиков, кукольная коляска, куклы, мишка, лошадка, юла, фортепьяно, заводные игрушки для девочек.

«На ковре в гостиной разбросаны игрушки из двух ящиков и с трёх полок» [7, с. 52], – сообщается в тексте, но персонажи скучают. Героиня считает любимой ту куклу, которая появилась у неё последней, и расстраивается, что мама не купила Барби-русалку. Авторы поднимают проблему отсутствия у современных детей осознания ценности игрушки на фоне их обилия. Антитезой к описанному здесь выступают не только рассказы дедушки и прабабушки героев о своих игрушках и об их бережном отношении к ним, но и упоминание о нормах, бытовавших в семьях в то время: игрушки не принято было просить, их могли подарить только на Новый год или день рождения. Повествование о любимых игрушках – железном грузовичке с фургоном у дедушки и фарфоровой кукле прабабушки – максимально детализировано. И если в «Истории старой квартиры» читатель может только предполагать, как сложилась судьба представленных в первой главе игрушек, то здесь очевидна их мемориальная функция: на грузовичке катала своих лошадок впоследствии дочка дедушки, мама героя, а кукла досталась прабабушке от её мамы.

История любимой куклы прабабушки тесно связана с историей семьи и историей страны: игрушка чудом пережила и Гражданскую войну, и Великую Отечественную, вместе со своей хозяйкой уезжала в эвакуацию и вернулась в родной город. Фарфоровая кукла как модная игрушка для богатых детей получила особенную популярность во второй половине XIX века, но из-за её якобы вредного влияния на формирование стереотипов поведения ребенка уже в начале XX века уступила место всевозможным пупсам, воплощающим собой объект для любви и заботы. Она описана во многих произведениях детской и мемуарной литературы того периода [8]. В анализируемом рассказе кукла не предстаёт объектом обожания из-за своего внешнего вида, хотя героиня вспоминает и её золотистые волосы, и кружевное платье, и панталончики. Имя куклы – Эльвира – является редким для того периода и подчёркивает её уникальность. Кукла всегда сидела на комод, туда же вернулась после эвакуации, это воспоминание значимо для героини, оно свидетельствует о важности устойчивости материального мира семьи, несмотря на серьёзные испытания и потери. Особенная ценность её состояла также в том, что для своей хозяйки кукла была скорее не игрушкой, а подружкой, которой можно было доверить свои радости и горести.

Рассказы мемуарного характера Александры Ершанской «Вещи моего детства» (2019) предоставляют более конкретную информацию как хронологическую (50-60-е годы XX века), так и территориальную (Москва и Московская область, с упоминанием улиц и дома). Их названия («Чернильница-непроливайка», «Перьевая ручка», «Банная шайка», «Бидон», «Керосинка», «Авоська» и др.) – по преимуществу наименования вещей, вышедших из употребления и поэтому неизвестных современным школьникам. Автор сравнивает своё детство с виртуальным музеем, где эти предметы являются экспонатами, а так как в музей ходят с мамами и папами, бабушками и дедушками, то она надеется, что, прочитав рассказы, «они вспомнят свои истории детства, и такой «музей» появится во многих семьях» [9, с. 6]. Очевидно, что заявленная в авторском предисловии адресация включает в себя и взрослых читателей, хотя издательство маркирует книгу «для детей среднего и старшего школьного возраста».

Вынесенные в заголовок материальные предметы являются здесь не объектом описания, а скорее поводом вспомнить интересные истории, случившиеся с автором в детстве, например, как, пытаясь выбраться через железную решётку окна больничного изолятора, она застряла, или как, отправившись с маленьким бидоном за сметаной, в последнюю секунду вспомнила о том, что деньги лежат на дне бидона, и чудом успела их вытащить. Но эти культурные реалии тем не менее помогают воссоздать особенности жизни ушедшей эпохи, когда ванной в квартире не было, а все ходили мыться в баню со своим тазом – шайкой, еду готовили на керосинке, а звонили с улицы по телефону-автомату. Иной была не только эпоха, предметы быта, но и культурные тенденции, среди которых иное, по сравнению с сегодняшним, отношение к вещам.

Наглядно иллюстрирует это глава «Лоскутное одеяло», где речь идет о старом тяжёлом свалывшемся ватном одеяле, пережившем эвакуацию. Приглашена портниха, которая «разрезала любимое одеяло, выкинула все комки, а оставшуюся вату простегала сшитым чехлом из лоскутков» [9, с. 24]. Для лоскутков пригодились старые платья, одно из которых ярко-розовое в сиреневый цветочек было из довоенного отреза, которым премировали за хорошую работу. Платье из него было свадебным, любимым, но после гибели мужа на войне хозяйка больше не смогла носить его. Получившееся одеяло стало детским, а многочисленные лоскутки – источником для разнообразных сказочных историй перед сном. Бережное отношение к вещи здесь не столько попытка сэкономить или житейская изобретательность [10, с. 48], сколько уважение к вещи как к результату чужого труда, рациональное использование ресурсов, что сегодня называют разумным, осознанным потреблением.

Интерес к фактам материального мира, как видится, неизбежно переходит в интерес к исторической эпохе, породившей эти предметы. Такая связь становится ключевой в повести «Семейная реликвия» (2013). Петр Горелик, профессиональный военный, офицер, повествует об истории устами пуговиц, хранящихся в бабушкиной шкатулке. Разнообразные по форме, размеру и материалу, обладающие личными именами пуговицы ведут живой диалог, спорят, показывают свой характер и между тем рассказывают истории своего появления на свет и свои приключения. Например, об Отечественной войне 1812 года читатели узнают от пуговицы, красовавшейся на мундире кирасира, солдата Наполеоновской армии, и прошедшей с ним путь от европейских побед до поражения. В сражении при Дорогобуже в Смоленской губернии русский партизан оторвал пуговицу от мундира француза, и с тех пор она передается в семье как реликвия, «память о чём-то важном, совершённом в прошлом» [11, с. 47], именно ей и обязано произведение своим названием. Пуговица с гимнастёрки миномётчика и квадратная пуговица, служившая талисманом для девушки-летчицы, поведали об эпизодах Великой отечественной войны. Любой, даже, казалось бы, такой маленький предмет материальной культуры способен сохранить для нас историю и культурную память народа.

Иногда наличие тех или иных вещей в квартире объясняется модными тенденциями или национальными особенностями. «Дом начинается там, где расстелен ковёр», – гласит восточная пословица. Книга Елены Головановой «Триста тысяч узелков. Как я прочитал ковёр» (2024), проиллюстрированная Машей Пряничниковой, в жанре нарративного нон-фикшн [12, с. 47], рассказывает об этом традиционном артефакте в культурологическом ключе. Гриша, приехавший с мамой в гости, пытается заснуть, над его кроватью висит большой ковёр, рассматривая который, ребёнок знакомится с Джабиром, собачкой, буквально сошедшей с ковра. Неслучайно одно из значений арабского имени Джабир – помощник, ведь он становится для мальчика проводником в огромный мир истории ковроткачества. Читатели узнают о языке ковра: значении рисунков и ковровых композиций, о древнейшем пазырыкском ковре, хранящемся в Эрмитаже, о том, что нужно, чтобы соткать ковер, и как это делают. Выясняется, что ворсовый ковёр «сделан из миллиона отдельных узелков» [13, с. 26], после каждого из которых обрезают нитку, а триста тысяч узелков содержатся в одном квадратном метре. Кульминацией сюжета-сна становится встреча с шахом, где мальчику приходится проверить полученные

знания на практике. Сегодня в квартирах не всегда есть ковер, но он как правило является частью материального мира в домах бабушек и дедушек.

Таким образом, издания, посвящённые материальному миру семьи, в том числе материальному миру детства, позволяют построить параллели между реалиями настоящего и образами прошлого, дают возможность взрослому читателю мысленно вернуться в свои детские годы, переоценить прошлый опыт, ребёнку – лучше понять старшее поколение. Эти книги объединяют семью, способствуют сохранению культурной памяти и национальной идентичности российского общества, становятся хорошим стимулом к изучению истории своей семьи, своего города как составной части истории Отечества. Сегодня в эпоху цифровых технологий они заставляют задуматься о чрезмерном, безудержном потреблении, противопоставив ему разумное, бережное отношение к предметам материальной культуры.

Библиографический список

1. Губайдуллина А.Н., Корвацкая Е.С. Мотив ностальгии по советской действительности в креализованных текстах современной детской иллюстрированной книги //Международный журнал исследований культуры. 2022. № 2(47). С 79-94.
2. Дмитриева Н. История старой квартиры: 100 лет неодиочества. Дедушкина табуретка, чугунный уют и другие символы русской семьи в книге года // Интернет-портал «Правмир». URL: <https://www.pravmir.ru/istoriya-staroy-kvartiryi-100-let-neodi-nochestva/?ysclid=mjivm22eiu100319281> (дата обращения 21.01. 2026)
3. Шинкаренко А.Е. Функции игрушки как феномена культуры // Гуманитарный вектор. 2009. №1. С. 62-65.
4. Литвина А.Л., Десницкая А. История старой квартиры. М.: Самокат, 2017. 56с.
5. Сулейманова О.А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. №2. С. 68-79.
6. Денисова М.А. Полиадресатность произведений современной литературы для детей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. №3. С.50-54.
7. Мурашова У., Майорова Н. Когда бабушка и дедушка были маленькими. Кн. 1. Ил. Екатерины Бауман. СПб.: Поляндрия, 2016. 72 с.
8. Андреева И.В. Вещно-предметный мир ребёнка: модные тенденции в зеркале детской литературы // Библиотечное дело. 2011. № 24 (162). С.9-15.
9. Ершанская А. Вещи моего детства. М.: Розовый жираф, 2019. 76 с.
10. Зубкова Е.Ю. От «общества выживания» к «обществу потребления»: трансформация условий и практик потребления в СССР (1940–1960-е годы) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 45–61.
11. Горелик П.З. Семейная реликвия. М.: Clever, 2013. 102 с.
12. Ковёр как портал. Елена Голованова о книге «Триста тысяч узелков» // Поляндрия. Издательский дом. URL: https://polyandria.ru/articles/elena_golovanova_interview_kovri/ (дата обращения 31.01.2026)
13. Голованова Е. Триста тысяч узелков. Как я прочитал ковёр. Ил. Маши Пряничниковой. СПб.: Поляндрия Принт, 2024, 48 с.

References

1. Gubaidullina A.N., Korvatskaya E.S. The Motive of Nostalgia for Soviet Reality in the Creolized Texts of Contemporary Children's Illustrated Books // *International Journal of Cultural Research*. 2022. No. 2(47). Pp. 79-94.
2. Dmitrieva N. The History of an Old Apartment: 100 Years of Non-Loneliness. Grandfather's Stool, Cast-Iron Iron, and Other Symbols of the Russian Family in the Book of the Year // Internet Portal "Pravmir". URL: <https://www.pravmir.ru/istoriya-staroy-kvartiryi-100-let-neodinochestva/?ysclid=mjivm22eiu100319281> (accessed on January 21, 2026)
3. Shinkarenko A.E. The functions of a toy as a cultural phenomenon // *Humanitarian vector*. 2009. No. 1. Pp. 62-65.
4. Litvina A.L., Desnitskaya A. The history of the old apartment. M.: Samokat, 2017. 56p.
5. Suleimanova O.A. "Family things": to the interpretation of the concept // *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2010. No. 2. Pp. 68-79.
6. Denisova M.A. Polyaddressability of Modern Literature for Children // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2021. No. 3. Pp. 50-54.
7. Murashova U., Mayorova N. When Grandma and Grandpa Were Young. Book 1. Illustrations by Ekaterina Bauman. St. Petersburg: Polyandria, 2016. 72 p.
8. Andreeva I.V. The Material World of a Child: Fashion Trends in the Mirror of Children's Literature // *Biblioteknoe Delo*. 2011. No. 24 (162). Pp. 9-15.
9. Ershanskaya A. The Things of My Childhood. Moscow: Pink Giraffe, 2019. 76 p.
10. Zubkova E.Yu. From the "survival society" to the "consumption society": the transformation of conditions and practices of consumption in the USSR (1940–1960s) // *Petersburg Historical Journal*. 2022. No. 4. Pp. 45–61.
11. Gorelik P.Z. Family Relic. Moscow: Clever, 2013. 102 p.
12. The Carpet as a Portal. Elena Golovanova on the book "Three Hundred Thousand Knots" // *Polyandria. Publishing House*. URL: https://polyandria.ru/articles/elena_golovanova_interview_kovri/ (accessed on 31.01.2026)
13. Golovanova E. Three Hundred Thousand Knots. How I Read a Carpet. Ill. by Masha Pryanichnikova. St. Petersburg: Polyandria Print, 2024, 48 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.010

*Самарский государственный социально-педагогический университет, ассистент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Агафонцев М.С.
Россия, г. Самара,
тел. + 79170366484
e-mail: agafontsev.m@psga.ru*

*Samara State University of Social Sciences and Education
Assistant of the Department of Russian Language, Standards of Speech and Methods of its Teaching
Agafontsev M.S.
Russia, Samara
tel. + 79170366484
e-mail: agafontsev.m@psga.ru*

М.С. Агафонцев

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ НАНЕСЕНИЯ ВРЕДА ИНДИВИДУУМУ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО

В статье дается характеристика языковых единиц (далее – ЯЕ) с семантикой нанесения вреда индивидууму, представленных в текстах произведений русского писателя Н. Г. Помяловского. В качестве методов исследования выступают метод сплошной выборки, описательного анализа ЯЕ. Определяется, что в качестве подобных ЯЕ выступают описательные глагольно-именные обороты, лексемы, речевые штампы, а также фразеологизмы, имеющие значение как вербального, так и физического воздействия на человека. Использование писателем указанных ЯЕ продиктовано необходимостью описания жизненного уклада людей низшего социального слоя, среди которых бурсаки (воспитанники духовных образовательных учреждений), крестьяне, разночинцы, сельские жители, для которых характерно маскулинное видение мира, решение бытовых, профессиональных и иных вопросов преимущественно при помощи физической силы или угрозы применения подобной силы. Выявленные в ходе анализа ЯЕ распределяются по тематическим группам в зависимости от характера нанесения вреда: «Физическое нанесение вреда», «Физическое наказание», «Вербальное наказание», «Угроза». Делается вывод о распространенности физического и непопулярности вербального воздействия на окружающих. Определяются произведения, в которых наблюдается количественное преобладание ЯЕ данной семантики по отношению ко всем произведениям Н. Г. Помяловского, выступающим как источник языкового материала в рамках настоящего исследования. Устанавливается связь между биографическими данными писателя с образами, представленными в произведениях и их языковым воплощением.

Ключевые слова: нанесение вреда индивидууму, Н. Г. Помяловский, фразеологизмы, наказание, угроза, художественный дискурс.

M.S. Agafontsev

LINGUISTIC UNITS WITH THE SEMANTICS OF HARMING AN INDIVIDUAL AND THEIR REPRESENTATION IN THE WORKS OF N. G. POMYALOVSKY

The article describes the linguistic units with the semantics of harming an individual, represented in the texts of the works of the Russian writer N. G. Pomyalovsky. The methods of research are the method of continuous sampling, descriptive data analysis. It is determined that descriptive verb-noun phrases, lexemes, speech stamps, as well as phraseological units that have the meaning of both verbal and physical effects on a person act as such words. The use of these words by the writer is dictated by the need to describe the way of life of people of the lower social class, including Bourgeois (pupils of religious educational institutions), peasants, *raznochintsy*, rural residents, who are characterized by a masculine vision of the world, solving everyday, professional and other issues mainly with the help of physical force or the threat of using such force. The linguistic units identified during the analysis are divided into thematic groups depending on the nature of the harm: "Physical harm", "Physical punishment", "Verbal punishment", "Threat". The conclusion is made about the prevalence of physical and unpopularity of verbal influence on others. The works in which the quantitative predominance of this semantics is observed in relation to all the works of N. G. Pomyalovsky, acting as a source of

linguistic material in the framework of this study, are determined. A connection is established between the biographical data of the writer with the images presented in the works and their linguistic embodiment.

Keywords: harming an individual, N. G. Pomyalovsky, phraseological units, punishment, threat, artistic discourse

Характеристика ЯЕ, имеющих определенную семантику, в произведениях российских писателей является одной из неотъемлемых частей лингвистических изысканий настоящего времени. Язык художественной литературы представляет собой не только способ передачи информации от автора к реципиенту, но и является маркером социальных, политических и культурных особенностей носителей языка того периода, к которому произведение относится. Отечественный ученый В.В. Виноградов в исследовании «О языке художественной литературы» отмечает, что изучение как самого художественного произведения, так и его языка должно основываться на представлении общественной, культурной жизни соответствующего периода развития народа. При этом значительную роль играет и знание о языке изображаемой эпохи. «Изучение произведения должно опираться <...> на ясное представление о состоянии общенародного разговорного и литературного языка и его стилей в то время, в которое оно создавалось...» [1, с. 171].

Говоря про нанесение вреда индивидууму как явление, то необходимо отметить, что современная наука рассматривает данное явление как междисциплинарное, охватывающее как лингвистическую, так и юридическую, социологическую, психологическую стороны вопроса [2, с. 16].

Опираясь на лингвистический аспект изучения понятия нанесения вреда индивидууму в художественных произведениях, обратимся к работе российского исследователя Е. П. Сеничкиной, которая обратила внимание на слова и словосочетания тематической группы (далее – ТГ) «бить, колотить» в произведениях В. М. Шукшина и описала их с семантической и стилистической точек зрения. Ученый отметила, что лексика и фразеология данной ТГ поддается полевой организации, в которой помимо ядерной зоны (глаголы *бить*, *колотить*), существует центральная зона (*колошиматить*, *лупить*), а также зона периферии, включающая в себя фразеологизмы (*намылить шею*), а также неологизмы (*опоясать*, *учить поленом*) [3, с. 6].

Тема физического и вербального воздействия на человека тесно связана с понятием девиантного поведения человека. Так, российские исследователи Н. Ф. Грозьян, Т. И. Прудникова и В. Ф. Ибрагимова поднимают вопрос о фразеологической репрезентации микросистемы «Девиантное поведение человека» в русском, украинском и крымско-татарском языках. Авторы выделяют ТГ «Убийство», ТГ «Драка» и включают в них фразеологизмы с соответствующей семантикой (*отправить на тот свет*, *намять бока* и др.). Определяется, что доминирование фразеологизмов, включающих наименования частей тела свойственно русскому языку, в том числе и русской литературе [4, с. 21]

Язык художественной литературы тесно связан с понятием *художественный дискурс*. Обратимся к «Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка» под редакцией М.Н. Кожинной, в котором художественный дискурс определяется как лингвистическая категория, включающая анализ текстов. Данный анализ напрямую зависит от «коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковых единиц или иных текстовых характеристик» [5, с. 55].

Учитывая особенности текста художественной литературы, отмеченные выше, заметим, что структура, эстетическая функция и образное содержание являются неотъемлемыми факторами, присущими художественному дискурсу. При этом произведения отличаются образностью, заключенной как в языковом воплощении, так и в системе персонажей, сюжете. Это характерно и для произведений Н. Г. Помяловского, в которых речь действующих лиц напрямую зависит от их социального статуса, возраста и окружающей обстановки.

Обратимся к творчеству мастера слова. Н. Г. Помяловский – отечественный писатель XIX в. С именем автора напрямую связано понятие реализма как направления, отличающегося

правдивостью и реалистичностью в изображении жизни. При этом реалистичность изображения характерна не только для сюжетной и образной системы произведения, но и для его языка. Ряд исследователей творчества писателя, такие как Н. П. Ждановский [6], Б.А. Прокудин [7], В. В. Шахов [8], И. Г. Ямпольский [9] относят Н. Г. Помяловского к писателям середины XIX в., характерной чертой творчества которых является изображение жизни русского человека низкого сословия. Данная тема свойственна всем произведениям писателя.

Говоря про темы, поднимаемые в произведениях Н. Г. Помяловского, нельзя не отметить некоторые биографические особенности, отразившиеся на проблемах, системе образов и сюжете написанных автором рассказов и повестей. Н. Г. Помяловский родился и вырос в семье священнослужителей: отец и мать служили при Малоохтинской церкви в Санкт-Петербурге. Этот факт во многом определил увлечения и стремления молодого человека. Мастер слова впоследствии успешно окончил Александро-Невское духовное училище, которое легло в основу образовательного учреждения в повести «Очерки бурсы». После училища Н.Г. Помяловский получил образование в Петербургской духовной семинарии. Как отмечает отечественный литературовед и критик Б.С. Вальбе, получение писателем образования в указанных учреждениях определило темы его дальнейшего творчества – изображение жизни бедных людей, представителей низких сословий. При этом это изображение должно носить максимально приближенный к реальности характер [10, с. 42]. Подобное приближение к реальности напрямую влияет и на выбор языковых средств, характерных для речи персонажей.

Дадим краткую характеристику произведениям Н. Г. Помяловского, выбранным в качестве источников языкового материала в рамках настоящего исследования. К ним отнесем повести «Очерки бурсы», «Мещанское счастье», «Молотов», рассказы «Махилов», «Поречане», очерк «Долбня». Выбор данных произведений продиктован выраженным стремлением писателя изобразить в них жизнь человека «народного», не относящегося к высшим сословиям. При этом первая половина из указанных произведений повествует о жизни семинаристов («Очерки бурсы», «Долбня», «Махилов»); вторая – о жизни людей низших сословий русского общества («Мещанское счастье», «Молотов», «Поречане»). Отметим, что изображение жизни крестьян, разночинцев, семинаристов сопровождается использованием сниженной, разговорной лексики, что позволяет автору добиться реалистичности и правдивости в раскрытии образов.

Одной из особенностей употребления сниженной лексики в текстах произведений писателя является маскулинное видение мира среди персонажей. Оно характерно для воспитанников духовной семинарии, являющейся местом действия в «Очерках бурсы», «Долбне» и «Махилове». Этому способствует сама сущность учебных заведений – в них представлен мужской контингент. В остальной части анализируемых произведений маскулинность является второстепенной особенностью системы образов.

Маскулинностью видения мира может быть обосновано стремление одного человека причинить физический и моральный вред другому человеку. Таким образом, в рамках настоящего исследования, мы будем оперировать понятием «нанесение вреда индивидууму». Данное понятие является предметом изысканий различных областей наук: психологии, юриспруденции, лингвистики, социологии и др. В настоящей статье под нанесением вреда индивидууму будем понимать спонтанное или преднамеренное причинение физического или вербального вреда человеку, реализованное по определенным причинам.

Методом сплошной выборки из указанных произведений Н. Г. Помяловского было выявлено 100 ЯЕ, которые объединены общей семантикой нанесения вреда индивидууму. В ходе анализа текстов произведений выборку составили ЯЕ, которые обозначали удар человека, болезненное воздействие на индивидуума с целью развлечения, применение методов физического наказания, угроза расправы над провинившимся человеком, применение методов вербального наказания (ругательства). С целью систематизации языкового материала определим тематические группы ТГ выявленных ЯЕ:

1. ТГ «Физическое нанесение вреда»;
2. ТГ «Угроза»;
3. ТГ «Физическое наказание»;
4. ТГ «Вербальное наказание».

Определим количественную представленность ЯЕ каждой из указанных ТГ с произведениями Н. Г. Помяловского, что нашло отражение в таблице.

Таблица

Количественная представленность ТГ ЯЕ семантики нанесения вреда индивидууму в произведениях Н. Г. Помяловского

№ п/п	Произведение	ТГ ЯЕ семантики нанесения вреда индивидууму				Всего, ед.
		«Физическое нанесение вреда», ед.	«Угроза», ед.	«Физическое наказание», ед.	«Вербальное наказание», ед.	
1.	«Очерки бурсы»	52	9	10	1	72
2.	«Поречане»	8	4	0	0	12
3.	«Махилов»	3	0	1	1	5
4.	«Молотов»	3	1	0	1	5
5.	«Долбня»	1	0	1	1	3
6.	«Мещанское счастье»	1	1	0	0	2
Итого		68	15	12	4	99

Данные, приведенные в таблице, даны в порядке убывания. Таким образом, по результатам проведенного исследования, можем отметить, что количественное преобладание ЯЕ семантики нанесение вреда индивидууму наблюдается в повести «Очерки бурсы», которая содержит 72 ЯЕ. Вторым по количеству ЯЕ произведением является рассказ «Поречане», в котором отмечено 12 ЯЕ. Рассказ «Махилов» и повесть «Молотов» включают в себя по 5 ЯЕ соответственно. Очерк «Долбня» содержит 3 ЯЕ, повесть «Мещанское счастье» – 2 ЯЕ. Дадим характеристику выявленным ЯЕ по ТГ, которые они составляют.

ТГ «Физическое нанесение вреда» содержит 68 ЯЕ. При этом ЯЕ, имеющие значение физического наказания, характерны для всех анализируемых произведений Н.Г. Помяловского. Это говорит о том, что физическое воздействие на человека – одно из сюжетобразующих явлений ряда произведений. В рамках указанной ТГ реализуются следующие ЯЕ: описательные глагольно-именные обороты (32 ед.), фразеологизмы (17 ед.), лексемы (14 ед.), речевые штампы (5 ед.).

Вслед за отечественным лингвистом П.А. Лекантом в настоящем исследовании под описательными глагольно-именными оборотами (далее – ОГИО) будем понимать синтаксические конструкции, «основанные на несвободном употреблении глагола-призрака (лишенного определенного вещественного значения)» [11, с. 151]. Приведем примеры ОГИО: *дать с пылу горячих, задать шлепендрясов, делать смази, дать затрецину, познакомить бока с кулаками* и др. В тексте произведений Н. Г. Помяловского ОГИО являются сочетаниями слов, которые воспроизводятся в ситуации нанесения вреда. При этом их реализация характерна как для речи автора (1), так и для речи героев произведения (2), напр.:

(1) *Второуездные, сделавши набег, рассыпались по классу, бьют приходчину в лицо, загибают ей салазки, делают смази, рассыпают постные и скоромные, швычки и подзатыльники* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

(2) «*Хочешь, говорит [Тавля], Катька, рябчика съест?*» – и начинает щипать подчиненного за волоса (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

Среди ОГИО имеют место и индивидуально-авторские ЯЕ: *здать шлепендрясов, устроить скандалиссимус*. Дадим характеристику обороту *устроить скандалиссимус*. ЯЕ реализуется в тексте повести «Молотов»: «*Я предлагаю, господа, устроить сейчас же общими силами скандалиссимус!*» (Н. Помяловский. Молотов, 1861). Употребление ОГИО относится к речи второстепенного персонажа повести – офицеру с залихватской внешностью. При этом в структуре оборота содержится индивидуально-авторский неологизм *скандалиссимус*, образованный от лексемы *скандал* суффиксальным способом. Однако семантика производящего слова восходит к обозначению события, «получившего широкую огласку и опозорившее его участников» [12, с. 630]. В то же время, исходя из контекста, определяем, что *устроить скандалиссимус* в рамках повести «Молотов» предполагает физическое воздействие на человека, напр.: *Переломать кости первому встречному* (Н. Помяловский. Молотов, 1861). Таким образом в рамках произведения наблюдается семантическая трансформация ОГИО, включающая в себя деривационные изменения путем добавления к слову суффикса *-иссимус*, иронически указывающего на масштаб запланированного действия физического нанесения вреда.

Дадим характеристику фразеологизмам, представленным в текстах анализируемых произведений. К таковым отнесем обороты типа *показать Москву, погибать салазки, дать затрецину, дать вытряску, дать лупку, дать трепку, вышибить дух* и др. Данная группа ЯЕ является второй по количественному отношению среди ТГ «Физическое нанесение вреда» в рамках настоящего исследования. Принадлежность выявленных ЯЕ к фразеологизмам определялась их фиксацией во фразеологических словарях русского языка.

Преобладание фразеологизмов семантики физического нанесения вреда отмечается в повести «Очерки бурсы». При этом к такому типу нанесения вреда относится не только драка или удар, но и болезненная детская забава, характерная для бурсацкого коллектива. Так фразеологизм *жать масло* является узуальным и имеет значение детской забавы «в которой из сидящих на одной скамье под давлением с двух сторон кто-либо выталкивается» [13, с. 226]. Среди детского коллектива бурсы подобная забава популярна. Об этом свидетельствует неоднократное упоминание в тексте, а также сам характер игры: если кто-то из воспитанников начинает жать масло, то некоторая часть других воспитанников активно присоединяется к «заводиле». Фразеологизм построен на метафоре, основанной на переносе свойств с процесса выжимки масла на играющих, напр.: *Попавшие к стене еле дышат, селятся выбиться наружу, а выбившись, в свою очередь жмут масло* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

В произведениях Н. Г. Помяловского бытование фразеологизмов семантики физического нанесения вреда опирается не только на обозначение забавы, но и на физическое воздействие в целом. Так, на страницах повести «Молотов» встречаем оборот *переломать кости*, который имеет значение «избить, искалечить кого-либо» [13, с. 462]. Офицер, желающий устроить скандалиссимус, впоследствии поясняет, что подразумевается под этим предложением, напр.: – *Переломать кости первому встречному* (Н. Помяловский. Молотов, 1861). С помощью соматического компонента *кости* указывается непосредственно на объект физического нанесения вреда.

Семантика физического нанесения вреда человеку в творчестве Н. Г. Помяловского заложена и в соответствующих лексемах. Значительная часть подобных ЯЕ составляют лексемы, денотативное значение которых восходит к обозначению удара или избиения: *ударить, избить, побить, поколотить* и др. Однако в настоящем исследовании дадим характеристику тем однословным ЯЕ, которые образованы с помощью метафоры.

Лексемы семантики физического нанесения вреда характерны для речи семинаристов в повести «Очерки бурсы». В рамках настоящего исследования было выявлено 14 ЯЕ, среди которых *шлифовать, отдуть, отваять, переть, работать, тиснить, вытянуть* и др. Отметим тематическую принадлежность указанных лексем. Маскулинное видение мира воспитанников

бурсы диктует их речевое поведение, что отражается и на использовании соответствующих ЯЕ. Так все указанные лексемы представляют собой метафору производства, работы. Таким образом, воздействие на бурсаков с позиции силы сравнивается с работой с материалами и инструментами, что легло в основу подобных ЯЕ.

Например, дадим характеристику глаголу *шлифовать*. Согласно «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, шлифовать – значит «обрабатывать поверхность абразивными материалами для придания гладкости, точных размеров, определенной формы» [14, 1999, с. 723]. Отсутствие иного, закрепленного в лексикографических источниках значения указывает на метафоричность употребления данной ЯЕ в тексте повести «Очерки бурсы». Воздействие на с применением физической силы образно восходит к воздействию на поверхность какого-либо предмета, отчего тот теряет свои первоначальные свойства, напр.: «Из него [Карася] выйдет порядочный бурсак, только следует **пошлифовать** его хорошенько. Мы и **пошлифуем** его!» (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

Что касается речевых штампов, то в повести «Очерки бурсы» они представлены в количестве 5 ЯЕ. При этом в текстах других произведений Н. Г. Помяловского речевые штампы не реализуются. С их помощью воздействующий субъекты сопровождают ситуацию физического нанесения вреда: *видал ли ты Москву?; трепещи, приходчина, и покоряйся!; так и надо, так и надо!; как или вилки в бок?; раззудись, плечо, размахнись, кулак!*. Отметим, что употребление подобных конструкций может быть продиктовано стремлением агрессоров из числа бурсаков создать определенную психологическую атмосферу для жертвы. При этом с помощью речевых штампов возможно как начало реализации акта нанесения вреда, так и его сопровождение, напр.: *Семенов улыбался как-то особенно; его удовольствие не походило на удовольствие других, и действительно, он затаенно повторял в душе: «Так и надо, так и надо!»* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

Дадим характеристику ТГ «Угроза». Она представлена в рамках настоящего исследования 15 ЯЕ, которые составляют ОГИО, фразеологизмы и речевые штампы соответствующей семантики. Рассмотрим каждый из видов ЯЕ.

ОГИО семантики угрозы представлены в количестве 8 ЯЕ: *дать хлеба, попасть по шее, гарантироваться кулаком, треснуть в рожу, съездить в зубы, выдрать уши, встряхнуть кости*. При этом употребление ОГИО характерно как для речи воспитанников бурсы, так и для авторского текста.

Так, оборот *гарантироваться кулаком* реализуется в авторской речи, напр.: *Кредит обыкновенно **гарантируется кулаком** либо всегдашнюю возможность нагадить должнику, потому что рисковали на рост только второкурсники* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863). С помощью ЯЕ указывается на неизбежность физической расправы, что выражается в форме косвенной угрозы, реализованной в авторской речи.

Среди ОГИО семантики угрозы отметим и индивидуально-авторский оборот *натрепать овчину*. ЯЕ характерна для речи отца Егорки – героя повести «Мещанское счастье». ЯЕ построена на метафорическом переносе образа потенциальной расправы с процесса разделывания овчинной шкуры на угрозу, напр.: – *Врешь, каналья, врешь!.. Я тебе **овчину-то натреплю**...* (Н. Помяловский. Мещанское счастье, 1860). Употребление лексемы *овчина*, обозначающей шерсть животного, в переносном смысле низводит человеческое достоинство до уровня этого животного, что подчеркивает превосходство агрессора над жертвой.

Фразеологизмы семантики угрозы представлены в количестве 5 ЯЕ: *морду расквасить, брюхо распороть, поговори у меня, кости переломать, дать вытряску*. Выявленные обороты носят характер узуальных.

Так, фразеологизм *поговори у меня* имеет значение «выражение угрозы, требования замолчать» [13, с. 479]. Фразеологизм реализуется в тексте рассказа «Поречане», в котором Иван Семенович общается с портретом генерала, угрожая тому расправой, напр.: – *Молчи, чорт! – кричал наш герой. Генерал, разумеется, ни слова. – **Поговори ты у меня!*** (Н. Помяловский.

Поречане, 1863). Выражение угрозы осуществляется путем употребления глагольного компонента в повелительном наклонении, что реализует энантиосемическое значение выражения. Агрессор буквально предписывает жертве продолжить коммуникативный акт (в данном случае – немой разговор) с целью дальнейшей потенциальной расправы за исполнение подобного предписания.

Что касается речевых штампов семантики угрозы, то они представлены в количестве 2 ЯЕ: *рожу растворожу, зубы на зубы помножу!*; *а в рождество хочешь?* Указанные штампы характерны для повести «Очерки бурсы». Так ЯЕ *рожу растворожу, зубы на зубы помножу!* употребляется Семеновым при угрозе физической расправы над Хорем, напр.: – *Опять Хорь?.. Рожу растворожу, зубы на зубы помножу!* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863). Данное выражение, граничащее с паремиологической единицей со структурно-семантической точки зрения, содержит в себе соматические компоненты. С их помощью агрессор указывает на потенциальную расправу над конкретными частями тела, органами жертвы. Вероятно, в речи бурсаков подобная ЯЕ носит устойчивый характер. Однако рассматривать ее в качестве паремиологической или фразеологической единицы не представляется возможным по причине отсутствия бытования вне текста повести.

Дадим характеристику ТГ «Физическое наказание». В анализируемых текстах произведений Н. Г. Помяловского физическое наказание как явление распространено в меньшей степени, чем физическое нанесение вреда или угроза. Количественно данная ТГ содержит 12 ЯЕ, среди которых речевые штампы, ОГИО, фразеологизмы, лексемы.

Речевые штампы со значением физического наказания представляют 4 ЯЕ: *не репу сеют, а секут только; дерут – ведь не репу сеют; досекать до своей науки; раба терзать, лозой его стегать...* По аналогии с ЯЕ семантики физического нанесения вреда речевые штампы сопровождают физическое наказание, либо употребляются героями произведений в соответствующем контексте без непосредственного участия в наказании.

Так ЯЕ *дерут – ведь не репу сеют* реализуется в речи воспитанников, которые объясняют Карасю необходимость прохождения такого вида наказания, как порка, напр.: – *Да, ты вот откушай этой похлебки, тогда и говори, что дерут – ведь не репу сеют* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863). В речевом штампе присутствует сравнение физического наказания с посадкой репы. Создается определенная оппозиция: физическое наказание – простота сеяния корнеплода, которая заключает в себе моральные и физические испытания для наказуемого.

ОГИО в значении физического наказания представлены в 3 ЯЕ: *откушать похлебки, следует перепороть, получить румяны*. Например, оборот *откушать похлебки* представляет собой антифразис, построенный на ироническом переосмыслении предписания попробовать пищу с физическим наказанием, напр.: – *Да, ты вот откушай этой похлебки, тогда и говори, что дерут – ведь не репу сеют* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863). При этом с помощью иронии адресанту удается отдалить себя от денотата, что умягчает потенциальное чувство страха реципиента.

Фразеологизмы семантики физического наказания реализуются в текстах анализируемых произведений в количестве 3 ЯЕ: *накормить березовой кашей, дать раза, пощупать ребра*. Рассмотрим фразеологизм *накормить березовой кашей*. Он имеет значение «выпороть, наказывать розгами» [13, с. 171]. В составе оборота заложена кулинарная метафора, которая переносит образ готового блюда (каша) на пучок березовых розог, которыми наказывают провинившихся. В повести «Очерки бурсы» фразеологизм реализуется в речи семинаристов, напр.: – *Попался, голубчик! – говорили ему. – Так что же? – А то, что накормят березовой кашей!* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

Лексемы семантики физического наказания представлены в количестве 2 ЯЕ: *отчихвостить, хорошенько*. Они бытуют в тексте повести «Очерки бурсы». Однако в настоящем произведении наблюдается изменение семантики лексемы *отчихвостить*. Согласно «Толковому словарю С. И. Ожегова», *отчихвостить* означает «сильно выругать, устроить нагоняй» [15,

с. 396]. В тексте повести при этом автором указывается на физическое наказание как действие, заложенное в семантике данной лексемы, употребленной Бенелявдовым, напр.: – *Заметит [Долбежин] – отчехвостит (высечет)* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863). В приведенном примере указание на физическое воздействие подчеркивается самим автором, который конкретизирует значение глагола: (*высечет*).

ТГ «Вербальное наказание» представлено в произведениях Н. Г. Помяловского всего 4 ЯЕ. Низкая количественная представленность ЯЕ может быть обусловлена непопулярностью применения подобных мер воздействия на человека. Маскулинное видение мира, принадлежность к низким сословиям сопровождаются преимущественно физическим воздействием на индивидуума или угрозой подобного воздействия. Вероятно, вербальное наказание в данном случае представляется как слабо действенное. Это такие ЯЕ, как *изругаться на чем свет стоит, дать головомойку, ругать на всю округу, идти войной*.

Среди ЯЕ семантики вербального наказания представлено 2 фразеологизма: *изругаться на чем свет стоит, дать головомойку*. Так, фразеологизм *ругать на чем свет стоит* является узуальным и имеет значение сильной брани в сторону провинившегося [13]. При этом в тексте повести «Очерки бурсы» наблюдается трансформация оборота за счет добавления к глагольному компоненту *ругать* префикса *из-*. Однако смысл выражения при этом сохраняется, напр.: [Семенов] *драл себя за волосы и не находил слов, какими бы следовало изругаться на чем свет стоит* (Н. Помяловский. Очерки бурсы, 1863).

Другая часть ЯЕ семантики вербального наказания состоит из ОГИО: *ругать всю округу, идти войной*. Так ЯЕ *идти войной* характерна для рассказа «Махилов». Рассказчик повествует о голодающем богослове, который намерен произвести вербальную расправу над нерадивыми буфетчиками, напр.: *Или мало дали каши за обедом и еще меньше посулили за ужином, и вот оголодавший богослов идет войной на буфет и поварню?* (Н. Помяловский. Махилов, 1855). При этом в основе ОГИО лежит метафора, представляющая собой перенос свойств агрессора, объявляющего войну, на человека, производящего вербальную расправу над провинившимся человеком. Военная метафора в данном случае заключает в себе намерения агрессора использовать исключительно вербальные средства наказания, избегая методы физического воздействия, характерные для войны в денотативном значении данного слова.

Подводя итог проведенному исследованию, сформулируем следующие выводы.

Творчество русского писателя Н. Г. Помяловского строится на стремлении описать жизнь и быт представителей низких сословий, крестьян, воспитанников, разночинцев. Этому во многом способствует личный жизненный опыт писателя. Изображение жизни представителей указанных сословий требует максимального сближения читателя с героями и с языковой точки зрения. Сниженная лексика, использование значительного числа ЯЕ семантики нанесения вреда индивидууму являются особенностями героев мастера слова. С точки зрения языковой представленности исследование показало, что наиболее наполненной ЯЕ группой стала ТГ «Физическое нанесение вреда». ЯЕ, входящие в нее, означают те реалии, которые наиболее часто присутствуют в жизни героев. Наименее наполненная группа – ТГ «Вербальное наказание». Это может быть связано со стремлением персонажей решать конфликтные ситуации путем физического воздействия на человека или угрозой данного воздействия. Настоящая тема исследования перспективна для дальнейших изысканий по части сопоставления произведений Н. Г. Помяловского с писателями XX и XXI вв. и использования в текстах их произведений ЯЕ семантики нанесения вреда индивидууму.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 657 с.
2. Агафонцев М. С. Виды переносного значения в основе фразеологизмов семантики физического наказания индивидуума // Русистика без границ. 2025. Т. 9, № 1. С. 15–24.

3. Сеничкина Е. П. Семантика вторичных номинаций тематической Группы «бить, колотить» в прозе В. М. Шукшина // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. Харьков, 2010. № 1–2 (42). С. 3–8.
4. Грозьян Н. Ф., Прудникова Т. И., Ибрагимова В. Ф. Фразеологическая микросистема «Девиантное поведение человека» в русском, украинском и крымско-татарском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С. 14–22.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
6. Ждановский Н. П. Реализм Помяловского: Вопросы стиля. М., 1960. 182 с.
7. Прокудин Б. А. Повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» как художественное осмысление формирования разночинного сословного сознания: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Политические науки, 2020. №4. С. 91–111.
8. Шахов В. В. Традиции демократических писателей 1860-х годов (Г. и Н. Успенские, В. Слепцов, Н. Помяловский, Ф. Решетников, А. Левитов) в реалистической прозе конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Рязань, 1983. 47 с.
9. Ямпольский И. Г. Помяловский // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 8. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. 1956. С. 536–561.
10. Вальбе Б. С. Помяловский. М.: Молодая гвардия, 1936. 193 с.
11. Лекант П. А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 140–154.
12. Большой академический словарь русского языка / под ред. А. С. Герд. 2019, М., СПб: Наука. 728 с.
13. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
14. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т. 4. 797 с.
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под. ред. Л. И. Скворцова. М: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. 736 с.

References

1. Vinogradov V. V. On the language of fiction. Moscow: Goslitizdat, 1959. 657 p.
2. Agafontsev M. S. Types of figurative meaning at the heart of phraseological units of the semantics of physical punishment of an individual // Russian studies without borders. 2025. Vol. 9, No. 1. pp. 15-24.
3. Senichkina E. P. Semantics of secondary nominations of the thematic Group "beat, beat" in the prose of V. M. Shukshin // Russian Philology. Bulletin of Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda. Kharkiv, 2010. No. 1-2 (42). pp. 3-8.
4. Grozyan N. F., Prudnikova T. I., Ibragimova V. F. Phraseological microsystem "Deviant human behavior" in Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages // Philology: scientific research. 2024. No. 2. pp. 14-22.
5. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / edited by M.N. Kozhina. Moscow: Flint: Nauka, 2011. 696 p.
6. Zhdanovsky N. P. Pomyalovsky's realism: Questions of style. Moscow, 1960. 182 p.
7. Prokudin B. A. N. G. Pomyalovsky's Novellas "Petty-bourgeois Happiness" and "Molotov" as an artistic interpretation of the formation of a diverse class consciousness: a political and textual analysis // Bulletin of the Moscow University. Political Sciences, 2020. No. 4. pp. 91-111.

8. Shakhov V. V. Traditions of democratic writers of the 1860s (G. and N. Uspenskiye, V. Sleptsov, N. Pomyalovsky, F. Reshetnikov, A. Levitov) in realistic prose of the late XIX – early XX centuries: abstract of the dissertation. ...Dr. Philol. sciences. Ryazan, 1983. 47 p.

9. Yampolsky I. G. Pomyalovsky // History of Russian literature: In 10 volumes / USSR Academy of Sciences. In-t rus. lit. (Pushkin. House). Moscow; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941-1956. Vol. 8. Literature of the sixties. Part 1. 1956. pp. 536-561.

10. Valbe B. S. Pomyalovsky. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1936. 193 p.

Russian Russian language. 11. Lekant P. A. The development of predicate forms // Thoughts on the modern Russian language. Moscow: Prosveshchenie, 1969. pp. 140-154.

12. The Great Academic Dictionary of the Russian language / edited by A. S. Gerd. 2019, Moscow, St. Petersburg: Nauka. 728 pages .

13. Fedorov A. I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow: Astrel: AST, 2008. 878 p.

Russian Russian Dictionary / ed. by A. P. Evgenieva. Moscow: Russkiy yazyk, 1999. Vol. 4. 797 p.

15. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language / edited by L. I. Skvortsov. Moscow: Mir I Obrazovanie Publishing House, 2013. 736 p.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.011

Воронежский государственный технический университет

*канд. филол. наук, доцент
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации*

Сулемина О.В.

Россия, г. Воронеж,

тел. +7-920-214-62-19

e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh State Technical University

PhD, associate professor

*Associate professor of the chair of Russian
language*

and cross-cultural communication

Sulemina O.V.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-214-62-19

e-mail: may2005@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет

студент 4 курса направления «Журналистика»

Ломов М.А.

Россия, г. Воронеж

тел. +79515473676

e-mail: zatoneegor@vk.com

Voronezh State Technical University

The faculty of journalism,

Fourth-year student

Lomov M.A.

Russia, Voronezh

тел. +79515473676

e-mail: zatoneegor@vk.com

Воронежский государственный технический университет

студент 4 курса направления «Журналистика»

Ласуков Н.И.

Россия, г. Воронеж

тел. +79521083568

e-mail: lasukov-nikita@mail.ru

Voronezh State Technical University

The faculty of journalism,

Fourth-year student

Lasukov N.I.

Russia, Voronezh

тел. +79521083568

e-mail: lasukov-nikita@mail.ru

О.В. Сулемина, М.А. Ломов, Н.И. Ласуков

КОЛОРИСТИКА СТРАХА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

Категория страшного занимает значимое место в творчестве А.П. Чехова. Страх у Чехова принимает как традиционные формы (например, в святочном рассказе «Страшная ночь»), так и специфично чеховские – «страх жизни» и обыденности. Не зря в ряде произведений можно встретить соотнесение страха со скукой или с поглощением человека пространством. Данная статья посвящена исследованию цветовой символики как средства репрезентации категории «страшного» в творчестве А.П. Чехова. На материале произведений «Студент», «Черный монах», «Палата №6», «Страх», «Страшная ночь», «Степь» анализируется семантика черного, серого, белого цветов и их оттенков в создании атмосферы ужаса, тревоги, экзистенциального беспокойства. Выявляется устойчивая связь между колористическими решениями и психологическим состоянием героев, а также роль цветописи в формировании чеховского хронотопа страха. Делается вывод о том, что цветовая гамма в изображении страха тяготеет к монохромности, размытости и неопределенности, что в целом соответствует поэтике писателя, для которого зачастую страшно именно то, что непонятно.

Ключевые слова: А.П. Чехов, колористика, цветовая деталь, страх, поэтика, художественное пространство, символика цвета.

O.V. Sulemina, M.A. Lomov, N.I. Lasukov

COLORISTIC OF FEAR IN A.P. CHEKHOV'S WORKS

The category of the terrible occupies a significant place in the works of Anton Chekhov. In Chekhov's works, fear takes on both traditional forms (for example, in the Christmas story "The Terrible Night") and specific Chekhovian forms, such as the "fear of life" and the mundane. It is not without reason that in several of Chekhov's works, fear is associated with boredom or the absorption of a person by space. This article explores the use of color symbolism as a means of representing the category of the "terrible" in Chekhov's works. The article analyzes the semantics of black, gray, and white colors and their shades in creating an atmosphere of horror, anxiety, and existential unease in the works "The Student," "The Black Monk," "Ward No. 6," "Fear," "A Terrible Night," and "The Steppe." The article reveals a stable connection between color choices and the psychological state of the characters, as well as the role of color in shaping Chekhov's chronotope of fear. It is concluded that the color scheme in the depiction of fear tends towards monochrome, blurring, and uncertainty, which generally corresponds to the writer's poetics, for whom it is often the incomprehensible that is frightening.

Keywords: A.P. Chekhov, coloristics, color detail, fear, poetics, artistic space, color symbolism.

В художественном мире А.П. Чехова цвет играет значительную роль. Как, например, отмечает Е.П. Червинскене, «стабильностью чеховского спектра и объясняется символичность многих его оценок. Особенно характерные художественные детали даже переходят из произведения в произведение, наполняясь все более глубоким смыслом, поднимаясь до символического значения» [1, с. 121]. Эта особенность чеховской поэтики в полной мере проявляется при изображении одной из ключевых категорий его творчества – страха.

Исследователи неоднократно обращались к теме страха в прозе Чехова. Так, М.П. Громов утверждал: «Психологию страха Чехов исследовал чрезвычайно подробно, как, быть может, никто другой ни в нашей, ни в мировой литературе» [2, с. 384]. В работах многих литературоведов рассматриваются различные аспекты репрезентации «страшного» в чеховских текстах [5; 10; 11]. Однако роль цветовой детали в создании атмосферы страха до сих пор не становилась предметом специального анализа, хотя именно колористика позволяет Чехову с максимальной лаконичностью передать сложнейшие психологические состояния своих героев.

Цель настоящей статьи – на материале ряда произведений Чехова («Черный монах», «Студент», «Палата № 6», «Страх», «Страшная ночь», «Степь») контурно проанализировать семантику цветообозначений страха и выявить устойчивые колористические закономерности. В процессе анализа мы выделили несколько основных цветов, связанных с категорией страшного. Скажем о каждом из них отдельно.

Черный цвет занимает центральное место в чеховской колористике страха. Как отмечают авторы исследования «Символика цвета в повести А.П. Чехова "Черный монах"», «черный, белый, красный цвета показывают сложные внутренние переживания и душевное состояние главных героев, передают их богатый эмоциональный мир» [6, с. 156]. При этом черный цвет выступает маркером иррационального, потустороннего начала, вторгающегося в обыденную жизнь.

В рассказе «Студент» черный цвет появляется уже в первых пейзажных зарисовках: «самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо». [Произведения А.П. Чехова цитируются по: 2] Здесь чернота лишена конкретных очертаний, она бесконечна и беспредельна – именно это свойство делает ее источником экзистенциального страха. Герой ощущает себя потерянным в этом черном пространстве, где «пустыня кругом, мрак, чувство гнета». [2] Особенно показателен образ костра: «Одинокий огонь спокойно мигал в темноте...» [2]. Контраст огня и темноты создает напряженную, тревожную атмосферу, в которой разворачивается евангельский рассказ об отречении Петра. Темнота ночи становится символом сомнений и неверия, а далекий огонь представляется светом веры, побеждающей сомнения и страх.

В рассказе «Страшная ночь» черный цвет, темнота и холод создают атмосферу, настраивающую главного героя (совместно с гаданием) на мистический лад: «меня окутывал непролицаемый холодный мрак и перед глазами неистово кружились дождевые капли, а над головою жалобно стонал ветер, когда я вокруг себя не видел ни одной живой души, не слышал человеческого звука, душу мою наполнял неопределенный и неизъяснимый страх». [2] Ночь сама по себе изображена воплощением страха, который окутывает героя.

Особое место черный цвет занимает в повести «Черный монах». Само название задает колористическую доминанту: черный монах – призрак, являющийся герою. Его появление описано с использованием предельно насыщенной черной семантики: «Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями, скрестив на груди руки, пронесся мимо... Босые ноги его не касались земли. ... Но какое бледное, страшно бледное, худое лицо!» [2]. Показательно, что черный здесь сочетается с бледностью (почти белизмой), создавая классическую романтическую оппозицию жизни и смерти. Контраст черного с ярким, цветным миром подчеркивает инородность монаха, его вторжение из иного измерения. Однако здесь страх оказывается в то же время возможностью выйти за пределы реальности, соприкоснуться с вечностью. Не зря у Чехова мы видим «беспокойство, похожее на страх», которое овладевает Ковриным при встречах с монахом. Страх героя перед «призраком» сопровождают «светлые, чудные, неземные минуты». Здесь страх нельзя оценить исключительно негативно, поскольку он соединяется с творчеством и блаженством.

Если черный связан с иррациональным, мистическим ужасом, то *серый / блеклый/ бледный цвет* маркирует «пошлость жизни» либо «боязнь жизни» – тот самый обыденный, приземленный страх, который, по мысли исследователей, страшен именно своей повседневностью [5, с. 359].

В рассказе «Страх» белый, блеклый цвет связан с сумерками и туманом: «На реке и кое-где на лугу поднимался туман. Высокие, узкие клочья тумана, густые и белые, как молоко, бродили над рекой, заслоняя отражения звезд и цепляясь за ивы. Они каждую минуту меняли свой вид и казалось, что одни обнимались, другие кланялись, третьи поднимали к небу свои руки с широкими поповскими рукавами, как будто молились...» [2]. Туман открывает границы между внешним и внутренним, подталкивает Силина открыть душу своему другу.

Дмитрий Петрович Силин исповедуется приятелю в том, что всю жизнь живет в плену «странного, ни с чем не сообразного страха». Особенность этого произведения – отсутствие экстремальных внешних обстоятельств. Ужас здесь рождается из осознания пошлости и лживости обыденного существования. Колористически это пространство выдержано в приглушенных, ахроматических тонах.

Пейзаж, обрамляющий историю героя, лишен ярких красок. Описание вечера: «Погода была тихая, но сумрачная, серое небо отражалось в воде, и лодка точно плыла по серому, безграничному пространству» [2]. Здесь «серое» выступает не просто как цвет, а как метафизическая граница. Отражение неба в воде создает эффект герметичного мира, где нет просвета, нет вертикали «небо-земля», есть только вязкая монохромия. Чехов намеренно лишает пейзаж синего и зеленого – цветов жизни и свободы, – погружая героя в акварель страха, где все оттенки сведены к серости.

В «Палате №6» колористика страха обретает институциональную, почти метафизическую определенность. Больничный флигель, где живут пациенты, – это пространство безысходности, цветовая гамма которого сведена к ахроматическому спектру. При первом описании палаты Чехов фиксирует: «Стены грязные, серые». [2] Решетки на окнах выкрашены в серую краску, одеяла – серые. Это не просто бедность обстановки, это цветовая программа: серый у Чехова становится синонимом отчуждения, бюрократического насилия над жизнью. Страх в «Палате №6» лишен иррациональности; он рационализирован до состояния государственной нормы. Однако именно эта нормированность, выраженная в сером цвете, вызывает ужас у читателя.

Показательно, что при переходе к описанию мира за пределами палаты (природа, город) колористика становится богаче, но для героя, доктора Рагина, эта цветовая полнота уже недоступна. Его восприятие мира, пораженное апатией и страхом перед реальностью, также тяготеет к монохромному. Когда он, наконец, выходит из палаты после насильственного помещения туда, мир видится ему «тусклым» и «бледным».

Теперь скажем о значении *белого цвета*, который встречается в монохромном спектре и репрезентируется отдельно. В повести «*Степь*» сочетание белого (света молний) и черного (ночь, тучи) оказывается воплощением страшного. Кроме того, страх в «*Степи*» – это страх растворения в бесконечности. Панорамные описания, где «жгучая» белизна неба сливается с поблекшей землей, создают ощущение тотальной монотонности, которая давит на человека не меньше, чем замкнутое пространство «*Палаты №6*». Если в романтической традиции белый цвет часто символизировал возвышенное и трансцендентное, то у Чехова он сигнализирует о потере индивидуальности, о страхе перед вселенским безразличием.

Стоит отметить, что красный – традиционный цвет угрозы – встречается в чеховских рассказах в связи с темой страшного гораздо реже, чем черный, серый, белый и их «размытые» оттенки. Как справедливо отмечают исследователи, «страшно то, что нечетко, размыто и непонятно» [1, с. 358]. Эта нечеткость, размытость достигается именно цветовыми средствами: «слабый сероватый свет», «лица, казавшиеся темными», «всё слилось в одну сплошную тьму».

Подводя итог данного исследования, можно сделать вывод, что Чехов избегает ярких, определенных цветов при изображении страха – его палитра тяготеет к монохромности, сумеркам, полутонам. Это соответствует его художественной картине мира: страшно не то, что явлено отчетливо, а то, что ускользает, таится, не поддается определению. Цветовая деталь становится для писателя лаконичным и выразительным средством передачи сложнейших психологических состояний героев.

Библиографический список

1. Червинскене Е.П. Единство художественного мира. А.П. Чехов. Вильнюс: Мокслас, 1976. 183 с. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/novie-lyudi-chehova-v-kulturno-istoricheskikh-kontekstah-rossii-i-kitaya/p15> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Чехов А.П. Сочинения в 18 т. М., 1974-1982. URL: <https://ilibrary.ru/author/chekhov/index.html> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. С. 384.
4. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 78.
5. Сулемина О.В., Бугакова Н.Б. «Страшное» в рассказах А.П. Чехова: исключение или обыденность? // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2019. С. 358–364.
6. Сяоя Лю, Васильева И.Э. Символика цвета в повести А.П. Чехова «Черный монах» // Казанский лингвистический журнал. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-tsveta-v-povesti-a-p-chehova-chernyy-monah> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Ши Шаньшань Цветовая гамма в «новом» и «старом» мире Чехова // Современное педагогическое образование. 2023. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-gamma-v-novom-i-starom-mire-chehova> (дата обращения: 14.03.2026).
8. «Старый» и «новый» мир: цветовая гамма // А.П. Чехов: жизнь и творчество. 2024. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/novie-lyudi-chehova-v-kulturno-istoricheskikh-kontekstah-rossii-i-kitaya/p4> (дата обращения: 14.03.2026).

9. Найма А.А. Тема страха в творчестве А.П. Чехова 1880-х – начала 1890-х годов: типология авторской позиции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. № 4. С. 120–127.

10. Агратин А.Е. Угроза в сознании чеховского героя (на материале произведений 1880–1887 гг.) // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 69–78.

References

1. Chervinskene E.P. The Unity of the Artistic World. A.P. Chekhov. Vilnius: Mokslas, 1976. 183 p. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/novie-lyudi-chehova-v-kulturno-istoricheskikh-kontekstah-rossii-i-kitaya/p15> (date of reference: 03/14/2026).

2. Chekhov A.P. Essays in 18 volumes, 1974-1982. URL: <https://ilibrary.ru/author/chekhov/index.html> (date of reference: 03/14/2026).

3. Gromov M.P. Book about Chekhov. Moscow: Sovremennik, 1989. p. 384.

4 Linkov V.Ya. The artistic world of A.P. Chekhov's prose. Moscow: Moscow University Publishing House, 1982. p. 78.

5.Sulemina O.V., Bugakova N.B. "Scary" in A.P. Chekhov's stories: exception or commonplace? // Bulletin of the Voronezh State Technical University. 2019. Pp. 358–364.

6. Xiaoya Liu, Vasilyeva I.E. The Symbolism of Color in A.P. Chekhov's Story "The Black Monk" // Kazan Linguistic Journal. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-tsveta-v-povesti-a-p-chehova-chernyy-monah> (accessed: 14.03.2026).

7. Shi Shanshan The color scheme in Chekhov's "new" and "old" world // Modern Pedagogical Education. 2023. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-gamma-v-novom-i-starom-mire-chehova> (accessed: 14.03.2026).

8. "Old" and "New" World: The Color Scheme // A.P. Chekhov: Life and Work. 2024. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/novie-lyudi-chehova-v-kulturno-istoricheskikh-kontekstah-rossii-i-kitaya/p4> (accessed: 14.03.2026).

9. Naima A.A. The Theme of Fear in the Works of Anton Chekhov in the 1880s and Early 1890s: Typology of the Author's Position // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2024. No. 4. Pp. 120–127.

10. Agratin, A. E. The Threat in the Consciousness of Chekhov's Hero (Based on the Works of 1880–1887) // New Philological Bulletin. 2018. No. 1 (44). Pp. 69–78.

УДК 81.11

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.012

Воронежский государственный педагогический университет

Аспирант кафедры

русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Ягодина И. Д.

Россия, г. Воронеж, тел.: +7-980-539-29-89

e-mail: innochka.1994@inbox.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Postgraduate student of the Department of
the Russian Language, Modern Russian
and Foreign Literature*

Yagodina I.D.

Russia, Voronezh, tel.: +7-980-539-29-89

e-mail: innochka.1994@inbox.ru

И.Д. Ягодина

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» (НА МАТЕРИАЛЕ СИСТЕМЫ СРАВНЕНИЙ)

Статья посвящена комплексному анализу художественных сравнений как ключевого приёма создания женских образов в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Раскрывая частную жизнь героинь-казачек через призму глобальных исторических катаклизмов, писатель системно использует сравнения для «встраивания» женщины в художественную вселенную романа, где частная судьба неотделима от жизни природы и рода. В статье предлагается многоуровневая классификация сравнений по четырём основаниям: структурным особенностям, архетипически-семантическим признакам, грамматическим характеристикам, функциональному назначению. На материале образов ключевых женских образов демонстрируется система сравнений, работающая как инструмент мифологизации, возводя частные характеры до уровня вечных архетипов. Установлено, что эволюция сравнений в судьбе каждой героини отражает центральную трагедию романа: распад органичного природно-родового мира донского казачества под напором истории. Сделан вывод, что через модели сравнений М.А. Шолохов не только индивидуализирует героинь, но и раскрывает универсальные основания их существования — гармонию с природным миром и ее катастрофический распад в условиях исторических катаклизмов.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, «Тихий Дон», художественный образ, казачка, художественное сравнение, поэтика.

I.D. Yagodina

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE COSSACK WOMAN IMAGE IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON" (BASED ON THE SYSTEM OF SIMILES)

The article is devoted to a comprehensive analysis of artistic similes as a key technique for creating female images in M.A. Sholokhov's epic novel "And Quiet Flows the Don". Revealing the private lives of Cossack heroines through the prism of global historical cataclysms, the writer systematically uses similes to "integrate" women into the artistic universe of the novel, where private fate is inseparable from the life of nature and kin. The article proposes a multi-level classification of similes based on four criteria: structural features, archetypal-semantic characteristics, grammatical features, and functional purpose. Using the images of key female characters as material, the system of similes is demonstrated to function as a tool of mythologization, elevating private characters to the level of eternal archetypes. It is established that the evolution of similes in the fate of each heroine reflects the central tragedy of the novel: the disintegration of the organic natural-kin world of the Don Cossacks under the pressure of history. The conclusion is made that through simile models, M.A. Sholokhov not only individualizes his heroines but also reveals the universal foundations of their existence — harmony with the natural world and its catastrophic collapse in the context of historical upheavals.

Key words: M.A. Sholokhov, "And Quiet Flows the Don", artistic image, Cossack woman, artistic simile, poetics.

Роман «Тихий Дон» М.А. Шолохова [1] – эпопея, где частная жизнь неотделима от жизни природы и истории [2]. Женские образы, особенно образы центральных героинь-казачек, являются воплощением вечных начал: жизни, рода, любви, страдания [3]. Художественный образ, как правило, «опирается на выразительные средства самого языка... но эти средства получают в художественном произведении новые, качественно отличные функции» [4]. Главным инструментом «встраивания» женщины в космос донской земли выступают в романе художественные сравнения, под которым понимается «стилистический приём, который служит основой для развёртывания образа» [5].

Анализ языкового материала позволил выявить наиболее частотные структурные и смысловые модели сравнений, используемые М.А. Шолоховым для описания казачек:

1) по структуре; как известно, система сравнений строится на четком распределении объектов (кого/что сравнивают) и субъектов (с кем/чем сравнивают) сопоставления.

Объектом сравнения в романе М.А. Шолохова выступает казачка, особенности ее внешности (взгляд, походка, фигура) или состояния (горе, радость): «*ее походка была звериной*», «*губы как лепестки завядшего ковыля*», «*горе ее было тихим, как туман над рекой*». Как видно, объект всегда антропоцентричен; а сравнение служит средством раскрытия внутренней и внешней сущности женщины.

Субъекты сравнения образуют четкие тематические группы: а) субъекты из мира природы (доминирующая группа): растительного мира (*калина, лоза, колышница, ковыль, плющ, цветок*) для указания на естественную красоту объекта, связь с землей, цикличность (расцвет/увядание); мира животных (*волчица, лебедушка, кобылица, теленок, пава*) для раскрытия инстинктивной, «дочеловеческой» сущности, грации или, наоборот, приземленности; мира природной стихии (*пожар, вихрь, роса, сноп, туман*) для изображения силы, страсти, быстротечности, хрупкости казачки [6; 7]; б) субъекты – предметы из казачьего мира (*семечки, бочонок, глыба*) для оценивания героинь с утилитарной, социальной точки зрения (в том числе для снижения или типизации образа; в) субъекты-символы и обобщения (часто в трагических моментах) (*сирота, подкошенная, потерянная*) для выведения образа из конкретики в сферу всеобщего трагизма.

Вышесказанное позволяет построить структурную схему сравнения, которая показывает, что сравнения у М.А. Шолохова – не украшение, а системный инструмент для включения персонажа в большую художественную и философскую вселенную: казачка (объект) → уподобляется → элементу мира природы/быта (субъект) → что означает → ее принадлежность к космосу Дона, ее архетипическая роль. Например, Аксинья Астахова → осенний пожар → ее страсть не просто сильна, она стихийна, всепоглощающая, связана с временем увядания, то есть несет в себе семя гибели; Наталья Коршунова → калина → ее красота природна, традиционна (фольклорный символ), но хрупка; она – часть национального/природного идеала; Ильинична → подкошенная колышница → ее горе абсолютно органично, это часть естественного цикла жизни и смерти в степи; ее связь с землей тотальна даже в страдании; Дарья → кобылица на поводу → ее внешность и поведение оцениваются в рамках хозяйственно-бытового уклада; сравнение указывает на ее прирученность, показную удаль.

2) по архетипической семантике:

а) натурфилософская (природная) модель «казачка – часть природы»;

Система натурфилософских сравнений в романе «Тихий Дон» неслучайна и подчиняется глубокой мифопоэтической логике [8, с. 12]. Через уподобление природным стихиям и явлениям М.А. Шолохов выводит образы главных казачек на уровень вечных архетипов, укорененных в коллективном и народно-поэтическом сознании. Женщина уподобляется природному миру (стихиям, растениям, животным), что подчеркивает ее органическую, нерасторжимую связь с окружающей действительностью [9, с. 105].

- архетип матери-земли (источника рода), воплощенный в образе Ильиничны, характеризуется всепоглощающей жертвенностью, мудростью, связью с циклом жизни и смерти, с

домом как космосом. Здесь присутствуют сравнения, подчеркивающие укорененность и фундаментальность героини, поэтому она редко сравнивается с чем-то ярким или подвижным: ее сущность – это сама почва, основа: *«Ильинична стояла рядом; каменно застыли ее тонкие губы»*. Ее молчаливое страдание и терпение сравнимы с терпением земли, принимающей и дождь, и засуху. Даже в горе, после известия о смерти Петра, Ильинична *«как подкошенная колышница»* – сравнение не с садовым цветком, а с дикой степной травой, частью того ландшафта, который ее породил. Ее смерть – это тихое угасание, «отход», подобный уходу природы в зимний сон, что соответствует архетипу вечного обновления через умирание. Ильинична также связана с домом и родом: она – душа куреня. В этом аспекте ее сравнения опосредованы через предметы быта и хозяйства, которые являются продолжением природного мира (хлеб, вода, двор). Она – хранительница очага в самом мифологическом смысле, и ее сила — в этой нерасторжимой связи.

- архетип девы-невесты (жертвы, чистой стихии), воплощенный в образе Натальи Коршуновой, характеризующемся гармоничной красотой, предназначением для семьи и продолжения рода, но часто становящемся невольной жертвой. Создавая образ Натальи, писатель использует сравнения с миром «окультуренной», чистой природы: *«стройная, как калина»* – калина в славянской фольклорной традиции символ девичьей красоты и непорочности, но и горькой судьбы; *«тело как у лебедушки»* – лебедь архетипический символ верности, чистоты и трагической разлуки; ее *«слезы как роса»* – кратковременная, чистая влага, не оставляющая следа. Эти сравнения создают образ идеальной, но хрупкой гармонии, предназначенной для светлой доли, но не имеющей защиты от грубой силы. С приближением трагедии сравнения меняются: *«лепестки завядшего ковыля»*, *«улыбка сироты»* – это уже образ увядания, потери связи с жизненной силой. Ее смерть – ритуальная жертва (после проклятия мужа и аборта), и природные сравнения здесь становятся символами этого священного умирания.

- архетип роковой любовницы (стихийной, разрушительной силы), реализованный в образе Аксиньи Астаховой. Архетип воплощает необузданную природную энергию, страсть, которая и животворит, и губит. Это сила, стоящая вне морали патриархального уклада. Любовь героини к Григорию – природный закон, подобный смене времен года или разливу Дона. Сравнения, которые используются в романе для характеристики героини, разнообразны: ее отождествляют со стихийными, «дикими», демоническими силами природы (любовь *«как осенний пожар»* – сравнение, указывающее на всепоглощающую, испепеляющую силу, которая к тому же приходится на пору увядания [10]; *«вихрь»* – неконтролируемая, крушащая стихия); с животным миром (*«как волчица с волчатами»*, *«звериная» походка*, *«звериный» крик* в смертный миг) [10]. Аксинья – воплощение инстинктивной, плодоносящей и смертоносной силы земли. Ее архетипическая сила, делающая ее живой и притягательной, обрекает ее на гибель в мире, где эта сила становится разрушительной. Она умирает как зверь на охоте, что логично завершает круг ее природных уподоблений.

б) социально-бытовая модель «казачка – в системе ценностей куреня и станицы», реализуется в конкретных и обобщенных образах.

Так, например, начале романа Дуняшка – *«длиннорукая и большеглазая, как подросток теленочек»* (сравнение подчеркивает подростковую угловатость и простоту), позже процесс ее взросления показывается через более осмысленные бытовые метафоры [12].

Образ Дарьи часто снижен через сравнения с предметами быта или через грубоватую казачью эстетику: она говорит *«бойко, щелкая, как семечки, словами»* (сравнение с праздным, несерьезным занятием), после измены *«ходила, ломаясь, как кобылица на поводу»* (сравнение с домашним животным, подчеркивающее ее доступность и показную удаль).

В обобщенном виде социально-бытовая модель репрезентирует сравнение труда женщины, ее выносливости с работой в поле, уходом за скотом, что подчеркивает ее несущую, хозяйственную роль в укладе.

в) символическая модель возникает в моменты высшего напряжения (страдания женщин или перед их гибелью). В данном случае сравнения нередко отрываются от природного мира и приобретают мрачный, символический характер.

Так, в момент принятия решения об аборте и перед смертью губы Натальи, «*как лепестки завядшего ковыля*», улыбка «*невеселая, потерянная, как у сироты*», что отражает окончательный разрыв с жизнью и счастьем.

Гибель Аксины описана через пронзительное сравнение: «*испуганно вскрикнула и упала навзничь, как подкошенная*». Это своеобразное эхо сравнения с Ильиничной («*подкошенная колышница*»), но здесь – внезапный, насильственный конец.

3) по грамматическим особенностям;

С точки зрения способов оформления М.А. Шолохов в романе «Тихий Дон» чаще всего использует конструкции:

- с союзом как: «*Баба сладкая, как арбуз! Хучь я ее и не пробовал, а знаю*» (Тих.Дон, кн. 3, ч. 6); «*Верно, старуха? Ну, чего ты как градовая туча стоишь?*» (Тих.Дон, кн. 4, ч. 7); «*Ильинична полыхала вишневым румянцем, сваха ее зеленела от водки, как зашибленная морозом лесная груша-зимовка*» (Тих.Дон, кн. 1, ч. 1); «*В стану – перервать можно, как оса; глазюки – черные, здоровящие, стригеть ими, как сатана, прости бог*» (Тих.Дон, кн. 1, ч. 1).

- формы творительного падежа и развернутые описательные конструкции («*волчицей металась по базу*», «*звериной походкой вышла*»): «*С крыльца гусыней поплыла Ильинична, обметая подолом ошлепки навозной грязи, занесенной на порожки*» (Тих.Дон, кн. 1, ч. 1); «*Вся в румяном цвету, Дуняшка ласточкой чертила баз от стряпки к куреню, на окрики отца, смеясь, отмахивалась*» (Тих.Дон, кн. 1, ч. 1).

- развернутые, описательные сравнения: «*Дуняшка еще на почте прочитала их и – то неслась к дому, как былка, захваченная вихрем, то, качаясь, прислонялась к плетням*» (Тих.Дон, кн. 1, ч. 3); «*Лукинична раскрылилась, как грач перед взлетом, хлопнув руками по подолу, прорвалась на визг*» (Тих.Дон, кн. 1, ч. 2)».

4) по функциональному назначению.

В эпическом полотне «Тихого Дона» Михаил М.А. Шолохов мастерски использует художественные сравнения как мощный инструмент психологического анализа и философского осмысления. Через систему сравнений раскрываются глубинные сущности его героинь, их связь с миром природы, семьей и роковыми силами истории. Эти сравнения можно разделить по их функциональному назначению, где каждая группа выполняет свою особую роль в создании целостного и трагического образа женской судьбы на фоне крушения казачьего уклада.

Наиболее значимой и распространенной является *характерологическая* функция, через которую писатель создает портрет каждой женщины, определяя ее место в художественной вселенной романа. Ярче всего это видно в контрасте между двумя центральными героинями – Аксиной Астаховой и Натальей Коршуновой.

Образ Аксины вырастает из сравнений, связывающих героиню с дикой, плодородной, неукротимой природой. Она «*как осенним солнцем, светилась любовью*», становясь для Григория источником живительного тепла; ее походка – «*вразвалку, как ходит крепкий бычок*» – говорит о грубоватой, животной силе и здоровье. Даже в моменты покоя она «*гордая и счастливая, как степная кобылица, обожженная ветром и солнцем*». Эти сравнения создают образ стихии: страстной, свободной, коренящейся в самой почве и традициях вольного Дона.

Совершенно иная красота у Натальи. Ее образ очерчен сравнениями, подчеркивающими одухотворенную чистоту, хрупкость и правильность. Ее глаза «*лучистые, как у зайчихи*», сияют кротостью и беззащитностью; стан «*прямой, как тростинка*» – выдает не только стройность, но и внутренний, почти жесткий стержень, и одновременно хрупкость. Ее любовь к Григорию названа «*послушничьей, подобострастной*», что сразу определяет ее как натуру жертвенную, склонную к самоотречению.

Не менее выразительны и другие женские образы. Мудрая Ильинична, мать и хранительница очага, постоянно показана сторбленной под тяжестью труда и горя, «как тень» блуждающей по опустевшему двору после потерь. Ее сравнения говорят о выносливости, но и о постепенном угасании самого сердца семьи.

Циничная и живучая Дарья часто предстает в холодных, даже отталкивающих сравнениях: она «улыбалась так, как улыбается рыба, вытащенная на берег», а после смерти мужа «высохла и почернела, как мумия». Ее образ лишен животворящего начала, в нем преобладает плоть, лишенная души.

Помимо создания глубинного портрета, сравнения в романе «Тихий Дон» выполняют *экспрессивную функцию*, заостряя внимание на особенностях эмоционального состояния героини в ключевые моменты. После потери ребенка Аксинья «*вскрикнула дико и безумно, как подстреленная*». Наталья, приняв страшное решение об аборте, стоит «*прямая и жесткая, как жердь*».

Кроме того, многие сравнения выполняют символическую и прогностическую функцию, создавая тревожное предчувствие беды и ощущение фатальности. Любовь Аксиньи и Григория с самого начала – «*не случайная... а как бы давняя болезнь*». Это сравнение предвещает то, что их страсть принесет не только радость, но и страдания, станет роковой силой, ведущей к гибели. Хрупкость и незащищенность Натальи, отраженная в сравнении с зайчихой, неявно намекает на ее неизбежную жертвенность в жестоком мире мужских страстей и войн. Ее трагический конец воспринимается как печальная, но закономерная участь «чистой души», не способной выжить в водовороте насилия и измен. Даже образ Дарьи, чья жизнестойкость граничит с аморальностью, через холодные и язвительные сравнения подготавливает ее к саморазрушительному, «нечистому» финалу.

Таким образом, система сравнений в описании казачек в «Тихом Доне» образует стройную поэтическую и философскую модель. Натурфилософская модель утверждает изначальную гармонию женщины и мира. Социально-бытовая конкретизирует ее место в патриархальном укладе. Символическая фиксирует момент распада этой гармонии под давлением истории, войны и страсти. Эволюция сравнений в судьбе каждой героини (от цветущего растения к увядшему, от зверя к убитому зверю) отражает общую трагедию: разрушение естественного, природно-родового мира казачества. Через сравнения М.А. Шолохов возводит частные женские судьбы до уровня вечных, мифологических образов, делая их не просто персонажами, но воплощениями самой жизни Дона — прекрасной, страстной и обреченной на страдание.

Библиографический список

1. Шолохов М.А. Собрание сочинений в 8-ми тт./ сост. М. Манохиной. М.: Художественная литература, 1985 - 1986.
2. Киселева Л.Ф. Русский роман советской эпохи: Судьбы «Большого стиля»: дис.. докт. филол. наук. М., 1992. 394 с.
3. Заварзина Г.А., Ягодина И.Д. Образ женщины как базовый компонент художественной картины мира М. А. Шолохова (на материале романа «Тихий Дон») // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 3. С. 133 – 137.
4. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). Москва : Наука, 1977. 168 с
5. Потоцкая Н. П. Стилистика современного французского языка. М.: Просвещение, 1974. 356 с.
6. Иванов Н.И. Пейзаж как средство выражения эстетического идеала Шолохова в романе «Тихий Дон» // Художественный образ как форма воплощения эстетического идеала: межвузовский сборник трудов. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987. С. 99 - 107.

7. Хабин В.Н. Роман-эпопея о тихом Доне (Природа и человек в произведении Шолохова) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1994. № 1. С. 3 -11.
8. Смирнова А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 287 с.
9. Цыценко И.И. Семья в русской философии XX века и романе-эпопее «Тихий Дон» // Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России. Сборник статей. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2000. С. 87-101.
10. Тибушкина Н. В. «Осенняя образность» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Молодой учёный. 2017. №5. С. 447–451.
11. Ваганов А.В. Сравнения в художественных произведениях М.А. Шолохова: дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1992. 149 с.
12. Егорычева Е.В. Младшее поколение Мелеховых в системе семейно-родовых представлений героев «Тихого Дона» // Актуальные проблемы литературоведения. Воронеж: ВГУ, 1990. С. 114-122.

References

1. Sholokhov, M.A. Collected Works in 8 Volumes / compiled by M. Manokhina. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1985-1986.
2. Kiseleva, L.F. Russian Novel of the Soviet Era: The Fates of the "Grand Style": Dissertation by Doctor of Philological Sciences. Moscow, 1992. 394 p.
3. Zavarzina, G.A., Yagodina, I.D. The Image of Woman as a Basic Component of M.A. Sholokhov's Artistic Worldview (Based on the Novel "Quiet Flows the Don") // Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2019. No. 3. pp. 133-137.
4. Shmelev, D.N. The Russian Language in Its Functional Varieties (On the Statement of the Problem). Moscow: Nauka, 1977. 168 p.
5. Pototskaya, N. P., Stylistics of the Modern French Language. Moscow: Prosveshchenie, 1974. 356 p.
6. Ivanov, N. I., Landscape as a Means of Expressing Sholokhov's Aesthetic Ideal in the Novel "Quiet Flows the Don" // Artistic Image as a Form of Embodiment of the Aesthetic Ideal: Interuniversity Collection of Works. Moscow: N. K. Krupskaya Moscow Polytechnic Institute, 1987. pp. 99-107.
7. Khabin, V. N., The Epic Novel about the Quiet Flows the Don (Nature and Man in Sholokhov's Work) // Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 1994. No. 1. pp. 3-11.
8. Smirnova, A. I., Russian Natural Philosophical Prose of the Second Half of the 20th Century: Textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 287 p.
9. Tsytsenko, I.I. "Family in 20th-Century Russian Philosophy and the Epic Novel "Quiet Flows the Don"" // Sholokhov Readings. The Writer's Work in the National Culture of Russia. A Collection of Articles. Rostov-on-Don: ООО "Rostizdat," 2000. pp. 87–101.
10. Tibushkina, N.V. "Autumn Imagery" in M.A. Sholokhov's Novel "Quiet Flows the Don" // Young Scientist. 2017. No. 5. pp. 447–451.
11. Vaganov, A.V. "Similes in M.A. Sholokhov's Works of Art: Diss. Cand. of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 1992. 149 p.
12. Egorycheva, E.V. The younger generation of the Melekhovs in the system of family and clan representations of the heroes of "Quiet Flows the Don" // Actual problems of literary criticism. Voronezh: VSU, 1990. pp. 114-122.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.013

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

Расторгуева В.С.

Россия, г. Липецк

тел. 89036431262

e-mail: rastrgueva-vera@rambler.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyanshansky University

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature

Rastorgueva V.S.

Russia, Lipetsk

tel. 89036431262

e-mail: rastrgueva-vera@rambler.ru

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

студент кафедры русского языка и литературы

Сластён А.Ю.

Россия, г. Липецк

тел. 89042823855

e-mail: slasten-2005@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyanshansky University

student of the department of Russian language and literature

Slasten A.Yu.

Russia, Lipetsk

tel. 89042823855

e-mail: slasten-2005@mail.ru

В.С. Расторгуева, А.Ю. Сластён

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается трансформация национального женского типа, открытого В.Г. Белинским в 9 статье «Сочинений А.С. Пушкина», посвященной анализу образа Татьяны Лариной. В пушкинской героине критик увидел основную черту национального женского типа – жертвенность в исполнении долга. Определение Белинского настолько точно и всеобъемлюще, что подтверждается и в допушкинских текстах, например, в балладе В.А. Жуковского «Светлана» или в памятнике древнерусской литературы «Слове о полку Игореве». Такой тип нашел свое развитие в прозе Ф.М. Достоевского как воплощение народного духа. На фоне русской женщины писатель показал обреченность другого национального характера «русского скитальца». Но уже в «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевский отметил, что положительный женский тип начинает исчезать из литературы. В середине XIX в. процессы эмансипации способствовали появлению в русской литературе нового типа женщины, которую Ф.М. Достоевский называл «гордой красавицей», разрушающей основы традиционного положительного образа женщины, не признающей жертвенности или интерпретирующей ее в искаженном эгоистическом смысле, как, например, это делает Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых». Между двух противоположных женских образов писатель отдавал предпочтение традиционному женскому типу, «апофеозом» которого считал пушкинскую Татьяну. Главное предназначение такой женщины состоит в спасении заблудшего, сомневающегося в Боге русского скитальца. Осмысление трагической утраты национального женского типа приходится на период расцвета «деревенской прозы». В произведениях В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976 г.), А. Солженицына «Матренин двор» (1961 г.), Ф. Абрамова «Пелагея» (1969 г.), В. Белова «Привычное дело» (1966 г.) русские женщины, как правило, деревенские жительницы, чаще всего старухи, понимают не востребованность своего нравственного опыта, ощущают себя на обочине жизни. Современные авторы, такие как Т. Толстая, Е. Чижова, А. Иванов, З. Прилепин, осознают невозможность возвращения национального типа женщины в современной мир скоростей, технологических революций. Е. Чижова к роману «Терракотная старуха» взяла слова Л.Н. Толстого о необходимости «народного самоучителя с правильным распределением знаний по их важности и нужности». Таким народным самоучителем является национальная персонификация, которая обладает способностью сохранять

фундаментальные основополагающие константы и образы коллективной памяти и коллективного бессознательного. Национальный тип русской женщины навсегда вошел в сокровищницу нашей памяти и является мерилом образа женщины в литературе, той нравственной точкой отсчета, с которой соотносится современная героиня, до конца нашей литературой не идентифицированная.

Ключевые слова: историческая память, национальный тип женщины, персонифера, жертвенность, отчуждение, разрушение родовых цепочек.

V.S. Rastorgueva, A.Yu. Slasten

TRANSFORMATION OF THE NATIONAL FEMALE TYPE IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

The article examines the transformation of the national female type, discovered by V.G. Belinsky in the 9th article "The Works of A.S. Pushkin", devoted to the analysis of the image of Tatiana Larina. In Pushkin's heroine, the critic saw the main feature of the national female type – sacrifice in the performance of duty. Belinsky's definition is so precise and comprehensive that it is also confirmed in pre-Pushkin texts, for example, in the ballad of V.A. Zhukovsky "Svetlana" or in the monument of ancient Russian literature "The Word about Igor's Regiment». This type was developed in Fyodor Dostoevsky's prose as an embodiment of the national spirit. Against the backdrop of the Russian woman, the writer showed the doom of another national character, the "Russian wanderer." But already in "Pushkin Speech," F.M. Dostoevsky noted that the positive female type was beginning to disappear from literature. In the mid-19th century, the process of emancipation contributed to the emergence of a new type of woman in Russian literature, which Fyodor Dostoevsky referred to as the "proud beauty" destroying the foundations of the traditional positive image of a woman who did not recognize sacrifice or interpreted it in a distorted, selfish manner, as exemplified by Katerina Ivanovna in "The Brothers Karamazov." Between the two opposite female images, the writer preferred the traditional female type, with Pushkin's Tatiana serving as its "apotheosis." The main purpose of such a woman is to save a lost Russian wanderer who doubts God. The comprehension of the tragic loss of the national female type falls during the heyday of "village prose". In the works of V. Rasputin "Farewell to Matera" (1976), A. Solzhenitsyn "Matrenin's Yard" (1961), F. Abramov "Pelageya" (1969), V. Belov "The Usual Thing" (1966), Russian women, as a rule, rural women, most often old women, understand lack of demand of their moral experience, feel themselves on the sidelines. Contemporary authors such as T. Tolstaya, E. Chizhova, A. Ivanov, and Z. Prilepin recognize the impossibility of returning to the national type of woman in today's world of speed and technological revolutions. E. Chizhova's novel "The Terracotta Old Woman" is inspired by Leo Tolstoy's words about the need for a "people's self-teacher with a proper distribution of knowledge based on its importance and necessity.» Such a folk self-help is the national personosphere, which has the ability to preserve the fundamental constants and images of collective memory and the collective unconscious. The national type of the Russian woman has forever entered the treasury of our memory and is the measure of the image of a woman in literature, the moral reference point to which the modern heroine correlates, which has not been fully identified by our literature.

Keywords: historical memory, national type of woman, personosphere, sacrifice, alienation, destruction of family chains.

Ю.М. Лотман в исследовании, посвященном типологии женского характера второй половины XVIII в. и первой половины XIX в., писал о том, что в это время появились «три стереотипа женских образов, которые из поэзии вошли в девичьи идеалы и реальные женские биографии, а затем – в эпоху Некрасова – из жизни вернулись в поэзию» [1; с. 65]. Первый тип – идеальная героиня, обреченная на гибель в несовершенном мире. Второй – «демонический» образ, тоже идеальный, ассоциирующийся с героическим характером, «разрушающим все условности созданного мужчинами мира» [1; с. 65]. «Третий типический литературно-бытовой образ эпохи – женщина-героиня. Характерная его черта – включенность в ситуацию противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины» [1; с. 72].

Типология Ю.М. Лотмана обусловлена характером взаимодействия жизни и литературы. Для романтического мировоззрения свойственно отождествлять героя и автора, художественный образ и человека. Маски литературных героев становились модными и определяли поведение человека подражанием литературному персонажу, о чем писал А.С. Пушкин в «Евгении Онегине»:

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,

Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них
В то время был еще жених
Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный фронт,
Игрок и гвардии сержант [2; с. 43].

Реалистическая эпоха второй половины XIX века сформировала нового идеального героя Человекобога, восходящего к образу Христа, готового принести себя в жертву во имя народа. И в действительности находились такие личности, образ жизни которых, их цели и задачи по масштабу были сопоставимы с деятельностью Христа. Так, Н.А. Некрасов писал о Н.Г. Чернышевском в стихотворении «Пророк»:

Его еще покамест не распяли
Но час придет – он будет на кресте... [3; с. 154].

Исторические изменения женского образа неоднократно становились предметом научных размышлений. В.Н. Кардапольцева отмечает, что в последнее время появились работы, где в основу классификации женских типов положены другие, отличные от Ю.М. Лотмана принципы, ориентированные на изыскания социальной психологии, европейских феминистических движений. В.Н. Кардапольцева, опираясь на идеи Ю.М. Лотмана «в несколько трансформированном виде», и предлагает также три основных женских типа: «традиционные, демонические и героини». К традиционному типу относится «женщина-хозяйка» [4]. Героиня – женщина, находящая реализацию не только в семье, но и в других сферах деятельности, таких как наука, общественная жизнь, это «советизированная женщина» [4], феминистка. Демонический тип, как считает В.Н. Кардапольцева, совпадает с описанием Ю.М. Лотмана.

Цель нашей работы – проследить трансформацию национального женского типа на литературном материале в исторической динамике. Мы исходим из терминологии В.Г. Белинского о национальном типе женщины, рожденном в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», и предполагаем, что смена исторических эпох корректирует этот тип, трансформируя или разрушая.

В.Г. Белинский отмечает, что тип русской женщины складывался в условиях, когда общество рассматривало женщину только в роли жены и матери. По мнению критика, русская женщина добродетель как исполнение гражданского долга ставит выше своих чувств, своего «я». Она всегда жертвенница, страдалница. «Жизнь женщины по преимуществу сосредоточена в жизни сердца; любить – значит для нее жить; а жертвовать – значит любить» [5; с. 83].

Такой образ женщины складывался в течение веков, именно это позволяет признать его традиционным национальным типом. Черты этого типа прослеживаются в допушкинских текстах. Их можно найти в героине баллады В.А. Жуковского «Светлана» и в произведении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Он продолжается в Сонечке Мармеладовой Ф.М. Достоевского. Автор «Преступления и наказания» развивает идею В.Г. Белинского о национальном женском типе в «Пушкинской речи», называет Татьяну Ларину «апофеозом русской женщины» [6; с. 527], спорит с критиком, назвавшим героиню «Евгения Онегина» «нравственный эмбрион» [5; с. 81], заявляет, что она – «тип положительной красоты», представляет собой «законченность и совершенство» [2; с. 527].

Ф.М. Достоевский, говоря о пушкинской Татьяне, считает ее, дворянку, воплощением народного духа, что подтверждает «задушевное и родственное» единение Пушкина со своим

народом [6; с. 532]. Для Ф.М. Достоевского положительный тип русской женщины призван показать обреченность другого национального характера «русского скитальца». В романе «Подросток» союз крепостной крестьянки Софьи Долгоруковой и Версилова держится на «смирении, безответности, приниженности и в то же время твердости, силе, настоящей силе» [7; с. 104-105] русской женщины, которая никогда не живет для себя, а «всю разом отдает, коль полюбит – и мгновение, и судьбу» [7; с. 370].

Ф.М. Достоевский вслед за И.С. Тургеневым признает, что этот тип русской женщины исчезает из русской литературы [6; с. 527]. В романах «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети» в образах Лизы Калитиной и Арины Власьевны, матери Базарова, представлен уходящий тип русской женщины, «смиреницы», мудрость которой держится на принятии судьбы, какой бы горькой она ни была.

В середине XIX века процессы эмансипации способствовали появлению в русской литературе нового типа женщины, по терминологии Ф.М. Достоевского, «гордой красавицы», разрушающей традиционный положительный образ женщины, ставившей свое «я» выше других. Это Настасья Филипповна и Аглая в «Идиоте», Катерина Ивановна и Грушенька в «Братьях Карамазовых», хотя последняя осознала беспочвенность таких притязаний. В 1850–1860-х гг. в обществе действительно появляются дамы, которым присущи такие качества. Можно вспомнить А. Панаеву и А. Сулову, судьбы которых связаны с Н.А. Некрасовым и Ф.М. Достоевским соответственно.

Уже Ольга Ильинская в романе И.А. Гончарова «Обломов» в желании счастья отказывалась от жертвенного служения. Анна Сергеевна Одинцова, героиня романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», прагматизм, расчет ставила выше любви и не способна была жить сердцем.

Но, как оказалось впоследствии, исторические трансформации не смогли уничтожить национальную память о «смиренном» типе русской женщины. Он неоднократно возникал на страницах русской литературы, например, в романе М. Горького «Мать», в лирике А. Блока и С. Есенина ассоциировался с образом России. С ним напрямую связан образ матери в поэзии всего XX столетия.

Осмысление трагической утраты национального женского типа приходится на период расцвета «деревенской прозы». Деревенская культура в отличие от быстро развивающейся культуры города в большей степени была ориентирована на сохранение национальных традиционных ценностей. Роль женщины в рамках этой культуры сводилась не только к функции хранительницы очага, но приумножалась еще и заботой о сохранении рода. Разрывы родовых цепочек, начавшиеся в середине XX века, определялись тем, что молодое поколение стремилось вырваться из села, в городе видело для себя больше перспектив для получения образования, карьерного роста и просто улучшения материального благополучия. Русская деревня доживала последние десятилетия, постепенно поглощалась миром урбанизации. С умирающими стариками умирали традиции, долгое время питавшие духовные корни русского человека. Исчезал национальный тип «смиреной» женщины.

В повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» (1976 г.) читатель прощается с национальным типом женщины, воплощенном в образе Пинигиной Дарьи Васильевны, самой старшей из жителей деревни, матери троих сыновей, из которых один погиб на войне, другой – на лесоповале. Деревня Матера, простоявшая 300 лет, будет уничтожена в 1960-е годы. Ее готовят к затоплению, потому что в верховьях Ангары строят плотину для электростанции, из-за чего вода по реке должна подняться и остров станет дном водохранилища. Сын Дарьи Павел легко смирился с потерей, как и внук Андрей, который будет работать на строительстве плотины и приближать уничтожение Матеры.

Одна из самых трагических сцен повести – прощание Дарьи с могилами родителей, у которых она просит прощения, что не уберегла землю, на которой они жили и в ней же росли: «Ей представилось, как потом, когда она сойдет отсюда в свой род, соберется на суд много-много людей – там будут и отец с матерью, и деды, и прадеды – все, кто прошел

свой черед до нее. Ей казалось, что она хорошо видит их, стоящих огромным, клином расходящимся строем, которому нет конца, – все с угрюмыми, строгими и вопрошающими лицами. А на острие этого многовекового клина, чуть отступив, чтобы лучше ее было видно, лицом к нему одна она. Она слышит голоса и понимает, о чем они, хоть слова звучат и неразборчиво, но самой ей сказать в ответ нечего. В растерянности, в тревоге и страхе смотрит она на отца с матерью, стоящих прямо перед ней, думая, что они помогут, вступятся за нее перед всеми остальными, но они виновато молчат. А голоса все громче, все нетерпеливей и яростней... Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего. Она пытается отступить, но ей не дают: позади нее мальчишеский голос требует, чтобы она осталась на месте и отвечала, и она понимает, что там, позади, может быть только Сенька, сын ее, зашибленный лесиной...» [8].

Вина Дарьи метафизическая. Любовь к своей земле, дому, память рода, которые наполнили всю ее жизнь, она готова передать и сыну, и внуку. По мере своих сил учит их тому, что нельзя забывать предков, просит забрать прах ее родителей с затопляемого острова. Но ее слова тонут в нарастающем гуле времени, ее не слышат ни Павел, ни Андрей. Она бессильна перед лицом новых эпохальных сдвигов, продиктованных технологическими прорывами, вовлекших человека в гонку со временем. Ее пророчества о том, что человек этой гонки не выдержит, не слышны прежде всего внуком, за которым стоит будущее. Андрей не понимает Дарьи, когда она говорит о том, что человек жизнь «вскипятил», возомнил себя ее хозяином, а «душу потратил». А «ему бы попридержать ее, помешкать, оглядеться округ себя, че ишо осталось, а че уж ветром унесло... Не-ет, он тошней того – ну понужать, ну понужать! Дак ить он этак надсадится, надолго его не хватит. Надсадился уж – че там!» [8]. Движение вперед без осмысления прошлого, сохранения исторической памяти опасно разрушением коренных родовых связей человека.

Трагический финал повести, когда сын не сможет забрать мать и стариков с затопляемого острова, он не находит дороги, туман поглотил Матеру, словно она уже ушла под воду, созвучен финалу фильма Ларисы Шепитько «Прощание», поставленному по этому произведению В. Распутина в 1981 г. Режиссер констатирует, что за пять лет после создания повести мрачные прогнозы автора не утратили своей актуальности.

Именно в середине XX столетия исчезает национальный тип русской женщины не только в «Прощании с Матерой» В.Г. Распутина, но и в рассказе А.И. Солженицына «Матренин двор» (1961 г.), в повестях Ф.А. Абрамова «Пелагея» (1969 г.) и В.И. Белова «Привычное дело» (1966 г.), в рассказе современной писательницы Т.Н. Толстой «Соня» (1984 г.).

Контрапункт рассказа Т. Толстой «Соня» – образы Сони и Ады. Соня восходит к типу «вечной Сонечки», смиреннице и жертвеннице, то есть к тому исторически сложившемуся национальному женскому типу, на котором держится жизнь. «...вечная Сонечка, пока мир стоит! Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли?» [9; с. 38]. Вопросы Раскольниковова отражают не только ситуацию 1860-х гг., когда новые люди Н.Г. Чернышевского утверждали бессмысленность жертвы, ибо человек должен быть полностью удовлетворен своим благополучием, они адресуются и современному читателю, таким образом включенному в диалог о смысле жертвенности как основной черты положительного женского образа.

В имени и отчестве Ады Адольфовны, если учесть, что события происходят накануне и в период Великой Отечественной войны, концентрируется сила зла. Ада соответствует инфернальным коннотациям имени. Она уверенная в себе, первая во всем, гордая и злая красавица, придумавшая «адский планчик» по моральному уничтожению некрасивой, смешной, доброй Сони, о таких, как она, говорят: «Не от мира сего».

Соня не попадает в ритм времени. Замедленная реакция на происходящие вокруг нее события определяется особенностями внутреннего мира героини. «Чуткий инструмент, Сонина душа улавливала, очевидно, тональность настроения общества, пригревшего ее вчера,

но, зазевавшись, не успевала перестроиться на сегодня» [10; с. 6]. Поэтому на свадьбе сидела печальная, на похоронах могла крикнуть: «Горько!». Соня не рациональна, живет душой, не умеет рассчитывать свою выгоду, и уже только этим вызывает смех. «Соня – дура!» [10; с. 6].

Виртуальная любовь Николая, придуманная злой Адой, осчастливила Соню и раскрыла глубинные основы ее характера. Соня верит в свое виртуальное счастье даже тогда, когда все доходит до абсурда. В семь часов вечера она выходит смотреть на звезды, потому что именно в это время Николай тоже поднимет глаза в звездное небо. Отсутствие чутья на обман и ложь, что свойственно детям, которых она любила и которые отвечали ей взаимностью, делает героиню подобной ребенку, она и осталась где-то в детстве, хотя вынуждена жить среди взрослых людей. Поэтому не понимает логики их поведения, непосредственно реагируя на то, что нужно не замечать; она всегда открыта там, где лучше бы ей притворяться. Эти черты сближают героиню Т.Н. Толстой и Ф.М. Достоевского. Сонечка Мармеладова неоднократно в романе сравнивается с ребенком, она сумела сохранить внутреннюю чистоту там, где это невозможно, не сойдя с ума.

Мотив времени сквозной в рассказе и органично связан с идеей ухода человека, не успевающего за движущейся, меняющейся жизнью. Соня исчезла где-то в 1942–1944 годах, в блокадном Ленинграде. Исчезла, успев спасти своего реального врага и мифического возлюбленного Аду/Николая, пожертвовав ей/ему последнюю баночку томатного сока, ценою в жизнь.

Противостояние добра и зла в сюжете рассказа, как это часто бывает у Т.Н. Толстой, построено на пересечении мифологического и исторически-конкретного содержания и, как в сказке, заканчивается торжеством добра, хотя Соня погибла, а Ада дожила до глубоко старости, окончательно превратилась в злую старуху в инвалидном кресле, окружила себя огромными буфетами и шкапами с добром: запасами пищи и белья. Каменя с изображением убитого врага красуется на ее шее, а любимая брошка Сони с голубком, отправленная Николаю в знак любви, потерялась.

Так «полезно ли», «разумно ли» поступила Соня, отдав последнюю баночку сока? Во внутреннем личном мире Сони все логично и все оправдано любовью. И эта любовь растопила сердце злой Ады. Она не смогла убить надоевшего ей Николая, хотя собиралась это сделать. Она не смогла оставить Соню несчастной. И за эту виртуальную любовь Соня отдала жизнь.

Самопожертвование Сони не было бессмысленным и не только потому, что она сохранила жизнь другому человеку, а потому что в мире остался ее след. Память о ней перешла к рассказчику-автору. И если исчезнут носители этой памяти, то память не исчезнет, а когда-нибудь воскреснет «на одном из поворотов пути – в самый неподходящий момент, и, конечно, без предупреждения» [10; с. 5].

Так «без предупреждения» просыпается память о жертвенности как норме бытия в сознании героини роман Е. Чижовой «Терракотная старуха» (2011 г.). Перед нами не деревенская, не простая женщина, а гуманитарий, филолог с высшим образованием, вынужденная уйти из вуза и зарабатывать репетиторством, чтобы выжить в 1990-е годы.

Татьяна Андреевна – «женщина-невидимка», «женщина, выпавшая из времени», такая легко затеряется в серой уличной толпе [11; с. 17] – вспоминает 1990-е годы, когда пыталась вписаться в перестроечную эпоху, достичь компромисса. И у нее даже получилось сотрудничать с новым русским бизнесменом. В этом случае ей помог именно филологический опыт, умение быть в диалоге, знание человека, умение по каким-то внешним признакам понять состояние его души, сказать то, что будет способствовать взаимопониманию. Только этот опыт был использован для достижения отнюдь не гуманистических целей, а полукриминального продвижения бизнеса ее работодателя Фридриха. Пытаясь освоить новую реальность, прижиться в его команде (он ей нравится и как мужчина), она оказывается в состоянии внутреннего конфликта.

Татьяна Андреевна не смогла равнодушно смотреть на то, как пытали мелкого воришку, «зверка», за украденные им кожаные чехлы. Он не сдавал своих поделщиков, и его ждала

холодильная камера (сразу возникает ассоциация с газовой). Гуманистический опыт «Великой Русской литературы» [11; с. 35], религиозной по своей сути, стал внутренним «я» героини. Нельзя унижать человека, нельзя убивать человека, надо любить человека в человеке. Поэтому она хочет со «зверком» пойти в морозильник, как на свою Голгофу, несмотря на то, что в его лице прочитала презрение вместо благодарности. Но подвига не получится. Фридрих вовремя остановит экзекуцию.

Героиня «Терракотовой старухи» хорошо понимает, что такой опыт сострадания не может быть востребован временем денег: там, где культ денег, там не может быть культа человека. Поэтому ей остается репетиторство, натаскивание по русскому языку. Внутренняя драма Татьяны Андреевны в том, что ее поколение, воспитанное на литературе, а значит, на фактах исторической памяти, проигрывает новой истории. Филология сдает позиции перед временем перемен, основным и разрушительным признаком которого является девальвация традиционных национальных ценностей. И героиня, подобно старухе Дарье, воспринимает это как собственный грех, как свою вину.

Ее уход из института в репетиторство, обучение дочери на юридическом факультете – это результат осознанного материального выбора: «Я не героиня Достоевского. Такой роскоши себе не позволю – ни сдохнуть, ни сойти с ума» [11; с. 91]. Но при этом она втайне надеется найти такого ученика, которым будет востребован ее филологический опыт. Надежда Татьяны Андреевны – репетируемый Иван, сын нового русского. Он сам ее нашел, попросил о занятиях, хотя нужды в них не было, поскольку он грамотный человек. И Татьяна Андреевна почти поверила, что в нем есть тяга к филологии, поэтому для него она подбирает тексты «Великой Русской литературы». Но когда занятиям по русскому языку он предпочитает футбольный матч в Испании, героиня осознает иллюзорность надежды.

Начиная с середины XX столетия национальный тип русской женщины постепенно начинает исчезать со страниц русской литературы, уходя в пространство исторической памяти. Ему на смену приходит другая героиня, сформированная перестроечной эпохой. Современная литература ее еще не идентифицировала.

Неслучайны название романа Е. Чижовой и эпиграфы к нему. Терракотовая старуха – статуэтка, которую героине, когда она была беременна, показал ее бывший муж. «Старуха, толстая и уродливая, с огромным животом. Она протягивала руку, как будто просила милостыню» [11; с. 56]. Важно, что до этого он называл улыбку Татьяны Андреевны «архаической», «как у куросов и кор». Куросы и коры – древнегреческие скульптуры периода архаики, изображающие вечно молодых юношу и девушку. В образе героини оживают древние культурные коды. Вечно молодая и вечная старая. Вечно беременная старуха – образ карнаваль-ный. М.М. Бахтин в книге о Ф. Рабле, описывая керченские терракоты, хранящиеся в Эрмитаже (именно там их видит героиня Е. Чижовой), отмечал: «В теле беременной старухи нет ничего завершенного, устойчиво-спокойного. В нем сочетаются старчески разлагающееся, уже деформированное тело и еще не сложившееся, зачатое тело новой жизни. Здесь жизнь показана в ее амбивалентном, внутренне противоречивом процессе. Здесь нет ничего готового; это сама незавершенность» [12].

Название романа символично. «Терракотовая старуха» – произведение о переходной эпохе. Уничтожен старый мир, новый находится в эмбриональном состоянии. Героиня существует между прошлым и настоящим. Опыт великой русской литературы, исследующей глубины человеческого духа, помог ей встроиться в криминальный бизнес, но этот же опыт вытолкнул ее оттуда.

Одним из эпиграфов романа Е. Чижовой «Терракотовая старуха» стали слова Ф.М. Достоевского из статьи «Кто стучится в дверь? Кто войдет? Неизбежная судьба»: «Кто-то стучится, кто-то, новый человек, с новым словом – хочет отворить дверь и войти... Но кто войдет – вот вопрос...» [11; с. 5]. Статья в «Дневнике писателя» за 1877 г. посвящена событиям, связанным со смертью Папы Римского, пронизана смутными предчувствиями Ф.М.

Достоевского: «над всей Европой уже ... носится что-то роковое, страшное и, главное, близкое...» [13; с. 23]. На вопрос, вынесенный в заглавие, писатель отвечает вопросом, войдет «со всем новый человек или опять похожий на всех нас, старых человечков?» [13; с. 26]. Героиня Чиждовой несет в себе комплекс и старого, и нового. Допуская мысль о возможном убийстве Фридрихом человека, она не отказывается его спасать.

Тревожная атмосфера переходного времени связана не только с бытовой неуверенностью в завтрашнем дне, но и с опасениями по поводу национального будущего. Поэтому закономерно звучат слова Л.Н. Толстого из второго эпиграфа к роману о необходимости «народного самоучителя с правильным распределением знаний по их важности и нужности» [11; с. 5].

Таким народным самоучителем является национальная персонификация, которая обладает способностью сохранять фундаментальные основополагающие константы и образы коллективной памяти и коллективного бессознательного. Национальный тип русской женщины навсегда вошел в сокровищницу нашей памяти и является мерилем образа женщины в литературе, той нравственной точкой отсчета, с которой соотносится современная героиня.

Культурная память как составная часть памяти исторической хранит в текстах закодированный опыт прошлого. Ее механизмы не подчиняются линейным законам. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и как бы перестает существовать. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения» [14; с. 200].

Не случайно в произведениях современных известных писателей, например, таких, как З. Прилепин или А. Иванов, принадлежащих разным литературным течениям, мы обнаруживаем осколочные свидетельства об утраченном типе русской женщины. Как отмечает современный исследователь, «...литературный текст оказывается носителем значительно более аутентичной и научно значимой формы исторической памяти – не только в сравнении со школьным учебником истории, но и по сравнению с традиционными историческими исследованиями» [15].

Так, в романе А. Иванова «Псоглавцы» (2011 г.) образ Лизы из глухой и полузаброшенной деревни Калитино восходит к тургеневской Лизе Калитиной. Героиня является носителем черт, присущих положительному женскому типу. Светлая иррациональная жертвенность Лизы противостоит темной иррациональной стихии калитинцев и рациональной логике москвичей, готовых обменять человека на дорогой автобус. Слово Лизы сердечное, по-детски наивное. Погибшего отца она, как ребенок, называет «папкой», себя «дурочкой». Открытый финал романа не позволяет надеяться, что Лиза сохранит доминирующую роль в сознании Кирилла, ради спасения которого она не раздумывая взяла чужую дрезину. Роман Артурович объяснит, как работают современные алгоритмы информационной культуры. Наказание Кирилла связано с тем, что он наделил «девушку-варварку правами римлянки» [16; с. 402]. Это может рассматриваться как «этическое преступление». Национальный тип русской женщины в сознании современного молодого человека воспринимается как чуждый. Кирилл уже доказал себе, что в Москве Лиза будет как корова в городе» [16; с. 413].

Бабушка в рассказе З. Прилепина «Бабушка, осы, арбуз» поучает молодую жену героя: «Баба служит, а мужик в тревоге живет, только прячет свою тревогу <...> Бабыю жизнь мужику не понять» [17; с. 412]. Бабушка, когда-то хозяйка большой счастливой семьи, которую жизнь разбросала по разным сторонам, доживает свой век вместе с угасающей деревней. Глядя на бабушку, герой размышляет о том, что «она прожила огромную жизнь, оглянувшись на которую не различишь земным взглядом и первого поворота, за которым тысячи иных. Мы не сумели так жить» [17; с. 412]. Горькое осознание молодым человеком невозможности повторить опыт русской женщины звучит как правда о современной жизни.

Отчуждение от национального женского типа исторически закономерно. Но вопрос о том, кто придет на смену этому типу, в литературе является открытым.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Женский мир // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994. С. 46-74.
2. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений 10 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1975. С. 7-180.
3. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. 542 с.
4. Кардапольцева В.Н. Женщина: хозяйка, героиня, муза... (о стереотипах женского поведения) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1999. Вып. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-hozyayka-geroinya-muza-o-stereotipah-zhenskogo-povedeniya> (дата обращения: 20.10. 2025).
5. Белинский В.Г. О русских классиках. М.: Художественная литература, 1978. 525 с.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. М.: Современник, 1989. 557 с.
7. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 5-455.
8. Распутин В. Прощание с Матерой. URL: <https://daningrad.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 5-422.
10. Толстая Т. Соня // Толстая Т. Река Оккервиль. М.: Подкова, 2005. С. 5-14.
11. Чинова Е. Терракотовая старуха. М.: АСТ: Астрель, 2011. 411 с.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-tvorchestvo-rable/vvedenie-3.htm> (дата обращения: 21.10.2025).
13. Достоевский Ф.М. Кто стучится в дверь? Кто войдет? Неизбежная судьба // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 23-26.
14. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 200-202.
15. Соболев Д.М. Литературный текст и проблема исторической памяти // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4(13). URL: [https:// www.culturalresearch.ru](https://www.culturalresearch.ru) (дата обращения: 20.10.2025).
16. Иванов А. Псоглавцы. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 414 с.
17. Прилепин З. Грех: рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 413 с.

References

1. Lotman Yu.M. The World of Women // Lotman Yu.M. Conversations about Russian Culture. Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries). St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 1994. Pp. 46-74.
2. A.S. Pushkin.St. Eugene Onegin // A.S. Pushkin.Colleced works in 10 volumes. 4. M. N.: Fiction, 1975. Pp. 7-180.
3. Nekrasov N.A. Complete Works in 15 volumes. Vol. 3. L.: Nauka, 1982. 542 p.
4. Kardapoltseva V.N. A Woman: a Mistress, a Heroine, a Muse... (about the stereotypes of female behavior) // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 1999. Issue 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-hozyayka-geroinya-muza-o-stereotipah-zhenskogo-povedeniya> (accessed: 20.10.2025).

5. Belinsky V.G. On Russian Classics. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1978. 525 p.
6. Dostoevsky F.M. Writer's Diary. Selected Pages. Moscow: Sovremennik, 1989. 557 p.
7. Dostoevsky, F.M. The Adolescent // Dostoevsky F.M. Complete Works in 30 Volumes. Vol. 13. Leningrad: Nauka, 1975, Pp. 5-455.
8. Rasputin, V. Farewell to Matera. URL: <https://daningrad.ru/> (accessed: on 20.10.2025).
9. Dostoevsky, F.M. Crime and Punishment // Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Volumes. Vol. 6. Leningrad: Nauka, 1973, pp. 5-422.
10. Tolstaya T. Sonya // Tolstaya T. The River Okkervil. Moscow: Podkova, 2005. Pp. 5-14.
11. Chizhova E. Terracotta Old Woman. M.: AST: Astrel, 2011. 411 p.
12. Bakhtin M.M. Creativity of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance. URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/bakhtin-tvorchestvo-rable/vvedenie-3.htm> (accessed: on 21.10.2025).
13. Dostoevsky F.M. Who is knocking at the door? Who will come in? The inevitable fate // Dostoevsky F.M. Complete Works in 30 volumes. Vol. 26. Leningrad: Nauka, 1984. Pp. 23-26.
14. Lotman Yu.M. Memory in Cultural Studies // Lotman Yu.M. Selected Articles. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. Pp. 200-202.
15. Sobolev D.M. Literary Text and the Problem of Historical Memory // International Journal of Cultural Studies. 2013. No. 4(13). URL: <https://www.culturalresearch.ru> (accessed: 20.10.2025).
16. Ivanov A. Psoglavtsy. Moscow: AST Publishing House: Elena Shubina's Editorial Office, 2016. 414 p.
17. Prilepin Z. Sin: Stories. Moscow: AST Publishing House: Elena Shubina's Editorial Office, 2015. 413 p.

**ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ: М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
JUBILEE WRITERS: M.E. SALTUKOV-SHCHEDRIN**

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.014

Воронежский государственный технический университет

*канд. филол. наук, доцент
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Новикова М.В.*

Россия, г. Воронеж,

тел. +79192466211

e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Voronezh State Technical University

PhD, associate professor

Associate professor of the chair of Russian language

and cross-cultural communication

Novikova M.V.

Russia, Voronezh,

tel. +79192466211

e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет

*канд. филол. наук, доцент
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.*

Россия, г. Воронеж,

тел. +7-920-214-62-19

e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh State Technical University

PhD, associate professor

Associate professor of the chair of Russian language

and cross-cultural communication

Sulemina O.V.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-214-62-19

e-mail: may2005@yandex.ru

*Воронежский государственный
технический университет*

*студент 4 курса направления «Журналистика»
Овсепян Г.А.*

Россия, г. Воронеж

тел. +79601045424

e-mail: gregovsepyan@gmail.com

Voronezh State Technical University

The faculty of journalism,

Fourth-year student

Ovsepyan G.A.

Russia, Voronezh

тел. +79601045424

e-mail: gregovsepyan@gmail.com

М.В. Новикова, О.В. Сулемина, Г.А. Овсепян

СТРАШНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И В.Г. КОРОЛЕНКО

Страшное и различные его воплощения занимают значимое место в русской литературе XIX века. Одним из важных элементов репрезентации страшного является связанный с ним хронотоп, особый пространственно-временной континуум, в котором страх проявляется и воздействует на человека. В данной статье мы попытаемся контурно наметить основные характеристики городского пространства, связанного с категорией страшного. Проследим, как город влияет на своих жителей. Работа посвящена сопоставительному анализу образа «страшного города» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города») и В.Г. Короленко («В дурном обществе», «Без языка»). Выявляются типологические сходства и различия в репрезентации городского пространства как источника ужаса. У Салтыкова-Щедрина страшное начало коренится в абсурдности самой системы управления, принимающей гротескно-фантастические формы (градоначальник с органчиком в голове, Угрюм-

Бурчеев как воплощение «омертвевшего» сознания). У Короленко страх порождается социальным неравенством, отчуждением человека в городе, контрастом между «официальным» и «подземным» городом. В центре внимания – поэтика страшного: цветовая символика (черный, серый, белый), семантика света и тьмы, мотивы пустоты, одиночества и смерти. Делается вывод о двух типах «страшного города» – гротескно-абсурдном (Щедрин) и социально-обезличивающем (Короленко).

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, В.Г. Короленко, городское пространство, страх, гротеск, социальная несправедливость, поэтика, символика цвета.

M.V. Novikova, O.V. Sulemina, G.A. Ovsepyan

THE TERRIBLE CITY SPACE IN M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AND V.G. KOROLENKO WORKS

The category of the terrible and its various manifestations occupy a significant place in Russian literature of the 19th century. One of the important elements of the representation of the terrible is the associated chronotope, a special spatial and temporal continuum in which fear manifests itself and affects a person. In this article, we will attempt to outline the main characteristics of the urban space associated with the category of the terrible. We will explore how the city influences its inhabitants. The paper is devoted to a comparative analysis of the image of the “terrible city” in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin (“The History of One City”) and V.G. Korolenko (“In a Bad Society,” “Without a Language”). The paper identifies typological similarities and differences in the representation of urban space as a source of horror. In Saltykov-Shchedrin, the terrible origin is rooted in the absurdity of the governing system itself, which takes on grotesque and fantastical forms (the mayor with an organ in his head, Ugryum-Burcheev as the embodiment of a “deadened” consciousness). In Korolenko's work, fear is generated by social inequality, the alienation of individuals in the city, and the contrast between the “official” and “underground” city. The focus is on the poetics of the terrifying: color symbolism (black, gray, and white), the semantics of light and darkness, and the motifs of emptiness, loneliness, and death. The article concludes that there are two types of “terrifying city”: the grotesque and absurd (Shchedrin) and the socially dehumanizing (Korolenko).

Keywords: M.E. Saltykov-Shchedrin, V.G. Korolenko, urban space, fear, grotesque, social injustice, poetics, and color symbolism.

Образ города в русской литературе XIX века неизменно привлекал внимание исследователей [1]. В произведениях этого периода можно выделить ряд отчетливых типов городов: столицы (Петербург и Москва), провинциальный город (губернский N или уездный город), город-курорт и др. Однако особое место занимает город как пространство страха, где обыденность оборачивается кошмаром, а власть предстает в чудовищных, бесчеловечных формах.

Два выдающихся писателя-современника – Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и Владимир Галактионович Короленко – создали в своем творчестве уникальные образы «страшного города», которые при всем различии их художественных методов обнаруживают глубокое типологическое родство. В.Г. Короленко высоко ценил творчество Щедрина и во многом ориентировался на его отношение к деятельности писателя: «Он был писатель в большей мере, чем все другие писатели» [2]. Обоих авторов волновали схожие психологические и социальные проблемы, несмотря на разность творческих методов и тематики произведений. Если Щедрин использует сатиру, гротеск, «эзопов язык» для обличения пороков государственной системы, то Короленко обращается к реалистическому, подчас натуралистическому изображению социальных контрастов, вызывающих у читателя чувство ужаса и сострадания.

Цель настоящей статьи – на материале ряда произведений двух писателей проанализировать способы создания «страшного пространства города», выявить общие закономерности и индивидуальные особенности в репрезентации категории «страшного».

Глупов в «Истории одного города» представляет собой уникальный художественный феномен – это одновременно конкретный провинциальный городок и символический образ всей российской государственности. Страшное в Глупове начинается с самого его происхождения и непосредственно связано с образами градоначальников, которые трансформируют пространство, разрушая естественный ход вещей и создавая атмосферу абсурда. Народ-головотяпы добровольно отдает себя во власть князю, и этот акт добровольного рабства предопределяет

всю последующую историю города [3]. Как подчеркивается в тексте рассказчиком, «я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей» [3]. Глупов – это воплощение абсурдного порядка, где власть предстает в чудовищных, механистических формах.

Наиболее яркое воплощение этой механистичности – градоначальник Дементий Варламович Брудастый с «органчиком» в голове, способным воспроизводить лишь две фразы: «Разорю!» и «Не потерплю!» [3]. Здесь показано абсолютное расчеловечивание власти.

Еще страшнее градоначальник Угрюм-Бурчеев, которому жители присвоили прозвище «сатаны». Летописец не может скрыть «смутного чувства страха», приступая к описанию его действий. Особую роль играет описание картины в храме, где сатана представлен «с мутным взором, устремленным в пространство», причем «ни в фигуре, ни даже в лице врага человеческого не усматривается особой страсти к мучительству, а видится лишь нарочитое упразднение естества» [3]. Это упразднение естества, превращение человека в идиота, «отверженное и вполне успокоившееся в самом себе идиотство» [3] – вот что составляет сущность ужаса. Как сказано в романе, «всеобщий панический страх» становится единственным результатом такого правления [3].

Показательно, что страшное у Щедрина часто лишено внешних эффектов. Это страх перед пустотой, перед механистичностью, перед отсутствием человеческого. В портрете Угрюм-Бурчеева «на лице его не видно никаких вопросов; напротив того, во всех чертах выступает какая-то солдатски-невозмутимая уверенность, что все вопросы давно уже решены» [3]. Эта уверенность идиота, не ведающего сомнений, страшнее любого злодейства, поскольку она не оставляет надежды.

В творчестве В.Г. Короленко образ города предстает в ином, но не менее страшном обличье. Если у Щедрина ужас порождается абсурдностью самой системы, то у Короленко – социальной несправедливостью, отчуждением, контрастом между миром сытых и миром голодных.

Наиболее полно это воплощено в повести «В дурном обществе». Городок Княжье-Вено (Княж-городок) описан с нарочитой неприглядностью: «Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах темными воротами еврейских “заезжих домов”, казенные учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями» [4]. «Лучшим архитектурным украшением города» рассказчик называет тюрьму [4] – деталь, сразу задающая мрачную тональность повествования.

Но истинным средоточием страха становится старый замок на острове. В тексте читаем: «Помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее» [4]. Замок оказывается местом, где концентрируется историческая память о насилии и несправедливости: «Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. “На костях человеческих стоит старое замчище”, – передавали старожилы, и мое детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком» [4].

В бурные осенние ночи «ужас разливался от старого замка и царил над всем городом». Евреи пугливо произносили «Ой-вей-мир!», старухи крестились, и даже кузнец, отрицавший бесовскую силу, творил крестное знамение [4]. Здесь страх приобретает мистические черты, но в основе его – реальные исторические преступления, память о которых не умирает.

В повести «Без языка» тема города раскрывается через восприятие чужака, простого крестьянина Матвея Лозинского, приехавшего в Америку. Огромный незнакомый город вызывает у него ужас, сравнимый с океанской бездной: «А сердце Лозинского трепетало и сжималось от ужаса. ... “Боже мой, боже мой, – думал Матвей. – Да здесь человек, как иголка в траве, или капля воды, упавшая в море...”» [5].

Город предстает как хаотическое, враждебное пространство: «Пароход шел уже часа два в виду земли, в виду построек и пристаней, а город все развертывал над заливом новые ряды улиц, домов и огней... И с берега, сквозь шум машины, несло рокотание и гул. Казалось, кто-то дышит, огромный и усталый, то опять кто-то жалуется и сердится, то кто-то ворочается и стонет...» [5]. Город здесь уподобляется живому, но чудовищному существу, безликому и равнодушному.

Ночной кошмар Матвея усиливает это впечатление: «...кто-то стоит над ним, огромный, без лица и не похожий совсем на человека, стоит и кричит, совсем так, как еще недавно кричал в его ушах океан под ночным ветром» [5]. Безликость – та же «пустота», что и у Щедрина, но здесь она порождена не системой, а отчуждением человека в индустриальном мире.

Сопоставление художественных миров двух писателей позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия в репрезентации «страшного пространства».

Схожие черты в описании страшного городского пространства:

1. Цветовая символика. У обоих писателей доминируют мрачные цвета – черный, серый, белый (как цвет смерти). У Щедрина: «мрачное» решение, «темная безрассветная даль», «омертвление». У Короленко: «серые заборы», «черные впадины окон», «белый саван» тумана, «белая стена».

2. Мотив пустоты. У Щедрина это «упразднение естества», «пустыня», «пустота» как результат деятельности Угрюм-Бурчеева. У Короленко – «огромный, без лица» ночной призрак, безликость города, где «человек – как иголка в траве».

3. Связь страха со смертью. В «Истории одного города» – многократные упоминания смерти, убийств, казней. У Короленко смерть присутствует в образах похорон в океане («Без языка»).

Можно выделить специфические особенности страшного у каждого автора:

1. Природа страха. У Щедрина страх порождается абсурдностью самой системы, ее механистичностью и бесчеловечностью. Это страх перед властью-автоматом, перед «идиотом», уверенным в своей правоте. Как точно подмечено, «идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом» [3]. У Короленко страх имеет социальную и экзистенциальную природу: это ужас перед несправедливостью, перед одиночеством, перед равнодушием огромного мира.

2. Степень фантастичности. У Щедрина страх часто облекается в гротескно-фантастические формы (органчик в голове, фаршированная голова градоначальника Прыща, превращение человека в оборотня). У Короленко фантастика минимальна или отсутствует. Его город страшен своей реальностью, обыденностью.

3. Отношение к власти. У Щедрина власть – главный источник страха. Градоначальники – чудовища, но чудовища, порожденные самой системой. У Короленко власть присутствует имплицитно (тюрьма как «лучшее украшение города»), но основной ужас исходит от равнодушия общества, от социального неравенства, от того, что «дурное общество» отверженных живет рядом с благополучным городом, но они невидимы друг для друга.

4. Пространственная организация. У Щедрина город Глупов – это замкнутое, самодостаточное пространство, модель всей России. У Короленко города всегда открыты вовне: Князь-Вено соседствует с лесом, полем, кладбищем; американский город противопоставлен и одновременно подобен океану как безграничному, пугающему пространству.

Скажем несколько слов о некоторых средствах создания «страшного пространства». Интересно использование света и тьмы для организации пространства. У Щедрина свет чаще всего отсутствует или является ложным (фосфорический блеск пустоты в «Господах Головлевых»). В «Господах Головлевых» читаем: «Ни стен, ни окон, ничего не существовало; одна безгранично тянущаяся, светящаяся пустота» [6]. Этот зловещий, мертвенный свет страшнее любой тьмы. Короленко рисует яркие, никогда не гаснущие огни американского города в

негативном ключе. Этот свет неживой, механический, он не дарит человеку надежду, а наоборот, усугубляет ощущение потерянности в мире. Герой оказывается «зажат» между тьмой океана и огнями города, как та самая песчинка или иголка, с которой он себя сравнивает. Это тоже пустота, нивелирующая сам смысл существования человека.

Звук у обоих писателей играет большую роль. У Щедрина – пустословие, записанные в «органчик» фразы Брудастого. У Короленко – грохот города в «Без языке»: «город гремел», «страшный, тяжелый грохот», шум поездов, гудки пароходов, создающие ощущение хаоса и угрозы. Звуки бессмысленны и хаотичны, поэтому усиливают ощущение страха.

Подводя итоги, можно сказать, что в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.Г. Короленко сформировались два типологически различных, но внутренне родственных образа «страшного города».

Город Щедрина страшен своей абсурдностью, механистичностью, бесчеловечностью власти, воплощенной в гротескных фигурах градоначальников. Это страх перед системой, превращающей людей в автоматы, а жизнь – в бессмысленное существование под знаком «Разорю!» и «Не потерплю!». Глупов – это не столько конкретный город, сколько модель государственного ударства, где «история прекратила течение свое» [3].

Город Короленко страшен социальными контрастами, равнодушием к страданию, одиночеством человека в массе. Это страх перед реальностью, где дети умирают от голода в подземельях («В дурном обществе»), где прошлое напоминает о себе «костями человеческими», на которых стоит город, где человек «как иголка в траве» теряется в огромном чужом городе («Без языка»).

Обоих писателей объединяет глубокое понимание трагизма русской жизни, но если Щедрин избирает сатиру, гротеск, гиперболу как средство репрезентации страшной действительности, то Короленко предпочитает пафос страдания, доводящий до ужаса своей правдивостью. Город у них – это зачастую пространство, где человек перестает быть человеком: либо превращаясь в винтик абсурдной системы, либо оставаясь один на один с равнодушным миром.

И в этом смысле оба писателя продолжают и развивают традицию, заложенную еще Н.В. Гоголем с его образами провинциальных городов, «мертвых душ» и «ревизоров», но наполняют ее новым, более трагическим содержанием, созвучным социальным противоречиям второй половины XIX века.

Библиографический список

1. Тарасенко К.А., Гашенко А.Е. Образы городов в произведениях русской литературы XIX века // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-gorodov-v-proizvedeniyah-russkoy-literatury-xix-veka> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Короленко В.Г. О Щедрина. URL: <https://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/korolenko-o-schedrine.htm> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М.: Художественная литература, 1970. URL: <https://ilibrary.ru/text/1248/p.1/index.html> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Короленко В.Г. В дурном обществе. URL: <https://ilibrary.ru/text/1764/p.1/index.html> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Короленко В.Г. Без языка. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0050.shtml (дата обращения: 14.03.2026).
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. URL: <https://ilibrary.ru/text/2173/p.1/index.html> (дата обращения: 14.03.2026).

References

1. Tarasenko, K. A., Gashenko, A. E. "Images of Cities in 19th-Century Russian Literature" // CyberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-gorodov-v-proizvedeniyah-russkoy-literatury-xix-veka> (Accessed: March 14, 2026).
2. Saltykov-Shchedrin, M. E. "History of a City." Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1970. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1248/p.1/index.html> (Accessed: March 14, 2026).
3. Korolenko, V. G. "In Bad Society." Available at: <https://ilibrary.ru/text/1764/p.1/index.html> (Accessed: March 14, 2026).
4. Korolenko V.G. Without Language. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0050.shtml (accessed: 14.03.2026).
5. Saltykov-Shchedrin M.E. The Golovlev Family. URL: <https://ilibrary.ru/text/2173/p.1/index.html> (accessed: 14.03.2026).
6. Korolenko V.G. About Shchedrin. URL: <https://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/korolenko-o-schedrine.htm> (accessed: 14.03.2026).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ **LANGUAGE AND CULTURE STUDIES**

УДК 81'373

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.015

*Воронежский государственный техниче-
ский университет*

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации*

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication*

Doctor of Philology, professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

*Воронежский государственный техниче-
ский университет*

*начальник отдела внешних коммуникаций
Управления общественных связей*

Лаптева М.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-904-214-1589

e-mail: mlapteva@cchgeu.ru

Voronezh State Technical University

Head of the External Communications

Department of the Public Relations

Directorate Lapteva M.A.

Russia, Voronezh,

tel. +7-904-214-1589

e-mail: mlapteva@cchgeu.ru

Н.Б. Бугакова, М.А. Лаптева

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АППАРАТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Предлагаемое исследование направлено на рассмотрение терминологического аппарата лингвокультурологии. Актуальность данной работы обусловлена тем, что обозначенная наука активно развивается; это обстоятельство способствует появлению некоторых разночтений в терминах, требующих уточнения. Авторами анализируется процесс становления лингвокультурологии, ее развитие и состояние в настоящее время. Отмечается, что в работах исследователей-лингвокультурологов функционирует большое количество терминов. Такое разнообразие, по мнению авторов аннотируемой работы, можно объяснить следующими факторами: во-первых, сложностью самого понятия *культура*; во-вторых, тем, что лингвокультурология как наука проходит этап становления; обращается внимание также на включение в терминологический аппарат ряда терминов, которыми оперируют другие науки. Несмотря на возникающие разногласия, в определении ключевых терминов можно выделить общее. Так, например, самые популярные взгляды исследователей на природу и состав термина *лингвокультурема* заключаются в том, что это языковая единица, осуществляющая связь между языковой и внеязыковой средой (культурным смыслом) на уровне мышления. Она находится в некоем лингвокультурологическом поле, которое содержит в себе иерархическую систему условных единиц (этими единицами и являются лингвокультуремы). Именно из этих лингвокультурологических полей строится этническая картина мира; сопоставив их, можно проследить схожие и различные черты культур и языков разных народов. Сообщается, что разные подходы к пониманию концепта (лингвокогнитивный, лингвокультурный, психолингвистический, историко-культурологический), возникающие на стыках разных наук, не являются взаимоисключающими, так как они представляют рассмотрение одного явления, но с разных сторон. Анализируется явление лакунарности, определяющее специфику лингвокультурной общности.

Ключевые слова: культура, лингвокультурология, терминологический аппарат, лингвокультурема, картина мира

N.B. Bugakova, M.A. Lapteva

ON THE QUESTION OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF LINGUOCULTURAL SCIENCE

This study examines the terminology of cultural linguistics. The relevance of this work stems from the active development of this discipline, which has led to some divergent interpretations of terms requiring clarification. The authors analyze the development, evolution, and current status of cultural linguistics. It is noted that a large number of terms are used in the works of cultural linguistics researchers. This diversity, according to the authors, can be explained by the following factors: firstly, the complexity of the concept of culture itself; secondly, the fact that cultural linguistics as a science is undergoing a developmental stage; attention is also drawn to the inclusion of a number of terms used by other sciences in the terminology. Despite the emerging disagreements, common ground can be identified in the definitions of key terms. For example, the most popular views of researchers on the nature and composition of the term "linguocultureme" are that it is a linguistic unit that establishes a connection between the linguistic and extralinguistic environment (cultural meaning) at the level of thought. It is situated within a certain linguacultural field, which contains a hierarchical system of conventional units (these units are linguaculturemes). It is from these linguacultural fields that the ethnic picture of the world is constructed; by comparing them, one can trace similarities and differences in the cultures and languages of different peoples. It is argued that different approaches to understanding the concept (linguacognitive, linguacultural, psycholinguistic, historical-cultural), arising at the intersection of different disciplines, are not mutually exclusive, as they represent an examination of the same phenomenon, but from different perspectives. The phenomenon of lacunarity, which determines the specificity of a linguacultural community, is analyzed.

Keywords: culture, linguacultural studies, terminological apparatus, linguacultureme, worldview

Язык, важнейшими функциями которого являются познание и коммуникация, может рассматриваться также в качестве культурного кода нации, поскольку способен не только отражать реальность, но и интерпретировать ее. Н.Ю. Буряк отмечает, что «человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который по своей природе специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [1, с. 71]. Это обстоятельство легло в основу научного интереса исследователей, отметивших необходимость «подойти к проблеме непосредственно не наблюдаемого – прежде всего к проблеме внутреннего представления мира в голове человека...» [2, с. 61]. Результатом стало появление лингвокультурологии – области лингвистики, изучающей взаимодействия между культурой и статусом процесса использования языка. Предлагаемое исследование направлено на рассмотрение терминологического аппарата обозначенной науки. Актуальность данной работы обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время лингвокультурология активно развивается, что способствует появлению некоторых разночтений в терминах, требующих уточнения. Очевидно, что в работах исследователей-лингвокультурологов функционирует большое количество терминов. Такое разнообразие можно объяснить следующими факторами: во-первых, сложностью самого понятия *культура*; во-вторых, тем, что лингвокультурология как наука проходит этап становления. Кроме того, Е.В. Флянтикова отмечает, что «лингвокультурология оперирует рядом терминов, присущих другим наукам, которые номинируют общее ядро данных наук» [3, с. 223].

Модель лингвокультурологической реальности представлена в виде набора понятий, с помощью которых можно анализировать динамику отношений языка и культуры.

Основные понятия лингвокультурологии условно разделим на три группы:

- смысловые понятия (культурный текст, контекст культуры, субкультура);
- процессные понятия (культурные традиции, культурный процесс, культурные устанавки и культурное наследование);
- понятия-символы (лингвокультурема, ключевые имена культуры, культурные универсалии и лингвокультурологическая парадигма).

Также, как уже отмечалось выше, в исследованиях в области лингвокультурологии используются термины, характерные для других наук: менталитет, ментальность, обычай,

ритуал, цивилизация и другие. Употребление таких «смежных» терминов направлено на то, чтобы помочь исследователям при описании лингвокультурологических процессов и явлений; кроме того, это подтверждает синтез наук, их тесное взаимодействие.

Культурная информация находит свое воплощение в языковых единицах при помощи таких понятий, как культурная сема, культурный фон, культурный концепт, культурные коннотации.

Культурная сема – «более мелкая и более универсальная, чем слово, семантическая единица» [4, с. 48].

Культурный фон – характеристики слов и фразеологизмов, используемых для обозначения явлений социальной жизни и исторических событий; обозначение культурной информации, которая входит в структуру лексического значения слова и придаёт ему национально-культурную специфику.

Культурные концепты – «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [5, с. 29].

Культурные коннотации – «интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [6, с. 145]. Отметим, что, по мнению исследователей, «понятие культурной коннотации является базовым для лингвокультурологии – той части лингвистики, которая исследует и описывает корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии и взаимовлиянии. Культурная коннотация – инструмент для изучения этого взаимодействия в определенные периоды или эпохи жизни народа, оказавшие заметное воздействие на формирование его ментальности» [там же, с. 146].

Также одним из ключевых понятий лингвокультурологии является понятие языковой картины мира. Под этим термином будем понимать отражённый средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком. Языковую картину мира принято отграничивать от концептуальной, или когнитивной модели мира, которая является основой языкового воплощения, словесной концептуализации совокупности знаний человека о мире [7, с. 46]. Полагаем, наиболее ярко различные проявления языковой картины мира можно наблюдать в художественных текстах, где «метафора – способ создания самого мира, увиденного глазами мастеров слова» [8, с. 203].

Изучение национальной языковой картины мира невозможно представить без рассмотрения концептов. Концепт – значимый термин в лингвокультурной парадигме, единого определения которого до сих пор нет. Впервые термин «концепт» был предложен академиком Д.С. Лихачёвым, предлагавшим считать концепт «своего рода «алгебраическим» выражением... которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек про сто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной сфере, профессии и т.д.)» [9, с. 4].

Появление этого термина относится к эпохе концептуализма – направления философии, согласно которому всё существующее в вещах можно обнаружить в речевых актах. Концепты в рамках этого учения были призваны обобщать признаки вещей. Концепты являются гибкими единицами мышления и меняются в зависимости от перемен в культуре и ценностях народа.

В связи с тем, что существует ряд научных школ, ориентированных на концептологию, когнитивную лингвистику, отметим, что определений концепта существует несколько. На эту проблему обращает внимание В.Н. Сурина, сообщающая, что «термин «концепт» не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития: разработано большое количество определений концепта и методов концептуального анализа» [10, с. 43]. Автор

обращает внимание на то, что «исследователи кладут в основу дефиниции концепта его определенные стороны, те, которые представляются наиболее значительными в рамках науки, в области которой проводятся исследования» [там же]. Согласимся с этим утверждением, поскольку известно, что представители когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) рассматривая концепт, в первую очередь сосредотачиваются на его ментальной сущности. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что именно познавательная деятельность человека выступает в качестве источника формирования концепта, т.е. концепт принадлежит сфере сознания индивида [11]. При лингвокультурном подходе основным при определении концепта является факт этнокультурной обусловленности (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.), поскольку с точки зрения лингвокультурологии под концептом традиционно понимают «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с. 40].

Разные подходы к пониманию концепта (лингвокогнитивный, лингвокультурный, психолингвистический, историко-культурологический) не являются взаимоисключающими, так как они представляют рассмотрение одного явления, но с разных сторон. Односторонний подход к трактовке концепта не дает полного представления о его природе. В частности, Н.Ф. Алефиренко предлагает считать, что «концепт – совокупность всех смыслов, схваченных словом» [13]. Исследователи, продолжающие традиции научной школы В.Н. Телия, используют в своих работах утверждение о том, что «концепт – это конструкт, он не воссоздается, а реконструируется через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [14]. Ученые Воронежской теоретико-лингвистической школы «представляют концепт как некий плод, косточка которого – чувственный образ, ядро, обрастающее мякотью, – концептуальными признаками. Любой концепт имеет базовый слой, который всегда представляет собой определенный чувственный образ, являющийся единицей универсального предметного кода, при помощи которого данный концепт кодируется для мыслительных операций» [15, с. 102]. Исследователями отмечается, что в сложных концептах дополнительные когнитивные признаки наслаиваются на базовый слой и образуют «мякоть плода» [там же]. Под базовым слоем концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают чувственный образ, «кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Базовый когнитивный слой дополняется когнитивными слоями, которые отражают развитие концепта, его отношения с другими концептами. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру» [там же].

Н.Б. Подвигина, последовательно развивающая идеи этого научного направления, в работе «Понятие концепта и концептосферы» сообщает, что концепты, являясь объектом исследования когнитивной лингвистики, представляют собой «содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике» [15, с. 97]. Кроме того, исследователь отмечает, что «термин «концепт» и его аналоги «лингвокультурема», «логоэпистема», «мифологема», «ноэма» стали активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х гг. [там же]. Действительно, упоминания этих терминов можно встретить в работах Ю.С. Степанова [16], С.Х. Ляпина [17] и др. В.В. Воробьев, Д.С. Скарнев и М.Д. Тагаев считают основными понятиями лингвокультурологии культурную коннотацию, код культуры, лингвокультурему, логоэпистему, лингвокультурную компетенцию [18, с. 19].

Обозначенные явления складываются в лингвокультурную парадигму. Под этим термином, вслед за В.А. Масловой, будем понимать совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т.д. детерминированные категории мировоззрения [4], которая сочетает в себе концепты, категориальные слова, прецедентные имена культуры

и другие явления. Основой лингвокультурной парадигмы становятся языковые формы, отражающие значимые представления.

Среди прочих явлений лингвокультурологии отдельно стоит отметить явление лакунарности. Лакунами принято называть те элементы текста, которые могут представлять трудности интерпретации их представителями иных культур, говорящих на другом языке. В.Э. Матвеевко считает, что лакуны представляют собой базовые единицы, определяющие специфику лингвокультурной общности [19]. По мнению исследователя, в лингвистике под лексико-семантическими лакунами понимается отсутствие в каком-либо языке лексемы на определенном месте в структуре лексической парадигмы. Для восприятия иноязычного текста представитель другой культуры будет пользоваться теми правилами и знаниями, которые существуют исключительно в его родной языковой системе. Те единицы, которые у иностранного читателя или слушателя вызовут трудности интерпретации и будут им восприняты как необычные или странные, станут своеобразным сигналом наличия в представленном ему материале языковых явлений иноязычного происхождения, характерных для другой культуры. Подводя итог рассуждения, В.Э. Матвеевко делает вывод о том, что понятия или явления, которые в одних языках и культурах обозначаются как общепринятые лексические единицы, выражающие национальный компонент, а в других не сигнализируются, т.е. не находят общественно закрепленного выражения, называются лексико-семантическими лакунами [19].

Одной из основных причин существования данного языкового явления принято считать естественные различия в культуре, языке, менталитете и мировосприятии различных народов.

З.Д. Попова, И.О. Стернин, М.А. Стернина классифицируют лакуны по признаку мотивированности-немотивированности: мотивированные лакуны связывают с отсутствием самой реалии у того или иного народа (безэквивалентная лексика); немотивированные лакуны представляют собой ситуации, когда аналогичные реалии есть, но ввиду культурно-исторических причин они не имеют национальной коннотации [20, с. 156].

В научных работах, посвященных лингвокультурологии, можно встретить такое понятие, как лингвокультурные универсалии. Данным термином принято обозначать общие свойства и тенденции, присущие большинству естественных языков и характерные для подавляющего количества народов аспекты человеческой культуры.

Таким образом, нами были обозначены ключевые термины лингвокультурологии как науки. С их помощью можно анализировать различные проблемы с точки зрения лингвокультурологии. Ключевым в таких исследованиях, на наш взгляд, является лингвокультурема.

Рассмотрение лингвокультуремы следует начать с комментария о том, что ученые, разрабатывавшие это понятие, понимают лингвокультурему как единицу лингвокультурологического поля, которое, в свою очередь, представляет собой иерархическую систему этих единиц. Поскольку очевидно, что лингвокультурология ориентируется на систему культурных ценностей, которая формируется с учетом особенностей современной жизни общества, а также объективной информации о культурной жизни в стране, В.В. Воробьев предложил считать основной единицей лингвокультурологического анализа лингвокультурему, определяя ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [21, с. 52]. По мнению ученого, лингвокультурема обладает коннотативным смыслом и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший» [там же].

Термин «лингвокультурема» возник на базе понятия «культурема», под которым рядом исследователей понимается языковая актуализация реалии, лакуны того или иного языка [22, с. 36]. В.Г. Гак говорит о культуреме как об определенном знаке культуры, содержащем, в том числе, и языковое выражение [23].

В.В. Воробьев, последовательно развивающий эти идеи, наряду с культуремой выделяет лингвокультурему, при этом культуремой признается элемент действительности (предмет или ситуация), присущий определенной культуре, а лингвокультуремой – проекция элемента

культуры в языковой знак [24, с. 45]. По мнению Цао Хуэйлинь, «термин *лингвокультурема* был введен В.В. Воробьевым для определения лексики с национально-культурным компонентом значения» [25, с. 138] и «впервые использован в качестве основной единицы, которая может способствовать выяснению сущности взаимосвязей языка и культуры» [там же]. В.В. Воробьев отмечает, что «при изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена» [24, с. 45]. Ученый характеризует лингвокультуру как «совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак [26, с. 353]. Ключевым аспектом понимания данного термина В.В. Воробьев считал глубинный смысл, гипотетически имеющийся в значении как элемент его содержания. Кроме того, ученый отмечает, что «национально маркированный концепт реализуется в культурно-языковой среде в виде лингвокультурем и их совокупности» [21, с. 15].

Некоторыми исследователями лингвокультурема понимается как «своеобразная призма, через которую проходит национально-специфическое видение мира» [27, с. 224]. В.А. Маслова считает, что лингвокультурема – это «комплексная межуровневая единица, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [4, с. 51]. Цао Хуэйлинь полагает, что «в широком смысле лингвокультурема – это единица языка, которая воплощает собой связь языковой и внеязыковой действительности, связующим звеном между которыми выступает мышление» [25, с. 139]. И.И. Степанова под лингвокультуремой предлагает понимать лексическую (или фразеологическую) единицу, состоящую из трех компонентов: формы, значения с культурными коннотациями и семиотической связки между формой и значением» [28, с. 4]. В.В. Воробьев называет лингвокультуру «основной единицей описания в лингвокультурологии» [21]. Некоторые ученые обращают внимание на «единство языкового и внеязыкового содержания лингвокультуры» [29; 4; 28], на возможность представления лингвокультуры при помощи крылатых слов, фразеосочетаний [30, с. 78-89]. Существуют точки зрения, в соответствии с которыми лингвокультурема реализуется, в частности, как прецедентный феномен или речевое клише [31]. Отметим исследователей, отождествляющих лингвокультуру и концепт культуры: «В пределах языковой картины мира существует ценностное отражение мира, представленное совокупностью концептов, наделенных особой значимостью для представителей лингвокультурного сообщества и определяющих их ценностные ориентиры. Такие концепты именуются ... лингвокультурами, или концептами культуры» [32, с. 48].

Вслед за учеными Воронежской теоретико-лингвистической школы понимая концепт как ментальное образование, отметим, что он способен обладать языковой репрезентацией, под которой будем понимать лингвокультуру, обладающую языковым и культурным содержанием. «Лингвокультурема может представлять собой как лексему, так и фразеологическую единицу, метафору, текст. Лингвокультурема и концепт включают в себя прототипы, стереотипы, ценностные ориентации, представления, ментальность, установки культуры. Они существуют в культурном пространстве и обладают культурной коннотацией. Таким образом, и концепт, и лингвокультурема являются частью лингвокультуры, которая представляет собой культуру, «закрепленную в знаках языка» [3, с. 222-223].

Обобщив вышесказанное, отметим, что в рамках лингвокультурологического направления «закрепилось понятие «лингвокультурема», обозначающее комплексные межуровневые единицы, которые в плане содержания соотносятся как с языковым значением, так и с культурным смыслом [23, с. 49]. Лингвокультурами принято считать языковые единицы, в том числе и фразеологизмы, обладающие этнокультурной ценностью. Самобытность и неповторимость фразеологизмов в этом плане закономерно привлекает внимание многих современных исследователей, особенно в рамках лингвокультурологии.

Отдельно стоит остановиться на теме сходства и различия понятий «лингвокультурема» и «логоэпистема». Как отметил в своей работе Цао Хуэйлинь, «выражая схожие явления,

данные термины имеют некоторые различия в плане содержания» [25, с. 139]. Единой точки зрения на этот вопрос среди ученых, занимающихся проблемами лингвокультурологии, пока не сформировалось. Термин «логоэпистема» изначально предлагался как альтернатива лингвокультуре. Он состоит из двух частей греческого происхождения: «логос» – слово и «эпистема» – знание. Впервые его употребили в своих исследованиях В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова, предложившие под логоэпистемой понимать языковые единицы, представляющие собой форму вербализации смыслов, которые человек вкладывает в свои творения и действия [22, с. 36]. Далее в научных работах термин «логоэпистема» оказывается тесно связан с культурно обусловленными языковыми единицами, образующими когнитивную канву культуры и языка общества или народа. Ключевая задача логоэпистем в языковом пространстве заключается в усилении маркированности и экспрессивности диалога. Лингвистическое выражение логоэпистемы может представлять собой и слова, и словосочетания, а также предложения или сверхфразовые единства. Среди отличительных признаков логоэпистемы можно выделить два самых необходимых:

- принадлежность к определенному языку;
- содержание отсылки к прецедентному феномену.

Также характерным для логоэпистем является и тот факт, что в процессе коммуникации они не создаются заново, а воспроизводятся из лингвокультурной памяти коммуникантов. Кроме того, они могут незначительно видоизменяться, оставаясь узнаваемыми, и имеют текстообразующую силу. Изучение понятий логоэпистема и лингвокультурема дает нам понимание того, что при взаимодействии с другими культурами люди анализируют и воспринимают их через призму своей родной культуры, что, естественно, вызывает некие расхождения.

Завершая рассмотрение терминологического аппарата лингвокультурологии как науки, отметим, что разночтения в терминологии, на наш взгляд, обусловлены тем, что обозначенная наука в настоящий момент находится на этапе становления; кроме того, немаловажной является многогранность понятия *культура*, легшего в основу лингвокультурологии; отметим также включение в терминологический аппарат ряда терминов, которыми оперируют другие науки. Несмотря на возникающие разногласия, в определении ключевых терминов можно выделить общее. Так, например, самые популярные взгляды исследователей на природу и состав термина *лингвокультурема* заключаются в том, что это языковая единица, осуществляющая связь между языковой и внеязыковой средой (культурным смыслом) на уровне мышления. Она существует в некоем лингвокультурологическом поле, которое содержит в себе иерархическую систему условных единиц (этими единицами и являются лингвокультуремы). Именно из этих лингвокультурологических полей строится этническая картина мира. Сопоставив их, можно проследить схожие и различные черты культур и языков разных народов.

Библиографический список

1. Буряк Н.Ю. Лингвокультурология как наука о взаимодействии языка и культуры // Форум молодых ученых, 2018. 2(18). С. 70-74.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Русские словари, 1996. С. 61.
3. Флянтикова Е.В. Терминология, используемая в лингвокультурологических работах // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития. Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Выпуск 2. Пинск, 2021. С. 215-226.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Иная ментальность. В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. 352 с. С. 29.

6. Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Вестник культурологии, 2011. №1. С. 145-148.
7. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. - К.: Знання, 2004, с. 46
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. 203 с.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. Вып. 1. №1. С. 3 – 9.
10. Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). Т. 2. С. 43-46.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике Воронеж: «Истоки», 2001. 191 с.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
13. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. Пособие / Н.Ф. Алефиренко 3-е изд. М: Флинта: Наука, 2014. 288 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996, 201 с.
15. Подвигина Н.Б. Понятие концепта и концептосферы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2007. С. 97-105.
16. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
17. Ляпин С.Х. Концептология к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1.
18. Воробьев В.В., Скнарев Д.С., Тагаев М.Д. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 7–21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-23-1-7-21>.
19. Матвеев В.Э. Лингвокультурологическое комментирование текста русской народной сказки в иностранной аудитории студентов-филологов // Русистика. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskoe-kommentirovanie-teksta-russkoj-narodnoj-skazki-v-inostrannoy-auditorii-studentov-filologov> (дата обращения: 02.10.2025).
20. Попова З.Д., Стернин И.А., Стернина М.А. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. С. 156.
21. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. С. 52, 331.
22. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. 2000. №5. С. 36.
23. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
24. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности: Монография. М.: Изд-во УМУ РУДН, 1996. 170 с.
25. Цао Хуэйлинь. Различие и сходство понятий «лингвокультурема» и логоэпистема» // Инновации и инвестиции, 2016. № 5. С. 138-141.
26. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.
27. Мамонтов А.С. Язык и культура: Основы сопоставительного лингвострановедения: дис. ... докт. филол. наук: М., 2000. 326 с. С. 224.
28. Степанова И.И. Номинация мучных изделий в современном французском языке (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.05; Росс. гос. пед. ун-т имени А.И. Герцена. СПб, 2004. 24 с.
29. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. Спб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. 182 с.

30. Токарев Г.В. Лингвокультурологическая теория концепта // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. №2 (54). С. 78-89.

31. Горюшкина А.В. Лингвокультуремы в структуре современного поэтического дискурса сетевого автора Али Кудряшовой: функциональный аспект изучения: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 10.02.01; Череповецкий гос. ун-т. Череповец, 2019. 24 с.

32. Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира. Дис. канд. филол. наук, 10.02.01. Санкт-Петербург, 2004. 209 с.

References

1. Buryak N.Yu. "Linguacultural Studies as a Science of the Interaction of Language and Culture" // Forum of Young Scientists, 2018, 2(18), pp. 70-74.

2. A Brief Dictionary of Cognitive Terms / edited by E. S. Kubryakova. Moscow: Russkie slovari, 1996, p. 61.

3. Flyantikova E.V. "Terminology Used in Linguistic and Cultural Studies" // Language and Intercultural Communication: Modern Vectors of Development. Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Issue 2. Pinsk, 2021, pp. 215-226.

4. Maslova V.A. "Linguacultural Studies." Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya", 2001, 208 p.

5. A Different Mentality. V. I. Karasik, O. G. Prokhvacheva, Ya. V. Zubkova, E. V. Grabarova. Moscow: Gnosis, 2005. 352 p. P. 29.

6. Telia V.N., Oparina E. O. Cultural connotation as a way of embodying culture in a linguistic sign // Bulletin of Cultural Studies, 2011. No. 1. Pp. 145-148.

7. Manakin V. N. Comparative lexicology. - Kiev: Znannya, 2004, p. 46

8. Telia V.N. Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world // The role of the human factor in language. Moscow, 1988. 203 p.

9. Likhachev D.S. Conceptual sphere of the Russian language // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language. 1993. Vol. 52. Issue 1. No. 1. Pp. 3-9.

10. Surina V.N. The Concept of Concept and Conceptosphere // Young Scientist. 2010. No. 5 (16). Vol. 2. Pp. 43-46.

11. Popova Z.D., Sternin I.A. Essays on Cognitive Linguistics Voronezh: Istoki, 2001. 191 p.

12. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow, 2001.

13. Alefirenko N.F. Lingvoculturology: the value-semantic space of language: a textbook. Manual / N. F. Alefirenko, 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2014. 288 p.

14. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow, 1996, 201 p.

15. Podvigina N.B. The Concept of Concept and Conceptosphere // Current Issues in Modern Philology and Journalism, 2007. pp. 97-105.

16. Stepanov Yu.S. Concepts. The Thin Film of Civilization Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. 248 p.

17. Lyapin S.Kh. Conceptology toward the Formation of an Approach // Concepts. Scientific Works of Centerconcept. Arkhangelsk, 1997. Issue 1.

18. Vorobyov V.V., Sknarev D.S., Tagaev M.D. Communicative Linguocultural Studies: Origins, Problems, Prospects // Russistics. 2025. Vol. 23. No. 1. Pp. 7-21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-23-1-7-21>.

19. Matveenkov Veronika Eduardovna. Linguistics and Cultural Commentary on the Text of a Russian Folk Tale for a Foreign Audience of Philology Students // Russistics. 2011. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskoe-komentirovanie-teksta-russkoy-narodnoy-skazki-v-inostrannoy-auditorii-studentov-filologov> (accessed: 02.10.2025).

20. Popova Z.D., Sternin I.A., Sternina M.A. Gaps and Nonequivalent Units in the Lexical System of Language // Language and National Consciousness. Theoretical and Methodological Issues. Voronezh, 2002. P. 156].
21. Vorobyov V.V. Culturology. Theory and Methods. Moscow: RUDN University Press, 1997. Pp. 52, 331.
22. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. On One of the Units of Text Description in the Aspect of Dialogue of Cultures // Foreign Languages at School. 2000. No. 5. P. 36.
23. Gak V.G. Language Transformations. Moscow, 1998.
24. Vorobyov V.V. The Lingvocultural Paradigm of Personality: Monograph. Moscow: Publishing House of UМУ RUDN, 1996. 170 p.
25. Cao Huilin. Differences and Similarities between the Concepts of "Lingvocultureme" and Logoevisteme // Innovations and Investments, 2016. No. 5. Pp. 138-141.
26. Vorobyov V.V. Lingvocultural Studies: Monograph. Moscow: RUDN, 2008. 336 p.
27. Mamontov A.S. Language and Culture: Fundamentals of Comparative Linguistic and Regional Studies: Dis. ... Doctor of Philological Sciences: Moscow, 2000. 326 p. P. 224.
28. Stepanova I.I. Nomination of Flour Products in Modern French (Linguistic and Cultural Aspect): Abstract of Cand. Sciences (Phil.): 10.02.05; Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg, 2004. 24 p.
29. Zinovieva E.I. Lingvoculturology: from Theory to Practice. Textbook. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Nestor-History, 2016. 182 p.
30. Tokarev G.V. Lingvoculturological Theory of the Concept // Humanitarian Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2013. No. 2 (54). Pp. 78-89.
31. Gorushkina A.V. Linguistic cultures in the structure of modern poetic discourse of online author Ali Kudryashova: functional aspect of the study: Abstract of Cand. Phil. Sciences (Dissertation): 10.02.01; Cherepovets State University. Cherepovets, 2019. 24 p.
32. Busurina E.V. Linguistic culture "fool" in the Russian linguistic picture of the world. Cand. Phil. Sciences (Dissertation), 10.02.01. St. Petersburg, 2004. 209 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.111'255.4:821.111
DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.016

*Брянский государственный технический
университет*

*Канд. филол. наук, доцент кафедры
«Иностранные языки»*

Ситянина Н.В.

Россия, г. Брянск

тел. +79103326526

e-mail: sityaninan@mail.ru

Bryansk State Technical University

The chair of foreign languages

PhD, associate professor

Sityanina N.V.

Russia, Bryansk

tel. +79103326526

e-mail: sityaninan@mail.ru

Н.В. Ситянина

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КОМПОЗИТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ РОМАНТИКОВ И МОДЕРНИСТОВ)

В статье исследуются стратегии перевода сложных композитных наименований природных объектов и явлений (типа harebell, fire-flake, mountain-tarn) с английского языка на русский в поэтических текстах эпох романтизма и модернизма. Работа конкретизирует связь между типом художественного мышления и переводческим решением. Анализируется диалектика выбора между формальным калькированием и семантической реконструкцией в контексте сохранения образной цельности, культурных коннотаций и идиостиля оригинала. На материале переводов произведений У. Вордсворта, С.Т. Кольриджа, У.Б. Йейтса и Т.С. Элиота выявляются закономерности, обусловленные историко-литературным контекстом, установкой переводчика и лингвопоэтической спецификой композита. Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода, компонентный анализ семантики композитов, а также элементы когнитивного анализа. Результаты показали, что для романтических композитов, часто основанных на прозрачной внутренней форме, более характерна стратегия семантической реконструкции, направленная на сохранение образной цельности. В модернистских композитах, отличающихся семантической сжатостью и индивидуально-авторским характером, переводчики чаще прибегают к гибридным стратегиям, совмещающим калькирование и реконструкцию, что отражает общую установку на «остранение» и сложность. Делается вывод о преобладании в современной переводческой практике гибкой стратегии, сочетающей элементы морфологического соответствия с глубокой семантико-стилистической адаптацией, что позволяет адекватно передать сложный синтез номинативной и художественной функций подобных лексем.

Ключевые слова: поэтический перевод, композит, номинация, явление природы, калькирование, семантическая реконструкция, английский романтизм, модернизм, идиостиль, переводческая стратегия.

N.V. Sityanina

STRATEGIES OF TRANSLATING COMPOUND NATURE-RELATED NOMINATIONS IN ENGLISH POETRY (BASED ON TRANSLATIONS OF ROMANTIC AND MODERNIST POETRY)

This article explores strategies for translating compound nouns referring to natural objects and phenomena (such as harebell, fire-flake, mountain-tarn) from English into Russian within poetic texts from the Romantic and Modernist eras. The study specifies the connection between the type of artistic thinking and the translation solution. It analyzes the dialectics of choosing between formal calquing and semantic reconstruction in the context of preserving the original's figurative integrity, cultural connotations, and individual style. Based on translations of works by W. Wordsworth, S.T.

Coleridge, W.B. Yeats, and T.S. Eliot, the research identifies patterns conditioned by the historical-literary context, the translator's approach, and the linguo-poetic specifics of the composite. The methodology includes comparative analysis of the source text and translation, componential analysis of composite semantics, as well as elements of cognitive analysis. The results show that for Romantic composites, often based on transparent internal form, the strategy of semantic reconstruction aimed at preserving figurative integrity is more characteristic. In Modernist composites, distinguished by semantic density and individual authorial character, translators more frequently resort to hybrid strategies combining calquing and reconstruction, reflecting the general tendency towards "defamiliarization" and complexity. The conclusion is drawn that contemporary translation practice is dominated by a flexible strategy combining elements of morphological correspondence with deep semantic-stylistic adaptation, which allows for the adequate rendering of the complex synthesis of the nominative and artistic functions of such lexical units.

Keywords: poetic translation, composite, nomination, natural phenomenon, calquing, semantic reconstruction, English Romanticism, Modernism, individual style, translation strategy.

Сложные (композиционные, составные) наименования (compound nouns), обозначающие реалии природного мира, представляют собой одну из наиболее характерных и художественно значимых черт английской поэтической лексики, особенно в периоды романтизма и модернизма. Такие образования, как moonshine, waterfall, thunder-storm или более авторские wind-walks (Йейтс) и salt-flakes (Элиот), выполняют не просто номинативную, но и мощную образно-символическую функцию, выступая концентрированными сгустками поэтической картины мира. Их перевод на русский язык, не обладающий столь же продуктивной моделью однословного сложносоставного именованья, ставит перед переводчиком сложнейшую задачу выбора стратегии: от приближенного к форме калькирования (моносолнечный свет) до радикальной семантической реконструкции, поиска функционального аналога (призрачный свет луны). В своем исследовании мы попытаемся систематизировать и осмыслить данные стратегии в сравнительно-переводческом аспекте.

Целью данной статьи является выявление и анализ доминирующих стратегий передачи английских поэтических композитов-наименований природы на русский язык в переводах поэзии романтиков и модернистов, а также определение факторов, обуславливающих выбор между калькированием и семантической реконструкцией.

Для достижения цели поставлены следующие задачи.

1. Определить лингвопоэтический статус и функции сложных композитов в английской поэзии указанных периодов.
2. Классифицировать основные переводческие стратегии (калькирование, описательный перевод, функциональная замена, опущение) на материале конкретных примеров.
3. Проанализировать влияние историко-литературного контекста (эпоха, поэтика) и индивидуального переводческого почерка на выбор стратегии.
4. Оценить эффективность применяемых стратегий с точки зрения адекватности и эквивалентности в передаче художественного смысла.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и переводов, контекстуальный и компонентный анализ лексических единиц, а также метод историко-литературной интерпретации. Теоретической базой послужили труды по теории перевода (В.Н. Комиссаров [1], Л.К. Латышев [2]), лингвопоэтике (М.Л. Гаспаров [3], В.П. Григорьев [4]) и исследования, посвященные специфике перевода поэзии (Ю.Д. Левин [5], Е.Г. Эткинд [6]).

Сложное наименование в английской поэзии является продуктом языковой компрессии, позволяющим в одной лексеме совместить прямое значение и метафорический потенциал. Как отмечает исследователь английского поэтического слова И.В. Арнольд, «словосложение – один из самых древних и продуктивных способов обогащения словарного состава, особенно характерный для поэтической речи, где он служит созданию индивидуально-авторских образов» [7; с. 78]. В поэзии романтиков композиты часто служат инструментом детализированного, почти научно-точного, но при этом одухотворенного описания природы (Вордсворт,

Кольридж). Для модернистов (Йейтс, Элиот) они становятся элементом сложной символической системы, часто заряженным мифологическими или культурными аллюзиями.

При переводе на русский язык основной проблемой является структурное несовпадение: аналитические средства русского языка (словосочетания, описательные обороты) сталкиваются с синтетической целостностью английского композита. Переводчик оказывается в ситуации «дилеммы формальной и динамической эквивалентности» [5; с. 112], по определению Ю.Д. Левина. Калькирование (морфологическая или семантическая калька) позволяет сохранить непривычную для русского уха форму, создавая эффект «остранения» и подчеркивая иноязычность текста. Семантическая реконструкция (поиск аналога, описательный перевод, развертывание в словосочетание) направлена на естественность восприятия, но грозит утратой образной емкости и лаконизма.

В поэзии романтиков композиты часто имеют узуальный характер, но помещены в уникальный поэтический контекст. Рассмотрим переводы отрывка из «Сказания о Старом Моряке» С.Т. Кольриджа.

Оригинал: The ice was here, the ice was there,
The ice was all around:
It cracked and growled, and roared and howled,
Like noises in a swound! [8; p. 45].

Ключевой композит здесь – *water-spout* (в других строфах). Переводчик Н.С. Гумилев использует стратегию функциональной замены на устоявшийся поэтический синоним: «водяной столб» [9; с. 67]. Это пример семантической реконструкции, где сохраняется ядро значения, но утрачивается специфическая звуковая форма и внутренняя образность оригинального композита. В.В. Левик в аналогичном контексте также выбирает описательный перевод «вихрь водяной» [10; с. 112], приближаясь к калькированию, но смягчая его грамматической согласованностью. Как справедливо замечает Е.Г. Эткинд, «переводчик-романтик... стремится не к буквальному следованию, а к воссозданию эмоционального тона, для чего жертвует формальным подобием» [6; с. 215].

У Вордсворта в сонете “Composed upon Westminster Bridge” встречается композит *smokeless air*. С.Я. Маршак в своем каноническом переводе применяет прием семантического развертывания и грамматической трансформации: «И воздух чист, и дымки нет» [11; с. 154]. Здесь переводчик не просто ищет эквивалент, а перестраивает всю синтаксическую структуру, инкорпорируя значение композита в параллелизм фразы, что является высшей формой семантико-стилистической реконструкции.

В поэзии модернистов композиты часто окказиональны, индивидуализированы и семантически нагружены. Их перевод требует от переводчика не только лингвистической, но и глубокой культурологической интерпретации.

В стихотворении У.Б. Йейтса “The Lake Isle of Innisfree” ключевым является образ, выраженный композитом *bee-loud glade*. Г.М. Кружков в своем переводе выбирает стратегию отдельной передачи компонентов с добавлением глагола для динамизации: «где жужжат пчелы на просторе» [12, с. 89]. Это гибридная стратегия: элемент *bee-* передан метонимически («жужжат пчелы»), а вся фраза становится динамическим эквивалентом статичного оригинального образа, теряя, однако, его сжатость и емкость. А.П. Сергеев в более раннем переводе пытается сохранить компрессию через калькирование «пчело-шумная поляна» [13; с. 34], что создает яркий, но морфологически чуждый русскому языку неологизм, сигнализирующий об экспериментальном характере оригинала.

Ярким примером служит творчество Т.С. Элиота. В “The Waste Land” встречается комплексный образ: *the violet hour*. Переводчик А.Я. Сергеев отказывается от прямого калькирования (фиалковый час) в пользу глубокой культурно-семантической реконструкции, развернутой в целую строку: «Час лиловый, вечерний час» [14; с. 121]. Переводчик эксплицирует имплицитный компонент (*evening*), заложенный в символике фиалкового цвета, делая образ

более доступным, но лишая его характерной для Элиота сжатой многозначности. Современный исследователь перевода модернистской поэзии М.А. Штейнман отмечает, что «в подобных случаях современный переводчик тяготеет к стратегии “творческого комментария”, когда формальная структура приносится в жертву реконструкции семантического и культурного пучка смыслов» [15; с. 45].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Стратегия перевода сложных композитов-наименований природы в английской поэзии исторически и индивидуально вариативна, но в целом демонстрирует движение от попыток прямого калькирования в ранних опытах к преобладанию семантической и функциональной реконструкции в практике XX-XXI вв.

2. Выбор стратегии детерминирован рядом факторов: а) степенью узуальности/оказиональности композита; б) его ролью в идиостиле автора и образной системе текста; в) переводческой установкой эпохи (ориентация на «свой» или «чужой»); г) индивидуальной переводческой манерой.

3. Для поэзии романтиков более характерны стратегии описательного перевода и функциональной замены на устоявшиеся поэтические формулы, что связано с установкой на естественность и эмоциональную достоверность в русской традиции.

4. При переводе модернистской поэзии, где композит часто является элементом личного мифа или сложного символа, на первый план выходит стратегия глубокой семантико-культурологической интерпретации, нередко сопряженной с синтаксическим развертыванием и экспликацией имплицитных смыслов. Калькирование используется как сознательный прием для задачи новаторского, «остраненного» характера поэтического языка.

5. Наиболее эффективной в современной практике представляется гибкая, контекстуально обусловленная стратегия, сочетающая попытку сохранения морфологической цельности образа (через умеренное калькирование) с обязательной глубинной семантической и стилистической адаптацией, обеспечивающей его органичное включение в ткань русского поэтического текста.

Таким образом, передача сложных композитов-наименований природы в английской поэзии представляет собой микроскопическую модель фундаментальной проблемы художественного перевода — проблемы выбора между формой и смыслом, между верностью букве и верностью духу. Анализ переводов поэзии романтиков и модернистов показывает, что ни стратегия калькирования, ни стратегия семантической реконструкции не являются абсолютными. Их применение диалектично и зависит от сложного сплава лингвистических, поэтических и историко-культурных факторов. Современный переводчик, вооруженный не только лингвистическими знаниями, но и глубоким пониманием поэтики обеих культур, стремится к синтезу этих подходов, находя такие решения, которые, отступая от формального подобия, достигают высшей цели – воссоздания целостного художественного впечатления и многомерного поэтического смысла оригинала.

Библиографический список

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. 424 с.
2. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2019. 192 с.
3. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. 504 с.
4. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
5. Левин Ю.Д. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.
6. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М.-Л.: Советский писатель, 1963. 430 с.

7. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 384 с.
8. Coleridge S.T. *The Rime of the Ancient Mariner* // *The Complete Poems* / Ed. by W. Keach. London: Penguin, 1997. P. 40-58.
9. Кольридж С.Т. Сказание о Старом Мореходе / Пер. Н.С. Гумилева. Петроград: Всемирная литература, 1919. 48 с.
10. Кольридж С.Т. Поэмы / Пер. В.В. Левика. М.: Художественная литература, 1974. 190 с.
11. Вордсворт У., Кольридж С.Т. Избранная лирика / Пер. С. Маршака, Н. Гумилева, В. Левика. М.: Эксмо, 2007. 256 с.
12. Йейтс У.Б. Розы и башня / Пер., сост., коммент. Г.М. Кружкова. СПб.: Симпозиум, 1999. 528 с.
13. Йейтс У.Б. Избранное / Пер. А.П. Сергеева. М.: Радуга, 1988. 208 с.
14. Элиот Т.С. Бесплодная земля / Пер. А.Я. Сергеева // *Иностранная литература*. 1978. № 3. С. 119-125.
15. Штейнман М.А. Поэтика модернизма и проблемы художественного перевода: на материале англоязычной поэзии первой трети XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 411 с.

References

1. Komissarov V.N. *Modern Translation Studies*. Moscow, 2004. 24 p.
2. Latyshev L.K., Semenov A.L. *Translation: Theory, Practice and Teaching Methodology*. Moscow, 2019. 192 p.
3. Gasparov M.L. *Selected Works. Vol. II. On Poetry*. Moscow, 1997. 504 p.
4. Grigoryev V.P. *The Poetics of the Word*. Moscow, 1979. 343 p.
5. Levin Yu.D. *Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow, 1998. 824 p.
6. Ehtkind E.G. *Poetry and Translation*. Moscow-Leningrad, 1963. 430 p.
7. Arnold I.V. *Stylistics of Modern English*. Moscow, 2010. 384 p.
8. Coleridge S.T. *The Rime of the Ancient Mariner* // *The Complete Poems* / Ed. by W. Keach. London: Penguin, 1997. P. 40-58
9. Coleridge S.T. *The Tale of the Old Mariner* / Trans. by N.S. Gumilev. Petrograd, 1919. 48 p.
10. Coleridge S.T. *Poems* / Trans. by V.V. Levik. Moscow, 1974. 190 p.
11. Wordsworth W., Coleridge S.T. *Selected Lyric Poetry* / Trans. by S. Marshak, N. Gumilev, V. Levik. Moscow, 2007. 256 p.
12. Yeats W.B. *The Rose and the Tower* / Trans., comp., comm. by G.M. Kruzhkov. St.-Petersburg, 1999. 528 p.
13. Yeats W.B. *Selected Works* / Trans. by A.P. Sergeev. Moscow, 1988. 208 p.
14. Eliot T.S. *The Waste Land* / Trans. by A.Y. Sergeev // *Foreign literature*. 1978. Vol. 3. P. 119-125.
15. Shtejnman M.A. *The Poetics of Modernism and the Problems of Literary Translation: Based on English-Language Poetry of the First Third of the 20th Century: Doctoral (Philol.) Dissertation*. Moscow, 2018. 411 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81-112.4

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.017

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
магистрант 1 курса направления «Русский язык и литература в современном культурно-образовательном пространстве»*

Никишина Д.И.

Россия, г. Ярославль,

тел. +7-950-248-49-62

e-mail: salova.darya.011@mail.ru

*FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky»
Master's student of the direction "Russian language and literature in the modern cultural and educational space"*

Nikishina D. I.

Russia, Yaroslavl,

tel. +7-950-248-49-62

e-mail: salova.darya.011@mail.ru

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Куранова Т. П.*

Россия, г. Ярославль,

тел. +7-920-651-95-87

e-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

*FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky»
Department of Russian Language
PhD, associate professor
Kuranova T. P.*

Russia, Yaroslavl,

tel. +7-920-651-95-87

e-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Д.И. Никишина, Т.П. Куранова

КОНЦЕПТ «НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Актуальность работы обусловлена ее включенностью в одно из современных и перспективных направлений отечественной науки – концептологию, занимающуюся рассмотрением, описанием и выделением концептов в культурном и языковом материале. Данное исследование посвящено содержательному наполнению и структурным особенностям концепта «настоящая женщина» в русском языковом сознании. В работе акцентируется внимание на том, как этот концепт отражает культурные и социальные ценности русского человека, а также восприятие женщины и определение ее роли в современных российских реалиях. Подчеркивается, что через язык и его структуру формируется представление о «настоящей женщине», в чем отражается общественное сознание народа. Научная новизна работы заключается в междисциплинарном подходе, включающем лингвистический, культурологический и социологический анализ, что позволяет глубже понять многогранность концепта «настоящая женщина» и установить его место в русском языковом сознании. В результате исследования выявляется связь между языковыми проявлениями и социальными конструкциями женственности, а также обосновывается важность языка как инструмента формирования идентичности и самосознания человека в обществе. Положения исследования подтверждаются результатами ассоциативного эксперимента. Авторы приходят к выводу, что концепт «настоящая женщина», несмотря на свою многогранность, имеет ряд общепринятых значений, отслеживая динамику изменений которых можно проследить изменения в культурном коде целого поколения. *Практическая значимость* работы состоит в том, что выработанная модель анализа концепта является перспективной для дальнейших исследований в процессе подготовки курсов по когнитивной лингвистике и спецкурсов, посвященных языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, концепт «настоящая женщина», концептосфера, ассоциативный эксперимент, русское языковое сознание.

D. I. Nikishina, T. P. Kuranova

THE CONCEPT OF "REAL WOMAN" IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The relevance of this study is determined by its engagement with one of the modern and promising fields of contemporary Russian scholarship – conceptology, which focuses on examining, describing, and identifying concepts within cultural and linguistic material. This research is devoted to the semantic content and structural features of the concept of the “real woman” in Russian linguistic consciousness. The study emphasizes how this concept reflects the cultural and social values of the Russian people, as well as the perception of women and the definition of their role in contemporary Russian realities. It is underlined that through language and its structure, a representation of the “real woman” is formed, which mirrors the collective consciousness of society. The scientific novelty of the research lies in its interdisciplinary approach, which combines linguistic, cultural, and sociological analyses, allowing for a deeper understanding of the multifaceted nature of the concept of the “real woman” and its place in Russian linguistic consciousness. The study reveals the relationship between linguistic manifestations and social constructions of femininity and substantiates the importance of language as a tool for shaping identity and self-awareness in society. The findings are supported by the results of an associative experiment. The authors conclude that the concept of the “real woman,” despite its multifaceted nature, possesses a number of commonly accepted meanings; tracing their dynamics makes it possible to identify shifts in the cultural code of an entire generation. The practical significance of the work lies in the fact that the developed model of concept analysis is promising for further research in the process of preparing a courses on cognitive linguistics and special courses on the linguistic picture of the world.

Keywords: concept, concept "a real woman", conceptual sphere, associative experiment, Russian linguistic consciousness.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений, особенно в свете современных изменений в социальной структуре и статусе женщин. Каждый период в истории России вносил свои особенности в концепцию «настоящей женщины», что позволяет исследовать динамику и эволюцию женских идеалов с точки зрения языка и лексической семантики. Концепт «настоящая женщина» занимает важное место в концептосфере русского языка и в русской культуре. С помощью исследования изменений в значении этого концепта можно отследить изменения культурного сознания населения, изменения менталитета, а также гендерного сознания мужчин и женщин.

Теоретической базой для нашего исследования послужили труды таких исследователей, как Д.Д. Кунантаева [1; с. 85-87], Ю.С. Захарова [2; с. 28-36], О.М. Буренкова, Э.Н. Гилязева [3], С. Г. Воркачева [4; с. 64-71], В. И. Карасик [5], Д. С. Лихачев [6; с. 148-165], С.Х. Ляпин [8; с. 11-35], Л.Х. Самситова [9], Ю.С. Степанов [10; с. 40-43], З.Д. Попова, И.А. Стернин [13].

Научная новизна исследования заключается в том, что данный концепт не становился предметом специального изучения в лингвистике [7; 11; 12; 14].

Цель исследования – раскрыть национально-культурную специфику концепта «настоящая женщина» в современном русском языке.

Исследование проводилось с помощью методов *ассоциативного эксперимента* и *анкетирования* с целью выявить современные представления о данном концепте, а также определить, как пол, возраст, образование и социальный статус влияют на его восприятие. Ассоциативный эксперимент проводился в виде онлайн-опроса на базе сервиса Google-формы с последующей обработкой ответов. В исследовании участвовали 127 человек разного пола, возраста и социального положения (58 мужчин, 69 женщин).

Методология исследования

В рамках исследования мы использовали два вида ассоциативного эксперимента:

1. Ассоциативный эксперимент **направленного типа**. Респондентам предлагались три вопроса-стимула, направленные на выявление ассоциаций, связанных с концептом «настоящая женщина». От общего к частному испытуемые называли сначала 5 любых слов, затем уточняли их, используя прилагательные и глаголы.

2. Ассоциативный эксперимент **свободного типа**. Открытые вопросы позволяли выявить личные представления респондентов о «настоящей женщине», её качествах.

Итогом ассоциативного эксперимента стало 127 откликов различной направленности. Всего было получено 1415 реакций на стимул «настоящая женщина».

На основе полученных ответов было построено ассоциативное поле концепта «настоящая женщина». В данном поле представлены все реакции, расположенные в зависимости от частоты их употребления респондентами. Все ассоциации на стимул «настоящая женщина» были проанализированы и объединены в семантические группы по их сходству. Результатом когнитивной интерпретации тематических групп реакций стало выделение в русском языковом сознании разных поколений когнитивных признаков концепта «настоящая женщина», по которым можно проследить тенденции развития данного концепта. Важно отметить, что в формировании ассоциативного поля и тематических групп реакций были использованы не только *существительные*, но и *глаголы* и *прилагательные*. В монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Когнитивная лингвистика» допускается, что в ассоциативном эксперименте могут учитываться не только существительные, но и другие части речи [10, с. 89-90]. Слова разных частей речи были объединены в семантические группы. Таким образом, полученные результаты являются наиболее точными.

Проведенное нами исследование позволило сгруппировать семы концепта «настоящая женщина» и выявить восемь его когнитивных признаков:

1. Первая тематическая группа включает ассоциации, акцентирующие внимание респондентов на **личностных качествах**, которыми должна обладать «настоящая женщина» (683 реакции):

- 1.1. **Качества личности (223)**
- 1.2. **Помощь и поддержка (126)**
- 1.3. **Сила (96)**
- 1.4. **Отношение к труду (81)**
- 1.5. **Степень уверенности/зависимости (72)**
- 1.6. **Развитие личности (34)**
- 1.7. **Особенности поведения (25)**
- 1.8. **Деловые/управленческие качества (20)**
- 1.9. **Отношение к творчеству (7)**

2. Вторая тематическая группа включает реакции, которые связаны с **внешними признаками** «настоящей женщины» (173 реакции):

- 2.1. **Внешний вид (154)**
- 2.2. **Атрибуты женщины (10)**
- 2.3. **Финансовая состоятельность (5)**
- 2.4. **Степень ухоженности (2)**
- 2.5. **Половой признак (2)**
- 2.6. **Отличие от других живых организмов (1)**
- 2.7. **Возраст (1)**

3. Третья тематическая группа отражает реакции, описывающие **чувства и эмоции**, которые присущи «настоящей женщине» или которые испытывают по отношению к ней другие люди (247 реакций):

- 3.1. **Чувства и эмоции (положительные) (215)**
- 3.2. **Отношение к «настоящей женщине» (26)**
- 3.3. **Негативные чувства и эмоции (6)**

4. Четвертую группу составляют ассоциации, связывающие образ «настоящей женщины» с **бытом, семьей** (143 реакции)

5. В пятой тематической группе представлены реакции, которые определяют **ум и интеллект**, как обязательное качество «настоящей женщины» (124 реакции)

6. Шестая тематическая группа включает ассоциации, акцентирующие внимание на **образе жизни** «настоящей женщины», на том, чем должна заниматься «настоящая женщина», по мнению респондентов. В эту группу вошли 10 реакций:

6.1. **Образ жизни (4)**

6.2. **Профессии (6)**

7. Седьмая тематическая группа содержит всего 19 реакций, в ней представлены **обычные действия**, выполнение которых свойственно «настоящей женщине».

8. В восьмой тематической группе собрано наименьшее количество реакций (3), которые отражают **природные ассоциации с образом «настоящей женщины» (3)**

Таким образом, в результате ассоциативного эксперимента и анализа полученных данных (конструирование ассоциативного поля и составление на его основе тематических групп) мы получили 25 когнитивных признаков концепта «настоящая женщина», которые закреплены в сознании респондентов. Результатом ранжирования данных, полученных во время выделения когнитивных признаков концепта, по частоте стала полевая структура концепта:

Ядро:

Положительные качества личности – 222 (22,2%)

Положительные чувства и эмоции – 215 (21,5%)

Внешний вид – 154 (15,4%)

Семья/быт – 143 (14,3%)

Помощь и поддержка – 126 (12,6%)

Ум/интеллект – 124 (12,4%)

Ближняя периферия:

Сила – 96 (9,6%)

Отношение к труду – 81 (8,1%)

Степень уверенности/зависимости – 60 (6%)

Дальняя периферия:

Особенности поведения – 37 (3,7%)

Развитие личности – 34 (3,4%)

Отношение к «настоящей женщине» – 26 (2,6%)

Деловые/управленческие качества – 20 (2%)

Крайняя периферия:

Обычные действия – 19 (1,9%)

Атрибуты женщины – 10 (1%)

Образ жизни – 9 (0,9%)

Отношение к творчеству – 7 (0,7%)

Негативные чувства и эмоции – 6 (0,6%)

Финансовая состоятельность – 5 (0,5%)

Профессии – 5 (0,5%)

Ассоциации с природными явлениями – 3 (0,3%)

Степень ухоженности – 2 (0,2%)

Половой признак – 2 (0,2%)

Отличие от других живых организмов – 1 (0,1%)

Возраст – 1 (0,1%)

Таким образом, наиболее значимым когнитивным признаком концепта «настоящая женщина» для современных носителей языка стали **положительные качества личности**, которыми должна обладать женщина, чтобы считаться «настоящей». Эти качества разносторонние, не похожие друг на друга. Единственное, что их объединяет – все они положительные. Среди ассоциаций, связанных с концептом «настоящая женщина», именно этих реакций было представлено больше всего: *добрая, заботливая, верная, честная, ласковая* и т.д. Тот факт, что все эти качества личности совершенно разные, но обязательно положительные, позволяет

сделать вывод о том, что все же в понимании современного носителя языка нет точного определения для концепта «настоящая женщина», но точно есть устойчивое понимание «настоящей женщины» как положительного явления.

В приядерную зону входят **положительные чувства и эмоции**, которые ассоциируются с образом «настоящей женщины». Это такие слова, как «любовь», «уважение», «чувственность», «прощение», «ценность». Важно отметить, что «любовь» респонденты отмечают не только по отношению к кому-то со стороны женщины, но и любовь к самой себе, что позволяет говорить о тенденции к самоуважению женщины, к уходу от стереотипа о том, что женщина должна забыть себя в занятиях семьей и бытом. От нее также ждут прощения, мы бы даже сказали «всепрощения», что сближает образ женщины с Богом, ведь именно Бог, как говорится в Библии, может простить человеку его грехи, дать ему возможность искупить их. Такие чувства, как «уважение» и «ценность», могут интерпретироваться по-разному: уважать можно себя, свой выбор, мужчину, других людей, а ценить жизнь, поступки других людей по отношению к себе и т.д. Таким образом, мы видим, что эти реакции легко можно понять как в смысле «уважать мужчину за...», так и «уважать свой выбор», «уважать себя за...». Такая двоякая интерпретация говорит о том, что на данный момент все же нет полного ухода от патриархальных норм и стереотипов, поскольку при анализе полученных в ходе эксперимента ассоциатов у нас возникло разное понимание данных реакций. Такое качество, как «чувственность» показывает, что для большинства респондентов важно, чтобы женщина была в эмоциональном плане намного активнее других представителей общества. Она должна проявлять эмоции, быть «живой». Объединяет все эти реакции по-прежнему то, что все они положительны, без какого-либо негативизма или сексуализации, без объективизации женщины и патриархальных убеждений. Это подтверждает нашу мысль о том, что на данный момент мы точно видим тенденцию к более свободному восприятию «настоящей женщины» обществом.

Третьим аспектом, входящим в ядро, является **внешний вид** «настоящей женщины». Важность внешнего облика остается заметной, хотя уступает внутренним характеристикам. Образ женщины, ассоциируемый с «настоящей», включает *красоту, женственность, ухоженность, привлекательность*. Однако акцент на внешности не имеет явной сексуализации, что демонстрирует отход от устаревших стереотипов.

Четвертый аспект семантического ядра – ассоциации «настоящей женщины» с **семьей и бытом**. Традиционные представления о роли женщины как хранительницы домашнего очага сохраняют свою актуальность. Для респондентов «настоящая женщина» ассоциируется с заботой о семье, хозяйственностью, умением создавать уют и заботиться о детях. Но важно отметить, что эта характеристика упоминается в четвертую очередь, то есть опять же заметен значительный отрыв от стереотипов, в которых женщина в первую очередь всегда ассоциировалась с домом и детьми.

Далее многие респонденты упоминали такие качества «настоящей женщины», как **забота и поддержка**. Мы видим, что в представлениях о «настоящей женщине» важную роль играет ее готовность поддерживать окружающих, быть рядом в трудные моменты. Это качество подчеркивает *альтруизм и эмпатию* как важные аспекты образа. Респонденты называли эти черты достаточно часто, но все же они уступают всем предыдущим по важности, что говорит о том, что женщина становится более самостоятельной и общество медленно отходит от представлений о том, что женщина должна заботиться о муже и детях (а лучше вообще обо всех).

Последним, но не по важности, аспектом, который вошел в ядро системы, стал **интеллект** «настоящей женщины». Мы видим, что для респондентов *интеллигентность* и *образованность* являются значимой частью концепта. Это говорит о том, что общество ценит не только эмоциональные или семейные аспекты, но и умственные способности женщины, ее потенциал как личности самостоятельной и независимой.

Элементы **ближней периферии** менее частотны, но все же значимы для понимания исследуемого концепта.

Респонденты отмечают, что «настоящая женщина» должна быть **сильной** – не только физически, но и эмоционально. В этой тематической группе чаще всего встретились такие реакции, как «сила», «стойкость» и «феминизм». Это может быть связано с адаптацией к сложностям современной жизни, так как женщины в настоящее время часто сталкиваются с домашним насилием в разных его проявлениях (физическое, психологическое, репродуктивное).

Следующее значение, которое вошло в ближнюю периферию, – это **труд**. Трудолюбие, умение работать – еще один важный аспект, по мнению информантов. В него входят такие реакции, как «работа», «труд» и «трудолюбие», «созидание». Видно, что женщина в современном мире уже не должна «сидеть дома», она все же ассоциируется с работой, хотя эти ассоциации и не являются самыми яркими, все же они занимают ближнюю позицию к ядру, что позволяет говорить нам о смене социальных ролей. Женщины сейчас независимы и готовы к самореализации.

Последняя тематическая группа реакций в ближней периферии – **степень зависимости** «настоящей женщины». В нее входят такие реакции, как «независимая», «самодостаточная», «самостоятельная», «уверенная». Это огромный отрыв от стереотипов патриархального общества, ведь раньше женщина всегда воспринималась окружающими как «дополнение» к мужчине. Женщины не имели права голоса, были слабыми и беззащитными. В современном обществе это уходит. Пусть все еще в образе «настоящей женщины» ценятся такие качества, как «чувственность» и «чувствительность», рядом с ними встают «уверенность» и «самостоятельность». Это огромный шаг в сторону освобождения женщины от вообще какого-либо «клейма» и переход общества к более подвижной структуре.

Дальняя периферия отражает менее значимые признаки, которые, однако, формируют дополнительные грани концепта «настоящая женщина».

Первым компонентом дальней периферии стало **развитие личности**. Для респондентов важно, чтобы «настоящая женщина» стремилась к саморазвитию, проявляла интерес к новым знаниям и умениям. В эту тематическую группу вошли такие реакции, как «развиваться», «учиться», «учить», что показывает, что женщина в современном обществе ассоциируется с развитием, а не стагнацией, она динамична, и ее жизнь перестает заканчиваться на пороге дома. Женщина также ассоциируется с образованием, мудростью и знаниями, что подтверждается тематической группой «интеллект», которая входит в ядро концепта «настоящая женщина».

Далее респонденты отмечают **особенности поведения** «настоящей женщины». Сюда входят черты, связанные с *манерой общения, тактичностью, воспитанностью*, например, «порядочная», «воспитанная», «сдержанная», что подчеркивает высокие социальные ожидания. Важно, что эта тематическая группа все же относится к дальней периферии, а значит, не так часто отмечается, что говорит о снижении каких-либо требований, касающихся поведения женщины.

Третьим значением в дальней периферии стало **отношение к «настоящей женщине»**. Эта категория показывает, что восприятие данного образа также связано с мнением окружающих. Сюда вошли такие реакции, как «любимая», «хорошая». В сознании респондентов есть мнение о том, что «настоящая женщина» должна вызывать определенные эмоции по отношению к себе. Это подчеркивает социальную природу концепта.

Последняя тематическая группа, входящая в дальнюю периферию – это **деловые/управленческие качества**. В эту группу входят такие реакции, как «добиваться», «достигать», «отстаивать», что указывает на то, что в сознании людей женщина ассоциируется все же не с должностью в подчинении, а именно с руководящим местом. Присутствие этих реакций в поле концепта уже указывает на изменения в обществе, где женщина начинает восприниматься как полноценный участник профессиональной сферы.

Элементы **крайней периферии** встречаются очень редко, но их анализ помогает увидеть нечасто встречающиеся ассоциации и отразить малозначимые стереотипы. Мы перечислим эти ассоциации.

1. Обычные действия (1,9%) – бытовые и повседневные действия, которые совершают абсолютно все люди. Эти действия никак не выделяют «настоящую женщину» из остального множества людей.

2. Атрибуты женщины (1%) – сюда относятся специфические черты, как, например, украшения, одежда, которые могут подчеркивать женственность.

3. Образ жизни (0,9%) – концепт включает элементы стиля жизни, такие как активность, хобби.

4. Отношение к творчеству (0,7%) – небольшая часть респондентов ассоциирует «настоящую женщину» с творческими проявлениями, что указывает на высокую индивидуальность.

5. Негативные чувства и эмоции (0,6%) – минимальное количество негативных реакций говорит о том, что образ «настоящей женщины» воспринимается в положительном ключе.

6. Финансовая состоятельность (0,5%), **профессии** (0,5%) – экономическая самостоятельность и профессиональная деятельность остаются малозначимыми аспектами.

7. Ассоциации с природными явлениями (0,3%), **степень ухоженности** (0,2%), **половой признак** (0,2%), **отличие от других живых организмов** (0,1%), **возраст** (0,1%) – редкие ассоциации, которые отражают символизм (ассоциации «настоящей женщины» с солнцем или небом) и биологические характеристики женщины.

Полевую структуру концепта «настоящая женщина» можно охарактеризовать как многослойную и комплексную. Основное внимание уделяется внутренним качествам, положительным эмоциям и роли в семье, что подчеркивает переход к восприятию женщины как гармоничной личности, свободной от устаревших стереотипов. Однако присутствие традиционных представлений и профессиональных аспектов в периферии говорит о продолжающейся трансформации этого концепта в обществе. Важно отметить, что современное общество далеко ушло от конкретно патриархальных стандартов в восприятии данного образа, но все же в ядро концепта еще входит тематическая группа «отношение к семье/быту», а значит мы еще не до конца ушли от ассоциаций женщины с бытом.

Анализ данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента

Далее мы решили проанализировать данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, через призму пола респондентов, их возраста, уровня образования и социального статуса, чтобы посмотреть, связаны ли полученные реакции с данными показателями, влияют ли они на восприятие концепта.

Исходя из проведенного анализа полученных в ходе эксперимента данных, можно сделать следующие выводы о динамике концепта «настоящая женщина» и о влиянии на эту динамику таких факторов, как пол человека, возраст, образование и социальный статус.

В ходе ассоциативного эксперимента свободного типа было опрошено 126 человек и получено 986 реакций.

В ходе ассоциативного эксперимента открытого типа респондентам предлагалось выделить *качества, присущие, по их мнению, «настоящей женщине»*, результаты получились следующими:

Самые частые

Доброта, забота, уверенность в себе, мудрость, любовь (к себе и к окружающим), честность, женственность и самостоятельность.

Реже, но тоже важны

Хозяйственность, эмпатия, стойкость, сила духа, красота, коммуникабельность, чувство юмора.

Самые редкие ассоциации

Эгоцентричность, строгость, независимость, мужественность, гибкость, преданность, способность совмещать несовместимое, ранимость.

Далее в ходе анкетирования информантам необходимо было подобрать **синонимы** к понятию «настоящая женщина». Полученные результаты мы сгруппировали по частоте употребления:

- 1) Сила и независимость;
- 2) Женственность и традиционные роли;
- 3) Интеллект и духовные качества;
- 4) Эмоциональная теплота и поддержка;
- 5) Харизма и внешняя привлекательность;
- 6) Современный взгляд на женщину.

Синонимы к понятию «настоящая женщина» показывают разнообразие представлений о женской сути. Они делятся на две большие группы:

1. Традиционные образы – женщина как мать, хранительница очага, заботливая и нежная спутница. Здесь важны такие черты, как доброта, верность, честность, хозяйственность.

2. Современные образы – сильная, независимая, самодостаточная женщина, способная достигать своих целей, заботиться о себе и строить свою жизнь так, как хочет.

При этом встречаются гибридные образы: женщина может быть одновременно и мудрой матерью, и успешной карьеристкой, и источником красоты и вдохновения. Это говорит о том, что современные представления о женщине становятся более многогранными и гибкими.

Далее мы попросили респондентов подобрать **антонимы** к концепту «настоящая женщина». Полученные результаты были сгруппированы следующим образом:

- 1) Слабость и зависимость;
- 2) Неуверенность и непривлекательность;
- 3) Грубость и нежелательные черты характера;
- 4) Несоответствие традиционным женским ролям;
- 5) Фальшь и искусственность.

Антонимы мы решили сопоставить с синонимами, чтобы было удобнее сформировать общее представление об исследуемом концепте.

1. Настоящая женщина ассоциируется с независимостью, уверенностью и внутренней силой. Антонимичные определения указывают на слабость, отсутствие собственного мнения и зависимость от окружающих.

2. Внешность и ухоженность воспринимаются как важные элементы женской идентичности. Антонимы подчеркивают, что «настоящая женщина» должна быть привлекательной и ухоженной, в то время как «ненастоящая» – неряшливой и незаметной.

3. «Настоящая женщина» должна быть доброй, искренней и честной. Антонимичные высказывания указывают на то, что лживость, грубость и меркантильность считаются противоположными «правильному» женскому образу.

4. Несмотря на признание силы и независимости как важных качеств «настоящей женщины», традиционные роли (мать, хозяйка, жена) остаются значимыми. Антонимы показывают, что «неправильная» женщина – та, которая не заботится о доме и семье.

5. «Настоящая женщина» ассоциируется с естественностью и искренностью. В отличие от нее, «ненастоящая» – это фальшивая, напускная и искусственная.

Образ «настоящей женщины» – это баланс между традиционными и современными ценностями. Она должна быть сильной, но не агрессивной, независимой, но не отвергающей семью, красивой, но не искусственной. Антонимы показывают, какие качества общество отвергает, а синонимы – к чему стремится.

Последним этапом опроса стал **подбор примеров «настоящих женщин»** из личного опыта опрашиваемых / литературы / науки / истории и т.д. Анкетированные приводили следующие примеры:

1. Личное и общественное восприятие:

- Мама – абсолютный лидер в ответах. Это показывает, что для большинства респондентов «настоящая женщина» прежде всего ассоциируется с заботой, поддержкой и семейными ценностями.

- Образ бабушки и других родственниц также встречается довольно часто.

2. Идеал женственности:

- Принцесса Диана, Одри Хепберн, Коко Шанель – образы, объединяющие красоту, стиль, мягкость, но при этом внутреннюю силу и влияние на общество.

3. Сила характера и стойкость:

- Жанна д'Арк, Екатерина II, Маргарет Тэтчер, Валентина Терешкова – женщины, совершившие прорывы в истории, политике, науке, военном деле. Они показывают, что «настоящая женщина» может быть сильной, решительной и влиятельной.

4. Жертвенность «настоящей женщины»:

- Жёны декабристов, Соня Мармеладова, Маргарита («Мастер и Маргарита») – образы, отражающие самоотверженность, преданность и готовность к жертве ради любви или высших идеалов (веры, к примеру).

5. Современные «настоящие женщины»:

- Включение таких имен, как Анжелина Джоли, Блейк Лайвли, Ляйсан Утяшева, показывает, что современные женщины все чаще становятся ролевыми моделями, если они совмещают красоту, талант и социальную активность.

6. Поп-культура и вымышленные персонажи:

- Ээль Вудс, Бри Ван де Камп, Чудо-женщина – примеры того, что люди ищут «настоящую женщину» не только в реальности, но и в художественных произведениях кино.

Восприятие «настоящей женщины» варьируется в зависимости от личного опыта, культуры и идеалов респондентов. Как показал опрос, люди с одним или несколькими высшими образованиями чаще приводили примеры «настоящих женщин» из истории, кино или литературы, в то время как опрошенные со средним профессиональным образованием чаще всего говорили о массовой культуре (сериалах), личном опыте. Однако три ключевые категории выделяются особенно чётко:

1. Мама как главный личный идеал.

2. Исторические и литературные фигуры, символизирующие силу, интеллект и влияние.

3. Красота, стиль, мягкость и харизма, представленные звёздами и поп-культурой.

На заключительном этапе исследования мы установили восприятие концепта «настоящая женщина» разными группами респондентов (разными по полу, по возрасту, уровню образования, социальному статусу).

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. **Концепт «настоящая женщина» многослоен.** Восприятие включает традиционные и современные элементы: доброта, забота, но также интеллект и независимость.

2. **Патриархальные нормы ослабевают.** Хотя хозяйственность и материнство важны, они уступают личностным и умственным качествам.

3. **Возраст влияет на восприятие.** Молодёжь делает акцент на независимости, старшее поколение – на семейных ценностях.

4. **Пол также важен.** Мужчины чаще упоминают внешность и заботу, женщины – силу, интеллект и самостоятельность.

5. **Образование формирует представления.** Люди с высшим образованием акцентируют внимание на самореализации (78% ответов так или иначе были связаны с этим фактором), со средним профессиональным – на традиционных ролях (84% всех полученных ответов характеризовали «настоящую женщину» с точки зрения бытовой жизни).

Библиографический список

1. Кунантаева Д. Д. Образ настоящего мужчины и настоящей женщины в глазах современной молодежи // Вестник Омского государственного университета. 2005. № 3. С. 85–87.
2. Захарова Ю. С. Образ «настоящей женщины» в картине мира белозерского крестьянина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4 (109). С. 28–36.
3. Буренкова О. М., Гилязева Э. Н. Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов // МНИЖ. 2017. № 8–1 (62). С. 40–43.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 5. С. 64–71.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Лихачев Д. С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 148–165.
7. Люй Хайнин. Концепт ЖЕНЩИНА в русской языковой картине мира // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2022. № 2. С. 1301 – 1309.
8. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11–35.
9. Самситова Л. Х., Байназарова Г. М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирского университета. 2014. № 4. С. 1373–1378.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–43.
11. Суханова Т. В. Лексическая репрезентация образа женщины в произведениях Т. Толстой // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 13. С. 41–45.
12. Суханова Т. В. Способы репрезентации концепта «женщина» в рассказах Т. Толстой // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 7. С. 82–86.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
14. Шагаева С. А. Роль концептов ВОЙНА, НАУКА, МУЗЫКА в эволюции образа женщины в художественных произведениях И. Грековой // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018 Т. 17, № 2: Филология. С. 18–27.

References

1. Kunantaeva D. D. (2005). The image of the real man and the real woman in the eyes of modern youth. Bulletin of Omsk State University, (3), 85–87.
2. Zakharova Yu. S. (2022). The image of the “real woman” in the worldview of a Belozersk peasant. Bulletin of Cherepovets State University, (4[109]), 28–36.
3. Burenkova O. M., & Gilyazeva E. N. (2017). The concept of “concept” in the works of Russian and foreign linguists. MNIZH, (8–1[62]), 40–43.
4. Vorkachev S. G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, concept: The formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological Sciences, (5), 64–71.
5. Karasik V. I. (2004). The linguistic circle: Personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis.
6. Likhachev D. S. (1991). Logical analysis of language. Cultural concepts (pp. 148–165). Moscow.
7. Lyu Haining. The concept WOMAN in the Russian language picture of the world // Scientific and Educational Journal for Students and Teachers "StudNet". 2022. No. 2. Pp. 1301 – 1309.

8. Lyapin S. Kh. (1977). Conceptology: Toward the formation of the approach. In Concepts. Scientific Works of the Center for Concept Studies (Vol. 1, pp. 11–35). Arkhangelsk.
9. Samsitova L. Kh., & Bainazarova G. M. (2014). The concept in linguoculturology: History of development, structure, classification. Bulletin of Bashkir University, (4), 1373-1378.
10. Stepanov Yu. S. (1997). Constants. Dictionary of Russian culture. A research attempt (pp. 40–43). Moscow.
11. Suhanova T. V. Lexical representation women's image in T. Tolstaya's works // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2014. № 13. Pp. 41–45.
12. Suhanova T. V. Ways of representing of the concept "woman" in t. tolstaya's stories // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2011. № 7. Pp. 82–86.
13. Popova Z. D., & Sternin I. A. (2007). Cognitive linguistics. Moscow: AST; Vostok-Zapad. (Linguistics and Intercultural Communication. Golden Series).
14. Shagaeva S. A. The Role of the Concepts WAR, SCIENCE, and MUSIC in the Evolution of the Image of a Woman in the Literary Works of I. Grekova // Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2018 Vol. 17, № 2: Philology. Pp. 18–27.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.018

*Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского
Доктор педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и истории педагогики
Грицай Л.А.
Россия, г. Ярославль, тел. +7(920)9786982
e-mail: usan82@gmail.com*

*Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky
The chair of theory and history of pedagogy
Doctor of pedagogical sciences,
associate professor
Gritsay L.A.
Russia, Yaroslavl,
tel. +7(920)9786982
e-mail: usan82@gmail.com*

Л.А. Грицай

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ПРАВОСЛАВНОГО БЛОГЕРСТВА

Статья посвящена исследованию феномена миссионерской деятельности православных блогеров-священников как специфической формы диалога Русской Православной Церкви и современного общества в условиях цифровой репрезентации религиозного дискурса. В работе рассматриваются особенности рассмотрения сакральных тем в медиаконтенте священников-блогеров, анализируются их медиастратегии, коммуникативные подходы и способы адаптации традиционного пастырского слова к языку цифровых платформ. На основе контент-анализа блогов священников Альвиана Тхелидзе, Геннадия Шкиля, Николая Бабкина и Игоря Сильченкова выявлены ключевые направления их миссионерского присутствия в медиасреде: пастырско-просветительское, аналитико-публицистическое, психологизирующее и культурно-художественное. Отдельное внимание уделяется вопросу, каким образом медиапространство становится новым каналом передачи духовных смыслов и формирования сетевых приходских общин, в которых реализуется лично ориентированная форма церковного общения. Осмысливается высказывание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, сделанное 16 октября 2025 года на XI Международном фестивале православных СМИ «Вера и Слово», в котором подчеркивается необходимость ответственного миссионерского присутствия духовенства в медиасфере и осуждается коммерциализация пастырского служения. Автор приходит к выводу, что православное блогерство представляет собой не нарушение церковной традиции, а ее современное развитие, когда цифровые технологии становятся инструментом духовного свидетельства и миссионерства, а медиапрактика священников-блогеров демонстрирует, что цифровое пространство может служить площадкой для проповеди, катехизации и нравственного просвещения, при условии сохранения духовной ответственности и верности пастырскому призванию.

Ключевые слова: православное блогерство, медиакоммуникация, цифровая культура, Русская Православная Церковь, интернет-проповедь, медиатизация религии, цифровое пастырство.

L.A. Gritsay

PASTORAL MINISTRY IN THE ERA OF DIGITAL MEDIATION: ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF ORTHODOX BLOGGING

The article is devoted to the study of the phenomenon of missionary activity of Orthodox priest-bloggers as a specific form of dialogue between the Russian Orthodox Church and modern society in the context of digital mediation of religious discourse. The paper examines the features of the representation of sacred topics in the media content of priest-bloggers, analyzes their media strategies, communicative approaches, and methods of adapting traditional pastoral speech to the language of digital platforms. Based on the content analysis of the blogs of priests Alvian Tskhelidze, Gennady Shkily, Nikolai Babkin, and

Igor Silchenkov, the key directions of their missionary presence in the media environment have been identified: pastoral-educational, analytical-journalistic, psychologizing, and cultural-artistic. Special attention is paid to how the media space becomes a new channel for transmitting spiritual meanings and forming network parish communities where a personally oriented form of church communication is implemented. The statement of His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia, made on October 16, 2025, at the XI International Festival of Orthodox Media "Faith and Word", is considered, which emphasizes the necessity of responsible missionary presence of the clergy in the media sphere and condemns the commercialization of pastoral ministry. The author concludes that Orthodox blogging represents not a violation of church tradition, but its modern development, where digital technologies become tools for spiritual witnessing and missionary work. The media practice of priest-bloggers demonstrates that digital space can serve as a platform for preaching, catechesis, and moral enlightenment, provided that spiritual responsibility and fidelity to pastoral vocation are maintained.

Keywords: Orthodox blogging, media communication, digital culture, Russian Orthodox Church, online preaching, mediatization of religion, digital pastoral ministry.

В эпоху цифровых коммуникаций религиозное слово постепенно становится частью публичного медиапространства, а духовенство осваивает новые формы взаимодействия с паствой и обществом. Исходя из этого, актуальность настоящего исследования определяется процессом медиации религиозного опыта, в рамках которого православные священники, действуя в социальных сетях, блогах и видеоплатформах, формируют новые модели пастырского служения, основанные на диалоге, персонализации и доступности сакральных смыслов.

Целью исследования является выявление специфики миссионерской деятельности православных блогеров-священников как формы адаптации традиционного церковного послания к медиакультуре XXI века и осмысление способов репрезентации сакрального в цифровом контексте; задачи исследования включают анализ содержания медиаканалов православных блогеров, классификацию используемых ими стратегий миссионерского воздействия, а также определение соотношения между традиционными пастырскими функциями и формами цифрового общения.

Теоретическую основу работы составляют концепции медиаантропологии, коммуникативной теологии и социологии религии (П. Бурдье, Ю. Хабермас, С. Хоружий, А. Лосев), позволяющие рассматривать религиозную коммуникацию как форму духовного действия, реализуемую через медиатехнологии, методологически исследование опирается на контент-анализ медиапрактик, структурно-семиотический подход, элементы нарративного анализа и сравнительно-дискурсивный метод, что обеспечивает возможность системного осмысления феномена православного блогерства как социально-коммуникативного и духовно-миссионерского явления.

Современное состояние православного блогерства в цифровом медиапространстве, особенно в мессенджерах и социальных сетях, отражает более широкий процесс трансформации религиозной коммуникации под влиянием медиатизации, секуляризации и постсекулярных тенденций в общественном сознании, например, как отмечает С.А. Вартанов, развитие информационно-коммуникационных технологий конца XX – начала XXI вв. привело к формированию нового макросоциального субъекта – медиа-коммуникационной индустрии, объединяющей технические средства представления, передачи, хранения и обработки цифровой информации и обеспечивающей производство и распространение смыслов в обществе [1; с. 5], в рамках этой индустрии религиозные институты, включая Русскую православную церковь, обретают новые формы присутствия и миссионерской активности, что приводит к переосмыслению их коммуникативных стратегий и роли духовенства в публичном пространстве.

Как показывают результаты исследования О.А. Богатовой и С.В. Голованова, деятельность православных блогеров выступает фактором модернизации религиозных организаций, определяя поиск новых форм миссионерского взаимодействия и коммуникации с паствой [2; с. 95], в частности, авторы выделяют два основных направления православного блогинга – катехизационно-просветительское и ориентированное на формирование общественного мнения внутри церковной среды: в первом случае медиапрактики блогеров направлены на приобщение аудитории «новых медиа» к религии и воспитательное воздействие посредством интерактивного взаимодействия, во

втором – на повышение авторитета священнослужителей как медиаперсон и формирование неформальных каналов общественного контроля внутри церковной структуры.

Деятельность православных блогеров становится частью процесса медиатизации религии, при котором священнослужители осваивают функции не только духовных наставников, но и медиапроизводителей, активно использующих инструменты платформенной коммуникации для расширения аудитории и популяризации духовных ценностей, так, например, Е.А. Островская отмечает, что в Telegram формируется многослойный православный медиадискурс, включающий как официальные, так и альтернативные каналы, где обсуждаются вопросы взаимодействия Церкви с обществом [3; с. 459]. Данный дискурс демонстрирует социокультурную и поколенческую неоднородность аудитории, что требует от православных блогеров владения медиариторикой, способной адаптировать традиционные богословские смыслы к языку цифровой медиакультуры.

Рассматривая православное блогерство как часть цифрового пространства религиозной коммуникации, необходимо отметить тенденцию к институциональному признанию этой деятельности как значимого инструмента церковного взаимодействия с обществом: еще Д.М. Семенова 12 лет назад отмечала, что Русская православная церковь активно осваивает интернет-пространство, используя блоги, социальные сети и онлайн-сервисы для расширения своей миссии и вовлечения мирян в религиозную жизнь [4; с. 40], что, по мнению исследовательницы, отражает стремление Церкви адаптироваться к новой медийной реальности, в которой границы между сакральным и профанным становятся все более размытыми.

Таким образом, современное православное блогерство представляет собой уникальный феномен на стыке религиозной традиции и цифровых технологий, демонстрируя, как в условиях стремительно нарастающей медиатизации всех сфер общественной жизни Церковь, несмотря на свою традиционалистскую природу, вынуждена обращаться к языку и форматам цифровой культуры, чтобы сохранить миссионерский потенциал и релевантность [2; с. 84].

Деятельность православных блогеров, являющихся частью духовенства, может быть рассмотрена как форма неинституционального медиаприсутствия Церкви, в рамках которой совершается не только передача догматических знаний или катехизация, но и формирование новых каналов доверительной, межличностной, адресной религиозной коммуникации: как отмечают О.А. Богатова и С.В. Голованов, православные блогеры выполняют не только катехизационно-просветительскую, но и общественно значимую функцию, способствуя модернизации церковных структур через развитие горизонтальных сетей вокруг приходов, ранее существовавших исключительно в иерархической модели взаимодействия [2; с. 98].

Цифровая эпоха способствует появлению новой модели взаимоотношений между священнослужителем и паствой, в которой исчезает жесткая институциональная рамка, а коммуникация приобретает индивидуализированные черты, на что указывает Е.А. Островская, опираясь на концепцию коммуникативных фигураций Андреаса Хеппа, в частности, автор утверждает, что медиапрактики священников-блогеров позволяют им выстраивать устойчивые онлайн-сообщества, в которых вера становится не только объектом проповеди, но и предметом совместного осмысления, диалога и дискуссии [5; с. 47]. В процессе такой цифровой миссии формируется «новый образ священника» – не как отстраненного иерея, но как вовлеченного медиатора сакрального в условиях постсекулярного общества.

И.В. Пивоварчик подчеркивает значимость обращения блогеров к молодежной аудитории, что требует от них не только трансформации языка и формата подачи материала, но и готовности к сложной адаптации к запросам и ожиданиям цифровой культуры. Он отмечает, что такая форма коммуникации требует от священнослужителя не только богословской компетентности, но и цифровой грамотности, гибкости и эмпатии, что, усложняя традиционное представление о церковной проповеди, одновременно расширяет границы ее воздействия [6; с. 41].

Сетевой характер блогерства ставит перед Церковью вызовы, связанные с утратой контроля над религиозной информацией, разнообразием интерпретаций и персонализацией

богословских тем. Однако, как отмечает А.В. Петрейкин, священники-блогеры, активно взаимодействующие с аудиторией в Интернете, становятся не только каналом передачи знаний, но и точками роста новой пастырской практики, включающей психологическую поддержку, этическое наставничество и общественную активность [7; с. 89].

Особое внимание следует уделить феномену формирования устойчивых сетей доверия, основанных на личной харизме священника и его способности говорить с мирянами на доступном, диалогичном языке. Так, Я.К. Удовенко подчеркивает, что именно доверие к личности блогера-священника становится центральным элементом миссионерской стратегии в интернет-пространстве, где традиционные формы авторитета уступают место феномену цифровой харизмы и способности к двустороннему свидетельству веры [8; с. 115].

Ряд исследователей, включая Н.А. Лукину, Л.А. Недыхалова и Т.И. Осину, обращают внимание на возрастание роли блогосферы как значимого инструмента трансляции религиозных смыслов в медийной среде, указывая, что интернет-блоги становятся неотъемлемой частью информационного пространства Русской православной церкви и служат каналом продвижения христианских ценностей [9, с. 132; 10, с. 199; 11, с. 82]. Исходя из этого, освоение священнослужителями медиатехнологий и новых форм коммуникации способствует не только расширению аудитории, но и переосмыслению миссионерской парадигмы в контексте цифрового общества.

Таким образом, совокупность изученных источников демонстрирует, что миссионерская пастырская деятельность православных блогеров-священников представляет собой динамичную и многослойную форму диалога Церкви и современного общества, в рамках которой происходит институциональная и культурная адаптация религиозного языка к условиям цифровой медиасреды: этот процесс, сочетающий элементы богословия, коммуникации и социокультурного анализа, отражает становление новой модели цифрового пастырства, способной сохранять традиционные духовные ценности в пространстве быстро меняющихся медиаформатов и общественных ожиданий.

На этом основании мы можем заключить, что современное православное блогерство представляет собой сложный, многоуровневый феномен, в рамках которого каждый священнослужитель выстраивает собственную траекторию миссионерского присутствия в цифровом пространстве, определяя формы, риторику и тип коммуникации с аудиторией в зависимости от используемой платформы, целей пастырской деятельности и характера взаимодействия с подписчиками, несмотря на то, что основная миссия остается неизменной – свидетельствовать о Христе и нести Евангельское слово миру, – медиасреда диктует необходимость адаптации церковного послания к особенностям цифровой культуры, где важны диалогичность, персонализация и визуализация духовного опыта.

Telegram-канал «Священник Альвиан» [12], насчитывающий более двадцати тысяч подписчиков, служит примером успешной реализации модели персонализированной медиамиссии, при которой духовенство не только транслирует традиционные проповеди, но и формирует живое пространство общения с верующими и ищущими. Структура контента на канале отца Альвиана Тхелидзе сочетает элементы сторителлинга, включающие рассказы о приходской жизни, паломничествах и путешествиях, с актуальной общественной и политической тематикой, затрагивающей вопросы семейных ценностей, демографии, многодетности и поддержки участников СВО. Особенностью коммуникации является сочетание эмоциональной теплоты и пастырской серьезности, создающее эффект присутствия духовного наставника, который разделяет с подписчиками не только богословские размышления, но и личные переживания. Таким образом, медиaproстранство Telegram превращается в разновидность «цифрового прихода», где формируется атмосфера доверия и сопричастности: важным элементом взаимодействия является интерактивная практика «виртуальных записочек» — возможности присылать имена для поминовения онлайн, что символически объединяет традиционные формы молитвенного участия с инструментами цифровой коммуникации. **Иерей** Альвиан активно использует социально-миссионерскую повестку,

организуя сборы помощи бойцам СВО, священникам на фронте и нуждающимся семьям, превращая свой канал в медиаплощадку, где религиозный дискурс переплетается с гражданской ответственностью, а вера обретает конкретное социальное измерение.

Канал на платформе «ВКонтакте» **протоиерея** Геннадия Шкиля [13] представляет собой иной тип медиапрактики, в которой миссионерская деятельность приобретает форму публичного религиозно-политического свидетельства. **Протоиерей** Геннадий, клирик, ранее служивший в Херсонской епархии, после событий 2022 года продолжает свое служение в России, используя YouTube как инструмент диалога с верующими и одновременно как пространство для высказывания гражданской позиции. В отличие от нарративного формата Telegram-канала отца Альвиана, контент отца Геннадия носит преимущественно аналитический и публицистический характер, включающий видеопроповеди, тематические рассуждения о современном положении Церкви, о гонениях на православных верующих церкви Московского патриархата на современной Украине, о проблемах духовного выбора, а также комментарии по поводу острых социальных и политических событий, особое внимание уделяется вопросам воинского долга, духовной поддержки участников СВО и роли священника в условиях общественной турбулентности, при этом автор стремится сохранять баланс между церковным послушанием и личной искренностью, выступая в роли медиатора между религиозной традицией и политической действительностью. Язык коммуникации отличается энергичностью, выразительностью и ясной аргументацией, что делает его понятным широкой аудитории и способствует формированию доверительного, хотя и порой полемического, диалога, данный канал представляет собой пример интеграции миссионерства и общественного служения, в котором религиозный контент становится формой гражданской ответственности и духовной мобилизации.

Дзен-канал «Николай Бабкин | священник, клинический психолог» [14] демонстрирует синтез пастырской и психотерапевтической функций, что соответствует тенденции психологизации религиозной коммуникации в современном медиапространстве. Автор, совмещающий опыт священнического служения и профессиональной психологической практики, выстраивает контент вокруг тем внутреннего состояния человека, духовного исцеления, молитвы, борьбы со страхами и поиска смысла жизни. Особенностью данного канала является мягкий, ироничный, а подчас юмористический тон повествования, позволяющий разрушать барьеры между церковной и светской аудиторией. Таким образом, через доступный язык, примеры из повседневности и элементы юмора священник создает атмосферу доверительного диалога, в которой вера предстает не как догматическая система, а как путь личностного роста и духовной зрелости. Коммуникативная стратегия отца Николая ориентирована на индивидуальную работу с сознанием читателя, при этом сочетание пастырской заботы и психологической эмпатии позволяет воспринимать его публикации как своеобразные «цифровые исповеди» современного человека, ищущего утешения и понимания.

Иная медиамодель реализуется на платформе «Дзен» священником Игорем Сильченковым [15], где доминирует форма духовно-познавательного и музыкально-просветительского контента: канал объединяет проповеди, ответы на вопросы о вере, рассказы автора, а также песни творческой студии «Фавор», руководимой самим священником. Особое внимание уделяется таким темам, как смысл богослужений, почитание святых, значение молитвы и т.д. Таким образом, структура канала строится по принципу тематического многообразия, где элементы художественного и духовного опыта сливаются в едином миссионерском пространстве. Отдельные публикации носят характер душевных размышлений, стремящихся вызвать у читателя отклик и сопереживание, что создает эффект личного общения и диалога, автор активно использует жанр духовного рассказа, соединяющего элементы повествовательности, проповеди и эссеистики, тем самым формируя мягкую, созерцательную модель цифрового пастырства, обращенную к внутреннему миру человека, а не к общественной полемике. Важной чертой канала

является обращение к теме паломничества, что позволяет сочетать миссионерство с культурно-просветительской деятельностью и формированием позитивного образа церковной жизни.

Анализируя специфику представленных каналов, можно выделить несколько общих закономерностей: во-первых, каждый из священников формирует уникальный путь к аудитории, определяя границы допустимого сочетания духовного и светского содержания; во-вторых, различие платформ задает разнообразие форм коммуникации – от видеопрогов и живых трансляций до текстовых размышлений и интерактивных рубрик; в-третьих, во всех случаях миссионерская активность священнослужителей направлена на формирование пространства диалога, где Церковь предстает не как абстрактная институция, а как живая община, присутствующая среди людей. Таким образом, православные блогеры создают новые каналы евангельского общения, в которых слово священника становится не монологом, а формой живого разговора о вере, смысле и современности.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика миссионерской деятельности православных блогеров-священников в цифровом пространстве

Священник / медиаканал	Основное содержание	Цели миссионерской деятельности	Особенности коммуникации и подачи материала	Социально-культурная направленность
Иерей Альвиан Тхелидзе («Священник Альвиан») Telegram	Путешествия, паломничества, пастырская практика, молодежная работа, обсуждение общественно-политических тем, сборы для бойцов СВО	Формирование доверительного диалога между Церковью и современным обществом; вовлечение молодежи в религиозную жизнь; развитие сетевой приходской общины	Использование сторителлинга, неформального общения, интерактивных практик («виртуальные записочки»); эмоционально окрашенный пастырский тон; персонализированная медиамиссия	Акцент на социальной солидарности, семейных ценностях, поддержке участников СВО; интеграция религиозного дискурса в общественную повестку
Протоиерей Геннадий Шкиль (ВКонтакте)	Видеопроповеди, аналитика, общественно-политические комментарии, обсуждение темы СВО, духовное наставничество	Публичное свидетельство веры; разъяснение роли Церкви в условиях общественных изменений; укрепление моральной устойчивости общества	Диалогическая, публицистическая форма речи; использование визуального и эмоционального воздействия; сочетание церковного дискурса с гражданской позицией	Ориентация на аудиторию, вовлеченную в политическую и общественную жизнь; укрепление образа священника как гражданского лидера и духовного собеседника
Иерей Николай Бабкин (Дзен-канал «Священник, клинический психолог»)	Психология, духовная жизнь, молитва, библейские темы, вопросы внутреннего состояния человека	Психологизация пастырского служения; помощь в осмыслении веры через категории личного опыта и самопознания	Использование мягкого, доверительного и юмористического стиля; адаптация богословских смыслов к языку повседневной коммуникации; акцент на индивидуальном переживании веры	Ориентация на светскую и молодежную аудиторию; разрушение барьеров между религиозным и психологическим дискурсом; популяризация духовных ценностей в гуманистическом контексте
Иерей Игорь Сильченков (Дзен-канал)	Проповеди, духовные рассказы, ответы на вопросы, песни студии «Фавор», публикации о православном центре в Крыму	Просвещение и катехизация через культурные формы; развитие диалога с читателями; эстетизация религиозного опыта	Сочетание духовных размышлений с художественными элементами; музыкально-просветительская подача; создание душевного, созерцательного пространства общения	Формирование позитивного образа православной культуры; популяризация духовного отдыха и паломничества; интеграция творчества и веры

Проведенное сравнение демонстрирует, что миссионерская деятельность православных блогеров-священников в цифровой среде реализуется в различных формах – от эмоционально-доверительного общения в Telegram до аналитико-публицистического диалога ВКонтакте и культурно-психологического подхода в Дзене. Общей тенденцией является стремление адаптировать традиционные формы церковного служения к языку и форматам современной медиакультуры, сохраняя при этом богословскую целостность и духовную глубину послания, поэтому каждый канал представляет собой уникальный путь к аудитории, где медиатехнологии становятся инструментом пастырского присутствия, а интернет – пространством живого церковного диалога.

Репрезентация сакральных тем в медиaprостранстве православными блогерами-священниками представляет собой сложный и многоплановый процесс, в котором духовное содержание неизбежно преломляется через формы, коды и риторику цифровой коммуникации, однако при этом сохраняет свою сакральную направленность и миссионерскую цель — свидетельство о Боге в условиях информационного общества. Современные пастыри, осваивающие пространство Интернета, стремятся сделать религиозное слово узнаваемым и доступным, не снижая его богословской глубины, а, напротив, адаптируя традиционный язык церковного учения к медиареалиям, где преобладают визуальные, нарративные и интерактивные формы передачи смысла.

В медиaprактиках православных блогеров сакральное содержание представляется не как отвлеченная богословская абстракция, а как живая и конкретная реальность, проявляющаяся в повседневных сюжетах, жизненных историях, личных свидетельствах и актуальных общественных событиях, что позволяет трансформировать традиционную проповедь в форму «цифрового катехизиса». Так, **иерей** Альвиан Тхелидзе, используя формат коротких рассказов и визуальных репортажей, делает темой своего контента паломничества, молитвенную жизнь, пастырские наблюдения и чудеса Божьей помощи, тем самым стремясь показать действие благодати не в абстрактных символах, а в конкретных человеческих судьбах; прото**иерей** Геннадий Шкиль, напротив, выстраивает богословскую аргументацию через актуальные общественно-политические дискуссии, соединяя религиозное осмысление происходящего с попыткой обозначить духовные ориентиры для современного человека, живущего в ситуации моральной неопределенности и социальной напряженности; в Дзен-каналах священников Николая Бабкина и Игоря Сильченко сакральная тема приобретает более личностный и интроспективный характер: **иерей** Николай стремится соединить богословие с психологией, раскрывая внутренние состояния человека как поле действия благодати, а **иерей** Игорь обращается к читателю через художественное слово, музыку и рассказ, вводя сакральное измерение в пространство культурного опыта. Таким образом, медиастратегии священников различаются по стилю и типу коммуникации, однако их объединяет стремление к персонализации религиозного послания – к тому, чтобы человек, встречая слово пастыря в ленте новостей, воспринимал его не как внешнее назидание, а как личное обращение, адресованное его душе.

Рассматривая медиастратегии православных блогеров в целом, можно выделить три ключевых направления: во-первых, **нарративно-повествовательное**, где сакральное раскрывается через повседневные истории, символы и человеческие переживания; во-вторых, **аналитико-публицистическое**, направленное на интерпретацию текущих событий с богословских позиций и на формирование религиозно-этической оценки происходящего; в-третьих, **интерактивно-диалогическое**, предполагающее непосредственное участие аудитории – через комментарии, вопросы, онлайн-молитвы и пожертвования, которые не просто обеспечивают обратную связь, но создают эффект присутствия и соучастия в религиозной жизни. Такая стратегия формирует феномен «цифровой литургии общения», при котором духовное слово продолжает звучать в новой коммуникативной среде, не утратив при этом своей сакральности.

От аудитории священники ожидают не просто пассивного восприятия контента, а активного включения в процесс диалога, внутреннего отклика, свидетельства веры и соучастия в

добрых делах, что выражается в комментариях, молитвенных просьбах, волонтерской активности и пожертвованиях, в этом смысле медиапространство становится площадкой для формирования своеобразных сетевых общин, где сакральное присутствует в форме постоянного, пусть и опосредованного, общения между пастырем и паствой.

Следует подчеркнуть, что подобная практика не является традиционной для Русской Православной Церкви в историческом смысле, поскольку в течение многих веков миссионерская деятельность осуществлялась преимущественно в формате личного общения, проповеди и приходской жизни. Однако, как отмечал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем выступлении 16 октября 2025 года на встрече с участниками XI Международного фестиваля православных СМИ «Вера и Слово», цифровое присутствие духовенства – это не проявление новаторства ради популярности, а естественное продолжение миссионерской традиции Церкви в новых условиях: «Как мы можем ответить на эти вызовы информационного общества? Прежде всего, необходимо избавиться от ложных страхов присутствовать в медиапространстве, сознавая при этом и трезво оценивая его особенности и опасности. Мы призваны к миссионерскому труду, в том числе в этом пространстве, в условиях, когда действительно возникает множество трудностей для аутентичного, то есть подлинного свидетельства о спасении. Но, с другой стороны, у нас нет выбора. Мы не можем не свидетельствовать, потому что в слове Божиим сказано: "Горе мне, если я не благовествую" (1 Кор. 9:16)» [16].

Таким образом, медиаприсутствие священников следует рассматривать не как отход от традиции, а как ее расширение в рамках современных форм коммуникации, где миссионерское слово обретает новые способы воплощения, при этом Патриарх Кирилл особо отметил необходимость трезвого и ответственного отношения к медиаслужению, предостерегая пастырей от соблазна превращения миссии в средство самопродвижения: «Аудитория, внимающая словам священника, – это, простите за выражение, не рынок, на котором можно повыгоднее себя "продать". <...> Миссионерское служение требует больших временных, творческих и материальных ресурсов – это аксиома. Но хотел бы предостеречь пастырей от превращения в интернет-коммерсантов, забывших об ответственности за каждого подписчика» [16].

Таким образом, православные блогеры-священники, действующие в медиапространстве, стремятся реализовать миссию Церкви через инструменты цифровой культуры, оставаясь верными ее богословской и этической традиции. Их деятельность формирует новые формы свидетельства о Боге, где сакральное присутствует в цифровом слове, визуальном образе и живом взаимодействии, а Интернет становится не столько площадкой самопрезентации, сколько пространством духовного диалога, в котором Церковь ищет путь к сердцу современного человека.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что феномен православного блогерства отражает глубокие изменения в структуре церковного служения и свидетельствует о вхождении Русской Православной Церкви в новое медийное измерение, где традиционные формы пастырства приобретают цифровую природу. Анализ медиаконтента православных священников показывает, что Интернет становится не просто инструментом коммуникации, но пространством духовного присутствия, где миссия, проповедь и молитва получают сетевое воплощение.

Основные особенности пастырского служения в эпоху цифровой медиации заключаются в персонализации миссионерского послания, в переходе от монологической проповеди к интерактивному диалогу, в сочетании богословского дискурса с элементами повседневности, а также в создании цифровых общин, объединяющих верующих вокруг духовных ценностей. Священники-блогеры, сохраняя верность церковной традиции, адаптируют язык и формы общения к структуре медиасреды, делая христианское свидетельство доступным для широкой аудитории.

Библиографический список

1. Вартанов С.А. Медиакоммуникационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48. № 6. С. 3-36.
2. Богатова О.А., Голованов С.В. Деятельность православных блогеров как фактор модернизации православных религиозных организаций // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 91-102.
3. Островская Е.А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2 (168). С. 454-476.
4. Семенова Д.М. Активность Русской православной церкви в электронном пространстве (на примере сети Интернет) // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 5 (25). С. 39-45.
5. Островская Е.А. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1(17). С. 44-59.
6. Пивоварчик И.В. Новые религиозные практики: православные батюшки-блогеры // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сборник научных статей. Часть 2. Гродно: ГГУ имени Янки Купалы, 2022. С. 38-45.
7. Петрейкин А.В. Сетевой мир как вызов для современного пастыря // Труды Коломенской духовной семинарии. 2023. № 4(23). С. 82-95.
8. Удовенко Я.К. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви среди молодежи в сети интернет // Поминайте наставников ваших (Евр. 13:7): материалы XIX Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». Липецк, 2023. С. 114-117.
9. Лукина Н.А. Специфика отражения темы блогерства священников в лонгридах российских и зарубежных интернет-СМИ: сборник статей XL Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 130-133.
10. Осина Т.И. Роль миссионерских блогов в современной медиасреде // Медиа-2024: теория и практика: материалы IV международной научно-практической конференции. Москва: МПГУ, 2024. С. 198-202.
11. Недыхалов Л.А. Православный интернет как инструмент транслирования религиозной проблематики и ценностей // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КГУ, 2024. С. 80-84.
12. Священник Альвиан [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/alwian> (дата обращения: 22.10.2025).
13. Священник Геннадий Шкиль [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/gennadyshkil> (дата обращения: 22.10.2025).
14. Священник Николай Бабкин [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/nickolaybabkin> (дата обращения: 22.10.2025).
15. Священник Игорь Сильченков [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/otetsigor> (дата обращения: 22.10.2025).
16. Святейший Патриарх Кирилл встретился с участниками XI Международного фестиваля православных СМИ «Вера и Слово» [Электронный ресурс] // Православная Бурятия. URL: <https://pravoslavnaya-buryatiya.ru/2025/10/17/svyatejshij-patriarh-kirill-vstretilsya-s-uchastnikami-xi-mezhdunarodnogo-festivalya-pravoslavnyh-smi-vera-i-slovo/> (дата обращения: 22.10.2025).

References

1. Vartanov S.A. The media communications industry: towards a theoretical justification of the category // *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*. 2023. Vol. 48. Iss. 6. P. 3–36.
2. Bogatova O.A., Golovanov S.V. The activity of Orthodox bloggers as a factor in the modernization of Orthodox religious organizations // *Science. Culture. Society*. 2023. Vol. 29. Iss. 2. P. 91-102.
3. Ostrovskaya E.A. Alternative media discourse about the Russian Orthodox Church: Orthodox Telegram channels // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. Iss. 2 (168). P. 454-476.
4. Semenova D.M. The activity of the Russian Orthodox Church in the electronic space (on the example of the Internet) // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2013. Iss. 5 (25). P. 39-45.
5. Ostrovskaya E.A. Mission accomplished: Orthodox priest-bloggers // *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2021. Vol. 5. Iss. 1(17). P. 44–59.
6. Pivovarchik I.V. New religious practices: Orthodox priest-bloggers // *The Slavic World and National Speech Culture in Modern Communication: Collection of Scientific Articles. Part 2*. Grodno: Yanka Kupala State University, 2022. P. 38-45.
7. Petreikin A.V. The network world as a challenge for the modern pastor // *Proceedings of the Kolomna Theological Seminary*. 2023. Iss. 4(23). P. 82-95.
8. Udovenko Y.K. The concept of missionary activity of the Russian Orthodox Church among young people in the Internet // *Remember Your Teachers (Heb. 13:7): Materials of the XIX International Forum “Zadonsk St. Tikhon Educational Readings”*. Lipetsk, 2023. P. 114-117.
9. Lukina N.A. The specifics of reflecting the topic of priest-blogging in longreads of Russian and foreign online media // *Collection of Articles of the XL International Research Competition*. Penza: Science and Education, 2021. P. 130-133.
10. Osina T.I. The role of missionary blogs in the modern media environment // *Media-2024: Theory and Practice: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Moscow: MSPU, 2024. P. 198-202.
11. Nedykhalov L.A. Orthodox Internet as a tool for broadcasting religious issues and values // *Journalism, Multimedia: Information and Socio-Cultural Potential: Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Kuban State University, 2024. P. 80-84.
12. Priest Alvian [Electronic resource]. URL: <https://t.me/alwian> (date of application: 22.10.2025).
13. Priest Gennady Shkil [Electronic resource]. URL: <https://vk.com/gennadyshkil> (date of application: 22.10.2025).
14. Priest Nikolay Babkin [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/nickolaybabkin> (date of application: 22.10.2025).
15. Priest Igor Silchenkov [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/otetsigor> (date of application: 22.10.2025).
16. His Holiness Patriarch Kirill met with participants of the XI International Festival of Orthodox Media “Faith and Word” [Electronic resource] // *Orthodox Buryatia*. URL: <https://pravoslavnaya-buryatiya.ru/2025/10/17/svyatejshij-patriarh-kirill-vstretilsya-s-uchastnikami-xi-mezhdunarodnogo-festivalya-pravoslavnyh-smi-vera-i-slovo/> (date of application: 22.10.2025).

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.019

Воронежский государственный технический университет
студент 4 курса направления «Журналистика»
Деревцова И.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-447-19-89
e-mail: ira-derevtsova@mail.ru

Voronezh State Technical University
4th year student of the direction
«Journalism»
Derevtsova I.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-447-19-89
e-mail: ira-derevtsova@mail.ru

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru

И.А. Деревцова, Ю.С. Попова

ЭТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Актуальность данной статьи обусловлена трансформацией медиасреды в условиях цифровизации и глобализации, когда журналистика сталкивается с новыми этическими вызовами. Современные технологии меняют способы получения, обработки и распространения информации, что влечёт за собой возникновение новых дилемм и проблем в профессиональной деятельности журналиста. В статье рассматриваются ключевые аспекты, связанные с влиянием социальных медиа и феномена «гражданской журналистики», а также ростом объёма фейковой информации, которая подрывает доверие к традиционным СМИ. Отдельное внимание уделяется проблемам сенсационализма и коммерциализации медиа, когда стремление к кликам и просмотрам зачастую превалирует над принципами объективности и достоверности. В данной работе анализируются наиболее острые этические дилеммы: освещение вооружённых конфликтов и кризисных ситуаций, использование и защита персональных данных, а также роль алгоритмов искусственного интеллекта, влияющих на формирование медиаповестки и общественного мнения. Подчёркивается необходимость поиска баланса между свободой слова и ответственностью журналиста перед обществом. Важным направлением обозначается разработка обновлённых этических кодексов, адаптированных к цифровой эпохе, а также повышение уровня медийной грамотности аудитории. Жанр исследовательских публикаций о современной этике в медиа имеет особую значимость, так как позволяет не только фиксировать проблемы, но и способствовать выработке решений, которые отвечают интересам современного общества, так как данный этап развития общества требует критического осмысления новых форм журналистской практики и поиска оптимальных механизмов регулирования профессиональной деятельности, в условиях быстро меняющегося информационного пространства.

Ключевые слова: этические нормы, социальные медиа, фейк, этические дилеммы, медиаиндустрия, кликбейт-журналистика, сенсационализм.

I.A. Derevtsova, Y.S. Popova

ETHICAL STANDARDS IN MODERN JOURNALISM

The relevance of this article is due to the transformation of the media environment in the context of digitalization and globalization, where journalism faces new ethical challenges. Modern technologies are changing the way information is obtained, processed, and disseminated, leading to new dilemmas and issues in the professional activities of journalists.

The article explores key aspects related to the impact of social media and the phenomenon of "citizen journalism," as well as the growing volume of fake information that undermines trust in traditional media. Special attention is paid to the problems of sensationalism and media commercialization, when the desire for clicks and views often takes precedence over the principles of objectivity and reliability. This work analyzes the most pressing ethical dilemmas: the coverage of armed conflicts and crisis situations, the use and protection of personal data, and the role of artificial intelligence algorithms in shaping the media agenda and public opinion. It emphasizes the need to find a balance between freedom of speech and the journalist's responsibility to society. The development of updated ethical codes that are adapted to the digital era and the improvement of media literacy among the audience are identified as important areas of focus. The genre of research publications on modern ethics in the media is particularly important, as it allows not only to identify problems, but also to contribute to the development of solutions that meet the interests of a democratic society. Modern challenges require a critical analysis of new forms of journalistic practice and the search for optimal mechanisms for regulating professional activities in a rapidly changing information environment.

Keywords: ethical norms, social media, fake, ethical dilemmas, media industry, clickbait journalism, sensationalism.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации информационного пространства современная журналистика сталкивается с новыми вызовами, напрямую затрагивающими вопросы профессиональной этики. Если ранее ключевыми принципами журналистской деятельности считались объективность, достоверность и ответственность перед обществом, то сегодня эти категории приобретают новые значения. Появление социальных сетей, введение феномена «гражданской журналистики» [1], искусственного интеллекта создают сложную и противоречивую среду. В ней профессиональные журналисты вынуждены балансировать между требованиями оперативности, коммерческими интересами медиаиндустрии и необходимостью соблюдать этические стандарты. Кроме того, фейки, манипуляции общественным мнением и, так называемая, «постправда» [2] становятся неотъемлемыми элементами информационного ландшафта. Всё это порождает необходимость переосмысления роли журналиста и поиска новых механизмов регулирования профессиональной этики.

Этические нормы в журналистике формировались на протяжении XX века. Возникновение массовой прессы в конце XIX – начале XX веков породило задачу: как совместить свободу слова и ответственность перед обществом? Уже в это время начали появляться первые попытки систематизации норм журналистской практики.

В международной практике существует множество примеров этих систематизаций. Так, в одной из ранних версий журналистской этики начала XX века американский журналист Джеймс Броун предложил «Кодекс этики и норм журналистской практики» на одной из конференций в Гонолулу [3; с.16].

В Европе же с течением времени развивались институты саморегулирования СМИ – советы прессы, комиссионные органы жалоб, где читатели могли обращаться с коллективными претензиями к журналистам или изданиям.

В российской журналистике путь к этическим нормам был сложным. В поздней Российской империи и в советское время журналистика была сильно ограничена цензурой и партийным контролем, что трансформировало этику в инструмент идеологического воздействия [4]. В перестроечный и постсоветский период начались реальные попытки восстановления профессиональной автономии: в 1991 году был принят один из первых «Кодексов профессиональной этики журналиста», а уже в 1994 году на Конгрессе журналистов России был утверждён «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» – основной нормативный документ, действующий в отечественной журналистике. В этом кодексе закреплены такие базовые принципы, как стремление к правде, недопустимость искажений фактов, уважение к источнику и защита журналистской тайны. Он также подчёркивает, что журналист, выполняя профессиональный долг, «признаёт юрисдикцию только своих коллег», отвергая давление со стороны государственных или иных структур [5].

Этические нормы – это система правил и принципов, которые регулируют поведение людей с точки зрения добра, справедливости, честности и ответственности. Их задача – помочь

человеку или профессиональному сообществу принимать решения, соответствующие моральным ценностям и общественным ожиданиям. В контексте журналистики этические нормы определяют, как следует собирать, проверять и распространять информацию, чтобы не нарушать права, интересы людей и общества.

Основные виды этических норм можно классифицировать следующим образом:

1. Общечеловеческие (универсальные) базируются на общепринятых ценностях: уважение к человеческой жизни, достоинству, право на правду и справедливость. Например, честность, уважение к частной жизни, гуманизм.

2. Профессиональные этические нормы разрабатываются для конкретных сфер деятельности. В журналистике – это обязанность проверять факты; избегать искажения информации; отделять новости от комментариев.

3. Социальные нормы регулируют отношения между индивидом и обществом. Для журналиста – это ответственность перед аудиторией и обществом за последствия публикаций.

4. Корпоративные или внутренние этические нормы принимаются внутри редакций или медиаорганизаций. Например, правила работы с источниками, политика конфиденциальности.

5. Личные этические нормы формируются у человека на основе его воспитания, убеждений и личных моральных ориентиров. Иногда именно личные ценности определяют поведение журналиста в ситуациях, не урегулированных кодексами.

Однако в последние десятилетия глобальная цифровизация, стремительное развитие интернета и социальных сетей существенно трансформировали информационную среду. Это вызвало не только новые возможности для журналистов, но и привнесло целый ряд этических вызовов, связанных с изменением характера коммуникации, скорости распространения информации и доступности аудитории. В этой связи целесообразно проанализировать влияние цифровых технологий и социальных медиа на журналистскую этику, выявив ключевые проблемы и тенденции, определяющие современную медиапрактику. Если в традиционных медиа существовали четко установленные профессиональные стандарты и редакционные фильтры, то цифровая среда во многом их размывает, создавая новые вызовы для соблюдения этических принципов.

Одним из ключевых аспектов развития современных СМИ является ускорение информационного цикла. Платформы социальных сетей стимулируют журналистов к оперативному реагированию на события, зачастую в ущерб тщательной проверке фактов. 28 июня 2012 года Верховный суд США выносил решение по делу о реформе здравоохранения. Fox News сообщили в прямом эфире, что суд признал ключевой пункт реформы неконституционным. Это было сказано буквально через несколько минут после оглашения решения – журналисты торопились «первым» сообщить новость. Однако спустя несколько минут стало ясно, что это интерпретация текста решения была ошибочной: суд как раз подтвердил конституционность реформы, и официальные документы говорили обратное. В итоге обе редакции были вынуждены оперативно выпустить опровержения и признали ошибку [6].

Не менее значимой проблемой является распространение фейковой информации. Журналисты оказываются перед этической дилеммой: как обеспечить баланс между скоростью публикации и ответственностью за достоверность? Например, в 2020 году на YouTube существовал канал «Держава Channel», посвященный фейкам. Тогда на этом канале было 350 подписчиков, но авторы успели сделать 1,2 тысячи роликов, просмотрели их свыше 43 миллионов. Вот один из них: актер Александр Дьяченко «умер» от передозировки медицинских препаратов; 213 тысяч просмотров. Позже сам мужчина дал ответ «Я видел эти ролики. Хорошо, у меня была возможность предупредить маму. Если бы ей попала на глаза информация о моей смерти до предупреждения, боюсь представить, какие могли быть последствия, — ведь ей 79 лет. У меня вообще много близких, которые могли бы получить очень серьезный удар из-за данного видео» [7].

Кроме того, цифровая эпоха поставила вопрос о границах частной жизни и профессиональной этики. Благодаря открытости социальных платформ журналисты получили доступ к огромным массивам персональной информации. Однако использование этих данных требует строгого соблюдения принципов конфиденциальности и уважения к правам личности, что далеко не всегда реализуется на практике. Например, проанализировав сайт газеты ТАСС, мы нашли публикацию о том, что актёр Сергей Безруков подал иск на издание «Экспресс газета» [8] за публикацию статьи, в которой была использована его фотография, несмотря на то, что он своего согласия на это не давал. Он требовал защитить своё право на неприкосновенность частной жизни, право на охрану изображения, а также взыскать компенсацию морального вреда.

Социальные медиа фактически превратили каждого пользователя в потенциального создателя контента. Это привело к явлению «гражданской журналистики», когда информация распространяется, минуя профессиональные редакции. С одной стороны, это способствует плюрализации источников и демократизации медиапространства, с другой – размывает границы профессиональной ответственности и создает риск доминирования субъективных, а порой и манипулятивных нарративов. Если обратиться к информации с газеты Lenta.ru, то можем заметить их новость о похищении блогера Арега Щепихина на Ярославском вокзале в Москве [9]. Ситуацию сняли очевидцы на видео, публикация этих кадров спровоцировало внимание МВД.

Отдельного внимания заслуживает вопрос алгоритмической модерации контента и этики искусственного интеллекта. Сегодня значительная часть информационных потоков формируется алгоритмами, определяющими, какие материалы получают наибольшую видимость. Это ставит под сомнение традиционные механизмы редакционной ответственности и порождает новые этические вызовы, связанные с прозрачностью и справедливостью таких систем. Решение этих проблем требует выработки адаптированных этических кодексов, повышения медийной грамотности как журналистов, так и аудитории, а также критического осмысления роли технологий в формировании публичной повестки.

Не менее важна коммерциализация и сенсационализм в журналистике. Стремление СМИ получить прибыль – через рекламу, рейтинги, спонсирование, является неотъемлемой частью. У «РБК» есть раздел «Спецпроекты», где выходят материалы в партнёрстве с крупными компаниями (Сбер, Газпром нефть, Яндекс и др.). По формату это аналитическая статья о трендах в бизнесе. Например: спецпроект «Будущее вместе со Сбером: цифровизация в регионах» [10]. Там обсуждается развитие ИТ-сервисов, но подаётся исключительно с позиции компании-партнёра.

Сенсационализм – это стиль подачи новостей, при котором акцент ставится на эффектные, шокирующие, драматические элементы, иногда даже превалирующие над глубиной, контекстом или объективностью. Под давлением конкуренции и стремлением увеличить аудиторию, СМИ могут преувеличивать факты, использовать гиперболу, выбирать «горячие» темы, игнорируя сложные нюансы. В результате сенсационализма может пострадать достоверность и доверие аудитории: если читатель/зритель замечает, что новости часто приукрашены или частично искажены, он может начать сомневаться в честности журналистов. Исследование «Sensationalism in Media Ethics: A discussion on the ethical considerations around sensationalism in media» [11] показывает, что большинство опрошенных респондентов считает сенсацию негативной для общественного мнения – она усиливает страх, недоверие и может создавать искажённое восприятие реальности. В связи с этой проблемой следует отличать понятия мисинформация и дезинформация. Первое определение связано с распространением правдивой или достоверной информации в неправильном контексте или с неправильной интерпретацией с целью ввести в заблуждение или обмануть получателей [12]. Дезинформация же понимается как ложная информация, распространяемая намеренно, с целью навредить, манипулировать мнением, изменить восприятие ситуации [13].

В условиях войны, гражданских конфликтов, природных катастроф и т.п. журналисты сталкиваются с проблемами давления с разных сторон. Увеличивает сложности, связанные с проверкой информации и ряд других факторов. Например, в зонах боевых действий часто затрудняется проверка информации по объективным причинам, к некоторым данным доступ бывает ограничен.

Особое внимание следует уделить проблеме травмирующего контента: кадры насилия, смерти, страдания – их публикация может быть этически оправдана, но может нанести вред зрителям, героям рассказа, уязвимым группам. Журналисты должны понимать, что публикация определённого материала может сделать хуже – например, раскрыть местоположение жертв или источников, спровоцировать дальнейшее насилие или репрессии. Данную ситуацию регламентируют рамки кодексов, в которых содержится принцип «не навреди», а так же ответственности, независимости [14]. Исследование «Professionalism and Myths in Covering Conflict» показывает, что журналисты и читатели часто имеют разные представления о том, как нужно действовать в трудной этической ситуации. Например, в каких случаях оправдано публиковать информацию, которая может быть использована как пропаганда или подвергнуть людей угрозе [15].

Современная журналистика переживает период глубоких трансформаций, вызванных стремительным развитием цифровых технологий и изменением характера информационного обмена. Анализ показал, что традиционные этические нормы, сформированные в условиях печатных и телевизионных медиа, сегодня подвергаются серьёзным изменениям. Социальные сети, алгоритмические системы, «гражданская журналистика» и коммерциализация медиа создают новые вызовы, ставя журналистов перед необходимостью искать баланс между оперативностью, достоверностью и ответственностью перед обществом. Особое внимание должно быть уделено разработке современных этических стандартов, учитывающих цифровую специфику, а также повышению профессиональной и медийной грамотности как журналистов, так и аудитории. Только комплексный подход – сочетание профессиональных кодексов, саморегуляции медиаиндустрии и критической рефлексии позволит сохранить доверие к журналистике и её ключевую роль в обществе [16].

Библиографический список

1. О современном состоянии научных исследований по проблемам гражданской журналистики в социальных медиа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-nauchnyh-issledovaniy-po-problemam-grazhdanskoy-zhurnalistiki-v-sotsialnyh-media> (Дата обращения – 01.10.2025)
2. «Постправда» и «фейк-ньюз» в современном коммуникационном пространстве. URL: <https://www.repnoe.net/media/news/experts/fejkovyie-novosti-i-postpravda> (Дата обращения – 01.10.2025)
3. Щербакова, Г.И. Профессиональная этика журналиста/ Г.И. Щербакова. Тольятти: Издательство ТГУ, 2024. 137 с.
4. О законе «О средствах массовой информации» и кодексах профессиональной этики журналиста в практике российских СМИ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-sredstvakh-massovoy-informatsii-i-kodeksy-professionalnoy-etiki-zhurnalista-v-praktike-rossiyskih-smi> (Дата обращения – 01.10.2025)
5. Эволюция взглядов об этике, этических критериях и этических нормах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-ob-etike-eticheskikh-kriteriyah-i-eticheskikh-normah> (Дата обращения – 01.10.2025)
6. Ошибка: СМИ спешат сообщить о решении Верховного суда по вопросам здравоохранения URL: <https://www.cbsnews.com/news/getting-it-wrong-media-rushes-to-report-on-supreme-courts-health-care-decision/> (Дата обращения – 01.10.2025)

7. «Хорошо, что успел предупредить маму»: звезды комментируют видео о своей смерти URL:https://www.gazeta.ru/culture/2021/08/10/a_13852316.shtml (Дата обращения – 01.10.2025)
8. Сергей Безруков подал иск на 5 млн рублей к "Экспресс газете" за вторжение в личную жизнь URL:<https://tass.ru/obschestvo/2586644> (Дата обращения – 01.10.2025)
9. Похищение на Ярославском вокзале URL:<https://lenta.ru/articles/2025/06/04/areg-scherpihin/> (Дата обращения – 01.10.2025)
10. Будущее вместе со Сбером: цифровизация в регионах URL:<https://style.rbc.ru/visionaries/690dccec9a794726305729ce> (Дата обращения – 01.10.2025)
11. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL:<https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (Дата обращения – 01.10.2025)
12. The Impact of Media Ethics in Contemporary Journalism. URL:<https://www.pakistanreview.com/index.php/GJPR/article/view/311> (<https://www.pakistanreview.com/index.php/GJPR/article/view/311>) (Дата обращения – 01.10.2025)
13. Публикация НИУ ВШЭ: материалы по теме журналистской этики. URL:<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/2auf5hqwi8/direct/79399323> (Дата обращения – 01.10.2025)
14. Влияние доверия на эффективность дезинформации. URL: <https://sciup.org/vlijanie-doverija-na-jeffektivnost-dezinformacii-149147619> (Дата обращения – 01.10.2025)
15. Определение нормы профессиональной этики журналиста. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-normy-professionalnoj-etiki-zhurnalista> (Дата обращения – 01.10.2025)
16. Журналистская этика: тенденции развития. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskaya-etika-tendentsii-razvitiya> (Дата обращения – 01.10.2025)

Reference

1. On the current state of scientific research on the problems of civic journalism in social media. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-nauchnyh-issledovaniy-po-problemam-grazhdanskoy-zhurnalistiki-v-sotsialnyh-media> (Date of access – 01.10.2025)
2. "Post-truth" and "fake news" in the modern communication space. URL:<https://www.repnoe.net/media/news/experts/feykovye-novosti-i-postpravda> (Date of access – 01.10.2025)
3. Shcherbakova, G.I. Professional Ethics of a Journalist/ G.I. Shcherbakova. – Tolyatti: TSU Publishing House, 2024. 137 p.
4. On the Law on Mass Media and the Codes of Professional Ethics of Journalists in the Practice of Russian Mass Media. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-sredstvah-massovoy-informatsii-i-kodeksy-professionalnoj-etiki-zhurnalista-v-praktike-rossijskih-smi> (Accessed on 01.10.2025)
5. Evolution of Views on Ethics, Ethical Criteria, and Ethical Norms. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-ob-etike-eticheskikh-kriteriyah-i-eticheskikh-normah> (Date of access – 01.10.2025)
6. Mistake: The media is in a hurry to announce the Supreme Court's decision on health issues. URL:<https://www.cbsnews.com/news/getting-it-wrong-media-rushes-to-report-on-supreme-courts-health-care-decision/> (Accessed 01.10.2025)
7. "It's good that I managed to warn my mother": the stars comment on the video about their death URL:https://www.gazeta.ru/culture/2021/08/10/a_13852316.shtml (Date of request – 01.10.2025)
8. Sergey Bezrukov sued Express Gazeta for 5 million rubles for invasion of privacy.:<https://tass.ru/obschestvo/2586644> (Date of request – 01.10.2025)

9. Abduction at Yaroslavsky railway station URL:<https://lenta.ru/articles/2025/06/04/areg-schepihin/> (Accessed 01.10.2025) 10. The future together with the Savings Bank: digitalization in the regions URL:<https://style.rbc.ru/visionaries/690dccec9a794726305729ce> (Date of request – 01.10.2025)

10. The future together with the Savings Bank: digitalization in the regions URL:<https://style.rbc.ru/visionaries/690dccec9a794726305729ce> (Date of application – 01.10.2025)

11. The Code of Professional Ethics of the Russian journalist. URL:<https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (Accessed 01.10.2025)

12. The Impact of Media Ethics in Contemporary Journalism. URL:<https://www.pakistanreview.com/index.php/GJPR/article/view/311> [<https://www.pakistanreview.com/index.php/GJPR/article/view/311>] (Date of request – 01.10.2025)

13. HSE publication: materials on Journalistic Ethics. URL:<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/2auf5hqwi8/direct/79399323> (Accessed 01.10.2025)

14. The impact of trust on the effectiveness of disinformation. URL: <https://sciup.org/vlijanie-doverija-na-jeffektivnost-dezinformacii-149147619> (Date of application – 01.10.2025)

15. Definition of the standard of professional ethics of a journalist. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-normy-professionalnoy-etiki-zhurnalista> (Accessed 01.10.2025)

16. Journalistic ethics: development trends. [URL:https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskaya-etika-tendentsii-razvitiya](https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskaya-etika-tendentsii-razvitiya) (Date of request – 01.10.2025)

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.020

*Елецкий государственный университет им.
И. А. Бунина
Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии и
журналистики
Дякина А.А.
Россия, г. Елец,
e-mail: anjeloprof@mail.ru*

*Bunin Yelets State University
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the department of Russian philology
and journalism
Dyakina A. A.
Russia, Yelets,
e-mail: anjeloprof@mail.ru*

*Елецкий государственный университет им.
И. А. Бунина
Аспирант кафедры русской филологии и
журналистики
Есин И.Р.
Россия, г. Елец,
e-mail: ivanessin20@gmail.com*

*Bunin Yelets State University
Postgraduate student of the department of Russian
philology and journalism
Esin I.R.
Russia, Yelets,
e-mail: ivanessin20@gmail.com*

А.А. Дякина, И.Р. Есин

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (КЕЙС ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена исследованию медиаобразовательного потенциала экономических новостей в СМИ Липецкой области. В современном информационном пространстве, в первую очередь, региональные медиа способствуют формированию экономической культуры населения. Авторы подчеркивают, что экономические новости требуют от аудитории критического восприятия информации и базовых знаний в экономике, что открывает возможности их использования в образовательных целях и формировании устойчивых навыков медиаграмотности, а также критического анализа экономических процессов. Особое внимание уделено рассмотрению структуры экономических медиатекстов, включая фактологический, интерпретационный и прагматический уровни, а также жанровой и языковой специфике материалов. Региональные СМИ Липецкой области применяют стратегии интерпретации, персонализации, институционального фрейминга, что повышает доступность экономической информации и стимулирует критическое осмысление. Экономические публикации освещают промышленность, инвестиции, сельское хозяйство и социально-экономическое развитие региона, демонстрируя взаимосвязь локальных процессов с федеральной экономикой, их влияние на повседневную жизнь граждан и формирование локальных экономических практик. Статья подчеркивает роль медиаобразования в развитии медиаграмотности, критического мышления и экономической компетентности населения. Использование аналитических данных, сравнительных таблиц, инфографики и экспертных комментариев способствует формированию навыков интерпретации статистики, оценки достоверности источников и понимания механизмов региональной экономики. Авторы заключают, что экономические новости региональных СМИ обладают значительным образовательным потенциалом и могут выступать эффективным инструментом формирования критического мышления, экономической культуры и активной гражданской позиции аудитории, а также повышения уровня информационной ответственности и осознанного участия в социально-экономических процессах.

Ключевые слова: медиаобразование, критическое мышление, анализ медиатекста, региональные СМИ.

A. A. Dyakina, I. R. Esin

MEDIA EDUCATIONAL POTENTIAL OF ECONOMIC NEWS IN THE REGIONAL MEDIA SPACE (THE CASE OF THE LIPETSK REGION)

The article is devoted to the study of the media-educational potential of economic news in mass media of the Lipetsk region. In the modern information space, regional media primarily contribute to the formation of the population's economic culture. The authors emphasize that economic news requires the audience to have critical perception skills and basic knowledge of economics, which opens up opportunities for its use in educational purposes and the development of stable media literacy skills, as well as the critical analysis of economic processes. Special attention is paid to the review of the structure of economic media texts, including factual, interpretive, and pragmatic levels, as well as the genre and linguistic features of the materials. Regional media of the Lipetsk region employ strategies of interpretation, personalization, institutional framing, and problematization, which increases the accessibility of economic information and stimulates critical reflection. Economic publications cover industry, investments, agriculture, and the socio-economic development of the region, demonstrating the interconnection of local processes with the federal economy, their impact on citizens' daily lives, and the formation of local economic practices. The article highlights the role of media education in developing media literacy, critical thinking, and economic competence among the population. The use of analytical data, comparative tables, infographics, and expert commentary contributes to the development of skills in interpreting statistics, assessing the reliability of sources, and understanding the mechanisms of the regional economy. The authors conclude that economic news in regional media has significant educational potential and can serve as an effective tool for fostering critical thinking, economic culture, and an active civic stance among the audience, as well as increasing information responsibility and conscious participation in socio-economic processes.

Key words: media education, critical thinking, analysis media texts, regional media.

Современное информационное пространство отражает высокий уровень медиатизации всех сфер общественной жизни, включая экономику. Региональные СМИ становятся не только инструментом трансляции новостей, но и значимым фактором формирования экономической культуры населения, влияя на представления граждан о развитии региона, об экономических процессах и социальной ответственности бизнеса. А.А. Яшина справедливо отмечает, что активно формирующаяся медийная реальность не может не оказывать влияние на людей, в том числе на детей и подростков с еще не до конца сформированным мировоззрением. Поэтому медиаобразование было и остается востребованным направлением научных изысканий [1; с. 209-213]. В условиях постоянно усиливающегося информационного потока именно региональные медиа в большей степени способны выполнять образовательную функцию, содействовать повышению уровня медиаграмотности аудитории.

В контексте важности экономической тематики в новостной повестке, особую значимость приобретает медиаобразовательный потенциал экономических новостей, позволяющий использовать материалы региональных СМИ не только в информационных, но и в образовательных целях — как средство формирования экономического и критического мышления. Проблема медиаобразовательного потенциала экономических новостей активно исследуется в научной среде. О.А. Шульц рассматривает вопросы объективности СМИ при подаче экономических тем, анализирует факторы, влияющие на достоверность и сбалансированность публикаций [2; с. 214-215]. Ю.Л. Войнилов, Д.В. Мальцева, Л.В. Шубина концептуализируют понятие медиаграмотности, выделяют ключевые навыки (поиска, оценки, критики медиа, безопасности, и др.), измеряют их распространённость у разных категорий потребителей информации [3; с. 96-97]. А.Г. Качкаева, С.А. Шомова предлагают теоретическое осмысление медиаграмотности как «комплекса компетенций, включающих способность к критическому восприятию медиатекстов, навигации в информационной среде, идентификации манипуляций и «фейков»» [4; с. 5-6]. Существующие работы преимущественно сосредоточены на образовательных аспектах социально-политического контента, тогда как экономический дискурс рассматривается, как правило, с позиций экономической журналистики, а не медиаобразования. Это определяет научную новизну и актуальность предпринятого исследования.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ медиаобразовательного потенциала экономических новостей региональных СМИ Липецкой области.

Объектом исследования выступают экономические новости региональных СМИ Липецкой области, опубликованные в печатных и электронных изданиях, на интернет-платформах.

Предметом исследования стали медиаобразовательные функции и потенциал данных материалов, проявляющиеся в способах подачи материала, используемых языковых стратегиях, формах визуализации и возможностях формирования критического отношения к экономической информации.

В российской научной традиции понятие «медиаобразование» рассматривается как многоаспектная категория, объединяющая образовательный процесс, практику формирования критического мышления и развитие навыков анализа медиатекстов. Согласно определению, предложенному А.В. Федоровым, «медиаобразование – это процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [5; с. 503].

А.В. Шариков дополнил данное понятие, рассмотрев медиаобразование как часть системы образования общества, процесса формирования у человека культуры медиатизированной социальной коммуникации. По мнению ученого, медиаобразование невозможно свести лишь к обучению работе с медийными материалами; «оно должно включать формирование этической, эстетической и критической культуры восприятия информации» [6; с. 3-4]. Таким образом, медиаобразование выступает средством формирования не только познавательных, но и ценностных установок, что особенно значимо в контексте региональной медиаэкологии, где медиасреда тесно связана с социальными и культурными практиками локального сообщества. По сути, медиаобразование представляет собой непрерывный процесс, обеспечивающий развитие медиаграмотности на протяжении всей жизни человека.

В рамках данного исследования ключевым понятием выступает медиаобразовательный потенциал СМИ, который отечественные исследователи определяют как наличие «необходимых средств и условий реализации целенаправленной деятельности редакционного коллектива по повышению уровня медиакомпетентности своей аудитории, роста ее медиакультуры» [8; с. 37]. Медиаобразовательный потенциал проявляется в способности медиатекста не только информировать, но и побуждать к аналитическому осмыслению содержания, как данного материала, так и остальных, находящихся в том же информационном пространстве, к выявлению мотивов, задач и коммуникативных стратегий автора, а также к сопоставлению реальности, транслируемой в медиа, с социально-экономическим состоянием региона. В условиях эпохи постправды, как подчёркивает В.В. Тулупов, средства массовой информации и медиаобразование приобретают особое значение: «Работа с медиатекстами — их интерпретация, сопоставление источников, выявление оценочных и манипулятивных компонентов — обладает значительным образовательным потенциалом, поскольку способствует развитию критического мышления и рефлексивного отношения к информации» [9]. Образовательный потенциал СМИ проявляется, прежде всего, в возможности использовать медиапродукты как учебный материал, на основе которого формируются навыки верификации полученной информации, анализа источников и понимания механизмов медиавоздействия. Важно сознавать, как отмечает И.В. Жилавская, специфику современной ситуации, в которой медиаобразовательные технологии, «способствуют трансформации роли пользователя СМИ из реального потребителя в потенциального автора, создателя медийного контента, который производят массмедиа. И задача специалистов медиа-отрасли, понимающих смысл и значение медиаобразования в современной жизни, способствовать повышению уровня медиакомпетентности аудитории, с чьим вниманием и информационными потребностями работает данное конкретное СМИ» [10; с. 36].

В то же время, И.В. Астафуров не без оснований утверждает, что одной просветительской деятельностью СМИ недостаточно для достижения высоко уровня медиаобразованности населения. Нельзя не согласиться с его мнением о том, что медиаобразование должно выступать как педагогическая система, позволяющая использовать современные методики и технологии (формирование коммуникативной компетенции, аудиовизуальной и информационной грамотности) на основе мировоззренческих позиций (развитие критического мышления, выработка собственных концепций на базе информационных потоков, передаваемых по различным каналам связи) с помощью постоянного взаимодействия профессиональных средств массовой информации и преподавателей факультетов журналистики с широкой общественностью [11; с. 9-10].

Экономическая информация отличается высокой степенью социальной значимости: она отражает состояние рынка, уровень деловой активности, инвестиционные процессы, занятость и уровень жизни населения. В.А. Мельников отмечает, что «при определении экономического пространства, производимых в нем благ и генерированием сопутствующей экономической информации необходимо описать экономические элементы этого экономического пространства: наименования экономических элементов, кто их производит, в каком количестве, по какой цене за единицу» [12; с. 52]. При этом, большинство исследователей подчеркивает, что экономические вопросы, а, следовательно, и экономическая информация являются «малопонятными для людей ввиду сложности перевода значений объективных экономических индикаторов в субъективные оценки состояния экономики» [13]. А.Д. Казун выдвигает справедливое, на наш взгляд, предположение, что именно потребностью отслеживать риски может объясняться большее внимание СМИ к изменениям экономической ситуации, а не к текущему положению дел, благодаря чему в экономических новостях часто можно встретить отслеживание динамики тех или иных показателей [14; с. 100].

Региональные СМИ выполняют двойную роль: с одной стороны, они являются каналами трансляции экономической информации, а с другой – средствами формирования локальной экономической культуры и медиаграмотности населения. В.В. Тулупов подчёркивает, что «региональная журналистика обладает спецификой, обусловленной многообразием внешних и внутренних факторов, таких как экономико-географическое положение региона, особенности его информационной политики, правовой статус и формы собственности медиа, а также характер аудитории и её информационные запросы» [15; с. 81].

«Исторически медиа всегда обеспечивали связь науки с практикой, реализующейся через деятельность человека в различных сферах материальной и духовной культуры. Как и образование в целом, эта функция связана с обеспечением возможности постижения знаний и опыта, накопленного человечеством в процессе его жизнедеятельности», — отмечает В.В. Кихтан [16; с. 29]. В этом контексте региональные СМИ становятся площадкой для формирования общественного диалога и развития гражданской компетентности.

Кроме того, именно на региональном уровне наиболее отчетливо проявляется медиаобразовательный потенциал новостных сообщений, поскольку аудитория находится в непосредственном контакте с отражаемыми процессами и может соотносить медиасообщения с личным опытом и наблюдениями. Это способствует формированию критического восприятия информации.

Современное состояние медиaprостранства Липецкой области характеризуется достаточно развитой системой региональных информационных каналов, включающей печатные СМИ, телерадиовещание и цифровые платформы. По результатам рейтинга за первое полугодие 2025 года агентства «Медialogия» лидером среди региональных источников стал интернет-ресурс Gorod48.ru, далее следуют телеканал ТРК «Липецкое время», портал LipetskMedia.ru и телекомпания ГТРК «Липецк» [17]. Отдельно стоит отметить официальный сайт правительства Липецкой области как один из основных источников статистической и отчетной информации по основным показателям региона. Такая структура медиасреды

позволяет говорить о комплексном охвате аудитории благодаря разным каналам передачи информации.

В контексте экономических новостей ключевыми тематическими доминантами становятся промышленность, инвестиции, сельское хозяйство и социально-экономическое развитие региона. Так, региональные СМИ регулярно сообщают о результатах производственной активности: например, приводя сравнительный анализ результатов работы пищевой или промышленной сферы, публикуя рейтинги независимых агентств, в которых регион занимает высокие места по результатам экономической деятельности, например в сфере развития устойчивого туризма. Освещение инвестиционных тем также занимает значимое место: публикуются заметки об участии представителей области в различных экономических форумах и выставках; подробно освещаются примеры крупных инвестиций со стороны как отечественных, так и зарубежных компаний; отдельное внимание уделяется работе особой экономической зоны «Липецк». При этом в заголовках типа «Липецкая область и Китай наращивают стратегическое партнерство» подчеркивается, что партнером региона выступает целая страна, а не компания или отдельная провинция. В сфере агропромышленного комплекса СМИ акцентируют внимание на значимости модернизации, импортозамещения и роста экспорта, что отражает агро-индустриальную специфику региона.

Анализ особенностей подачи таких материалов позволяет выявить ряд характерных черт. Во-первых, их языковая специфика: в статьях присутствует сочетание официально-делового стиля, например, цитаты представителей региональной и федеральной власти («Депутат Госдумы Юлия Оглоблина дала высокую оценку агропроектам Липецкой области»), сведения о соглашениях, цифры и показатели («Рынок страхования в Липецкой области вырос на 28%») и адаптированного, популярного изложения, рассчитанного на широкую аудиторию, с использованием жаргонной лексики «Мишустин подкинул денег Липецкой области в 2026 году». Такое сочетание позволяет сделать экономическую тематику более доступной, снижает барьер восприятия неспециалистом. Например, в новостях об инвестициях и промышленности используются формулировки типа «новые поступления в бюджет», «расширение производства», «рабочие места» и т. д. Часто избегается или упрощается избыточная техническая и терминологическая детализация, что снижает риск «информационной перегрузки». Во-вторых, визуальные элементы: региональные СМИ активно используют фотографии производственных площадок, кадровых мероприятий, подписания соглашений, инфографику с динамикой показателей на протяжении отчетного периода (например, диаграмма уровня самообеспеченности области основными видами продовольствия в 2025 г.) – всё это способствует усилению наглядности и вовлеченности аудитории. Во-третьих, жанровые формы: материалы представлены как в виде оперативных новостей (короткие заметки о фактах подписания соглашений, прироста производства), так и аналитических обзоров (в которых рассматривается динамика, причины и последствия), реже интервью (представители власти, бизнеса) или репортажей (заводы, агрокомплексы).

Поскольку темы промышленности, инвестиций и агросектора достаточно часто обновляются, они становятся точками входа для читателя, не имеющего специальной подготовки, в понимание более сложных экономических и социальных процессов. Например, сообщение о лидерских позициях Липецкой области в сфере производства пищевых продуктов содержит пояснения об инвестициях в модернизацию как технологий производства, так и необходимой для этого инфраструктуры. Таким образом, медиаподача способствует формированию целостной картины региональной экономики.

Формирование навыков критического анализа предполагает систематическое разъяснение и демонстрацию на реальных примерах читателю различных механизмов региональной экономики. В региональных новостях Липецкой области всё чаще встречаются материалы, содержащие сопоставление данных из разных источников — Росстата, федеральных служб (например, «ФАС запретила комментировать цены на бензин из-за нарушения закона о

конкуренции» [17]). Журналисты, используя такое обширное количество источников данных, демонстрируют аудитории значимость перекрёстной проверки сведений и понимания возможных расхождений в статистике. Тем самым экономическая новость формирует у аудитории привычку к аналитическому чтению: проверке исходных предпосылок, оценке полноты представленных данных, выявлению возможных интересов субъектов, участвующих в информационном процессе.

Для Липецкой области, где значительная часть новостей связана с промышленным производством, сельскохозяйственным сектором и крупными экспортёрами, журналисты часто поясняют такие понятия, как «программа долгосрочных сбережений», «объём капитальных вложений», «импортозамещающая модель развития», «экспортно-ориентированная модель развития». Ряд публикаций дополняется графиками, таблицами, иными формами инфографики, что способствует визуализации сложных данных и облегчает их понимание. Таким образом, новостные материалы выполняют просветительскую функцию, образовывая аудиторию в области экономических процессов.

Одной из центральных характеристик реализации медиаобразовательного потенциала выступают коммуникативные стратегии, которые применяют местные СМИ при подаче экономической информации. Наиболее распространённой является интерпретационная стратегия, предполагающая подробное разъяснение экономических процессов региона, со ссылкой на экспертное мнение представителей власти или участников рынка, как, например, в материале «Липецкая область вошла в топ-3 регионов ЦФО по привлечению инвестиций» [18], где результаты рейтинга дополнены комментарием губернатора, в котором разъясняется какие реальные эффекты получены от этого достижения. Такая форма подачи способствует структурированию получаемых сведений и формированию у читателя первичных навыков экономического анализа, что позволяет рассматривать журналиста как медиапедагога.

Значимым элементом современной медиапрактики является стратегия персонализации экономической повестки. Так, «Липецкое время» реализуя проект «Время бизнеса», использует прием персонализации, который повышает эмоциональную вовлеченность аудитории и демонстрирует практическое влияние экономических решений на повседневную жизнь. С точки зрения медиаобразования эта стратегия способствует осознанию экономической активности как части социальной реальности, требующей критического осмысления.

Другой важной стратегией является институциональный фрейминг, ориентированный на интерпретацию экономических событий через деятельность региональных органов власти, крупных предприятий, отраслевых объединений и иных институциональных участников. Материалы, подобные таким, как «Запущен первый цех «Липецкого тракторного завода» [19], создают у аудитории систему оценки происходящих изменений, позволяют лучше понимать структуру экономического управления и способствуют формированию навыков анализа взаимодействия различных институциональных уровней.

В заключение проведённого исследования можно отметить, что анализ экономических новостей регионального медиапространства выявил их значительный медиаобразовательный потенциал. Экономические материалы, транслируемые липецкими СМИ, формируют у аудитории навыки критического восприятия информации, стимулируют осознанное отношение к социально-экономическим процессам и способствуют развитию экономического мышления. Структурные элементы новостного дискурса – фактологичность, аналитичность, обращение к экспертным оценкам, использование сравнительных данных и визуализированных показателей – открывают возможности для формирования у потребителей медианавыков, связанных с интерпретацией статистики, выявлением причинно-следственных связей, оценкой надёжности источников и пониманием специфики регионального экономического развития.

Опираясь на выявленные результаты, можно обозначить несколько ключевых точек роста, которые способны усилить медиаобразовательный эффект региональных экономических новостей. Во-первых, целесообразно углублять аналитическую составляющую материалов,

акцентируя внимание аудитории не только на событиях, но и на механизмах принятия экономических решений, рисках и долгосрочных прогнозах. Во-вторых, важным направлением становится внедрение интерактивных форматов – мультимедийных инфографик, пояснительных видеороликов, подкастов, интерактивных карт и т.п. – все это позволит более доступно интерпретировать сложные экономические процессы. В-третьих, перспективным является расширение сотрудничества между редакциями региональных СМИ и экспертными экономическими сообществами, что обеспечит системное производство качественного, методически выверенного контента.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что экономические новости региональных медиа не только отражают социально-экономическую динамику Липецкой области, но и формируют содержательную платформу для развития медиаобразовательных практик. Их дальнейшее методическое и контентное совершенствование позволит региональным СМИ превратиться в устойчивый ресурс экономического просвещения, способствующий повышению медиаграмотности, усилению критического восприятия информации и развитию активной гражданской позиции в современном информационном пространстве.

Библиографический список

1. Яшина А. А. Обзор отечественных исследований в аспекте медиаобразовательного потенциала СМИ // Медиасреда. 2018. №2. С. 209-213.
2. Шульц О. Объективность медиа в подаче экономических новостей: к постановке проблемы // Динамика медиасистем. 2025. № 4(2). С. 213–221.
3. Войнилов Ю. Л., Мальцева Д. В., Шубина Л. В. Медиаграмотность в России: картография проблемных зон Коммуникации // Медиа. Дизайн. 2016. №1(2). С. 96-97
4. Качкаева А. Г., Шомова С.А. Понимая медиа. Медиаграмотность и критическая автономия в эпоху «коммуникативного капитализма», «эмпатичных медиа» и «чувствительных данных» // Социодиггер. 2021. № 2(11). С. 4–44.
5. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика // Ростов: ЦВВР. 2001. С.503
6. Шариков А. В. Так что же такое медиаобразование? // Медиаобразование. 2005. №2. С. 3-4.
7. Жилавская И. В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодежной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий: Дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.10. Москва, 2008.
8. Тулупов В. В. Медиаобразование в эпоху «постправды» // Вопросы журналистики. 2020. №8. С. 16-26.
9. Жилавская И. В. Медиаобразовательный потенциал СМИ // Медиаобразование: опыт и перспективы: Материалы секции «Медиаобразование» XXV Всероссийской научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж: Изд-во Кварта, 2016. Вып. 1. С. 34-43.
10. Астафуров И. В. Система медиаобразования, направленная на взаимодействие с широкой общественностью // Медиаобразование: опыт и перспективы: Материалы секции «Медиаобразование» XXV Всероссийской научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж: Изд-во Кварта, 2016. Вып. 1. С. 7-11.
11. Мельников В. А. Принципы экономической информации // МНИЖ. 2020. №4-2 (94). С. 47-53. DOI 10.23670/IRJ.2020.94.4.032
12. Holbrook T., Garand J. Homo Economicus? Economic Information and Economic Voting // Political Research Quarterly. 1996. vol. 49 (2), pp. 351-375.

13. Казун А. Д. Как экономика в новостях влияет на новости в экономике? Обзор теорий о специфике и роли экономических дискуссий в СМИ // Экономическая социология. 2017. №3. С. 97-129.
14. Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. №1. С. 78-92.
15. Кихтан В. В. Информационно-образовательный медиа-продукт в системе современных научных знаний // Научная мысль Кавказа. 2009. №4 (60). С. 29-33.
16. Медиалогия. Рейтинг региональных СМИ [Электронный ресурс] <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/?ysclid=mlqanhyxvg584889112> (дата обращения: 02.02.2026).
17. Липчане узнали о программе долгосрочных сбережений [Электронный ресурс] <https://lipetsktime.ru/news/economy/lipchane-uznali-o-programme-dolgosrochnyh-sberezhenij/?ysclid=mlgatoabfk400918659> (дата обращения: 04.02.2026).
18. Продэмбарго стало драйвером экономического роста АПК Липецкой области [Электронный ресурс] https://lipetsktime.ru/news/economy/prodembargo_stalo_drayverom_ekonomicheskogo_rosta_apk_lipetskoj_oblasti_/?ysclid=mlgayx08oe136632603 (дата обращения: 04.02.2026).
19. Липецкая область вошла в топ-3 регионов ЦФО по привлечению инвестиций [Электронный ресурс] <https://gorod48.ru/news/1968079/?ysclid=mlgb1cgka3666574903> (дата обращения: 04.02.2026).

References

1. Yashina A. A. Review of Domestic Research on the Media Educational Potential of Mass Media // Media Environment. 2018. No. 2. pp. 209-213.
2. Shults O. Media Objectivity in the Presentation of Economic News: On the Problem Statement // Dynamics of Media Systems. 2025. No. 4(2). pp. 213-221.
3. Voynilov Yu. L., Maltseva D. V., Shubina L. V. Media literacy in Russia: mapping of problem areas of communication // Media. Design. 2016. No.1(2). pp. 96-97.
4. Kachkaeva A.G., Shomova S.A. Understanding media. Media literacy and critical autonomy in the era of "communicative capitalism", "empathic media" and "sensitive data" // Sociodigger. 2021. No. 2(11). pp. 4-44.
5. Fedorov A.V. Media education: history, theory and methodology // Rostov. CVRU. 2001. 503 p.
6. Sharikov A. V. What Is Media Education? // Media Education. 2005. No. 2. Pp. 3-4.
7. Zhilavskaya I. V. Optimization of interaction between the media and the youth audience based on media education strategies and technologies. Diss. ... Candidate of Philological Sciences: 10.01.10. Moscow, 2008.
8. Tulupov V. V. Media Education in the Era of "Post-Truth" // Questions of Journalism. 2020. No. 8. pp. 16-26.
9. Zhilavskaya I. V. Media Education: Experience and Prospects: Proceedings of the "Media Education" section of the 25th All-Russian Scientific and Practical Conference of Journalism, Advertising, and Public Relations Researchers and Educators "Problems of Mass Communication". 2016. No. 1. pp. 34-43.
10. Astafurov, I. V. A media education system aimed at interaction with the general public // Media Education: Experience and Prospects: Proceedings of the "Media Education" section of the 25th All-Russian Scientific and Practical Conference of Journalism, Advertising, and Public Relations Researchers and Educators "Problems of Mass Communication". 2016. No. 1. pp. 7-11.
11. Mel'nikov V. A. Principles of economic information // ISRJ. 2020. No 4-2 (94). pp. 47-53. DOI 10.23670/IRJ.2020.94.4.032

12. Holbrook T., Garand J. Homo Economicus? Economic Information and Economic Voting // Political Research Quarterly, 1996, vol. 49 (2), pp. 351-375.
13. Kazun A. D. How the economy in the news affects news in the economy? A review of theories on the specifics and role of economic discussions in mass media // Economic Sociology. 2017. No. 3. pp. 97-129.
14. Tulupov V. V. Russian Journalism: today and tomorrow // Questions of Theory and Practice of Journalism. 2013. No. 1. pp. 78-92.
15. Kikhtan V. V. Information-educational media product in the system of modern scientific knowledge // Scientific Thought of the Caucasus. 2009. No. 4(60). pp. 29-3
16. Medialogia. Ranking of Regional Media [Electronic resource] <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/?ysclid=mlqanhyxvg584889112> (date of application: 02.02.2026.)
17. Residents of Lipetsk learned about the long-term savings program [Electronic resource] <https://lipetsktime.ru/news/economy/lipchane-uznali-o-programme-dolgosrochnyh-sbere-zhenij/?ysclid=mlgatoabfk400918659> (date of application: 04.02.2026.)
18. The food embargo became a driver of agricultural economic growth in the Lipetsk region [Electronic resource] <https://lipetsktime.ru/news/economy/prodem-bargo-stalo-drayverom-ekonomicheskogo-rosta-apk-lipetskoy-oblasti/?ysclid=mlgayx08oe136632603> (date of application: 04.02.2026.)
19. The Lipetsk region entered the top 3 regions of the Central Federal District in attracting investments [Electronic resource] <https://gorod48.ru/news/1968079/?ysclid=mlgb1cgka3666574903> (date of application: 04.02.2026.)

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.021

*Воронежский государственный технический университет
студент 4 курса направления «Журналистика»
Павличенко В.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-918-352-56-96,
e-mail: lera.pavlichenko.04@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
4th year student of the direction
"Journalism"
Pavlichenko V.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7-918-352-56-96,
e-mail: lera.pavlichenko.04@mail.ru*

*Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-226-2368
e-mail: buka1621@rambler.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru*

В.А. Павличенко, Ю.С. Попова

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ФОРМАТЫ РОССИИ: КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОВОКАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ «ПЕРВОГО КАНАЛА» И ТНТ

Статья посвящена сравнительному анализу специфики телешоу на двух ключевых федеральных телеканалах России — «Первом канале» и ТНТ, представляющих традиционный и альтернативный подходы к телевидению. Рассматриваются программы «Пусть говорят», «Кто хочет стать миллионером?» и «Поле чудес» на «Первом канале» и «Шоу Воли», «Битва экстрасенсов», «Утро на ТНТ» на канале ТНТ. Выбор данных шоу обусловлен их рейтинговой популярностью и продолжительной эфирной жизнью. «Первый канал» ориентирован на широкую, преимущественно зрелую аудиторию с консервативным уклоном и официальным стилем подачи, формирует общественное мнение и предлагает социально значимый контент. ТНТ же адресует шоу преимущественно молодежи с акцентом на иронию, провокацию и развлекательность. Численные данные подтверждают лидерство «Пусть говорят» по популярности и охвату аудитории в России. Исследование проведено по общим критериям: целевая аудитория, тематика, стили подачи, социальная функция, отношение к цензуре. Данные параметры позволяют выделить как общие моменты, так и своеобразие формата телешоу на двух каналах, а так же своеобразие рассматриваемых шоу в рамках одного канала. Анализ показывает, что современное российское телевидение развивается в условиях медийного многообразия, где традиционные формы сочетаются с новаторскими форматами. Несмотря на растущую конкуренцию цифровых платформ, телевидение сохраняет социальную значимость и способность влиять на общественное сознание, продолжая оставаться ведущей площадкой для развлечения и общественных дискуссий, поэтому изучение медиапространства шоу является крайне актуальным в настоящее время.

Ключевые слова: российское телевидение, шоу, формат, специфика, популярность.

V.A. Pavlichenko, Yu.S. Popova

TELEVISION FORMAT IN RUSSIA: CONSERVATISM AND PROVOCATION ON THE EXAMPLE OF «FIRST CHANNEL» AND TNT

The article is devoted to a comparative analysis of the specifics of TV shows on two key federal TV channels in Russia — Channel One and TNT, which represent traditional and alternative approaches to television. The programs "Let Them Talk," "Who Wants to Become a Millionaire?" and "Field of Miracles" on Channel One, and "The Willie Show,"

"Battle of Psychics," and "Morning on TNT" on TNT are considered. The choice of these shows is based on their popularity and long-lasting airtime. "Channel One" is aimed at a broad, predominantly mature audience with a conservative bias and an official presentation style, shaping public opinion and offering socially significant content. TNT, on the other hand, addresses the show primarily to young people, emphasizing irony, provocation, and entertainment. Numerical data confirms Let's Talk's leadership in terms of popularity and audience reach in Russia. The study was conducted based on common criteria, including target audience, theme, presentation style, social function, and attitude towards censorship. These parameters allow us to identify both common features and the uniqueness of the format of TV shows on two channels, as well as the uniqueness of the shows under consideration within the same channel. The analysis shows that modern Russian television is developing in a media-rich environment, where traditional forms are combined with innovative formats. Despite the growing competition from digital platforms, television retains its social significance and ability to influence public consciousness, continuing to be a leading platform for entertainment and public discussions. Therefore, studying the media space of TV shows is highly relevant in the current context.

Keywords: Russian television, show, format, specificity, and popularity.

Телевидение по-прежнему остаётся одним из ключевых медиа-ресурсов в России, несмотря на активное развитие цифровых платформ. Телешоу формируют общественное мнение, отражают культурные и социальные установки, а также служат инструментом массового развлечения. В условиях медийного многообразия особенно важно изучать специфику наиболее влиятельных телеканалов, чьи программы регулярно собирают миллионы зрителей.

Данная статья посвящена сравнительному анализу специфики телешоу на федеральных каналах России на примере «Первого канала» и ТНТ.

В рамках исследования рассматривались такие программы, как «Пусть говорят», «Кто хочет стать миллионером?», «Поле чудес» (Первый канал) и «Шоу Воли», «Битва экстрасенсов», «Утро на ТНТ» (ТНТ). Выбор этих каналов и программ обусловлен их высокой рейтинговой популярностью, а также принципиально разным подходом к формату и содержанию шоу, что позволяет выявить специфику современного российского телевидения.

«Первый канал» — старейший и один из самых авторитетных федеральных телеканалов в России. Он транслирует традиционный контент, ориентированный на широкую аудиторию, включая развлекательные, информационные и общественно-политические программы. Канал ассоциируется с господствующей идеологией и культурной консервативностью [1].

ТНТ - частный телеканал, созданный в 1998 году. С начала 2000-х ТНТ сместил акцент в сторону молодёжной и развлекательной аудитории, став известным благодаря дерзкому, ироничному и порой эпатажному стилю подачи. ТНТ активно экспериментирует с форматами и темами, часто выходя за рамки традиционного телевидения.

Таким образом, выбор именно этих двух каналов позволяет провести сопоставление «традиционного» и «альтернативного» подходов к телевизионному контенту в современной России.

«Пусть говорят» - российское ток-шоу общественно-драматической направленности, выходящее на «Первом канале» с 23 июля 2001 года. За время своего существования программа трижды меняла название: стартовав как «Большая стирка» (2001–2004), затем получив наименование «Пять вечеров» (2004–2005), а с 30 августа 2005 года обрела своё нынешнее имя [2]. Формат передачи органично сочетает элементы журналистики, психологической драмы и развлекательного телевидения: в студийной обстановке обсуждаются личные, социальные и резонансные истории, вызывающие живой отклик у зрителей.

Тематика выпусков охватывает широкий спектр вопросов – от интимных перипетий частной жизни до общенациональных событий. В эфире разбираются семейные конфликты, разводы, измены и наследственные споры, поднимаются острые социальные проблемы - насилие в семье, сиротство и другое, обсуждаются резонансные преступления, несчастные случаи и загадочные исчезновения. Не остаётся без внимания и жизнь знаменитостей: скандалы, карьерные взлёты и падения, приватные истории звёзд регулярно становятся предметом обсуждения. Программа также откликается на общественно значимые события - трагедии, катастрофы, памятные даты, выпуская специальные эпизоды, посвящённые крупным

мероприятиям, таким как Олимпиада 2014 года или «Евровидение», уходам из жизни известных людей и национальным трагедиям [2].

На протяжении многих лет лицом шоу был Андрей Малахов, ведший его с 2001 по 2017 год. Он задал программе характерную тональность: эмоциональную вовлечённость, активные комментарии, острые вопросы и частое выступление в роли «адвоката» героя, используя риторические приёмы, драматические паузы и личные реплики. С 2017 года программу ведёт Дмитрий Борисов, ранее работавший в новостях «Первого канала». Его манера более сдержанная и деловая – акцент делается на фактах, стремлении сохранять нейтралитет, хотя в кульминационные моменты он допускает эмоциональные всплески. Время от времени ведущими становятся приглашённые звёзды – среди них Гарик Харламов, Вячеслав Манучаров, Рома Желудь и Ольга Картункова.

В студии собираются самые разные участники: герои выпуска, чьи истории лежат в основе обсуждения; эксперты – психологи, юристы, медики и общественные деятели, дающие профессиональную оценку ситуации; родственники и знакомые главных действующих лиц, вступающие в дискуссии; зрители в зале, реагирующие на происходящее и порой участвующие в опросах; а также приглашённые знаменитости, добавляющие эфиру медийности.

Аудитория программы неоднородна: это и массовая зрительская аудитория, ищущая сопереживания и интересующаяся житейскими драмами; и люди, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях и надеющиеся найти в эфире примеры решения проблем; и любители сенсаций, привлечённые острыми конфликтами и неожиданными поворотами сюжета; и поклонники конкретных ведущих, следящие за Малаховым или Борисовым как за медиаперсонами; а также исследователи медиа, анализирующие механизмы воздействия на аудиторию и этические границы жанра.

Время выхода программы неоднократно корректировалось: изначально она транслировалась днём (16:00–17:00) пять-шесть раз в неделю, в 2000-е годы переместилась в вечерний слот (18:20–20:00) с частотой четырёх–пяти выпусков в неделю, а с 2025 года выходит по будням в 19:55, с возможными изменениями в летний период.

Хотя официальных рейтингов не публикуется, «Пусть говорят» десятилетиями входит в топ-10 самых популярных программ «Первого канала». Пиковые показатели зрительского интереса фиксируются во время спецвыпусков. Наибольшую долю аудитории составляют зрители старше 45 лет [2], особенно в регионах; при этом программа активно обсуждается в социальных сетях и СМИ, регулярно попадая в новостные сводки.

За годы эфира шоу претерпело существенные изменения: эволюционировал сам формат – от лёгких бытовых историй в «Большой стирке» к более мрачной и скандальной повестке в «Пусть говорят»; сменился стиль ведения – от почти развлекательного в начале 2000-х к драматичному и порой жёсткому; изменился состав участников – выросла доля экспертов, а роль «звёздных» гостей уменьшилась. Визуально программа тоже преобразилась: произошёл переход на HD-качество, обновилась декорация, появились архивные кадры и инфографика. Повысилась интерактивность – были введены онлайн-опросы и комментарии из социальных сетей. С 2014 года в июле-августе программа уходит на летние паузы, заменяясь повторами или другими проектами.

Одним из самых запоминающихся выпусков программы стал «Ночной олимпийский канал» от 4–5 июля 2007 года, посвящённый выбору столицы Зимних Олимпийских игр 2014 года [2]. Его успех объяснялся уникальным временем выхода – в ночь, до завершения эфира канала, высокой ставкой «Первого канала» на это событие и удачным сочетанием информационного повода с шоу-форматом. Зрители оценили масштаб и динамику выпуска, хотя часть аудитории сочла формат излишне «шоузированным» для столь серьёзного события; профессионалы же отметили мастерство монтажа и работу команды в прямом эфире.

Программа не раз подвергалась критике - её упрекали в эксплуатации личных трагедий, чрезмерной драматизации, манипулятивности и размытых этических границах [3]. Тем не менее «Пусть говорят» остаётся значимым элементом российского медиаландшафта, отражая запросы широкой аудитории и демонстрируя эволюцию телеформатов в стране. Это один из самых долгоживущих и влиятельных проектов отечественного телевидения, во многом сформировавший жанр «историй» на экране. Его устойчивость и популярность обусловлены универсальностью тематики, харизмой ведущих и умелым сочетанием драматического, журналистского и развлекательного компонентов.

«Кто хочет стать миллионером?» – российская адаптация британского формата *Who Wants to Be a Millionaire?*, ставшая одним из самых узнаваемых и долгоживущих интеллектуальных телешоу в стране. Премьера программы состоялась 1 октября 1999 года на НТВ под названием «О, счастливец!». С 2001 года шоу перешло на «Первый канал», где продолжает выходить по сей день [4]. Его главная цель - помочь участнику ответить на 15 вопросов возрастающей сложности и выиграть главный приз в размере 3 миллионов рублей, что стало возможным с 2005 года.

Формат сочетает интеллектуальное состязание с элементами драмы и зрелищности. Вопросы охватывают широкий круг тем - от истории и науки до искусства, спорта и географии. На определённых этапах игры включаются «несгораемые» суммы, что добавляет стратегический и психологический аспект. Программа допускает как одиночное участие, так и парные игры - формат неоднократно менялся в зависимости от телевизионной конъюнктуры, но в последние годы вновь вернулся к классической модели.

На протяжении истории шоу его вёл ряд известных телеведущих. Первым и, пожалуй, самым знаковым стал Дмитрий Дибров, впервые появившийся в кадре в 1999 году. Его эрудиция, ирония, умение поддерживать напряжение, и дружелюбная манера общения с участниками сделали его лицом программы. С 2001 по 2008 год шоу вёл Максим Галкин* (признан иноагентом), привнёсший больше лёгкости, юмора и артистизма, но, не умаляя серьёзности интеллектуальной составляющей. С 2023 года основные выпуски с обычными участниками ведёт Юлианна Караулова – её стиль отличается поддержкой, эмпатией и стремлением снять стресс у новичков. В разные годы ведущими также выступали Светлана Сорокина, Леонид Якубович и Анна Шатилова, чаще в рамках специальных эфиров [4].

Аудитория шоу разнообразна. Это и любители интеллектуальных игр, ценящие эрудицию и логику; и семейные зрители, собирающиеся у экрана в выходные; и поклонники ведущих, следящие за их манерой подачи; и те, кто ищет вдохновения в историях обычных людей, сумевших выиграть крупную сумму. Спецвыпуски со звёздами привлекают фанатов знаменитостей, а благотворительная направленность некоторых эфиров добавляет социальный отклик.

Программа неоднократно меняла эфирное время: сначала выходила в позднем слоте на НТВ, затем переместилась в прайм-тайм, а с 2024 года – в субботу в 16:55 на «Первом канале». Несмотря на отсутствие официальных рейтингов, шоу стабильно входит в число самых популярных проектов канала, особенно в дни юбилейных или праздничных выпусков. Наибольшую долю аудитории составляют зрители старше 35 лет [4], особенно в регионах, однако программа активно обсуждается и в социальных сетях – зрители делятся реакциями, обсуждают вопросы и цитируют ведущих.

За четверть века существования шоу претерпело значительные изменения. Название сменилось с «О, счастливец!» на «Кто хочет стать миллионером?», призовой фонд вырос с 1 до 3 миллионов рублей, формат участия колебался от одиночных игроков к парам и обратно. Был введён, отменён, а затем возвращён отборочный тур с участием шести кандидатов. Участие знаменитостей стало регулярной практикой с 2014 года. Технически программа также эволюционировала: обновилась декорация, графика, визуальное оформление, а в 2009–2016 годах даже существовала интерактивная SMS-игра, позже заменённая SmartTV-форматом [4].

Особое место в истории шоу занимает первый выпуск от 1 октября 1999 года с Дмитрием Дибровым – он стал прорывом для российского телевидения, представив зрителям свежий, зрелищный и интеллектуальный формат. Эксперты назвали его удачной адаптацией западного прототипа, а зрители – источником интриги и вдохновения. Среди других знаковых эфиров – победа Игоря Сазеева в 2001 году (первый миллионер программы), тематический выпуск ко Дню космонавтики с участием российских космонавтов и юбилейный 1000-й выпуск в 2025 году с участием Диброва и Карауловой [4].

«Кто хочет стать миллионером?» остаётся символом интеллектуального телевидения в России. Его успех объясняется балансом между сложностью и доступностью, драматизмом и развлечением, а также способностью адаптироваться к меняющимся вкусам аудитории без утраты сути. Харизматичные ведущие, узнаваемый формат, эмоциональная вовлечённость и зрелищность сделали шоу не просто игрой, а культурным явлением, оставшимся актуальным более чем через два десятилетия после премьеры [5].

«Поле чудес» – одно из самых узнаваемых и долгоживущих телешоу России, российская адаптация американской викторины *Wheel of Fortune*. Премьера программы состоялась 26 октября 1990 года на Первой программе Центрального телевидения СССР, а с 1995 года она выходит на «Первом канале». С самого начала шоу сочетало интеллектуальную игру с яркой развлекательной составляющей: участники угадывают загаданные слова по буквам, вращая барабан с секторами «Приз», «Банкрот», «Плюс», «Шанс» и другими, набирают очки и обменивают их на подарки, а за особые успехи получают шанс сыграть в суперигре за главный приз. Первым ведущим программы стал Владислав Листьев – его стиль отличался динамичностью, чёткостью и сдержанной подачей. Однако уже в 1991 году эстафету принял Леонид Якубович, который с тех пор остаётся бессменным лицом и художественным руководителем шоу [6]. Именно он сформировал его фирменную атмосферу: тёплую, доверительную, почти домашнюю. Якубович не просто ведёт игру – он ведёт праздник, активно общается с участниками, поддерживает их выступления, с интересом принимает душевные, а порой и забавные подарки, а фраза «А теперь – барабан!» [6] стала народной классикой.

В каждом выпуске участвуют девять человек, разделённых на три тройки. Помимо игроков, в студии присутствуют зрители – чаще всего родные и друзья участников, – музыкальный ансамбль, сопровождающий творческие номера, и технический персонал. Программа не ограничивается игрой: важную роль играют песни, танцы, стихи и даже фокусы, которые участники готовят заранее. Эта самодеятельность, наряду с личными историями и неожиданными дарами ведущему, стала неотъемлемой частью формата и источником многочисленных мемов в соцсетях.

«Поле чудес» традиционно выходит по пятницам вечером – сначала в 20:00, позже – после программы «Человек и закон». Даже в сложные периоды, например во время пандемии 2020 года, шоу продолжало выходить, адаптируясь к новым условиям, включая съёмки без зрителей в зале.

Несмотря на отсутствие официальных рейтингов, программа остаётся стабильно популярной, особенно среди аудитории старше 40 лет и в регионах. Её смотрят всей семьёй – от детей до бабушек и дедушек, – привлекая простотой правил, ностальгической атмосферой и харизмой ведущего. Особенно высокий интерес вызывают новогодние и юбилейные выпуски, а также эфиры с необычными подарками или участием звёзд.

За более чем тридцать лет шоу неоднократно обновлялось: менялись декорации – от сказочных мотивов 1990-х до современного оформления, – логотип, техническое качество (включая переход на HD), правила и призовая система. Тем не менее, суть осталась прежней – это доброе, тёплое шоу, где важна не только победа, но и сам процесс общения, радость участия и искренность.

«Поле чудес» иногда критикуют за кажущуюся устарелость формата или избыток самодеятельности в ущерб игровой составляющей. Однако именно эта «неидеальность» и делает

его уникальным. Программа – не просто викторина, а культурный феномен, символ уютного телевидения, объединяющий поколения. Её долголетие объясняется простотой, эмоциональной искренностью, мастерством Леонида Якубовича и способностью оставаться собой в меняющемся медиaprостранстве [7].

Анализ телешоу канал ТНТ

«Шоу Воли» – вечерняя развлекательная программа в жанре **late night show**, выходящая на телеканале ТНТ с 16 апреля 2023 года. Изначально эфир проходил по воскресеньям в 21:00, позже время сдвинули на 23:00 [8]. Проект был запущен как ответ на приостановку «Вечернего Урганта» и задумывался как современная платформа для общения со звёздами, юмора и обсуждения событий недели.

Ведущий – Павел Воля, известный комик и бывший резидент Comedy Club, – ведёт программу в энергичной, ироничной манере, сочетая интервью, импровизацию и мини-конкурсы. Его партнёр – Илья Соболев, исполняющий роль «хулигана» студии и ведущего юмористической новостной рубрики «Собости», где недельные события подаются в гротескной, сатирической форме. Контраст между двумя ведущими – Воля как «хозяин» и Соболев как «вноситель хаоса» – создаёт динамичную и непредсказуемую атмосферу эфира.

Формат включает интервью со звёздами шоу-бизнеса, блогерами и актёрами, юмористические рубрики, а также рассказы об обычных людях с необычными историями, например, в сегменте «Человек, достойный телевизора». Со временем в программе появились новые элементы: репортажи Карины Мурашкиной в рубрике «Голый микрофон», рэп-новости от Яна Дилана в «РЭПортаже», а также выездные выпуски – из парка «Зарядье», загородного клуба «Репино Ленинское» и других локаций [9].

Аудитория шоу – преимущественно молодёжь 18–35 лет, поклонники юмористических проектов ТНТ, таких как Comedy Club и «Импровизация», а также фанаты приглашённых гостей. Зрители ценят лёгкость подачи, живое общение и мемные моменты, которые быстро распространяются в соцсетях.

Самым обсуждаемым стал дебютный выпуск от 16 апреля 2023 года с участием Басты и Гарика Харламова. Он запомнился не только харизмой гостей, но и историей 15-летнего Арсения Горячкина, создавшего специальный контейнер-холодильник для инсулина. Реакция аудитории была неоднозначной: одни отметили свежесть и энергию формата, другие раскритиковали его за излишнее сходство с «Вечерним Ургантом» и западными аналогами, а также за «пошлые» шутки [9].

Несмотря на критику, «Шоу Воли» сохраняет стабильную аудиторию – о чём свидетельствуют обсуждения в медиа и рейтинг 7.0 на Кинопоиске [10]. Эволюция программы – от смены времени эфира до расширения рубрик и локаций – показывает стремление команды адаптироваться к ожиданиям зрителей. Хотя шоу пока не стало культовым, оно остаётся одной из немногих попыток в российском телевидении возродить жанр **late night** с местным колоритом и узнаваемыми лицами.

«Битва экстрасенсов» – одно из самых узнаваемых и долгоживущих развлекательно-мистических шоу на российском телевидении. С 25 февраля 2007 года оно выходит на канале ТНТ, а с 23-го сезона носит название «Новая битва экстрасенсов». Программа представляет собой адаптацию британского формата **Britain's Psychic Challenge** и строится вокруг участников, претендующих на обладание экстрасенсорными способностями. В ходе конкурса они проходят серию испытаний: ищут пропавших людей, описывают неизвестных по фото или личным вещам, «расследуют» трагические события и взаимодействуют с родственниками пострадавших [11].

На протяжении лет шоу возглавляли разные ведущие: первые семь сезонов – Михаил Пореченков, с восьмого по настоящее время – Марат Башаров. Важную роль играли эксперты-скептики, среди которых особенно выделялись братья Сафроновы и психиатр-криминалист Михаил Виноградов (до своей смерти в 2021 году). Позже в проекте стали участвовать

психолог Александр Макаров и приглашённые звёзды – Валерия Кудрявцева, Ксения Бородина, Вера Сотникова и другие [11].

Формат построен на драматическом противостоянии: участники заявляют о сверхъестественных способностях, а эксперты анализируют их действия, указывая на несоответствия и общие формулировки. Эмоциональные реакции, мрачная музыка, загадочный монтаж и выездные съёмки в местах реальных трагедий усиливают атмосферу таинственности. В студии зрителей нет – «аудитория» представлена только теми, кто связан с конкретным кейсом: родственниками, свидетелями или заказчиками.

Шоу привлекает разную публику: одни верят в подлинность способностей участников, другие смотрят ради разоблачений и анализа приёмов. Также среди зрителей – фанаты отдельных «экстрасенсов», ценители драматического контента и даже исследователи медиа, изучающие шоу как пример постановочного реалити с антинаучным уклоном. Несмотря на отсутствие официальных рейтингов, «Битва экстрасенсов» регулярно входит в число самых обсуждаемых проектов ТНТ. Пик популярности пришёлся на выпуск 14-го сезона от 24 ноября 2013 года, посвящённый убийству Владислава Листьева: его доля достигла 33,4 %. Этот эфир вызвал широкий резонанс – одни зрители восхищались «глубиной» откровений, другие и эксперты раскритиковали шоу за эксплуатацию трагедии и отсутствие доказательной базы [11].

За годы существования проект неоднократно обновлялся: изменилось название, визуальное оформление, состав экспертов, усложнились задания, появились выездные локации и зрительское голосование. Были запущены спин-оффы – «Экстрасенсы ведут расследование», «Школа экстрасенсов», «Реванш» и другие.

Несмотря на постоянные обвинения в постановочности и популяризации псевдонауки, «Битва экстрасенсов» сохраняет аудиторию благодаря харизме участников, умелому монтажу, накалу драмы и сочетанию развлечения с элементами мистики. Шоу остаётся ярким примером того, как контент на грани науки и шоу-бизнеса может десятилетиями удерживать внимание миллионов.

«Утро. ТНТ» – утреннее информационно-развлекательное шоу, запущенное на телеканале ТНТ 1 апреля 2024 года. Это первый масштабный прямой утренний эфир канала за 25 лет: программа выходит ежедневно с 7:00 до 9:00 и охватывает два часа живого вещания с новостями, экспертными рубриками, интервью и включениями из регионов России [12].

Шоу объединяет актуальную информацию и лёгкую подачу: здесь рассказывают о главных событиях дня, дают практические советы по финансам, здоровью, моде, спорту, закону, науке и быту, а также делятся лайфхаками, анонсируют премьеры и общаются со звёздами. Особенность формата – прямые репортажи из разных городов, создающие ощущение общенационального диалога.

Ведущими выступают популярные лица ТНТ: Анна Хилькевич, Анатолий Цой, Ольга Серябкина, Лео Канделаки, Александр Сорокин и другие. Каждую тематическую рубрику ведут профильные эксперты – от финансистов и юристов до антрополога Станислава Дробышевского и шефа Мирко Дзаго. Стиль подачи – дружелюбный, энергичный, с элементами юмора и личного общения, что создаёт тёплую, «домашнюю» атмосферу утреннего эфира [12].

Аудитория разнообразна: это и работающие зрители 25–55 лет, желающие начать день с полезной информации, и домохозяйки с пенсионерами, ценящие неторопливые, практичные сюжеты, и молодёжь, следящая за любимыми ведущими и звёздными гостями. Особенно привлекают эфиры с участием популярных артистов – например, выступления DJ Smash и Асии летом 2024 года вызвали активный отклик в соцсетях [12].

Премьера шоу 1 апреля 2024 года стала знаковым событием: зрители отметили свежесть формата, харизму ведущих и насыщенность контентом. Вместе с тем часть аудитории сочла эфир слишком плотным и быстрым для утра. Тем не менее эксперты назвали проект смелым шагом ТНТ в сторону современного, регионально вовлечённого утреннего телевидения [12].

Хотя официальные рейтинги не публикуются, программа быстро обрела стабильную аудиторию и активно обсуждается в цифровом пространстве. В отличие от предыдущих краткосрочных утренних проектов канала (2007, 2014 и 2020 годов), нынешнее «Утро. ТНТ» делает ставку на прямой эфир, диверсифицированный контент и баланс между информацией, развлечением и позитивом [13].

Несмотря на конкуренцию с устоявшимися утренними шоу на «Первом канале» и «России 1», проект демонстрирует стремление ТНТ занять нишу в утреннем эфире, предлагая зрителям современное, многогранное и живое телевидение для начала нового дня.

В таблице 1 представлены общие критерии, по которым сравниваются рассмотренные шоу.

Таблица 1

Критерий	Первый канал	ТНТ
Целевая аудитория	35+, консервативная	18-35, либеральная
Тематика	Социальные, семейные, интеллектуальные темы	Мистика, юмор, поп-культура
Стиль подачи	Официальный, драматичный	Ироничный, дерзкий, провокационный
Социальная функция	Формирование общественного мнения, консолидация	Развлечение, шок, противоречие
Отношение к цензуре	Высокий уровень саморегуляции	Минимальная цензура, «трэш как стиль»

Оба канала стремятся к максимальному охвату аудитории, но используют принципиально разные стратегии. «Первый канал» опирается на стабильность, узнаваемость, привычный контент. ТНТ – на инновационность и провокацию.

Согласно рейтингам Mediascope (2024), самым популярным телешоу в России остаётся «Пусть говорят» (Первый канал). Его средняя доля в прайм-тайм превышает 12%, а в отдельные выпуски – достигает 18–20%.

Причины популярности:

1. Эмоциональная вовлечённость: зрители сопереживают героям, обсуждают выпуски в соцсетях и на кухнях.

2. Актуальность тем: программа затрагивает болезненные, но знакомые каждому вопросы – измена, бедность, одиночество, гендерные конфликты.

3. Личность ведущего: Андрей Малахов – узнаваемая и авторитетная фигура, вызывающая доверие у аудитории.

4. Трансмедийное присутствие: шоу активно продвигается в соцсетях, выпуски становятся вирусными.

Из шоу ТНТ наибольшей популярностью пользуется «Битва экстрасенсов», особенно в регионах. Однако в целом по стране оно уступает «Пусть говорят» как по охвату, так и по продолжительности жизни в медиаполе.

Анализ телешоу «Первого канала» и ТНТ показывает, что российское телевидение сегодня представлено двумя полюсами: традиционным, консервативным и ориентированным на массовую аудиторию – и альтернативным, молодёжным, провокационным. Оба подхода находят свою аудиторию, что свидетельствует о фрагментации медиапространства и росте разнообразия телевизионного контента.

Однако именно «Пусть говорят» остаётся самым популярным шоу в стране, что подтверждает: в условиях нестабильности и социальной тревожности зритель склонен выбирать

эмоционально насыщенный, «человечный» контент, даже если он порой балансирует на грани этики.

Телевидение в России продолжает оставаться не просто развлекательной, но и социально значимой платформой, способной формировать повестку и влиять на общественное сознание.

Библиографический список

1. «Первый канал» URL: <https://www.1tv.ru/> (дата обращения – 10.10.2025).
2. «Пусть говорят» URL: <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat> (дата обращения – 10.10.2025).
3. Пусть говорят | Television channels Wiki | Fandom URL: https://televisionchannels.fandom.com/wiki/Пусть_говорят (дата обращения – 10.10.2025).
4. «Кто хочет стать миллионером?» URL: <https://www.1tv.ru/shows/kto-hochet-stat-millionerom> (дата обращения – 10.10.2025).
5. Кто хочет стать миллионером | Television channels Wiki | Fandom URL: https://televisionchannels.fandom.com/wiki/Кто_хочет_стать_миллионером (дата обращения – 10.10.2025).
6. «Поле чудес» URL: <https://www.1tv.ru/shows/pole-chudes> (дата обращения – 10.10.2025).
7. Поле чудес | Television channels Wiki | Fandom URL: https://televisionchannels.fandom.com/wiki/Поле_чудес (дата обращения – 10.10.2025).
8. «Шоу Воли» URL: <https://tnt-online.ru/projects/shou-voli> (дата обращения – 15.10.2025).
9. Телепедия:Черновик/Шоу_Воли URL: https://telepedia.fandom.com/ru/wiki/Телепедия:Черновик/Шоу_Воли (дата обращения – 15.10.2025).
10. Шоу Воли URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Шоу_Воли#:~:text=с%2016%20апреля%202023%20по,в.&text=«Шоу%20Воли»%20 (дата обращения – 15.10.2025).
11. «Битва экстрасенсов» URL: <https://tnt-online.ru/projects/bitvaextrasensov> (дата обращения – 18.10.2025).
12. «Утро ТНТ» URL: <https://tnt-online.ru/projects/utro-tnt> (дата обращения – 01.11.2025).
13. Шоу утро URL: <https://www.vokrug.tv/product/show/16893274471/> (дата обращения – 01.11.2025).

Reference

1. The "First channel" URL: <https://www.1tv.ru/> (accessed – 10.10.2025).
2. "Let them talk" URL: <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat> (accessed – 10.10.2025).
3. Let them talk | Television channels Wiki | Fandom URL: https://televisionchannels.fandom.com/wiki/Let_them_talk (accessed – 10.10.2025).
4. "Who wants to become a millionaire?" URL: <https://www.1tv.ru/shows/kto-hochet-stat-millionerom> (accessed – 10.10.2025).
5. Who Wants to become a Millionaire | Television channels Wiki | Fandom URL: https://televisionchannels.fandom.com/wiki/Who_wants_to_be_a_millionaire (accessed – 10.10.2025).
6. "Field of Miracles" URL: <https://www.1tv.ru/shows/pole-chudes> (accessed – 10.10.2025).
7. Field of Miracles | Television channels Wiki | Fandom URL: https://televisionchannels.fandom.com/wiki/Field_chudes (accessed – 10.10.2025).
8. "The Will Show" URL: <https://tnt-online.ru/projects/shou-voli> (accessed – 15.10.2025).
9. Telepedia:Draft/Show_Volya URL: https://telepedia.fandom.com/ru/wiki/Телепедия:Draft/Show_Volya (accessed – 15.10.2025).

10. Volya Show URL: [%20](https://ru.ru-wiki.ru/wiki/Show_Volya#:~:text=from%2016%20April%202023%20po,in.&text=Show%20volie) (accessed – 15.10.2025).
11. "Battle of psychics" URL: <https://tnt-online.ru/projects/bitvaextrasensov> (accessed – 15.10.2025).
12. "Morning TNT" URL: <https://tnt-online.ru/projects/utro-tnt> (accessed – 15.10.2025)
13. Show morning URL: [https://www.vokrug.tv/product/show/16893274471 /](https://www.vokrug.tv/product/show/16893274471/) (accessed – 15.10.2025).

УДК 659.1.01

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.022

*Елецкий государственный
университет им. И.А.Булнина
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русской филологии и журналистики
Попова Галина Николаевна
Россия, г. Елец
e-mail: gpopova@bk.ru*

*Bunin Yelets State University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
The Chair of Russian Philology and Journalism
Popova Galina
Russia, Yelets
e-mail: gpopova@bk.ru*

*Елецкий государственный
университет им. И.А.Булнина
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русской филологии и журналистики
Трубицина Наталья Алексеевна
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*Bunin Yelets State University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
The Chair of Russian Philology and Journalism
Trubitsina Natalia
Russia, Yelets
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

Г.Н. Попова, Н.А. Трубицина

ОСОБЕННОСТИ НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются особенности нативной рекламы в региональных средствах массовой информации Липецкой области. Материалом исследования послужил контент печатных и электронных региональных СМИ издательского дома «ИД Липецкая газета» («Липецкая газета», «ЛИЦА Липецкой области», lipetskmedia.ru), информационного портала Gorod48.ru за 2024-2025 годы. Рассмотрены работы современных исследователей по нативной рекламе, специфика ее определений, проанализированы попытки систематизации и классификации нативной рекламы по формам и видам подачи материала. Предложена классификация нативной рекламы по типам медиаплатформ и соответствующим форматам. На основе данной классификации был проанализирован контент печатных и электронных региональных средств массовой информации Липецкой области. Сделаны выводы по процентному соотношению видов и форматов нативной рекламы в СМИ региона. Отмечено, что на имиджевое или экспертное интервью приходится 19% контента нативной рекламы. Столько же (19%) занимает реклама в новостных материалах, освещающих различные события или мероприятия, которые не выносятся в отдельный блок. Статьи с нейтральным заголовком, собственно редакционный материал составляют 15% от общего количества нативных материалов. Достаточно большое количество (14%) в общем сегменте нативной рекламы в СМИ Липецкой области составляют кейсы и истории успеха. Иные формы нативной рекламы в сумме составляют 12% от общего количества. Советы и лайфхаки занимают 11% нативной рекламы на страницах печатных СМИ или интернет-порталов. На обзоры и подборки приходится 10% контента. В целом, нативная реклама доказала свою состоятельность как ключевое средство медиамаркетинга для региональных СМИ Липецкой области, позволив им адаптироваться к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: нативная реклама, региональные СМИ, контент, Липецкая область

G.N. Popova, N.A. Trubitsina

FEATURES OF NATIVE ADVERTISING IN REGIONAL MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)

The article examines the features of native advertising in the regional media of the Lipetsk Region. The research material was the content of the printed and electronic regional media of the publishing house "ID Lipetskaya Gazeta"

("Lipetskaya Gazeta", "Litsa of the Lipetsk Region", lipetskmedia.ru), and the Gorod48.ru information portal for the years 2024-2025. The article reviews the works of contemporary researchers on native advertising and the specifics of its definitions. It also analyzes attempts to systematize and classify native advertising based on its forms and types of presentation. We have proposed a classification of native advertising by types of media platforms and corresponding formats. Based on this classification, we analyzed the content of print and electronic regional media in the Lipetsk Region. We have made conclusions about the percentage of types and formats of native advertising in the regional media. It has been noted that 19% of the content is made up of image or expert interviews. The same amount (19%) is occupied by advertising in news materials that cover various events or activities that are not included in a separate block. Articles with a neutral title and editorial content make up 15% of the total number of native materials. A significant amount (14%) of the total native advertising in the media of the Lipetsk Region consists of case studies and success stories. Other forms of native advertising account for a total of 12% of the total number. Tips and life hacks account for 11% of native advertising on the pages of print media or online portals. Reviews and collections account for 10% of the content. In general, native advertising has proven to be a key means of media marketing for regional media in the Lipetsk region, allowing them to adapt to the challenges of the digital age.

Keywords: native advertising, regional media, content, Lipetsk region

Одна из серьезных проблем для современных специалистов в сфере рекламы – так называемая «баннерная слепота» – «феномен, при котором пользователи игнорируют баннерную рекламу на веб-страницах» [1, с. 51]. Как отмечают Ю.И.Фризен и Е.С.Горбунова, «возникновение баннерной слепоты» связано «с информационной перегрузкой, нерелевантностью или “привычкой”, возникающей у пользователей при долговременном взаимодействии с веб-сайтами» [1, с. 52]. Сегодня чаще всего традиционные рекламные послания не доходят до целевой аудитории; большие информационные потоки, недоверие и скептицизм приводят к тому, что люди блокируют поступающие сигналы. Как альтернатива традиционным видам рекламы во всем мире все большую популярность набирает нативная реклама.

Анализ научных работ Ю.И.Фризен и Е.С.Горбуновой [1]; Е.Н. Ляховой [2], Е.В. Кузнецовой [3], И.В. Марахиной [4], А.С. Мелиховой [5] и других говорит о том, что нативная реклама – это не просто скрытая реклама, а сложный формат коммуникации, характеризующийся интеграцией, полезностью и соответствием формату платформы. Систематизация видов, типов и функций нативной рекламы подтверждает ее многогранность и способность решать различные маркетинговые задачи – от повышения осведомленности до генерации лидов, выполняя при этом в медиамаркетинге монетизационную, коммуникативную и имиджевую функции.

Определение нативной рекламы мы находим в работах ряда исследователей. В.И. Таринова понимает нативную рекламу как «контент, который органично встроен в формат площадки размещения, не выделяется из других публикаций и несет собственную ценность пользователям» [6, с. 266]. А.С. Мелехова в своей статье приводит следующее определение: «Нативная реклама (от англ. native – родной, естественный) – это медиапродукт, который интегрируется в привычное Интернет-пространство пользователя, может его заинтересовать, минуя при этом психологическую и техническую защиту и блокировку рекламы» [5, с. 242]. В данном определении отображены существенные характеристики нативной рекламы как формата, а также признаки той среды, в которой она функционирует.

Нативной рекламой могут быть информационные, развлекательные, образовательные материалы, лайфхаки, отзывы, подборки или обзоры. В нативных рекламных материалах публикации, как правило, далеко не всегда посвящены только продукту, который необходимо продвинуть. Нативная реклама – это реклама, максимально похожая на обычный контент; в настоящее время именно этот вид рекламы наиболее активно развивается.

Чем сложнее пользователю понять, что перед ним рекламный материал, тем выше качество нативной рекламы. В отличие от ярких и заметных рекламных баннеров нативная реклама не выделяется из обычного для площадки контента – ни цветовым оформлением, ни шрифтами, ни подачей материала. Как правило, контент содержит ссылку на продукт, при этом полностью совпадает с тематикой и форматом площадки и с недавних пор имеет маркировку в

соответствии с требованиями российского законодательства. Главная задача такой рекламы – способствовать формированию положительного образа компании, стимулировать интерес к продукту, укреплять доверие к бренду и, в конечном итоге, повышать уровень продаж.

Нативная реклама еще не достаточно изучена, несмотря на то, что очень широко применяется сегодня. Многообразие нативной рекламы требует ее систематизации и классификации. Попытки систематизации по формам и видам нативной рекламы сделаны, например, в работах В.Ф. Олешко и В.С. Мищенко [7], В.И. Тариной [6], И.В. Марахиной [4] и ряде других. Однако единого взгляда на виды и форматы нативной рекламы пока не выработано. Мы предлагаем свою классификацию нативной рекламы по типам медиаплатформ и соответствующим форматам.

1. Печатные СМИ

◆ Публикации «на правах рекламы». Текстовые материалы, стилизованные под редакционные статьи, но посвященные продукту или услуге рекламодателя;

◆ Тематические спецпроекты. Крупные материалы, часто занимающие целую полосу или разворот, объединенные общей темой, косвенно связанной с деятельностью рекламодателя;

◆ Спонсируемые колонки и рубрики. Постоянная рубрика, которая ведется при поддержке бренда и затрагивает темы, релевантные его специализации;

2. Электронные СМИ (новостные порталы, онлайн-журналы)

◆ Нативные статьи. Аналог публикаций в печати, адаптированный для онлайн-среды;

◆ Брендированный контент. Высшая форма нативной рекламы, где медиа создает полноценный, качественный контент, который соответствует ценностям бренда;

◆ Спонсируемые подкасты и видеосюжеты. Аудио- или видеоматериалы, произведенные при поддержке бренда и интегрированные в общую ленту контента медиа.

3. Социальные сети

◆ Органические посты от имени бренда. Контент, который бренд размещает на своей собственной странице, но который оптимизирован под алгоритмы и форматы платформы;

◆ Интеграция в контент блогеров. Естественное использование продукта или упоминание услуги в контенте популярного автора;

◆ Спонсируемые посты и трансляции. Публикации от имени медиа или блогера, продвигаемые за счет средств рекламодателя для увеличения охвата.

Опираясь на предлагаемую классификацию, мы рассмотрели особенности размещения нативной рекламы в региональных средствах массовой информации Липецкой области и проанализировали использование нативной рекламы как составляющей контента региональных СМИ. Материалом исследования послужил контент издательского дома «ИД Липецкая газета» («Липецкая газета», «ЛИЦА Липецкой области», lipetskmedia.ru), информационный портал Gorod48.ru за 2024–2025 годы.

Анализ материалов печатных и интернет-СМИ Липецкой области свидетельствует о том, что нативная реклама сегодня является составляющей от 5% до 15% контента региональных изданий. На основании данного анализа можно определить наиболее используемые виды и форматы нативной рекламы в СМИ региона:

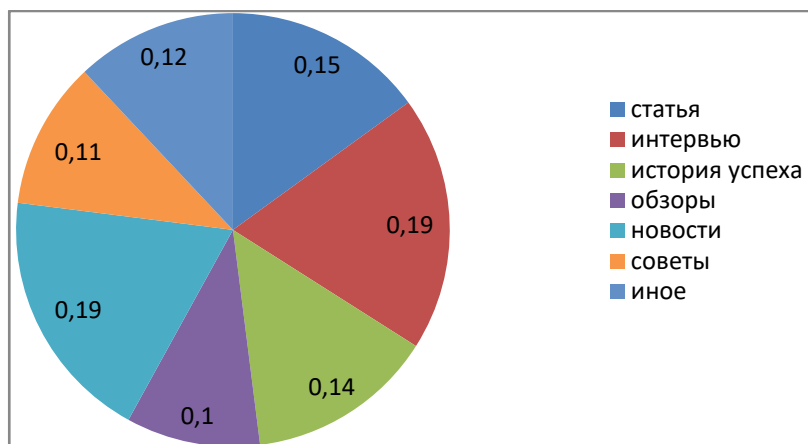

Рис.1. Виды и форматы нативной рекламы в СМИ региона

Статьи с нейтральным заголовком, собственно редакционный контент, составляют 15% от общего количества нативных материалов. Например, в статье «Как выбрать надежный банк в Липецке?», рекомендуются конкретные банки, расположенные на территории региона.

На имиджевое или экспертное интервью – например, разговор с директором местной компании, где он делится опытом, но незаметно упоминает свой бренд или услуги как ключевой элемент успеха, приходится 19% рекламы. В статье «Стальное восхождение» в журнале «Лица» о профессиональном росте Александра Морозова от вальцовщика до директора по планированию, репрезентируется не только история успеха и личной жизни героя, но и акцентируется место его работы, НЛМК, что является рекламой предприятия и специалистов металлургической отрасли.

Достаточно большое количество (14%) в общем сегменте нативной рекламы в СМИ Липецкой области составляют кейсы и истории успеха. Это публикации о том, как местный житель решил свою проблему или добился успеха, создал свой бизнес, без явного призыва к покупке или посещению. Например, рассказ о кофейне «Кофе с нотами поддержки» Марии Меликян, социальном предпринимателе, «доказавшей, что бизнес – не только о прибыли, но и об исцелении для многих липчан, это прежде всего – место, где можно укрыться от суеты будней и прислушаться к себе» [8]. Другой пример – история-интервью с Анной Покшивановой, которая стала пионером семейного образования в родном городе и создала образовательное пространство «Территория неравнодушия», где с трепетом следят за прогрессом каждого ученика. Три года назад по нацпроекту Анна Покшиванова выиграла грант в полмиллиона рублей как молодой предприниматель. Этим летом она заняла второе место во Всероссийском конкурсе «Мой добрый бизнес».

На обзоры и подборки приходится 10% рекламных материалов. Например, в статье «Топ-5 мест для отдыха с детьми в Липецкой области», местные кафе и турбазы представлены как часть полезного списка.

Новостные материалы, особенно те, что освещают различные события или мероприятия, но не выносятся в отдельный блок, составляют 19% нативной рекламы. Так, на портале Липецкмедиа была размещена публикация, посвящённая началу приёмной кампании в новый медицинский вуз. В данной ситуации выигрывают три стороны: университет получает рекламу, СМИ – контент и гонорар, абитуриент – полезную информацию. В «Липецкой газете» опубликована статья «Для вас открываем агрокласс», в которой решаются аналогичные задачи: информация об образовательном проекте и реклама кампании. Данный подход предполагает грамотное внедрение нативной рекламы: она никак не маркируется и не вызывает раздражения у читателей.

Советы и лайфхаки занимают 11% нативной рекламы на страницах печатных СМИ и интернет-порталов Липецкой области. Например, в статье «Как подготовиться к зиме: полезные

советы автолюбителям», помимо заявленных советов, еще упоминаются шиномонтажи и автосервисы города Липецка.

Конкурс с указанием логотипов и рассказом о продукции, рекламная публикация, но без указания «на правах рекламы», незначительное упоминание бренда, присутствие ссылки на интернет-магазин, тест, созданный с упоминанием продукции или названия фирмы заказчика, рецепты, когда в нем дается указание на продукты определенной фирмы, а также размещение редакционной статьи с наличием какого-либо упоминания заказчика рядом с полноценной рекламной страницей в сумме составляют 12% от общего количества нативной рекламы в анализируемых СМИ.

Хорошим примером достаточно качественной нативной рекламы, на наш взгляд, является журнал «ЛИЦА». Издательским домом «ИД Липецкая газета» журнал «ЛИЦА Липецкой области» позиционируется как проект-миссия, олицетворяющий все лучшее, что есть и появляется в регионе. А лучшее – это прежде всего люди, их дела и часто невидимые подвиги. Люди, о которых обычно не пишет глянец. Однако, именно здесь значительная часть материалов – нативная реклама: обзоры товаров от местных производителей, истории успеха местных предпринимателей, руководителей предприятий, малого бизнеса.

Электронные СМИ демонстрируют большую гибкость, измеримость и разнообразие форматов. Печатные СМИ сохраняют свою нишу за счет работы с аудиторией, имеющей высокий уровень доверия к традиционным медиа. Таким образом, нативная реклама прочно вошла в медиамаркетинг региональных СМИ Липецкой области, демонстрируя разные формы зрелости на печатных и цифровых платформах. Дальнейший рост ее эффективности напрямую зависит от готовности редакций инвестировать в качество контента, обеспечивать абсолютную прозрачность для аудитории и стратегически интегрировать данный инструмент в свою бизнес-модель. Нативная реклама является высокоэффективным инструментом для региональных СМИ, однако ее потенциал в Липецком регионе раскрыт не в полной мере из-за ряда проблем.

Анализ средств массовой информации Липецкой области выявил общие, системные проблемы и барьеры, сдерживающие развитие эффективной и этичной нативной рекламы в регионе. В первую очередь, это низкое качество контента: зачастую нативная реклама представляет собой слабо замаскированный рекламный текст с минимальной пользой для аудитории.

К тому же, сам нативный контент неоднороден. Наряду с качественными брендированными спецпроектами (например, «Здоровый регион» на Gorod48.ru) присутствует большое количество низкопробных материалов с прямым рекламным посылом, что дискредитирует сам инструмент в глазах потребителей. Рост количества низкокачественной нативной рекламы повышает скептицизм и, в конечном итоге, недоверие аудитории. Низкое качество статей свидетельствует о дефиците кадров, нехватке специалистов, способных создавать квалифицированный брендированный контент.

На основе выявленных проблем для оптимизации использования нативной рекламы и минимизации сопутствующих рисков может быть предложен ряд практических рекомендаций для изданий и рекламодателей по использованию нативной рекламы в региональных СМИ Липецкой области. В первую очередь, это повышение качества и полезности контента, который решает проблему или отвечает на вопрос целевой аудитории. Необходимо сделать ставку на создание качественных спецпроектов с сильной производственной составляющей, комбинировать форматы для увеличения охвата, обучение сотрудников по правовым и этическим аспектам нативной рекламы. Печатным СМИ сосредоточиться на глубоких имиджевых спецпроектах, электронным СМИ – развивать вирусные форматы. Темы нативной рекламы должны быть релевантны общей информационной повестке, интегрированы в редакционную и маркетинговую стратегию издания.

Размещение логотипа компании-заказчика в статье не является хорошим вариантом для нативной рекламы, так как это вызывает негативные эмоции у читателя. Лучше поместить в

публикацию несколько слов о рекламируемой компании и разместить ссылку на сайт или интернет-магазин в конце текста. Также не стоит слишком часто упоминать название компании заказчика, иначе нивелируется основное преимущество нативной рекламы.

Стоит выбирать тему и инфоповод, которые действительно будут интересны читателю. Выбор формата нативной рекламы должен соответствовать содержанию публикации. Иными словами, личность в экспертном или имиджевом интервью должна быть представлена читателю как профессионал в своей сфере, ответы героя не должны содержать только рекламу той компании, чьи интересы он представляет.

Основные методы воздействия на аудиторию – это использование эмоций и рациональных аргументов. Нативные публикации не должны отличаться от редакционных по содержанию и оформлению. Стоит помнить о том, что качественно выполненные нативные публикации – это сильный инструмент воздействия на читателя. Он позволяет вводить моду на определенный образ жизни и закладывать в сознании людей определенные алгоритмы действий. То, что «отложится в голове» у читателя, зависит как от заказчика, так и от исполнителя (журналиста, издания), так как создание подобного продукта – это совместное творчество, в результате которого не должны пострадать качество контента, репутация СМИ, и, самое главное – зритель, пользователь сети интернет или читатель.

Эффективность нативной рекламы определяется её способностью органично интегрироваться в пользовательский опыт, обеспечивая при этом ценность для потребителей. Данные исследований показывают, что при правильном исполнении и прозрачном раскрытии информации нативная реклама превосходит традиционные форматы по всем ключевым показателям эффективности. Однако этический аспект остаётся критически важным: баланс между коммерческими целями и уважением к праву потребителей на информированный выбор должен соблюдаться неукоснительно.

Как видим, нативная реклама доказала свою состоятельность как ключевое средство медиамаркетинга для региональных СМИ Липецкой области, позволив им адаптироваться к вызовам цифровой эпохи. Однако ее устойчивое развитие и долгосрочная эффективность возможны только при условии преодоления «подростковых» болезней роста – низкого качества и неэтичности – и перехода на рельсы профессионального, прозрачного и аудиторно-ориентированного подхода.

Перспектива дальнейших исследований обусловлена тем, что нативная реклама – новый и развивающийся формат. Сегодня появляются новые способы интеграции брендов в журналистский продукт, актуален вопрос об этической стороне нативной рекламы, ее маркировке, а значит появляется материал для дальнейшего изучения нативной рекламы.

Библиографический список

1. Фризен Ю.И., Горбунова Е.С. Баннерная слепота и задачи пользователей: когда и почему баннеры остаются незамеченными // Новые психологические исследования. 2025. № 2. С. 51–66.
2. Ляхова Е. В. Нативная реклама в сетевых СМИ (на примере продвижения товаров и услуг индустрии красоты) // Век информации (сетевое издание). 2019. Т. 3. № 2 (7). С. 11-20.
3. Кузнецова Е.Н. Нативная реклама, как новый формат эффективной рекламы // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 1 (28). С. 19-22.
4. Марахина И.В. Нативная реклама: глубокий анализ // Big Data and Advanced Analytics. 2020. № 6-2. С. 146-152.
5. Мелехова А. С. Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии. 2015. №3. С.242-245.
6. Тарина В.И. Нативная реклама как инструмент продвижения бренда с помощью региональных СМИ / В сборнике: Брендинг как коммуникативная технология XXI

века. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 205-206.

7.Олешко В. Ф., Мищенко В. С. Нативная реклама цифровых медиа: специфика, виды, воздействующий потенциал // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 3 (49). С. 37–43.

8.Кофе с нотами поддержки / Лица Липецкой области. URL: <https://lpgzt.ru/litsa/articles/2025/kofe-s-notami-podderzhki.html> (дата обращения 20.01.2026).

References

1.Frizen YU.I., Gorbunova E.S. Bannernaya slepota i zadachi pol'zovateley: kogda i pochemu bannery ostayutsya nezamechennymi // Novyye psikhologicheskiye issledovaniya. 2025. № 2. Pp. 51–66.

2.Lyakhova E. V. Nativnaya reklama v setevykh SMI (na primere prodvizheniya tovarov i uslug industrii krasoty) // Vek informatsii (setevoye izdaniye). 2019. Т. 3. № 2 (7). Pp. 11-20.

3.Kuznetsova E.N. Nativnaya reklama, kak novyy format effektivnoy reklamy // Alleya nauki. 2019. Т. 3. № 1 (28). Pp. 19-22.

4.Marakhina I.V Nativnaya reklama: glubokiy analiz // Big Data and Advanced Analytics. 2020. № 6-2. Pp. 146-152.

5.Melekhova A. S. Nativnaya reklama kak element digital-kommunikatsionnoy strategii brenda // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2015. №3. Pp. 242-245.

6.Tarina V.I. Nativnaya reklama kak instrument prodvizheniya brenda s pomoshch'yu regional'nykh SMI / V sbornike: Brending kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka. Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2017. Pp. 205-206.

7.Oleshko V. F., Mishchenko V. S. Nativnaya reklama tsifrovyykh media: spetsifika, vidy, vozdeystvuyushchiy potentsial // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 3 (49). Pp. 37–43.

8.Кофе с нотами поддержки / Лица Липецкой области. [Elektronnyy resurs] <https://lpgzt.ru/litsa/articles/2025/kofe-s-notami-podderzhki.html> (дата обращения 20.01.2026).

УДК 070:316.77:004.738.5

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.023

Независимый исследователь
Посохова Е. С.
Россия, г. Москва,
тел.: +7 963 368 68 34

Independent scholar
Posokhova E.S.
Russian Federation, Moscow
tel.: +7 963 368 68 34

Е.С. Посохова

TELEGRAM КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЭКСПЕРТНОГО КАПИТАЛА

В условиях цифровой трансформации медийного пространства подвергаются пересмотру традиционные критерии экспертности, закреплённые в институциональных формах академического и профессионального признания. В центре настоящего исследования — Telegram как платформа, где складывается альтернативная модель экспертного авторитета, формируемого вне процедур институциональной верификации. Методологическую основу составляют концепции П. Бурдьё, Н. Лумана, Э. Гидденса, Б. Мистзаль и С. Тёрнера. В качестве методов использованы концептуальный анализ, кейс-стади и качественное наблюдение за коммуникационными практиками авторов Telegram-каналов в различных тематических сегментах. На этой основе введено аналитическое различие между институциональной и неинституциональной экспертностью, обусловленное характером каналов легитимации и типами символического капитала. Установлено, что в среде Telegram складывается особая инфраструктура цифровой экспертности, в которой авторитет опирается не на принадлежность к профессиональным институтам, а на способность к постоянному публичному присутствию и формированию доверия аудитории. Выделены четыре устойчивых признака неинституциональной экспертности: 1) интерпретативная функция в условиях отсутствия институционального фильтра; 2) оперативная реакция на события и способность к формированию повестки; 3) профессиональный уровень подачи материала; 4) включённость в сетевые связи, обеспечивающие символическое признание внутри цифрового экспертного поля. Эти признаки прослеживаются как в политико-аналитических каналах, так и в сообществах, связанных с образованием, культурой, урбанистикой и иными сферами. Новизна исследования заключается в том, что неинституциональная экспертность рассматривается как самостоятельная модель признания, обладающая собственными внутренними механизмами легитимации и воспроизводства. Работа вносит вклад в развитие понятийного аппарата социологии знания и цифровых коммуникаций, формируя основания для последующего эмпирического изучения инфраструктур экспертного капитала в рамках цифровых медиаплатформ.

Ключевые слова: институциональное признание, неинституциональная экспертность, Telegram, цифровая медиасреда, сетевая экспертность, культурный капитал, доверие.

E.S. Posokhova

TELEGRAM AS A MEDIUM FOR THE FORMATION OF NON-INSTITUTIONAL EXPERT CAPITAL

The digital transformation of the media environment challenges traditional criteria of expertise rooted in institutional forms of academic and professional recognition. This study focuses on Telegram as a platform where an alternative model of expert authority emerges — one that operates outside the procedures of institutional verification. The research is grounded in the conceptual frameworks of P. Bourdieu, N. Luhmann, A. Giddens, B. Misztal, and S. Turner. Methodologically, it relies on conceptual analysis, case studies, and qualitative observation of the communicative practices across thematic Telegram channels. The article introduces an analytical distinction between institutional and non-institutional expertise, shaped by the nature of legitimation channels and types of symbolic capital. It demonstrates that Telegram fosters a specific infrastructure of digital expertise, where authority is based not on affiliation with professional institutions but on continuous public presence and the ability to cultivate audience trust. The study identifies four stable characteristics of non-institutional expertise: (1) an interpretive function in the absence of institutional filters; (2) rapid responsiveness and agenda-setting capacity; (3) professional-level content delivery; (4) embeddedness in networked connections that enable symbolic recognition within the digital expert field. The novelty of the research lies in treating non-

institutional expertise as an autonomous model of recognition, with its own internal mechanisms of legitimation and reproduction. The article contributes to the development of the conceptual apparatus in the sociology of knowledge and digital communication by providing a basis for future empirical studies of expert capital on digital platforms.

Keywords: institutional recognition, non-institutional expertise, Telegram, digital media environment, networked expertise, cultural capital, trust.

Экспертность в классическом понимании опирается на институциональное признание: наличие ученой степени, официальной должности, публикаций в рецензируемых изданиях и принадлежность к авторитетным структурам. Именно такие формы верификации придают знанию статус достоверного и легитимного в глазах профессионального сообщества.

Однако по мере развития цифровых платформ классические формы признания экспертности утрачивают монополию на доверие. В интернете статус эксперта всё чаще определяется вниманием аудитории: количеством просмотров, репостов, вовлечённостью. Алгоритмы платформ продвигают тех, кто смог сформировать устойчивое цифровое присутствие.

Telegram как медиаплатформа демонстрирует альтернативную модель формирования экспертности: не «сверху», через институциональные процедуры, а «снизу» – через постоянную коммуникацию с аудиторией. Отсутствуют механизмы предварительного отбора и редакционного контроля, а признание формируется в процессе устойчивого цифрового присутствия и накопленного доверия со стороны подписчиков.

В таких условиях возникает новая модель экспертности – неинституциональная. Чтобы прояснить её критерии, представляется уместным очертить рамки традиционного понимания экспертности в институциональной логике.

В концепции П. Бурдьё экспертность соотносится с культурным капиталом, чья значимость определяется не только содержанием знаний, но и формами их общественного признания [1; с. 60-61]. Преимущество отдается институционально закреплённым признакам: дипломам, учёным званиям, членству в профессиональных сообществах, публичной репутации, то есть формализованным механизмам, которые подтверждают компетентность и обеспечивают возможность преобразования знаний в символическую власть.

В то же время, используя категориальный аппарат П. Бурдьё, можно утверждать, что экспертность формируется на стыке культурного, социального и экономического капитала. Её признание усиливается за счёт включённости в профессиональные сети, участия в экспертных сообществах, доступа к престижным образовательным и публичным площадкам.

Тем не менее, институционализированный культурный капитал задаёт формальную рамку экспертности, но её реальную значимость определяет доверие. Экспертность – это не просто сумма знаний, которыми обладает индивид, а социальное признание, выраженное в готовности аудитории считать его компетентным. Именно доверие превращает знание в легитимный ресурс влияния.

Если П. Бурдьё делает акцент на институциональном признании, то Н. Луман – на доверии как механизме, позволяющем действовать в условиях неопределённости [2; с. 4-8]. Он различает два типа доверия: персональное – возникающее в межличностных отношениях, и системное – опирающееся на стабильность институтов и формализованные процедуры. В классической модели экспертности именно системное доверие выполняет функцию условной верификации: аудитория ориентируется не на личный опыт взаимодействия, а на косвенные признаки – статус, институциональную принадлежность, стиль подачи. Принадлежность к признанным структурам заменяет необходимость прямой проверки компетентности, обеспечивая устойчивость экспертного статуса.

Развивая идеи Н. Лумана, Э. Гидденс показывает: в условиях современности доверие всё чаще переносится с конкретных людей или институтов на абстрактные системы – правила, документы, формальные процедуры [3; с. 47]. Это делает доверие менее персонализированным, но более уязвимым: любая системная нестабильность подрывает его основу. Б. Мистзаль

уточняет: доверие больше не возникает автоматически даже в отношении тех, кто обладает формальными признаками компетентности [4; с. 183-186]. По А.А. Лисенковой, в онлайн-среде экспертность основана на постоянном подтверждении и накоплении коммуникативного капитала [5; с. 47].

Когда доверие перестаёт опираться на институты, на первый план выходят другие каналы его формирования, например, личная репутация, прямая связь с аудиторией, узнаваемый стиль публичного высказывания. По наблюдению З.К. Саламовой, доверие в социальных сетях во многом основано на аффективном восприятии блогеров как «безопасных» и «дружелюбных» фигур [6; с. 259-261]. Это обостряет различие между экспертностью, подтверждённой институциями, и той, что возникает вне их рамок, напрямую в медиасреде.

Такой сдвиг ведёт к появлению альтернативных форм признания. Так, Б. Уинн описывает феномен «гражданской экспертизы» (*lay expertise*) [7; с. 192]. Он на примере фермеров из Камбрии подчеркивает, что эмпирическое знание «снизу» способно ставить под сомнение институциональные трактовки причин радиационного загрязнения. Этот случай продемонстрировал, что в зависимости от контекста знание, исходящее от «непрофессионалов», может и должно восприниматься как равноценное институциональной экспертизе. Однако применимость данной модели ограничена: она объясняет значимость локальных и практических знаний, но не охватывает ситуации, где экспертность формируется в условиях медийного пространства и символического признания.

С. Тёрнер делает следующий шаг и предлагает понятийную рамку для анализа подобных случаев [8; с. 125]. Он вводит категорию когнитивного авторитета (*cognitive authority*), подчеркивая, что экспертность формируется не столько внутри институтов, сколько в процессе признания со стороны аудитории. Это позволяет рассматривать её как гибкий, ситуативный статус, определяемый в конкретных условиях коммуникации. Данная концепция ближе к пониманию цифровой среды, чем феномен «гражданской экспертизы», но и она не учитывает специфики сетевых платформ, где авторитет зависит не только от доверия аудитории, но и от алгоритмической логики распространения информации.

Ни один из рассмотренных подходов не фиксирует системного различия между формами экспертности по признаку источников признания. В связи с этим в данном исследовании представляется логичным восполнить этот пробел, введя понятия институциональной и неинституциональной экспертности.

Институциональная экспертность определяется как форма признания, основанная на формализованных процедурах аккредитации – присуждении академических степеней, занятии официальных должностей, публикации в профессиональных изданиях, а также принадлежности к признанным научным или государственным учреждениям.

Неинституциональная экспертность, напротив, формируется за счёт устойчивого внимания, доверия и символического признания со стороны аудитории – читателей, подписчиков, участников специализированных сообществ.

Такое концептуальное разделение позволяет зафиксировать сдвиг в механизмах признания экспертности: от системно-институционального доверия к вовлечённому, персонализированному и сетевому признанию, характерному для цифровой медиасреды.

Конструирование экспертного статуса в цифровой среде становится предметом междисциплинарного интереса: исследователи анализируют, как авторы в социальных медиа формируют доверие аудитории и заявляют о себе как об источниках знаний вне институциональных рамок. Показательно, что изучаются не маргинальные зоны, а области с традиционно высоким порогом экспертного входа, как например, медицина и здоровье [9; с. 66-68;].

Одним из наиболее наглядных примеров площадок формирования неинституциональной экспертности выступает платформа Telegram, широко распространённая в России и на постсоветском пространстве. Она даёт возможность вести персонализированную коммуникацию и одновременно обращаться к широким аудиториям. В такой конфигурации Telegram оказался

особенно привлекательным для авторов, не связанных с официальными институтами: журналистов, аналитиков, экспертов на стыке дисциплин. Порог входа на платформу низок, отсутствуют процедуры верификации, редакционные фильтры или институциональные барьеры. Благодаря этому Telegram стал одной из ключевых площадок, где может разворачиваться альтернативная публичность – основанная не на формальных признаках экспертности, а на способности удерживать внимание аудитории, формулировать убедительные интерпретации событий и выстраивать устойчивое доверие.

Данный характер коммуникации требует постоянного подтверждения экспертного статуса через публичную самопрезентацию. Теоретическим осмыслением этой динамики может служить концепция И. Гоффмана о «представлении себя другим в повседневной жизни» [10; с. 2-5]. В соответствии с ней публичная коммуникация рассматривается как сценическое взаимодействие, где индивид сознательно управляет впечатлением, которое производит на других. В цифровой среде этот процесс приобретает новые формы: как показывают эмпирические исследования Л. Буллингхама и А. Васконсэлос, пользователи чаще стремятся не изобрести новую идентичность, а акцентировать отдельные черты уже существующей «офлайн-личности», усиливая их в рамках цифрового образа [11; с. 108-110].

Эта форма самопрезентации напрямую связана с характером самой среды: в Telegram авторитет не «делегирован сверху», а вырабатывается в процессе коммуникации. Подписчики, в отличие от аудитории традиционных СМИ, находятся в более равноправной позиции и могут напрямую взаимодействовать с автором, формируя горизонтальные отношения верификации. По мнению Р. Белка, в цифровом мире идентичность расширяется посредством виртуальных артефактов – от аватаров до постов и аккаунтов – и строится не автономно, а именно в процессе взаимодействия с аудиторией [12; с. 477-481]. Однако это не означает, что формальная квалификация теряет значение, но она перестаёт быть единственным или даже главным источником авторитета. Даже не обладая академическим статусом, автор Telegram-канала может сформировать устойчивую экспертную репутацию, если его аудитория воспринимает его оценки как компетентные и заслуживающие доверия.

Telegram допускает как анонимное, так и частично персонифицированное авторство, что затрудняет верификацию профессионального статуса участников. Каналы в Telegram можно условно разделить на три типа:

1. Персонифицированные каналы

К первому типу относятся каналы, авторство которых указано явно – через имя, должность или организационную принадлежность в названии или описании. Их экспертная репутация, как правило, базируется на уже сложившемся офлайн-статусе: должности, публичной деятельности, участии в профессиональных сообществах. В качестве примеров таких каналов можно привести каналы «Лобушкин», «Вино? Why No!», «Продюсер Kartoz», «Историк Дюков», «Доктор Амина».

Даже если личность автора известна, важно понимать, в какой сфере он действительно обладает профессиональной экспертизой. Публичное присутствие и узнаваемость ещё не гарантируют компетентности во всех темах. Также стоит учитывать возможное влияние институциональной или политической принадлежности, которое может исказить подачу материала.

2. Условно анонимные каналы

Формально данные автора такого канала не раскрываются, однако его личность известна в профессиональной среде. Идентификация может происходить за счёт повторяющихся стилей подачи, отсылок к другим медиаплощадкам автора или регулярного дублирования контента в личных аккаунтах. Подобная форма частичной репрезентации позволяет сочетать элемент дистанции с сохранением доверия у вовлечённой аудитории. Примерами служат каналы «Антиглянец», «Такое Вино», «Рыбарь».

3. Анонимные каналы

В этой категории находятся Telegram-каналы, чьи авторы намеренно сохраняют анонимность. Их данные не представлены ни в описании, ни на сторонних медиаресурсах. При этом анонимность не снижает доверие аудитории, если автор стабильно публикует качественный, логично аргументированный контент и предлагает нетривиальные объяснения происходящего, это может лишь усилить интерес и укрепить его репутацию как компетентного источника информации. Например, «Беспощадный пиарщик», «Незыгарь», «Гайная канцелярия» и другие.

Типология Telegram-каналов по степени персонификации показывает, что важнее не форма присутствия автора в Telegram (анонимная, полуанонимная или открытая), а принципы формирования доверия и легитимности экспертной позиции. Эти принципы универсальны для широкого спектра тематик — от политической аналитики до нишевых культурных или образовательных сообществ.

Важно отметить, что в рамках данной статьи не проводится анализ конкретных Telegram-каналов или их структурной организации — эта задача лежит в плоскости прикладных исследований, в том числе с политическим или стратегическим фокусом. Внимание сосредоточено на общем устройстве платформенной экспертности — на тех символических, коммуникативных и контентных механизмах, благодаря которым в Telegram возможно формирование устойчивого статуса эксперта без институциональной опоры. Это позволяет сохранить аналитическую дистанцию и удержаться в рамках нейтрального академического наблюдения.

На основании эмпирического материала можно выделить ряд устойчивых признаков, которые выполняют функцию маркеров неинституциональной экспертности. Эти признаки были выведены в результате анализа Telegram-каналов, представляющих разные тематические области — от политики и образования до урбанистики и культуры. Выводы основаны на наблюдении за тем, как в этих каналах формируется и поддерживается экспертная репутация вне институциональных рамок.

1. Интерпретативный аспект

Одним из ключевых признаков неинституциональной экспертности в Telegram является способность автора самостоятельно формулировать интерпретационные рамки для понимания происходящих событий. В Telegram-среде интерпретация возникает не как результат институционального отбора, а как прямое высказывание от первого лица, часто резкое, контрастное и сразу вовлекающее аудиторию.

Показателен в этом отношении Telegram-канал «Продюсер Kartoz» Николая Картозии. Несмотря на его институциональный статус генерального продюсера телеканала «Пятница!», экспертное признание в цифровой среде он получил не за счёт должности, а через регулярные интерпретации медиапроцессов. На протяжении первого года канал оставался практически неактивным (около 2,6 тыс. подписчиков), что показывает: институциональный капитал сам по себе не обеспечил формирование цифрового авторитета. Существенный рост аудитории начался лишь после запуска систематических публикаций в августе 2023 года: к августу 2024 подписчиков было свыше 100 тыс., к осени 2025 — около 130 тыс. Данная динамика демонстрирует, что именно интерпретационная активность — формулирование оценок и аналитических рамок вне институциональных фильтров — стала ключевым фактором формирования доверия аудитории и закрепления за каналом статуса экспертного источника.

В то же время стоит отметить, что интерпретативная активность в Telegram может принимать и более радикальные формы. Как отмечает О.И. Леховенко, в отдельных случаях она может переходить в так называемую «формирующую аналитику», когда аналитический стиль лишь имитирует нейтральность, а на деле выполняет задачу воздействия на аудиторию [13; с. 137-139]. Подобный контент может влиять на общественное мнение, маскируя пропагандистскую функцию под экспертизу. Telegram делает такую стратегию особенно эффективной,

поскольку исключает редакционные и институциональные фильтры и позволяя автору напрямую обращаться к аудитории без посредников.

2. Оперативное конструирование экспертной позиции

Ещё одним признаком неинституциональной экспертности в Telegram, особенно в политической или экономической среде, выступает способность автора формировать содержательную позицию в моменте, а значит, быстро реагировать на значимые события, предлагая их интерпретацию до появления официальных или институционально оформленных версий.

Как показывает исследование А.В. Чечулина, высокая оперативность новостных каналов, виральность сообщений и включённость аудитории в обсуждение усиливают воспринимаемую значимость авторов, оперативно реагирующих на события, но в то же время создают почву для распространения фейковой информации [14; с. 86].

В данном контексте реактивность заключается именно в умении занять аналитическую нишу, задать рамку осмысления и тем самым опередить другие источники. В глазах аудитории это воспринимается как признак осведомлённости, компетентности и «включённости» в процессы, что повышает уровень доверия и закрепляет за автором статус самостоятельного интерпретатора. Эффект усиливается в условиях высокой конкуренции за внимание.

3. Качество и достоверность контента

Вопреки распространённому заблуждению, количество подписчиков в канале не может служить единственным надёжным индикатором экспертности. Как утверждают А.М. Исхакова и В.Е. Беленко, посты часто читают не подписчики, а случайные пользователи, пришедшие по репостам, что указывает на то, что влияние канала определяется не столько его численностью его аудитории, сколько качеством вовлечения и уровнем доверия [15; с. 282]. Кроме того, в Telegram охваты зачастую зависят от механизмов продвижения, в числе которых могут быть технические накрутки. В то же время авторы, обладающие глубокой предметной экспертизой, могут сознательно не стремиться к росту аудитории особенно в сферах, где востребована не массовость, а точность и профессиональный фокус: от винной культуры до урбанистики и образования.

Согласно исследованию А.А. Литвиненко и А.С. Смоляровой, доверие к Telegram-каналу формируется прежде всего через профессионализм подачи с точки зрения достоверности контента, а именно наличия корректных фактических деталей, гиперссылок, возможности самостоятельного фактчекинга информации подписчиками [16; с. 7]. Репутация канала также формируется через поведенческие маркеры: доверие усиливается, если канал не был уличён во лжи или открыто признавал и исправлял собственные ошибки.

Особенности стилистической подачи при этом играют амбивалентную роль. Существуют каналы, в которых доминируют ироничность, провокационность, элементы «троллинга» или намеренной ангажированности. Несмотря на их яркий стиль, такая манера снижает аналитическую ценность сообщения, особенно в сферах, где аудитория ожидает экспертной глубины, например, в медицине, науке или культуре. Отдельную категорию составляют каналы, которые сознательно используют провокационный или сатирический стиль как форму привлечения внимания. В таких случаях парадоксальная подача может сочетаться с высоким качеством анализа.

4. Эффект экспертного окружения

Отдельным маркером неинституциональной экспертности в Telegram становится способность канала выстраивать устойчивые горизонтальные связи с другими авторами и платформами. Такая коммуникационная стратегия формирует эффект экспертного окружения, когда авторитет канала складывается не только из уникальности контента и подачи, но и из его роли в более широкой экосистеме каналов, связанных общей тематикой и аудиторией. Авторы тематических каналов часто взаимодействуют с другими участниками цифрового пространства: ссылаются на их публикации, вступают в содержательные дискуссии, включаются в процесс взаимного цитирования и анализа.

Характерный пример формирования экспертного окружения демонстрирует канал «Лёгкий быт с Аидой Prodom» (около 160 тыс. подписчиков). Его автор систематически интегрирует менее известные каналы через персональные рекомендации. Так, после упоминания канала «Poryadoktime» (около 16 тыс. подписчиков) его аудитория увеличилась примерно на 600 человек, при этом коэффициент вовлечённости вырос с 1,9 до 2,98. Хотя абсолютные значения прироста невелики, сам факт резкого роста ER показывает, что доверие, накопленное у аудитории, транслируется на другие каналы и усиливает их легитимность в сетевом окружении.

Такой способ легитимации близок к модели «сетевой экспертности» (networked expertise), описанной Л. Рэни и Б. Уэллманом [17; с. 131–135]: в условиях цифровых платформ знание формируется не в замкнутом институциональном контуре, а через плотное распределённое взаимодействие, где каждый участник одновременно является и потребителем, и носителем экспертного ресурса. При этом формируется так называемая «зонтичная лояльность», когда аудитория, уже доверяющая одному эксперту (в том числе институциональному), переносит часть этого доверия на менее известных, но связанных с ним авторов. В Telegram такая передача легитимности происходит органично через репосты, комментарии, рекомендации в подборках. Это особенно важно в ситуациях, когда аудитория не знакома с новым каналом: если он встроен в поле уже признанных фигур, он быстрее получает статус заслуживающего внимания.

Предложенный подход фиксирует важные трансформации в механизмах признания, однако обладает рядом ограничений. Отсутствие институциональной верификации делает неинституциональную экспертность уязвимой к распространению непроверенной информации: оперативность сообщений часто достигается ценой снижения качества фактологической базы. Существенным риском выступает ангажированность, когда интерпретации подаются как экспертные оценки, но фактически обслуживают политические или коммерческие интересы. Дополнительную нестабильность вносит зависимость от инфраструктуры платформы, так как алгоритмические механизмы распространения контента и возможность блокировок способны резко сократить охват и поставить под сомнение накопленный символический капитал. Эти обстоятельства показывают, что неинституциональная экспертность не заменяет традиционные формы признания, а функционирует параллельно им, оставаясь более гибкой, но и более уязвимой формой создания и поддержания экспертного статуса.

В современной медиасреде, сформированной логикой цифровых платформ, происходит пересборка механизмов экспертного признания. Telegram оказывается знаковым примером этой трансформации: он предоставляет условия для формирования устойчивой экспертной репутации вне институциональных рамок за счёт регулярного контентного присутствия, стилистической узнаваемости, смыслового посредничества и включённости в сетевые профессиональные круги.

Неинституциональная экспертность в данном контексте представляет собой не фиксированную характеристику субъекта, а динамичный статус, вырабатываемый в процессе публичной коммуникации и зависящий от устойчивого доверия аудитории. Её признаками становятся не столько биографические и профессиональные атрибуты автора, сколько способность задавать рамки осмысления, демонстрировать аналитическую самостоятельность и поддерживать символическую связность с другими источниками авторитетного знания.

Таким образом, цифровые каналы создают условия для институционально неоформленного, но социально признанного экспертного участия. Это не отменяет значимости академического или профессионального фона, но смещает фокус: в центре оказывается не происхождение знания, а его способность быть воспринятым как релевантное, своевременное и ценное. В результате Telegram выступает не просто как платформа распространения информации, но как среда формирования альтернативной публичности – гибкой, динамичной и способной к воспроизводству авторитетов без опоры на традиционные институты верификации.

Библиографический список

1. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.
2. Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley & Sons, 1979. 224 p.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
4. Misztal B.A. Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order. Cambridge: Polity Press, 1996. 304 p.
5. Лисенкова А.А. Новая экспертность цифрового мира: горизонтальная раздробленность и алгоритмическая целостность // Публичная политика. 2022. Т. 6. № 1. С. 44-50
6. Саламова З. К. Проблема конструирования экспертной позиции в социальных медиа и блогах // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. №. 7(2). С. 251-267.
7. Wynne B. May the Sheep Safely Graze? // Environmentalism: Critical Concepts / Ed. by D. Pepper. London: Routledge, 1996. Vol. 4. P. 186-226.
8. Turner S. What is the Problem with Experts? // Social Studies of Science. 2001. Vol. 31. No. 1. P. 123-149.
9. Осипова Н. Г., Белов А. А. Медиатизация медицины и здоровья в электронно-цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 3. С. 53–77.
10. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh: University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre, 1956.
11. Bullingham L., Vasconcelos A.C. ‘The presentation of self in the online world’: Goffman and the study of online identities // Journal of Information Science. 2013. Vol. 39. No. 1. P. 101–112.
12. Belk R.W. Extended self in a digital world // Journal of Consumer Research. 2013. Vol. 40. No. 3. P. 477–500.
13. Ляховенко О. И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4. №. 1. С. 114-144.
14. Чечулин А. В. и др. Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. 2023. №. 4 (172). С. 81-92.
15. Исхакова А., Беленко В. Коммуникация пользователей в Telegram-каналах // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5. №. 1. С. 279–285.
16. Litvinenko A., Smoliarova A. Trust in anonymous news? How users navigate political news channels on Russian Telegram // Social Sciences. 2024. Vol. 13. No. 4. Article No. 180. P. 1-14
17. Rainie H., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. 368 p.

References

1. Bourdieu, P. (2005). Forms of Capital. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, 6(3), 60–74.
2. Luhmann, N. (1979). Trust and Power. Chichester: John Wiley & Sons.
3. Giddens, A. (2011). The Consequences of Modernity. Moscow: Praxis.
4. Misztal, B. A. (1996). Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order. Cambridge: Polity Press.
5. Lisenkova, A. A. (2022). New Expertise of the Digital World: Horizontal Fragmentation and Algorithmic Integrity. *Publichnaya Politika*, 6(1), 44–50.
6. Salamova, Z. K. (2023). The Problem of Constructing Expert Positions in Social Media and Blogs. *Vestnik RGGU. Series: Literary Studies, Linguistics, Cultural Studies*, (7)2, 251–267.
7. Wynne, B. (1996). May the Sheep Safely Graze? In D. Pepper (Ed.), *Environmentalism: Critical Concepts* (Vol. 4, pp. 186–226). London: Routledge.

8. Turner, S. (2001). What is the Problem with Experts? *Social Studies of Science*, 31(1), 123–149.
9. Osipova, N. G., & Belov, A. A. (2024). Mediatization of Medicine and Health in the Digital Era. *Vestnik of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*, 30(3), 53–77.
10. Goffman, E. (1956). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre.
11. Bullingham, L., & Vasconcelos, A. C. (2013). The Presentation of Self in the Online World: Goffman and the Study of Online Identities. *Journal of Information Science*, 39(1), 101–112.
12. Belk, R. W. (2013). Extended Self in a Digital World. *Journal of Consumer Research*, 40(3), 477–500.
13. Lyakhovenko, O. I. (2022). Telegram Channels in the System of Expert and Political Communication in Contemporary Russia. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(1), 114–144.
14. Chechulin, A. V., et al. (2023). The Blogosphere as a Specific Environment of Digital Communication. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*, (4)172, 81–92.
15. Iskhakova, A., & Belenko, V. (2025). User Communication in Telegram Channels. *Dinamika Mediasistem*, 5(1), 279–285.
16. Litvinenko, A., & Smoliarova, A. (2024). Trust in Anonymous News? How Users Navigate Political News Channels on Russian Telegram. *Social Sciences*, 13(4), Article No. 180, 1–14.
17. Rainie, H., & Wellman, B. (2012). *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA: MIT Press.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 316.77:001.8+81: 398
DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.024

*Байкальский государственный университет,
профессор кафедры теоретической и при-
кладной лингвистики,
доктор филологических наук, доцент,
Баребина Н.С.,
г. Иркутск, +79642718744
svirel23@rambler.ru*

*Baikal State University, Professor of the De-
partment of Theoretical and Applied Linguis-
tics,
Doctor of Philology, Associate Professor,
N.S. Barebina,
Irkutsk, +79642718744
svirel23@rambler.ru*

Н.С. Баребина

МЕДИАОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА: СТЕРЕОТИПЫ И ЦИФРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА)

Статья посвящена исследованию медиаобраза Иркутска и роли цифровых гуманитарных проектов в преодолении сложившихся стереотипов. Актуальность работы обусловлена тем, что имидж страны формируется из образов ее регионов, а удаленность территорий часто приводит к созданию искаженного представления, основанного исключительно на опосредованных источниках. Целью исследования является демонстрация того, что проекты цифровизации культурного наследия способны деконструировать стереотипные представления и сформировать аутентичный, многослойный образ сибирского города. В основе методологии лежат контент-анализ и корпусный анализ текстов российских и зарубежных СМИ, позволившие выявить и систематизировать вербальные маркеры стереотипов. Результаты подтверждают доминирование негативных нарративов, сводящих образ Иркутска к фреймам «край холода», «место ссылок» и «ресурсная периферия». В противовес этому в статье рассматриваются реализованные цифровые проекты, такие как интерактивный маршрут «Зеленая линия», 3D-реконструкции исторических объектов и виртуальные выставки. Делается вывод о том, что эти инициативы выполняют корректирующую функцию, обеспечивая многогранную репрезентацию культурного наследия и формируя альтернативный, более аутентичный нарратив о городе. В дополнение к анализу реализованных цифровых проектов, в статье предлагается рассмотреть тексты-анонсы виртуальных выставок об Иркутске как особый музейный жанр, играющий ключевую роль в формировании интереса к культурному наследию. Экспертные исследования подтверждают, что онлайн-презентация экспонатов способна увеличить физическую посещаемость музеев в 2–2,5 раза, что делает качество таких текстов стратегически важным фактором привлечения аудитории. В работе предлагается дополнительный параметр для включения в набор лингвистических характеристик для анализа музейных текстов с помощью компьютерной модели (по методике П.А. Колмогоровой) в виде степени персонализации.

Ключевые слова: региональный медиаобраз, стереотип, медиадискурс, цифровые проекты, персонализация, текст-анонс.

N.S. Barebina

MEDIA IMAGE OF A SIBERIAN CITY: STEREOTYPES AND DIGITAL STRATEGIES TO OVERCOME THEM (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK CITY)

This article examines the media image of Irkutsk and the role of digital humanities projects in overcoming established stereotypes. The relevance of this work lies in the fact that a country's image is formed by the images of its regions, and the remoteness of these territories often leads to distorted perceptions based solely on indirect sources. The aim of the study is to demonstrate that digital cultural heritage projects can deconstruct stereotypical notions and create an authentic, multilayered image of the Siberian city. The methodology is based on content and corpus analysis of Russian and

international media texts, which allowed us to identify and systematize verbal markers of stereotypes. The results confirm the dominance of negative narratives, reducing the image of Irkutsk to frames such as “land of cold”, “place of exile”, and “resource periphery”. In contrast, the article examines implemented digital projects, such as the interactive “Green Line” route, 3D reconstructions of historical sites, and virtual exhibitions. It is concluded that these initiatives serve a corrective function, providing a multifaceted representation of cultural heritage and shaping an alternative, more authentic narrative about the city. In addition to analyzing the digital projects implemented, the article proposes examining the announcement texts of virtual exhibitions about Irkutsk as a distinct museum genre that plays a key role in generating interest in cultural heritage. Expert research confirms that online presentations of exhibits can increase physical museum attendance by 2-2.5 times, making the quality of such texts a strategically important factor in attracting audiences. The paper proposes an additional parameter for inclusion in the set of linguistic characteristics for analyzing museum texts using a computer model (based on P.A. Kolmogorova’s methodology) in the form of the degree of personalization.

Keywords: regional media image, stereotype, media discourse, digital projects, corpus analysis, personalization, announcement text.

За последние несколько лет увеличилось число публикаций, подчеркивающих то, что имидж страны складывается из образов ее регионов и того, как они представлены в разных типах дискурса – художественном, медийном, личностном, политическом, туристическом, научном и других. Важным фактором является то, что значительная удаленность некоторых территорий детерминирует формирование их образа исключительно из опосредованных источников, которые могут создавать искаженное представление не только у зарубежной, но и у отечественной аудитории. Проблема, которую планируется осветить в статье, связана с доминированием стереотипных образов о сибирском городе Иркутске («край холода», «место ссылки», «ресурсная колония») в российских и зарубежных СМИ.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что проекты цифровизации культурного наследия могут привести к деконструкции стереотипных представлений и формированию аутентичного, многослойного образа сибирского города.

Объект исследования: вербализация стереотипных представлений города Иркутска в российских и зарубежных медиатекстах. Предмет исследования: цифровые гуманитарные проекты, посвященные культурному наследию Иркутска и Иркутской области.

Феномен медиаобраза территорий все чаще становится объектом обсуждения на конференциях и в дискуссиях среди специалистов из разных областей, где рассматриваются проблемы брендинга различных регионов страны. В качестве примеров приведем Международную научную конференцию «Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации» (20–22 сентября 2022 г., Вологда) и Всероссийскую конференцию «Медиа сфера и коммуникации полиэтнического региона: эволюция системы, пространство смыслов, цифровые инновации» (23–26 октября 2025 г., Ростов-на-Дону). Ученые убедительно показывают, какую роль в интерпретации, редукции и даже манипуляции в создании образа территории могут играть акторы медиапространства в виде лидеров мнений, журналистов, репортеров, публикующих материалы в международных и национальных СМИ.

Для обзора публикаций, посвященных формированию медиаобраза Иркутска, мы обратились к более широкому контексту в рамках Сибирского региона. Обзор позволил сделать определенные выводы, которые мы предварим лингвистическим определением термина *медиаобраз региона*, рассматриваемым как «совокупность когнитивных представлений об этом регионе в отдельном медиатексте или группе медиатекстов, объединенных на том или ином основании <...> Предметом изучения в данном случае становится комплекс знаний и представлений о регионе, а также его оценки, эксплицированные в медиатексте с помощью вербальных и иных средств выражения» [1; с. 10]. Итак, анализ публикаций по проблеме показывает наличие следующих аспектов формирования стереотипного дискурса о Сибири.

Первый аспект подчеркивает стереотипность представлений о Сибири в целом и об Иркутске в частности. Исследователи формируют такой вывод, обращаясь к современным вербальным контекстам СМИ. По результатам исследования О.Н. Кондратьевой, «стереотипный образ Сибири, представленный на страницах российских масс-медиа нового столетия,

включает фреймы “Природа и география Сибири”, “История Сибири”, “Экономика Сибири”» [2; с. 232]. Е.Д. Маленова и М.В. Терских реконструировали следующий образ Сибири в американских СМИ: «удаленный, закрытый регион, без определенных границ, заброшенная, запущенная земля, на большей части которой располагается область вечной мерзлоты, имеются объекты с высоким имиджевым потенциалом – это озеро Байкал и некоторые города (Новосибирск, Иркутск), богатство природных ресурсов, очень холодно, место ссылки, куда до сих пор отправляют людей, неугодных власти» [3; с. 30]. Актуальные результаты формирования образа Сибири у российских студентов в диахроническом аспекте и на основе ассоциативного эксперимента были получены Г.М. Васильевой. Исследование показало, что стереотипный собственно географический образ Сибири является чрезвычайно устойчивым и не меняется в течение 20 лет. Некоторые трансформации образа представлены идеей о мировой значимости природных ресурсов и надежной опоре для всей страны в трудное время, а также приобретенным статусом туристического региона. Однако такую трансформацию исследователь связывает с изменением в содержании образования, а не с влиянием СМИ [4].

Второй аспект связан с исключением некоторых контекстов из практики освещения Сибирского региона. Так, С.Лю и Н.Г. Нестерова показали, что в языковой репрезентации Сибири не содержится контекста научных и научно-технологических достижений [5]. Ю. С. Сабаяева подтверждает, что образ региона формируется при обращении к географическим особенностям, достопримечательностям и легендам [6], О.Н. Кондратьева показывает, что образ региона почти не связывается с фреймами «Культура», «Наука», «Спорт» [2].

Третий аспект связан с обзором публикаций, которые посвящены собственно образу Иркутска, впрочем, они спорадичны. Любопытную особенность в создании образа Иркутска в СМИ выявляет М.В. Новоселова, показывая, что Иркутск в западных медиаплатформах кроме прочих стереотипных образов стал использоваться в качестве триггера-иллюстрации неблагоприятных событий в России для выражения негативного отношения к внутренней и внешней политике России. Автор приводит примеры, в которых журналисты известных изданий пишут о городе исключительно в негативных интерпретациях. Например, отреставрированный центр города авторы именуют «ретро-деревней», безобидное увлечение садоводством – борьбой за выживание, гиперболизируют имеющиеся проблемы города [7; с. 411]. Репортеры активно используют антитезы, противопоставляя унылую бедную жизнь города планам российского правительства. При этом, например, О.А. Каверина и М.В. Новоселова исследуют трэвел-тексты, созданные людьми, посетившими Иркутск. Можно сказать, что ученые опровергают стереотипные представления об этом городе, указывая на однозначно положительный образ, который формируют иностранные путешественники, отмечая «удобное месторасположение Иркутска, старинную архитектуру города, множество красивых церквей, памятники, парки, туристскую инфраструктуру, доброжелательных горожан. Каждый текст, не являясь рекламным продуктом, заканчивается советом посетить город, не проехать мимо и не оставить его без внимания» [8; с. 174]. А.В. Воробьева подтверждает это мнение. Статья подчеркивает оппозицию образа Иркутска, формируемого в западных СМИ и образа в рекламных трэвел-блогах, написанных иностранными туристами [9].

Основными методами исследования послужили систематизация научных источников, контент-анализ и корпусный анализ. Исследование включало два этапа. На первом этапе анализ текстов проводился для проверки положения о стереотипном представлении Сибири и Иркутска в текстах СМИ. Анализ текстов на русском языке проводился при обращении к Национальному корпусу русского языка (газетный корпус) <https://ruscorpora.ru/>. Отбирались тексты с лексемой *Иркутск* (включая производные формы топонима *Иркутская область, иркутяне*). Анализ текстов на английском языке проводился на корпусе в виде статей из центральных СМИ (“The New York Times”, “The Guardian”, “The Los Angeles Times”). Так как новости об Иркутске нечасто попадают в эти издания, мы расширили поиск статей, включив и более

ранние публикации, а также включив в поиск помимо лексем *Irkutsk, Irkutsk region, Irkutsk resident*, лексемы *Siberia, Siberian*.

Все тексты прошли тематико-оценочную разметку по следующим параметрам: (1) семантическая роль (Иркутск как место, как центр или периферия, как объект); (2) оценочная полярность (позитивная, негативная, нейтральная); (3) наличие стереотипных лексем и фреймов («далекий», «суровый», «заброшенный», «сибирская глушь», «холод», «ссылка», «тракт» и др.). Анализ частотности и дискурсивного окружения таких маркеров позволяет выявить устойчивые модели репрезентаций, характерные для стереотипного восприятия.

Второй этап представляет собой анализ 16 текстов раздела «Электронные выставки» Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского [10]. В текстах выделялись элементы персонализации в виде местоимений *вы, мы, вас, тебя*, вопросительных конструкций для вовлечения «*Знаете ли вы, что...?*», «*Были ли вы...?*», «*Давно ли вы гуляли по...?*», безличные конструкции.

Медиаобраз Иркутска тесно связан с устойчивой стереотипизацией, которая проявляется в доминировании ограниченного набора тематик природно-географического, периферийного, экономического значения. Этот образ отличается значительной устойчивостью во времени и воспроизводится как в российских, так и в зарубежных медиа. Присоединяясь к мнению ученых о том, что образ Сибири нуждается в серьезной корректировке, отметим, что это справедливо и в отношении сибирского города. Наш корпус текстов, размеченных для выявления маркеров образа Иркутска, в целом подтверждает выводы изложенных выше исследований. Мы можем сделать уточнение, полагаясь на наш анализ, который включал более сфокусированную выборку и отметим следующий факт: в публикациях прошлого века в русскоязычных газетах упоминания об Иркутске относились главным образом к производственной тематике и железной дороге, а в англоязычных СМИ мы обнаружили лексемы, формирующие позитивный образ города, например, в заголовках статей *From Irkutsk with Love* (“The Los Angeles Times”, 1996), *Exciting Irkutsk* (“The Los Angeles Times”, 1988).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изложенный контекст представляет собой широкое поле для преодоления сложившихся медиастереотипов с помощью цифровизации культурного наследия.

Действительно, имеются актуальные разработки, в которых подчеркиваются возможности современных технологий и цифровой гуманитаристики в мемориализации, музеефикации национального культурного достояния Сибири [11; 12]. Немало сделано в этом направлении в Иркутске. Приведем несколько примеров реализованных проектов.

Так, внедрен пешеходный экскурсионный маршрут «Зеленая линия», который был разработан Информационно-туристической службой Иркутска в сотрудничестве с городской администрацией и который является визитной карточкой города. Маршрут проходит по основным достопримечательностям в историческом центре Иркутска и предусматривает дальнейшее развитие, включая добавление новых объектов, создание веломаршрутов и QR-навигации [13].

В 2022 году был создан фильм, посвященный 3D-визуализации строительных этапов Дома-музея С.Г. Волконского в Иркутске [14]. Востребованным направлением является цифровая персонология. В рамках проекта «Культура РФ» организована виртуальная выставка «Художник, объединяющий Россию» к 85-летию В.Г. Распутина [15], продолжает действовать электронная выставка «Иркутск на страницах произведений Валентина Распутина» [16].

Из академических проектов отметим Электронную библиотеку краеведческих документов, относящихся к Иркутску и Иркутской области [17].

Указанные 3D-реконструкции, цифровые коллекции, туристические маршруты можно рассматривать как инструмент деконструкции медиа-стереотипов о городе. В целом технологии цифровой гуманитаристики открывают возможности для более полной и многогранной

репрезентации сибирского региона, они позволяют включить в культурный оборот ранее неизвестные или малодоступные аспекты его наследия.

Рассмотрим потенциал текстов-анонсов электронных выставок. Рассуждая о возможностях создания имиджа с помощью текстового поля современных технологий, мы вступаем в междисциплинарную область и обязаны рассматривать мнения лидеров в сфере культурологии и музейного дела. Обращаясь к практике, мы обнаруживаем, что проекты цифровизации прочно вошли в арсенал стратегий сохранения историко-культурного наследия. Так, на международной научно-практической конференции «Информационные технологии в сохранении и продвижении культурного наследия», прошедшей 6–7 ноября 2025 в Санкт-Петербурге, Н.П. Николенко, выступая с докладом «Цифровая эволюция культуры в руках алгоритмов: перспективы и риски», привел статистические данные о том, что онлайн-презентация экспонатов и технологии дополненной реальности не только не снижают, но напротив, стимулируют аудиторию посетить оригинал «вживую» [18; с. 2]. Это объясняется формированием эмоциональной вовлеченности и желанием личного опыта взаимодействия с контекстом экспозиций. Эксперты подтверждают и оправданность стратегии персонализации для привлечения зрителей.

Сказанное можно экстраполировать на тексты-анонсы электронных выставок. В работе А.В. Колмогоровой, Е.Р. Куликовой, П.А. Колмогоровой «виртуальная экскурсия по музею» описывается как речевой жанр. Исследователи формулируют жанровые признаки соответствующих текстов и переходят к выявлению метрик их лингвистической сложности [19]. Мы считаем, что качество текстов-анонсов, их ясность, приемы эмоциональной вовлеченности и персонализации, которые давно применяются в разновидностях продвигающего дискурса, составляют оцениваемый параметр и в музейных текстах.

Рассмотрим, как этот параметр представлен в текстах-анонсах электронных выставок на примере аннотации к электронной выставке «Наличники Иркутска»:

В Иркутской области к 2012 году насчитывалось около 4000 выявленных памятников деревянного зодчества, что составило 28% от их общего количества на территории Российской Федерации. Из них 400 регионального, местного и федерального значения уже находятся на государственной охране. В городе Иркутске сосредоточено 374 таких объекта, то есть 82%.

Традиции зодчества начинают складываться вместе с первыми поселенцами, в основном выходцами с северных территорий, и не отличаются обильным декором. В начале XVIII века Иркутск застраивается «горбатыми домами», прозванными так за свои высокие четырехскатные крыши. Памятников этой эпохи не сохранилось. Под влиянием взглядов купеческого и мещанского сообщества к концу XVIII века начинают формироваться традиции собственного иркутского домостроения, примеры которых и по сей день можно увидеть на улицах города. На рубеже XVIII-XIX веков сибирские города оказываются под влиянием государственной политики в области градостроительства, распространение получает классицизм. Его черты, заложенные проектами «образцовых фасадов», местными мастерами, ремесленниками были переработаны и получили воплощение в деревянных наличниках. Практически одновременно со скромным убранством классицизма получают распространение и всеобщую любовь наличники с барочными волютами. После пожара 1879 года, уничтожившего центральную часть города, Иркутск вновь отстраивается со значительным перевесом в сторону деревянной застройки.

Наличники домов приобретают кружевное разнообразие, которое включает и элементы классической архитектуры начала XIX века, и неязыческие мотивы, создавая своеобразную эклектику иркутских наличников [20].

Перед нами информативный и исторически точный текст, но персонализация в нем выражена слабо. Пример не содержит обращений, вопросительных конструкций, используются безличные конструкции: создавались, получили воплощение, распространялись, начинает

формироваться, Иркутск отстраивается. Формат статьи не дает возможности привести больше примеров, но, обобщая, мы можем сказать, что анализ представленных 16 текстов сайта свидетельствует о том, что языковая стратегия персонализации является эксплицитным критерием интерактивного вовлечения аудитории. Ничуть не умаляя значимости проделанной сотрудниками музея работы, мы бы хотели указать на тот факт, что обращение к читателю текстов-анонсов в информационно-констатирующем ключе снижает потенциал текстов как инструментов привлечения аудитории.

В заключение отметим, что анализ медиадискурса выявляет устойчивую стереотипизацию Иркутска как области «крайнего холода», «места ссылок», «ресурсной периферии», проявления неблагополучия России, особенно в зарубежных СМИ. В противовес этому редуцированному образу цифровые гуманитарные инициативы, такие как интерактивные экскурсионные маршруты, 3D-реконструкции исторических объектов и электронные краеведческие архивы, обеспечивают аутентичную репрезентацию культурного наследия города и выполняют корректирующую функцию. Эти проекты не только сохраняют память о прошлом, но и формируют альтернативный нарратив, способный корректировать стереотипы. Поэтому качество текстов-анонсов электронных выставок перестает быть вспомогательной деталью и становится стратегическим инструментом не только привлечения аудитории, но и коррекции стереотипного образа города. Перспективу исследования мы видим в разработке практического предложения музеем в виде чек-листа или автоматизированного скрипта, который анализирует текст перед публикацией и дает рекомендации. Целевой аудиторией такого проекта являются все, кто заинтересован в формировании актуального образа одного из российских регионов.

Библиографический список

1. Ильина Е. Н., Драчева Ю. Н. Медиаобраз регионов в «Сказочной карте России» // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 9–21.
2. Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз Сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 222–236. DOI 10.17223/24099554/12/11.
3. Маленова Е. Д., Терских М. В. Медиаобраз Сибирского региона (по материалам современных американских СМИ) // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 19–30.
4. Васильева Г. М., Виноградова М. В. Культурно-географический образ Сибири в языковом сознании российских студентов: диахронический аспект // Сибирский филологический форум. 2022. № 2(19). С. 4–15. DOI 10.25146/2587-7844-2022-19-2-112.
5. Лю С., Нестерова Н. Г. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой презентации (на материале текстов сайта международной выставки-форума «Россия») // Филология и человек. 2025. № 1. С. 40–54. DOI 10.14258/filichel(2025)1-03.
6. Сабаева Ю. С. Языковая репрезентация медиаобраза Сибири в региональном просветительском радиодискурсе: дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.02.01. Томск, 2019. 179 с.
7. Новосёлова М.В. 2023. Репрезентация образа г. Иркутска в современных англоязычных СМИ // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН ФНИСЦ РАН. Иркутск: Издательство ИГУ. С. 395–406.
8. Каверина О. А., Новоселова М. В. Медиаобраз г. Иркутска в англоязычных трэвел-текстах // Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации. Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2023. С. 169–175.

9. Воробьева А. В. Анализ медиаобраза г. Иркутска в англоязычных трэвел-текстах // Лучшие научные исследования студентов и учащихся : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 30 мая 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 136–140.

10 Иркутский областной краеведческий музей им. Муравьева-Амурского – Сайт музея г.Иркутска. URL: <https://iokm.ru/category/виртуальный-музей/электронные-выставки/> (дата обращения 09.11.2025).

11. Лопатина Н. В. Принципы цифровизации сохранения культурного наследия // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. 2020. № 4. С. 8–18. – DOI 10.28995/2686-679X-2020-4-8-18.

12. Хилько Н. Ф. Цифровизация как медийная репрезентация культурного наследия Сибири // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. № 14–15. С. 173–181.

13. Пешком по Иркутску: изучаем город по «Зеленой линии». URL: <https://xn--b1afab9anqdfg9c.xn--p1ai/article/peshkom-po-irkutsku-izuchaem-gorod-po-zelenoj-linii>

14. Фильм, посвященный 3D визуализации строительных этапов Дома-музея С.Г. Волконского в Иркутске. URL: <https://imd38.ru/news/film-posvyaschennyu-3d-vizualizacii-stroitelnyh-etapov-doma-muzeya-s-g-volkonskogo-v-irkutske-0906/>

15. Виртуальная выставка «Художник, объединяющий Россию» к 85-летию В.Г. Распутина. URL: <https://www.culture.ru/events/1730428/virtualnaya-vystavka-khudozhnik-obedinyayushii-rossiyu-k-85-letiyu-v-g-rasputina>

16. Электронная выставка «Иркутск на страницах произведений Валентина Распутина». URL: <https://iokm.ru/category/%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (дата обращения 09.11.2025).

17. Электронная библиотека краеведческих документов, относящихся к Иркутску и Иркутской области. URL: <https://kraeved38.irilib.ru/hroniki-priangarya-2/>

18. Международная научно-практическая конференция «Информационные технологии в сохранении и продвижении культурного наследия» 6–7 ноября 2025 // Программа конференции. URL: <https://cultecon.hse.ru/itheritageconf/>

19. Колмогорова А. В., Куликова Е. Р., Колмогорова П. А. Лингвистическая сложность текстов жанра «виртуальная экскурсия по музею» (на материале виртуального визита в Государственный Эрмитаж) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 38. С. 29–54.

20. Электронная выставка «Наличники Иркутска» <https://iokm.ru/2023/01/14/электронная-выставка-наличники-ирку/> (дата обращения 09.11.2025).

References

1. Plyina E. N., Dracheva Yu. N. Media image of regions in the "Fairytale Map of Russia" // Philological class. 2023. Vol. 28, No. 2. pp. 9–21.

2. Kondratieva O. N. Stereotypical media image of the Siberian region (based on Russian media of the 21st century) // Imagology and comparative studies. 2019. No. 12. pp. 222–236. DOI 10.17223/24099554/12/11.

3. Malenova E. D., Terskikh M. V. Media image of the Siberian region (based on modern American media) // Man in the World of Culture. 2015. No. 3. pp. 19–30.

4. Vasilyeva G. M., Vinogradova M. V. The cultural and geographical image of Siberia in the linguistic consciousness of Russian students: a diachronic aspect // Siberian Philological Forum. 2022. No. 2 (19). pp. 4–15. DOI 10.25146/2587-7844-2022-19-2-112.

5. Liu S., Nesterova N. G. Media image of Siberia through the prism of scientific achievements of its regions: means of language presentation (based on the texts of the website of the international

exhibition and forum "Russia") // *Philology and Man*. 2025. No. 1. pp. 40–54. DOI 10.14258/filichel(2025)1-03.

6. Sabaeva Yu. S. Linguistic representation of the media image of Siberia in the regional educational radio discourse: diss. for the degree of Candidate of Philological Sciences, February 10, 2001. Tomsk, 2019. 179 p.

7. Novoselova M.V. 2023. Representation of the image of Irkutsk in modern English-language media // VI Gottlieb Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asian-Pacific Region, Irkutsk State University; Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House. Pp. 395–406.

8. Kaverina O. A., Novoselova M.V. Media image of Irkutsk in English-language travel texts // *Coordinates of contemporary urban studies: discursive transformations*. Moscow: Infra-M Publishing House, 2023. pp. 169–175.

9. Vorobyova A. V. Analysis of the Media Image of Irkutsk in English-Language Travel Texts // *The Best Scientific Research of Students and Pupils: A Collection of Articles from the VII International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts, Penza, May 30, 2024. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2024. pp. 136–140.

10. Irkutsk Regional Museum of Local History named after M. V. Muravyov-Amursky – Website of the Irkutsk Museum. URL: <https://iokm.ru/category/virtual-muzey/electronic-exhibitions/> (accessed 09.11.2025).

11. Lopatina, N. V., “Principles of Digitalization of Cultural Heritage Preservation,” in: *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Computer Science. Information Security. Mathematics*. 2020, no. 4, pp. 8–18. – DOI 10.28995/2686-679X-2020-4-8-18.

12. Khilko, N. F., “Digitalization as a Media Representation of Siberia’s Cultural Heritage,” in: *Culture in Focus of Scientific Paradigms*. 2022, no. 14–15, pp. 173–181.

13. Walking Around Irkutsk: Exploring the City Along the Green Line. URL: <https://xn--b1afab9anqdfg9c.xn--p1ai/article/peshkom-po-irkutsku-izuchaem-gorod-po-zelenoj-linii>

14. Film dedicated to 3D visualization of the construction stages of the S.G. Volkonsky House-Museum in Irkutsk. URL: <https://imd38.ru/news/film-posvyaschenny-3d-vizualizacii-stroitelnyh-etapov-doma-muzeya-s-g-volkonskogo-v-irkutske-0906/>

15. Virtual exhibition "The Artist Uniting Russia" for the 85th anniversary of V.G. Rasputin. URL: <https://www.culture.ru/events/1730428/virtualnaya-vystavka-khudozhnik-obedinyayushii-rossiyu-k-85-letiyu-v-g-rasputina>

16. Online exhibition "Irkutsk in the Works of Valentin Rasputin." URL: <https://iokm.ru/category/%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (accessed November 9, 2025).

17. Online library of local history documents related to Irkutsk and the Irkutsk region. URL: <https://kraeved38.irklib.ru/hroniki-priangarya-2/>

18. International Scientific and Practical Conference "Information Technologies in the Preservation and Promotion of Cultural Heritage" November 6-7, 2025 // Conference Program. URL: <https://cultecon.hse.ru/itheritageconf/>

19. Kolmogorova A. V., Kulikova E. R., Kolmogorova P. A. Linguistic Complexity of Texts in the "Virtual Museum Tour" Genre (Based on a Virtual Visit to the State Hermitage Museum) / A. V. Kolmogorova, E. R. Kulikova, P. A. Kolmogorova // *Text. Book. Book Publishing*. 2025. No. 38. pp. 29–54.

20. Electronic exhibition “Irkutsk platbands” <https://iokm.ru/2023/01/14/электронная-выставна-ликники-ирку/> (date of access 09.11.2025).

УДК 81.22

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.025

*Волгоградский государственный соци-
ально-педагогический университет
Аспирант кафедры языкознания
Корнейчук Т.А.
Россия, Волгоград,
тел.: +7 (927) 063-90-94,
e-mail: tatianass1@yandex.ru*

*Volgograd State Pedagogical University
The chair of linguistic
Postgraduate student
Korneychuk T.A.
Russia, Volgograd, t
tel.: +7 (927) 063-90-94,
e-mail: tatianass1@yandex.ru*

Т.А. Корнейчук

НАЗВАНИЯ РОССИЙСКИХ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ КИНОФИЛЬМОВ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье рассматривается авторская языковая рефлексия создателей названий российских и латиноамериканских художественных кинофильмов. Определяется место названий кинофильмов в системе имен собственных, за которыми в ономастике закреплён термин «фильмоним». Определяется понятие рефлексива, а также языковой рефлексии в ономастике как элемента творчества именуемых субъектов, что позволяет рассматривать выбор названия как особый речевой акт. Материалом послужили фрагменты интервью с российскими и латиноамериканскими режиссёрами и сценаристами, в которых раскрываются причины выбора названия кинофильма. На основе этих данных реконструированы номинативные интенции авторов: обращение к имени или прозвищу героя, к месту действия или к основной идее кинофильма; а также прослежена последовательность творческого процесса: от рабочих и отвергнутых вариантов к финальному названию, которое закрепляется как наиболее удачное. Сделаны выводы о том, что при создании фильмонимов реализуются различные принципы номинации, выявлены общие и различающиеся стратегии российских и латиноамериканских авторов. Значительная часть названий возникает в результате взаимодействия индивидуальных ассоциаций с культурным контекстом и ориентацией на восприятие аудитории. При этом российские режиссёры чаще опираются на прямые и социально острые номинации, а латиноамериканские чаще обращаются к мифологическим, символическим и этнографическим мотивам. Исследование представляет интерес для специалистов в области ономастики, лингвистики и культурологии, поскольку демонстрирует, как в сфере массовой культуры языковая рефлексия авторов воплощается в выборе названия фильма и отражает культурно-коммуникативные обстоятельства эпохи.

Ключевые слова: ономастика, фильмоним, языковая рефлексия, рефлексив, номинативная интенция, номинативная ситуация.

Т.А. Korneychuk

THE TITLES OF RUSSIAN AND LATIN AMERICAN FILMS AS AN OBJECT OF LANGUAGE REFLECTION

The article examines the authorial linguistic reflection of the creators of titles of Russian and Latin American feature films. The place of film titles within the system of proper names is defined, for which the term *filmonym* is established in onomastics. The concept of reflexive, as well as linguistic reflection in onomastics, is defined as an element of creativity of naming subjects, which makes it possible to consider the choice of a title as a special speech act. The material consists of fragments of interviews with directors and screenwriters of Russian and Latin American films, which reveal the reasons for choosing the titles. Based on these data, the authors' nominative intentions are reconstructed: an appeal to the name or nickname of the hero, to the place of action or to the main idea of the film; and the sequence of the creative process is traced: from working and rejected options to the final name, which is fixed as the most successful. It is concluded that when creating film titles, various principles of nomination are implemented, and common and differing strategies of Russian and Latin American authors are identified. A significant part of the names arises as a result of the interaction of individual associations with the cultural context and orientation towards audience perception. At the same time, Russian directors are more inclined to rely on direct and socially acute nominations, while Latin American directors are more likely to turn to mythological, symbolic and ethnographic motives.

The study is of interest to experts in the field of onomastics, linguistic and cultural studies, as it demonstrates how in the field of mass culture the linguistic reflection of the authors is embodied in the choice of the title of the film and reflects the cultural and communicative circumstances of the era.

Keywords: onomastics, filmonym, language reflection, reflexive, nominative intention, nominative situation.

Название кинофильма – это первая точка контакта зрителя с произведением. Оно задаёт ожидания и формирует интерпретационное поле ещё до того, как включается экран. Это «та площадка, с которой начинается (и от неё зависит во многом – начнется ли?) взаимодействие, диалог писателя и читателя» [1, с. 6]. По аналогии можно говорить о диалоге режиссёра и зрителя.

В ономастике для обозначения названий кинофильмов используется специальный термин *фильмоним*, который отделяет их от других идеонимов – названий произведений духовной культуры [2, с. 6]. Фильмонимы выступают своеобразным документом эпохи: через выбор слов и образов проявляются не только авторские интенции, но и более широкие процессы в языке и культуре.

Фильмонимы представляют большой интерес для проведения лингвистических исследований. Ранее они анализировались в ономастиологическом и прагмалингвистическом аспектах [2; 3]. Однако с точки зрения оценки названий (языковой рефлексии) как элемента творчества именуемых субъектов они еще не исследовались. С данной позиции уже рассматривались такие имена собственные, как прагматонимы [4], антропонимы [5], антропозтонимы [6] и геме-ронимы [7].

И.Т. Вепрева, исследуя феномен языковой рефлексии, вводит понятие «рефлексив», который определяет, как «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы». Она отмечает, что «рефлексив» находится в одном ряду с такими терминами как «оценка речи», «контекст-мнение», «метаязыковое высказывание» и др. [8, с. 76]. В ономастике рефлексивы рассматриваются с позиции субъекта речи (авторские и адресатные), эмоциональной оценки (мелиоративные и пейоративные), а также исходя из объема и структуры (первичные и вторичные) [9, с. 9].

Такой подход определяет цель нашего исследования – проанализировать авторские языковые рефлексивы именуемого субъекта в процессе искусственной номинации названий российских и латиноамериканских кинофильмов, что позволит выявить, какие номинативные интенции определили выбор фильмонимов.

Материалом исследования послужили фрагменты интервью с режиссёрами и сценаристами российских и латиноамериканских фильмов, а также отдельные рецензии и критические статьи, в которых обсуждаются причины выбора названия. Латиноамериканские фильмы, созданные в разных странах, мы анализируем совокупно, руководствуясь положением о том, что искусствоведы рассматривают латиноамериканский кинематограф как целостный феномен, обладающий общими чертами, важными для формирования континентального самосознания [10]. Всего проанализировано около 100 рефлексивов, в которых режиссёры и сценаристы обсуждают выбор разных вариантов названий для 20 фильмов (из них 9 российских и 10 латиноамериканских). Такой корпус позволяет выявить повторяющиеся номинативные интенции и принципы номинации, а также реконструировать ситуации называния на основе авторских комментариев.

В.Г. Гак рассматривает акт называния как результат взаимодействия именуемого и условий, в которых совершается номинация. Вслед за ним, мы понимаем номинативную ситуацию как совокупность четырёх взаимосвязанных компонентов: именуемого субъекта (имядатель), именуемого объекта (создаваемое имя), обстоятельств (микро-/макроситуация) и аудитории как прагматического адресата, на чьё восприятие ориентирован выбор имени. Именно контекст делает возможным появление определённого наименования, и именно он определяет характер этого имени [11]. Если перенести эту идею в сферу массовой культуры, становится очевидным, что режиссёр или сценарист, выбирающий название фильма, действует не только в рамках собственных предпочтений, но и в условиях культурной ситуации: под влиянием моды, политической конъюнктуры, ожиданий

прокатчиков и будущей аудитории. Таким образом, субъект номинации – автор названия – всегда соотносит своё решение с возможной реакцией адресата, а значит, аудитория становится неотъемлемой частью номинативной ситуации.

Однако специфика кинематографического наименования состоит в том, что оно не возникает спонтанно: это всегда результат осознанного выбора. Имядатель в лице режиссёра или сценариста, изобретая название, преследует конкретные коммуникативные задачи: обозначить идею фильма, выделить его среди других, привлечь внимание зрителя. Подобные имена относятся к особой сфере, которую М.В. Голомидова определяет как искусственная номинация [12]. В отличие от естественного именования, искусственная номинация всегда целенаправленна. Фильмом встраивается в систему массовой коммуникации и функционирует на правах особого текста, который должен привлечь внимание, вызвать интерес и в то же время обозначить художественный замысел.

Детальное рассмотрение мотивационной стороны именования кинофильмов позволяет увидеть целевые установки автора, что в ономастологии закреплено в понятии номинативной интенция [4].

В свою очередь И.В. Крюкова рассматривает процесс присвоения названия с точки зрения теории речевых актов, в которой главным предметом исследования является иллокутивная функция или иллокутивный тип высказывания. По ее мнению, речевой акт присвоения названия определяется как акт-установление декларативного типа. Результатом речевого акта присвоения названия является создание новой номинативной ситуации. На отношения между элементами ситуации называния оказывают влияние субъективные факторы, в которых относятся знание, целевые установки, языковое чутье и опыт работы со словом именуемого субъекта [13, с. 94].

Собранный корпус фильмонимов позволяет выявить разные стратегии искусственной номинации: от опоры на имя героя до использования метафоры или топонима, от случайных решений до тщательно продуманных культурных аллюзий. Анализ авторских рефлексивов даёт возможность реконструировать номинативные ситуации и выделить интенции, которые лежат в основе выбора названия.

Одним из основных принципов номинации в массовом кинематографе является обращение к имени или прозвищу героя. В этом случае название одновременно выполняет идентифицирующую и символическую функции: оно указывает на персонажа и в то же время транслирует определённое качество, воплощённые в нём.

Так, Кантемир Балагов объяснял выбор названия *«Дылда»* через прозвище главной героини: *«Я понимал, что “дылда” – это не только главная героиня Ия. Дылда для меня – это что-то неуклюжее, лишённое грации и потерянное в пространстве, как и люди, которые вернулись с войны»* [14]. Имя-прозвище здесь становится метафорой послевоенного состояния общества: индивидуальная характеристика перерастает в символ коллективного опыта.

Сходная стратегия наблюдается у венесуэльского режиссёра Диего Висентини в фильме *«Simón»* (Симон): *«Escogí el nombre de “Simón” para atribuirle la mitología de Bolívar a todos estos jóvenes que son anónimos»* / *«Я выбрал имя “Симон”, чтобы наделить мифологией Боливара всех этих безымянных молодых людей»* (здесь и далее перевод наш – Т.К.) [15]. В этом случае имя героя соединяет личную судьбу персонажа с национальным мифом, превращая его в символ поколения.

В этих случаях можно наблюдать единый механизм: именующий субъект выбирает название, исходя из фигуры героя, но при этом расширяет его значение – от индивидуальной характеристики к социальной метафоре или национальному символу.

Другим распространённым принципом номинации является обращение к месту действия, при этом в качестве названия часто выбирается топоним. В таких случаях название указывает на конкретное место, но при этом способно приобретать дополнительные смыслы. Этот принцип номинации наиболее полно отражен в рефлексивах латиноамериканских режиссёров и сценаристов.

Например, Пабло Траперо отмечает, что в его фильме *«Elefante blanco»* (*Белый слон*) название связано с реально существующим недостроенным госпиталем в Буэнос-Айресе, известным под названием «Белый слон»: *«Tomó el nombre del 'Elefante Blanco', el edificio inconcluso...»* / *«Название взято от "Белого слона", незавершённого здания...»* [16]. В этом случае топоним выполняет функцию социального символа: он обозначает пространство упадка и маргинализации, становясь метафорой неустроенности, социальной изоляции.

Фильмоним *«Japón»* (*Япония*), образованный путём трансонимизации от топонима, лишён прямой географической привязки, о чём заявляет режиссёр фильма в одном из интервью: *«Japón es Japón porque quería un título evocativo, no tenía que ser descriptivo forzosamente. Pensé en esa palabra porque me parecía abierta, sugerente, incluso misteriosa. No tiene relación con el país, pero sí con la sensación de extrañamiento que quería transmitir»* / *«Япония» – это Япония, потому что я хотел название-намёк, оно не обязательно должно было быть описательным. Я подумал об этом слове, потому что оно показалось мне открытым, внушающим, даже таинственным. Оно не связано со страной, но связано с ощущением отчуждения, которое я хотел передать»* [17]. Рейгадос сознательно выбирает слово, известное как название страны, однако действие фильма разворачивается в мексиканской деревне. Слово «Япония» используется исключительно как знак-намёк. Автор стремится не информировать зрителя о месте действия, а вызвать у него чувство отчуждения и неопределённости.

Таким образом, топонимические названия демонстрируют разные интенции: обозначение социального символа за счет связи с конкретным местом действия (*«Elefante blanco»* (*Белый слон*)), а также создание намеренно эстетической провокации без прямой связи с местом действия (*«Japón»* (*Япония*)).

Особую группу образуют названия, основанные на метафоре или обобщённой идее. Этот принцип номинации наиболее ярко отражен в рефлексивах российских режиссёров и сценаристов. В данном случае заголовок не описывает сюжет напрямую, а задаёт ключ к интерпретации, концентрируя внимание зрителя на состоянии, концепте или символе.

Так, Андрей Звягинцев отмечал, что слово «нелюбовь» уникально и не поддаётся точному переводу: *«Нелюбовь» не переводится. И «Loveless» – неудачное название. Потому что «Без любви» – это не так точно и ясно, как «Нелюбовь», потому что это имя собственное, а не описание состояния»* [18]. В данном случае номинативная интенция реализуется через семантизацию неологизма: слово «нелюбовь», созданное с помощью отрицательной приставки, получает статус авторского определения и обозначает особое состояние, которое становится метафорой современного общества.

В фильме «Левиафан» того же режиссёра название отсылает к библейскому и философскому образу: *«Поначалу фильм назывался "Батя". Но я понял, что идеальное название – "Левиафан". Это очень ёмкий метафорический образ; он и скрепил весь замысел»* [19]. Здесь номинативная интенция реализуется через межтекстовую аллюзию: заголовок восходит к библейскому чудовищу и трактату Томаса Гоббса, становясь символом государства и судьбы человека перед лицом системы.

Российский режиссёр Борис Хлебников признавался, что название *«Аритмия»* возникло как рабочее и оставалось для него неудовлетворительным: *«К сожалению, название получилось какое-то метафорическое, слишком литературное, оно мне совершенно не нравится. Но лучшие мы не придумали. Это было рабочее название...»* [20]. В данном случае номинативная интенция автора не была чётко выражена: выбор имени продиктован скорее обстоятельствами производства, чем целевой установкой. Однако именно рецепция зрителей и критиков наделила это название смыслом – оно стало восприниматься как метафора нарушенного ритма жизни и отношений. Таким образом, название *«Аритмия»* демонстрирует приём семантического переосмысления, когда первоначально случайный или рабочий вариант обретает художественную ценность за счёт аудитории.

К этой же группе относится аргентинский фильм «*Kabaddi*» (*Кабадду*) Пабло Хосе Месы. Автор указывал, что слово заимствовано из индийской игры, неизвестной в Аргентине: «*Kabaddi*, palabra que proviene del nombre de un juego indio desconocido en Argentina que metafóricamente representa los conflictos grupales...» / «“Кабадду” – слово, происходящее от названия индийской игры, неизвестной в Аргентине, которая метафорически отражает групповые конфликты...» [21]. Здесь номинативная интенция реализуется через приём экзотизации: использование чуждого для аудитории слова превращает его в символ коллективных противостояний, придавая фильму особую выразительность и универсальное звучание.

Колумбийский режиссёр Алехандро Ландес объяснял многозначность названия «*Monos*» (*Обезьяны*): «*En Iberoamérica, la palabra mono tiene muchos significados: puede ser guapo, simio o rubio, entre tantas otras cosas. Sin embargo, el título de nuestra película, Monos, viene de su raíz griega: uno, solo, único*» / «В Ибероамерике слово ‘*mono*’ имеет множество значений: оно может означать «красивый», «обезьяна» или «блондин», среди многих других. Однако название нашего фильма *Monos* происходит от его греческого корня: «один, единственный» [22]. Номинативная интенция реализуется через приём этимологической игры: современное слово *mono*, многозначное в латиноамериканском испанском, соотносится с его греческим корнем *mónos* – «один, единственный». Эта наложенность значений создаёт двусмысленность и задаёт тон фильму.

Таким образом, метафорические фильм-имены демонстрируют номинативную интенцию авторов не столько обозначить объект, сколько задать зрителю способ интерпретации – через абстрактное состояние, символическую фигуру или намеренную недосказанность.

В ряде случаев название рождается из случайного обстоятельства, однако именно эта непреднамеренность придаёт ему особую выразительность. Так, Георгий Данелия рассказывал, что абсурдное слово «Кин-дза-дза!» для одноименного кинофильма возникло случайно: «*Леонов... спел: “Кин-дза-дза-дза”... Песня испепелилась. Название осталось*» [23]. Произвольно найденный звукоряд оказался ёмким знаком для обозначения фантастического мира и вошёл в культурную память как символ иронической антиутопии.

Кубинский сценарист Сенель Паз вспоминал, что название «*Fresa y chocolate*» (*Клубника и шоколад*) появилось «для выхода из положения» и закрепилось вопреки первоначальному замыслу: «*...lo llamé “Fresa y chocolate”. A Titón no le gustaba... Finalmente terminó por gustarnos o nos acostumbramos, y creo que resultó genial...*» / «...я назвал его „Клубника и шоколад“. Титону это не нравилось... В конце концов название нам понравилось – или мы к нему привыкли, и, думаю, в итоге получилось отлично...» [24]. Импровизационное имя оказалось самым удачным и со временем приобрело множественные значения.

В Перу комедия «*No vayan!!*» (*Не уходите!!*) получила название из популярной шутки комика Мелькочита, чья реплика «*¡No vayan!*» / «*Не уходите!*» стала крылатой [25]. Перенос этой фразы в название сделал фильм сразу узнаваемым и встроил его в систему массовой коммуникации, где цитаты из юмористического дискурса функционируют как культурные мемы.

Эти примеры демонстрируют, что случайность или спонтанность не отменяют прагматической направленности названия: напротив, такие импровизационные имена часто оказываются наиболее запоминающимися.

Языковая рефлексия позволяет проследить не только конечный выбор названия, но и сам процесс поиска, т.е. последовательность творческого процесса при выборе наиболее удачного названия. Так, Андрей Звягинцев вспоминает: «*Поначалу фильм назывался “Поле битвы”. Но это не то. ... Потом было ещё несколько вариантов. И наконец появилось слово “Нелюбовь”*» [18]. Здесь видна динамика творческого процесса: от обобщённого символа конфликта режиссёр приходит к авторскому неологизму, который точнее передает эмоциональное состояние картины.

Подобная последовательность прослеживается и в случае с фильмом Валерия Тодоровского «*Стиляги*». Первоначальное название «*Буги на костях*» оказалось слишком архаичным и непонятным для широкой аудитории. Режиссер вспоминал: «*Буги на костях – это было*

отсылкой к способу записи и хранения запрещенной музыки на рентгеновских снимках. <...> Мне в какой-то момент сказали, что ни один человек сейчас не знает, что такое “буги на костях”. Прокатчики сказали, что будет ощущение, будто это что-то про кладбище... Поэтому пришлось это прекрасное название поменять» [26]. Финальное название оказалось более прагматичным и сразу маркировало субкультурный контекст, а значит, лучше выполняло функцию привлечения зрителя.

Юрий Быков также отметил этапность поиска: «Наверное, можно было назвать фильм “Юродивый” – это пафосно, “Аварийное здание” – это как догадайся сам, а “Дурак” – в лоб» [27]. В данном случае заметно движение от излишне метафорических или неопределённых названий к краткому и прямому слову, совпадающему с образом героя и усиливающему социальный посыл фильма.

Особый интерес представляет история названия фильма о марийских женщинах «Небесные жёны луговых мари». Режиссёр вспоминал: «Фильм назывался ШОШО – сейчас я бы назвал его “Небесные мужья луговых мари”. Но НЕБЕСНЫЕ ЖЕНЫ родились еще раньше: сценарий написан где-то в 2005 году, и поскольку о мари я знал мало, нужно было сначала изучить мифологию, быт, культуру, традиции, обряды этого народа... НЕБЕСНЫЕ ЖЕНЫ не сразу получили поддержку министерства культуры – сценарий был, наверное, слишком смелым и нестандартным» [28]. В данном случае рабочее название ШОШО трансформировалось в образное «Небесные жёны луговых мари», где номинативная интенция опирается на мифологию и этнокультурные традиции марийского народа. Таким образом, название совмещает индивидуальный творческий поиск с элементами культурной памяти.

В случае серии «Ёлки» языковая рефлексия проявилась в необходимости обновления бренда: «Мы поняли, что название “Ёлки 7” работает хуже. Большие уже было смешно продолжать их отсчитывать, все уже запутались, включая нас. Поэтому решили “Новые ёлки” – это точнее отражает обновление и продолжение традиции» [29]. Выбор здесь обусловлен прагматическими факторами и направлен на сохранение интереса аудитории к продолжению франшизы.

Аналогичные процессы наблюдаются и в латиноамериканском кинематографе. Так, Селень Паз рассказывал о названии «Fresa y chocolate» (Клубника и шоколад): «No nos pareció bueno el nombre del cuento para la película: “El lobo, el bosque y el hombre nuevo”. Es largo y la gente se confunde, no sabe si comenzar por el lobo, el bosque o el hombre. ... Y entre tanto se me ocurriera uno mejor, para salir del paso y guiarnos en la producción, lo llamé “Fresa y chocolate”» / «Нам не показалось хорошим названием для фильма то, которое было у рассказа: “Волк, лес и новый человек”. Оно слишком длинное, и люди путаются, не знают, с чего начать – с волка, леса или человека. ... И пока мне не пришло в голову что-то лучше, чтобы выйти из положения и ориентироваться в производстве, я назвал его «Клубника и шоколад» [24]. Первоначальное название рассказа оказалось слишком громоздким и трудно воспринимаемым, поэтому автору пришлось искать более удачное решение. Временный вариант постепенно закрепился и оказался максимально выразительным, что демонстрирует движение от литературного заголовка к краткому и звучному фильмониму.

Таким образом, выбор названия фильма в массовой культуре России и Латинской Америки представляет собой сложный процесс, в котором номинативная интенция автора реализуется через разные принципы – от антропонимического и топонимического до метафорического и импровизационного. Языковая рефлексия именуемых субъектов проявляется как в создании неологизмов и использовании межтекстовых аллюзий, так и в обращении к полисемии или заимствованиям. Отдельный интерес представляет последовательность творческого поиска: от предварительных и отвергнутых вариантов к финальному имени. Таким образом, фильмонимы функционируют не только как элементы ономастического пространства, но и как результат творческого самосознания авторов, отражающий их взаимодействие с культурным контекстом и аудиторией.

Сопоставление российских и латиноамериканских рефлексивов показывает как общие закономерности, так и различия. Общее состоит в том, что и в России, и в Латинской Америке процесс именования учитывает как личные ассоциации автора, так и культурный контекст. Это показывает универсальность представлений о том, каким должно быть название кинофильма. Различия же проявляются в характере номинации: российские режиссёры чаще опираются на прямые и социально острые номинации (*Дурак*, *Дылда*), при этом встречаются и отдельные этнокультурные образы (*Небесные жёны луговых мари*), тогда как латиноамериканские нередко обращаются к мифологическим, символическим и этнографическим мотивам (*Kabaddi*, *Monos*). Таким образом, языковая рефлексия режиссеров и сценаристов в России и Латинской Америке демонстрируют единство механизма искусственной номинации, но различается в культурных стратегиях.

Библиографический список

1. Кольцова Л.М. Заголовок в структуре художественного текста // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 2. С. 6-18.
2. Кныш Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1992. 17 с.
3. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 205 с.
4. Горяев С.О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (На материале рус. прагмонимов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 20 с.
5. Бойкова Т.А. Языковая рефлексия носителей имени (по материалам опроса российских и американских респондентов) // Известия ВГПУ. 2015. №7 (102). С. 142-147.
6. Петрачкова И.М. Основные тенденции номинации персонажей в драматургическом пространстве Александра Михайловича Галина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №2 (49). С. 49-56.
7. Сулейман М.М. Названия современных российских телепередач как объект языковой рефлексии // Известия ВГПУ. 2022. №4 (167). С. 145-148.
8. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / М-во образования Рос. Федерации, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2002. 380 с.
9. Крюкова И.В. Имя собственное как объект языковой рефлексии: направления исследований // Ономастика Поволжья: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / под ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 8–11.
10. Ветрова Т.Н. Феномен латиноамериканского кино: этапы и особенности становления: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2009. 56 с.
11. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков): учеб. пособие. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
12. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. 38 с.
13. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 288 с.
14. Кантемир Балагов: «Жизнь порой менее реалистична, чем кино» [Электронный ресурс]. URL: <https://status-media.com/life-style/kultura/kantemir-balagov-zhizn-poroj-mencee-realisticna-chem-kino/> (дата обращения: 05.09.2025).
15. Simón (película de 2023). [Электронный ресурс] URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Sim%C3%B3n_%28pel%C3%ADcula_de_2023%29 (дата обращения: 05.09.2025).
16. Pablo Trapero, director de “Elefante blanco”. [Электронный ресурс] URL: <https://www.latamcinema.com/entrevistas/pablo-trapero-director-de-elefante-blanco/> (дата обращения: 05.09.2025).

17. Romero M. Japón se llama así porque quise evocar al sol naciente: Reygadas. La Jornada. [Электронный ресурс] URL: <https://www.jornada.com.mx/2003/04/20/06an1esp.php> (дата обращения: 05.09.2025).
18. Звягинцев А. Звягинцев о представленном в Каннах фильме: «Нелюбовь» не переводится [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1808372/> (дата обращения: 08.09.2025).
19. Кто такой левиафан? [Электронный ресурс] URL: https://aif.ru/dontknows/file/kto_takoy_leviafan (дата обращения: 10.09.2025).
20. «Ярославль – богатая киноплощадка»: Борис Хлебников о том, почему ярославцы неправильно его поняли [Электронный ресурс]. URL: <https://yarcube.ru/interview/yaroslavl-bogataya-kinoploshchadka-boris-khlebnikov-o-tom-pochemu-yaroslavtsy-nepravilno-ego-ponyali/> (дата обращения: 10.09.2025).
21. “Kabaddi”; entrevista con el director de la película, Pablo José Meza. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cinestel.com/pelicula-kabaddi-entrevista-con-el-director-pablo-meza> (дата обращения: 11.09.2025).
22. Pase de prensa y entrevistas con Alejandro Landes, director de Monos. [Электронный ресурс] URL: <https://www.casamerica.es/pase-de-prensa-y-entrevistas-con-alejandro-landes-director-de-monos> (дата обращения: 08.09.2025).
23. Возвращение в Кин-дза-дзу. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/5470842> (дата обращения: 08.09.2025).
24. Senel Paz: “El arte libre vuela alto”. [Электронный ресурс] URL: <https://oncu-banews.com/cultura/cine/senel-paz-fresa-y-chocolate/> (дата обращения: 11.09.2025).
25. No vayan!! [Электронный ресурс]. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/No_vayan%21%21 (дата обращения: 08.09.2025).
26. Что случилось на съемках фильма "Стиляги" и почему из-за этого пришлось поменять название фильма [Электронный ресурс]. URL: https://den.ru/a/XrzN8BxZ_FRlppbj (дата обращения: 10.09.2025).
27. Юрий Быков: «Дурак» – это то, кто я есть на самом деле». [Электронный ресурс] URL: <https://www.proficinema.com/interviews/detail.php?ID=159723> (дата обращения: 12.09.2025).
28. Алексей Федорченко: «Скучно делать то, что делают все». [Электронный ресурс] URL: https://www.kinometro.ru/interview/show/name/fedorchenko_o_mari (дата обращения: 11.09.2025).
29. Не «шестые», а «новые»: Бекмамбетов объяснил смену имени проекта «Елки» [Электронный ресурс]. URL: <https://kino.rambler.ru/movies/38755136-ne-shestye-a-novye-bekmam-betov-obyasnil-smenu-imeni-proekta-elki/> (дата обращения: 12.09.2025).

References

1. Koltsova L.M. The title in the structure of a literary text. Topical Issues of Modern Philology and Journalism. 2007. Iss. 2. P. 6–18.
2. Knysh E.V. Linguistic analysis of film titles in the Russian language: thesis ...PhD in Philology. Odessa, 1992. 17 p.
3. Podymova Y.N. Film titles in the structural-semantic and functional-pragmatic aspects: thesis. ... PhD in Philology. Maikop, 2006. 205 p.
4. Goryaev S.O. Nominative intentions of the subject of onomastic nomination (Based on Russian pragmonyms): dis. ...Ph.D. in Philology. Yekaterinburg, 2000. 20 p.
5. Boykova T.A. Linguistic reflection of name bearers (based on a survey of Russian and American respondents). Bulletin of Voronezh State Pedagogical University. 2015. Iss. 7 (102). P. 142-147.
6. Petrachkova I.M. Main trends in the nomination of characters in the dramatic space of Aleksandr Mikhailovich Galin. Relevant issues of modern philology and journalism. 2023. Iss. 2 (49). P. 49-56.
7. Suleyman M.M. Titles of modern Russian TV programs as an object of linguistic reflection. Izvestiya of Voronezh State Pedagogical University. 2022. Iss. 4 (167). P. 145–148.

8. Vepreva I.T. Linguistic reflection in the post-Soviet era. Ministry of Education of the Russian Federation, Ural State University named after A.M. Gorky. Yekaterinburg, 2002. 380 p.
9. Kryukova I.V. Proper name as an object of linguistic reflection: research directions. In: Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 12th International Scientific Conference (Yaroslavl, September 13–14, 2012) / ed. by R.V. Razumov, V.I. Suprun. Yaroslavl State Pedagogical University Press, 2012. P. 8–11.
10. Vetrova T.N. The phenomenon of Latin American cinema: stages and features of formation: thesis ... PhD in Art History. Moscow, 2009. 56 p.
11. Gak V.G. Comparative lexicology (based on French and Russian languages): a textbook. Moscow, 1977. 264 p.
12. Golomidova M.V. Artificial nomination in Russian onomastics: abstract of thesis... PhD. in Philology. Yekaterinburg, 1998. 38 p.
13. Kryukova I.V. Advertising name: from invention to precedent. A monograph. Volgograd, 2004. 288 p.
14. Kantemir Balagov: “Life is sometimes less realistic than cinema” [Electronic resource]. URL: <https://status-media.com/life-style/kultura/kantemir-balagov-zhizn-poroj-menee-realisticchna-chem-kino/> (date of application: 05.09.2025).
15. Simón (film of 2023) [Electronic resource]. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Sim%C3%B3n_%28pel%C3%ADcula_de_2023%29 (date of application: 05.09.2025).
16. Pablo Trapero, director of “Elefante blanco” [Electronic resource]. URL: <https://www.latamcinema.com/entrevistas/pablo-trapero-director-de-elefante-blanco/> (date of application: 05.09.2025).
17. Romero M. Japan is called that because I wanted to evoke the rising sun: Reygadas. The Day [Electronic resource]. URL: <https://www.jornada.com.mx/2003/04/20/06an1esp.php> (date of application: 05.09.2025).
18. Zvyagintsev A. On the film “Loveless” presented at Cannes: “Loveless” is untranslatable [Electronic resource]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1808372/> (date of application: 08.09.2025).
19. Who is leviathan? [Electronic resource]. URL: https://aif.ru/dontknows/file/kto_takoy_leviafan (date of application: 10.09.2025).
20. “Yaroslavl is a rich filming location”: Boris Khlebnikov on why Yaroslavl residents misunderstood him [Electronic resource]. URL: <https://yarcube.ru/interview/yaroslavl-bogataya-kinoploshchadka-boris-khlebnikov-o-tom-pochemu-yaroslavtsy-nepravilno-ego-ponyali/> (date of application: 10.09.2025).
21. “Kabaddi”: an interview with the director of the film, Pablo José Meza [Electronic resource]. URL: <https://www.cinestel.com/pelicula-kabaddi-entrevista-con-el-director-pablo-meza> (date of application: 11.09.2025).
22. Press pass and interviews with Alejandro Landes, director of Monos [Electronic resource]. URL: <https://www.casamerica.es/pase-de-prensa-y-entrevistas-con-alejandro-landes-director-de-monos> (date of application: 08.09.2025).
23. Return to Kin-dza-dza [Electronic resource]. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/5470842> (date of application: 08.09.2025).
24. Senel Paz: “Free art is flying high” [Electronic resource]. URL: <https://oncu-banews.com/cultura/cine/senel-paz-fresa-y-chocolate/> (date of application: 11.09.2025).
25. No vayan!! [Electronic resource]. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/No_vayan%21%21 (date of application: 08.09.2025).
26. What happened during the filming of stilyagi and why the film’s title had to be changed. [Electronic resource] URL: https://dzen.ru/a/XrzN8BxZ_FRlppbj (date of application: 10.09.2025).
27. Yury Bykov: “The fool is who I really am” [Electronic resource]. URL: <https://www.proficinema.com/interviews/detail.php?ID=159723> (date of application: 12.09.2025).

28. Aleksei Fedorchenko: “It is boring to do what everyone else does” [Electronic resource]. URL: https://www.kinometro.ru/interview/show/name/fedorchenko_o_mari (date of application: 11.09.2025).

29. Not “the sixth,” but “the new”: Bekmambetov explains the renaming of the Yolki project [Electronic resource]. URL: <https://kino.rambler.ru/movies/38755136-ne-shestye-a-novye-bekmambetov-obyasnil-smenu-imeni-proekta-elki/> (date of application: 12.09.2025).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 372.881.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.026

Самарский государственный социально-педагогический университет

*доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации*

Клюшина А.М.

Россия, г. Самара,

тел. +7(929)701-49-08

e-mail: klyushina@pgsga.ru

*Samara State University of Social Sciences and
Education*

D.Sc. in Philology,

*Professor at the Department of English Philology
and Intercultural Communication*

Klyushina A.M.

Russia, Samara,

tel. +7(929)701-49-08

e-mail: klyushina@pgsga.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет

*магистрант 2 курса обучения, направления
«Теория и практика перевода в межкультур-
ной коммуникации»*

Куренкова Я.И.

Россия, г. Самара,

тел. +7(937)641-08-85

e-mail: kurenkova.ya@sgspu.ru

*Samara State University of Social Sciences and
Education*

*Master's student, 2nd year, Direction «Transla-
tion Theory and Practice in Intercultural Com-
munication»*

Kurenkova Ya.I.

Russia, Samara,

tel. +7(937)641-08-85

e-mail: kurenkova.ya@sgspu.ru

А.М. Клюшина, Я.И. Куренкова

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА V ПОВОЛЖСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ФОРУМЕ «СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ, МОДЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

А.М. Klyushina, Ya.I. Kurenkova

ISSUES OF STUDYING AND TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE V VOLGA PEDAGOGICAL FORUM "THE SYSTEM OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL EDUCATION: INNOVATIVE IDEAS, MODELS, AND PROSPECTS"

С 17 по 19 ноября 2025 года на базе АНО ВО «Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского» и ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ) состоялся V Поволжский педагогический форум «Система непрерывного педагогического образования: инновационные идеи, модели и перспективы».

В рамках форума была организована работа 13 секций, в каждой из которых раскрывались различные аспекты системы педагогического образования, среди которых можно отметить: специальное (дефектологическое), гуманитарное, математическое, начальное,

естественно-научное, дошкольное, историческое, экономическое образование и др. Участниками форума стали как ученые, преподаватели, так и аспиранты, магистранты и студенты различных гуманитарных направлений подготовки разных университетов.

Коллектив СГСПУ не раз выступал организатором различных образовательных мероприятий по обучению русскому языку как иностранному [1; с. 7] [2; с. 77] [3; с. 181] и проводил ряд научных исследований разных аспектов обучения русскому языку как иностранному [4; с. 1849] [5; с. 193] [6; с. 71] [7; с. 109], что подтверждает обоснованность проведения заседания секции “Методика преподавания русского языка как иностранного” на базе факультета иностранных языков СГСПУ.

С докладами выступили преподаватели и магистранты разных образовательных учреждений: СГСПУ, Тольяттинского государственного университета, Самарского государственного технического университета, Самарского филиала Московского государственного педагогического университета, филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в городе Сызрань Самарской области.

В ходе заседания секции были рассмотрены следующие актуальные вопросы методики преподавания русского языка как иностранного: необходимость совершенствования методов работы, проектирование структуры и содержания учебных материалов, разработка системы оценивания знаний студентов и использование информационных технологий.

В докладе Н.Н. Немич, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани, «Использование коммуникативно-речевых игр при обучении говорению иностранных военнослужащих в военном вузе» раскрывается вопрос применения коммуникативно-речевых игр как наиболее эффективного метода обучения говорению иностранных военнослужащих. Докладчик акцентировал внимание на том, что такие игры способствуют формированию профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, развитию лидерских качеств, преодолению языкового барьера и повышению мотивации обучающихся. Были продемонстрированы несколько коммуникативно-речевых игр (ролевая игра «Совещание офицеров» (подробнее в [8; с. 241-245]), интервью-игра «Военный журналист» и другие интерактивные методы работы [9; с. 370-375]). Н.Н. Немич, основываясь на собственном научном опыте [10; с. 303] [11; с. 245], а также опираясь на имеющиеся в науке исследования по теме доклада, пришла к выводу, что коммуникативно-речевые игры способны значительно повысить качество подготовки иностранных военнослужащих и обеспечить их готовность к решению коммуникативных задач в сложных профессиональных ситуациях.

Рассмотрению лексико-грамматического аспекта обучения русскому языку как иностранному был посвящен доклад Т.В. Косолаповой, кандидата филологических наук, доцента кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации СГСПУ, «Особенности обучения лексике по теме «Еда» студентов Объединённой Республики Танзания (элементарный уровень)». Т.В. Косолапова подробно проанализировала типовые задания по теме «Еда» в современных учебниках по русскому языку как иностранному. Представленный комплексный анализ заданий показал, что для изучения лексической темы «Еда», а также успешного использования изученного материала в разнообразных коммуникативных ситуациях студентам Танзании необходимо владеть навыками употребления винительного, дательного и творительного падежей, изучить настоящее, прошедшее и будущее время глаголов несовершенного вида, а также знать роды имён существительных и уметь правильно согласовывать по роду прилагательные и существительные. Т.В. Косолапова также описала ряд возможных трудностей при работе в онлайн-формате в группах с большой наполняемостью и предложила возможные варианты их решения [12; с. 242].

Я.И. Куренкова, магистрант 2 года обучения факультета иностранных языков СГСПУ, выступила с докладом на тему «Роль культурологического компонента во внеурочной

деятельности при обучении русскому языку как иностранному (на примере работы Международной школы русского языка как иностранного для студентов из Танзании)». В своем исследовании Я.И. Куренкова акцентировала внимание на интегрировании особенностей национальной культуры страны изучаемого языка на занятиях. Этот аспект является неотъемлемым элементом при формировании межкультурной коммуникативной компетенции, которая является важной целью обучения иностранному языку. Формат внеурочной деятельности был выбран неслучайно, так как он позволяет активно внедрять в образовательный процесс задания, связанные с изучением культурологического компонента. Особый интерес при разработке системы внеурочных занятий для студентов из Танзании, изучающих русский язык, уделялся фольклорному аспекту. Сравнение русских-народных сказок, пословиц и поговорок с национальным фольклорным компонентом Танзании позволило студентам лучше понять разницу в менталитете двух непохожих стран.

В докладе доктора филологических наук, профессора кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур ТГУ О.А. Плаховой и преподавателя кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникации ТГУ Д.В. Резникова «Лингвокультурная адаптация и дидактическая оптимизация: разработка модели интенсива РКИ для китайских студентов с учётом особенностей межкультурного взаимодействия с русскоязычным преподавателем» систематизируется опыт организации и проведения интенсива по обучению русскому языку как иностранному для китайских студентов технических специальностей. Работа осуществлялась в Чанчжоуском институте мехатроники со студентами второго курса и включала в себя шесть этапов. Интеграция каждого этапа имела целью оптимизацию учебного процесса, повышение качества преподавания и усвоения языкового материала студентами. Проведение входного и выходного тестирований сделало возможным наблюдать количественные и качественные изменения коммуникативных умений студентов, приобретённых в ходе интенсива. Данный доклад продолжил серию исследований образовательных возможностей и социально-педагогической поддержки иностранных студентов, ср.: [13; с. 338] [14; с. 44] [15; с. 253].

Рассмотрение вопроса, связанного с изучением соматических фразеологизмов при обучении русскому языку как иностранному нашло отражение в докладе О.Ю. Лысовой, кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой филологии и межкультурной коммуникации СФ МГПУ, «Соматические фразеологизмы в системе преподавания русского языка как иностранного: лингвокультурологический подход». Автор раскрыла специфику лингвокультурологического анализа фразеологизмов-соматизмов на уроках русского языка как иностранного; описала виды специально ориентированных заданий. Отдельное внимание уделяется характеристике национальной семантики фразеологизмов русского языка. Выступление продолжает характеристику фразеологизмов русского языка, отражённую в прошлых работах, ср.: [16; с. 192].

Выступление старшего преподавателя кафедры теории и практики перевода ТГУ Е.В. Косс было посвящено описанию современных дидактических ресурсов и инструментов при обучении русскому языку как иностранному. Целью доклада «Русский язык как иностранный онлайн: экономим наше время (о ресурсах и инструментах)» являлось знакомство участников форума с онлайн-ресурсами для преподавания русского языка как иностранного в дистанционном формате. Автор подробно описала и продемонстрировала принципы применения цифровой среды «Златоуст», которая предлагает более 135 оцифрованных учебных и методических изданий, включая мультимедийные, и обеспечивает их интерактивными упражнениями и возможностью отслеживать прогресс. Особое внимание Е.В. Косс уделила бесплатной системе автоматического оценивания тестов с вопросами закрытого типа EvalBee, которая позволяет получить мгновенную формальную оценку работы студента с использованием только смартфона преподавателя. Современные интерактивные методы работы и ранее рассматривались автором доклада, ср.: [17; с. 83] [18; с. 52] [19; с. 285]. Особый интерес у

участников заседания секции вызвали примеры обучения лексической стороне русской речи (на материале терминов родства) [20; с. 3422].

Все участники секции отметили, что вклад каждого в обсуждение проблем методики преподавания русского языка как иностранного стал неопределимым источником знаний и вдохновения для всех присутствующих. Таким образом, V Поволжский педагогический форум «Система непрерывного педагогического образования: инновационные идеи, модели и перспективы» - это своего рода профессиональная площадка для обмена мнениями и опытом в области педагогического образования, стратегических, нормативно-правовых, методологических и воспитательных аспектов образовательного процесса, внедрения инновационных образовательных технологий как для представителей профессионального сообщества – педагогов и руководителей образовательных учреждений, так и для широкой общественности.

Библиографический список

1. Ключина А. М. Фразеологизмы с семантикой крайности как средство формирования и развития коммуникативной компетенции иностранных студентов на уроках русского языка как иностранного // Русистика без границ. 2022а. Т. 6, № 2. С. 73–81.

2. Ключина А. М. Учебная виртуальная экскурсия как эффективный способ обучения русскому языку как иностранному // Русистика без границ. 2023. Т. 7, № 2. С. 77–81.

3. Кислова Н. Международная летняя школа по русскому языку как иностранному в Самарском Государственном Социально-Педагогическом Университете (23.06.2021 – 4.08.2021) / Н. Кислова, О. Шалифова, А. Ключина // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica. 2022. No. 21. P. 181–183.

4. Ключина, А. М. Проявление крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022б. Т. 15, № 6. С. 1849–1855.

5. Дичинская Л. Е. Особенности реализации этноориентированного обучения в процессе подготовки учителей русского языка как иностранного и иностранного языка: анализ основных профессиональных образовательных программ педагогических вузов России / Л.Е. Дичинская, А. М. Ключина, О. Н. Шалифова // Казанская наука. 2024а. № 11. С. 193–196.

6. Дичинская Л. Е. Аналитический обзор основных профессиональных образовательных программ по подготовке учителей русского языка как иностранного в педагогических вузах России в целях разработки этноориентированной программы для обучающихся из Танзании / Л. Е. Дичинская, А. М. Ключина, О. Н. Шалифова // Русистика без границ. 2024б. Т. 8, № 4. С. 71–84.

7. Ключина А. М. Психолого-педагогические особенности процесса адаптации иностранных студентов к условиям обучения в вузе в России / А. М. Ключина, М. А. Торгашева // Современное педагогическое образование. 2019. № 1. С. 109–112.

8. Немич Н. Н. Использование ролевых игр на практических занятиях по русскому языку как иностранному в военном вузе // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы VIII Международной научно-методической конференции, Омск, 20 мая 2022 года. Омск : Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева в г. Омске, 2022а. С. 241–245.

9. Немич Н. Н. Использование интерактивных методов обучения на практических занятиях по русскому языку и культуре речи в военном вузе // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : материалы V Международной научной конференции, Тольятти, 15–17 апреля 2015 года. Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2015. С. 370–375.

10. Немич Н. Н. Система упражнений на закрепление слухо-произносительного навыка иностранных военнослужащих при изучении новых звуков // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы III Международной

научно-методической конференции, Омск, 26 мая 2017 года. В 2 т. Т. 1. Омск : Издательство Ипполитова, 2017. С. 303–305.

11. Немич Н. Н. К вопросу о методических особенностях проведения занятий по русскому языку как иностранному на подготовительном курсе / Н. Н. Немич, Н. В. Богданова // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы VIII Международной научно-методической конференции, Омск, 20 мая 2022 года. Омск : Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева в г. Омске, 2022б. С. 245–250.

12. Косолапова Т. В. Обучение русскому языку как иностранному в группах с большой наполняемостью // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Елабуга, 11–12 октября 2024 года. Елабуга : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 242–244.

13. Цыганова Л. В. Образовательные возможности искусственного интеллекта в обучении английскому языку студентов технических профилей / Л. В. Цыганова, Е. В. Смирнова, О. А. Плахова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 4. С. 338–353.

14. Плахова О. А. Направления реализации социально-педагогической поддержки студентов-мигрантов в период их адаптации на занятии по английскому языку / О. А. Плахова, Т. В. Асеева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 1 (28). С. 44–48.

15. Бычкова В. С. Лингводидактические аспекты преподавания русского как иностранного: проблемы и пути их решения / В. С. Бычкова, О. Д. Паршина, Д. Р. Резников // Проблемные вопросы военного образования и пути совершенствования подготовки военных специалистов : сборник материалов XI Всероссийской педагогической научно-методической конференции, Сызрань, 03 апреля 2025 года. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. С. 253–256.

16. Лысова О. Ю. Внутренняя форма фразеологизмов русского языка: семантический аспект / О. Ю. Лысова ; под общ. ред. Е. П. Иванян. Самара : Инсома-пресс, 2023. 192 с.

17. Косс Е. В. Песни на занятиях русским языком как иностранным на начальном этапе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков : к 80-летию профессора Л. И. Корниловой : сборник материалов, Тольятти, 11–12 октября 2018 года. Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2018. С. 83–88.

18. Косс Е. В. Классная комната в твоём кармане: учим песни на уроках РКИ интерактивно // Иностранные языки в XXI веке: актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики : материалы и доклады Международной конференции, Самара, 10–11 марта 2020 года. Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2020. С. 52–58.

19. Косс Е. В. Обучение инофонов лексики русского языка как иностранного с помощью интерактивных тренажеров / Е. В. Косс, К. А. Сидоркин, Т. Н. Иванова // Проблемные вопросы военного образования и пути совершенствования подготовки военных специалистов : сборник материалов XI Всероссийской педагогической научно-методической конференции, Сызрань, 03 апреля 2025 года. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. С. 285–290.

20. Косс Е. В. Репрезентация внешности мужчины номинацией «дядя» в современном русском языке / Е. В. Косс, О. Д. Паршина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3422–3428.

References

1. Klyushina A.M. Phraseological units with the semantics of extremes as a means of forming and developing the communicative competence of foreign students in the lessons of Russian as a foreign language // *Russian Studies without borders*. 2022a. Vol. 6, No. 2. pp. 73-81.
2. Klyushina A.M. Educational virtual excursion as an effective way of teaching Russian as a foreign language // *Russian Studies without borders*. 2023. Vol. 7, No. 2. pp. 77-81.
3. Kislova N. International Summer School on Russian as a foreign language at Samara State Socio-Pedagogical University (06/23/2021 – 08/24/2021) / N. Kislova, O. Shalifova, A. Klyushina // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. 2022. No. 21. P. 181-183.
4. Klyushina, A.M. The manifestation of extremes in Russian linguoculture: an analytical review // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2022b. Vol. 15, No. 6. pp. 1849-1855.
5. Dichinskaya L.E., Klyushina A.M., Shalifova O. N. Features of the implementation of ethnorientated learning in the process of training teachers of the Russian language as a foreign language and a foreign language: an analysis of the main professional educational programs of pedagogical universities in Russia // *Kazanskaya nauka*. 2024a. No. 11. pp. 193-196.
6. Dichinskaya L. E., Klyushina A.M., Shalifova O. N. An analytical review of the main professional educational programs for the training of teachers of Russian as a foreign language in pedagogical universities in Russia in order to develop an ethnocentric program for students from Tanzania / L. E. Dichinskaya, O. N. Shalifova // *Russian Studies without borders*. 2024b. Vol. 8, No. 4. Pp. 71-84.
7. Klyushina A.M. Psychological and pedagogical features of the process of adaptation of foreign students to the conditions of study at a university in Russia / A.M. Klyushina, M. A. Torgasheva // *Modern pedagogical education*. 2019. No. 1. pp. 109-112.
8. Nemich N. N. The use of role-playing games in practical classes on Russian as a foreign language in a military university // *Problems of modernizing modern higher education: linguistic aspects : proceedings of the VIII International Scientific and Methodological Conference, Omsk, May 20, 2022*. Omsk : Branch of the Military Academy of Material and Technical Support named after A. V. Khrulev in Omsk, 2022a. pp. 241-245.
9. Nemich N. N. The use of interactive teaching methods in practical classes on the Russian language and speech culture at a military university // *Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects : proceedings of the V International Scientific Conference, Tolyatti, April 15-17, 2015*. Tolyatti : Tolyatti State University, 2015. pp. 370-375.
10. Nemich N. N. A system of exercises for strengthening the auditory-pronunciation skills of foreign military personnel in the study of new sounds // *Problems of modernizing modern higher education: linguistic aspects : proceedings of the III International Scientific and Methodological Conference, Omsk, May 26, 2017*. In 2 volumes, vol. 1. Omsk : Ippolitov Publishing House, 2017. pp. 303-305.
11. Nemich N. N. On the issue of methodological features of conducting classes in Russian as a foreign language in the preparatory course / N. N. Nemich, N. V. Bogdanova // *Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects : proceedings of the VIII International Scientific and Methodological Conference, Omsk, May 20, 2022*. Omsk : Branch of the Military Academy of Logistics named after A. V. Khrulev in Omsk, 2022b. pp. 245-250.
12. Kosolapova T. V. Teaching Russian as a foreign language in groups with high occupancy // *Modern problems of philology and methods of teaching languages: issues of theory and practice : proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Yelabuga, October 11-12, 2024*. Yelabuga : Kazan (Volga Region) Federal University, 2024. pp. 242-244.
13. Tsyganova L. V. Educational opportunities of artificial intelligence in teaching English to students of technical profiles / L. V. Tsyganova, E. V. Smirnova, O. A. Plakhova // *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2025. No. 4. pp. 338-353.

14. Plakhova O. A. Directions for the implementation of socio-pedagogical support for migrant students during their adaptation to English classes / O. A. Plakhova, T. V. Aseeva // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Pedagogy, psychology. 2017. No. 1 (28). pp. 44-48.

15. Bychkova V. S. Linguodidactic aspects of teaching Russian as a foreign language: problems and ways to solve them / V. S. Bychkova, O. D. Parshina, D. R. Reznikov // Problematic issues of military education and ways to improve the training of military specialists : collection of materials of the XI All-Russian Pedagogical Scientific and Methodological Conference, Syzran, April 03, 2025. Kirov : Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 2025. pp. 253-256.

16. Lysova O. Y. The internal form of phraseological units of the Russian language: a semantic aspect / O. Y. Lysova ; under the general editorship of E. P. Ivanyan. Samara : Insoma-press, 2023. 192 p.

17. Koss E. V. Songs in Russian as a foreign language at the initial stage // Actual problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages : on the 80th anniversary of Professor L. I. Kornilova : collection of materials, Tolyatti, October 11-12, 2018. Tolyatti : Tolyatti State University, 2018. pp. 83-88.

18. Koss E. V. A classroom in your pocket: learning songs in RCT lessons interactively // Foreign languages in the 21st century: current issues of linguistics and linguodidactics : proceedings and reports of the International Conference, Samara, March 10-11, 2020. Samara : Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 2020. pp. 52-58.

19. Koss E. V. Teaching foreign speakers the vocabulary of the Russian language as a foreign language using interactive simulators / E. V. Koss, K. A. Sidorkin, T. N. Ivanova // Problematic issues of military education and ways to improve the training of military specialists : collection of materials of the XI All-Russian Pedagogical Scientific and Methodological Conference, Syzran, April 03, 2025. Kirov : Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 2025. pp. 285-290.

20. Koss E. V., O. D. Parshina, Representation of a man's appearance by the "uncle" nomination in modern Russian, Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16, No. 10. pp. 3422-3428.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.027

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor the Depart-
ment of Russian Language and cross-cul-
tural communication
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-404-0448
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian Lan-
guage and cross-cultural communication
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-404-0448
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОНОМАСТИКИ: ИТОГИ II ВСЕРОС-
СИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ВОРОНЕЖСКИЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(ВОРОНЕЖ, ВГТУ, 18 ФЕВРАЛЯ 2026 Г.)**

N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

**TOPICAL ISSUES OF MODERN ONOMASTICS: RESULTS OF THE II ALL-RUSSIAN
SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
"VORONEZH ONOMASTIC READINGS"
(VORONEZH, VSTU, FEBRUARY 18, 2026)**

18 февраля 2026 года на базе гуманитарного факультета Воронежского государственного технического университета прошли заседания II Всероссийской научной конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения», организованной кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации и приуроченной к юбилею Воронежского государственного технического университета. В программу конференции были включены 123 доклада, подготовленные 131 участником, среди которых 28 докторов наук и 43 кандидата наук. Результатами своих исследований поделились ученые из Македонии, Турции, Германии, Беларуси, Узбекистана, Кыргызстана; Российская Федерация представлена работами ученых из ДНР, Крыма, Якутии, Хакасии, Бурятии, Карелии, Кабардино-Балкарии, Красноярского и Пермского края, Тюмени, Липецка, Ярославля, Волгограда, Тамбова, Ельца, Тулы, Нижнего Новгорода, Саратова, Арзамаса, Челябинска, Екатеринбурга, Курска, Воронежа, Москвы. В

работе конференции также приняли участие ученые Сибирского отделения Российской академии наук. Такая обширная география участников стала возможна в том числе благодаря работе конференции в формате онлайн.

На пленарном заседании прозвучали выступления ведущих исследователей ономастики – докторов наук из разных городов России, представляющих существующие ономастические школы. Открыл работу пленарного заседания основатель Воронежской ономастической школы профессор Г.Ф. Ковалев, посвятивший свое выступление размышлениям о слове *Воронеж*. В.М. Калинин, последовательно развивающий идеи Донецкой ономастической школы, выступая на пленарном заседании, анализировал произведение А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» с точки зрения поэтономаграфии мифопоэтонимов и олицетворений. В.И. Супрун рассмотрел этимологические сюрпризы регионального топонимикона на материале ойконимического словаря Волгоградской области. Кроме того, в рамках пленарного заседания были рассмотрены личные имена: И.А. Кюршунова анализировала антропонимию как зеркало ценностных ориентиров северного крестьянства, а А.С. Щербак обратилась к личным именам как источнику региональных фамилий и региональным фамилиям как источнику для изучения диалектных форм личных имен.

Секционные заседания включали работы ученых в соответствии с направлениями ономастических исследований: литературная ономастика, региональная ономастика, ономастика как часть языковой картины мира и т.п. Кроме того, были рассмотрены теоретические проблемы ономастики и современное состояние прикладного имятворчества.

Секция 1 «Региональные ономастические исследования» объединила доклады, посвященные микропонимии, гидронимии, антропонимии различных регионов России и сопредельных территорий. Были представлены исследования по воронежской, курской, ярославской, пермской, калининградской, костромской, удмуртской топонимии, а также по ономастикону Беларуси [1-5 и др.]. Особый интерес вызвали доклады, посвященные исчезнувшим топонимам, декоммунизации названий в Новороссии, а также этимологии гидронимов.

Секция 2 «Ономастикон как часть языковой картины мира» была посвящена роли имен собственных в формировании картины мира – от фольклора и художественной литературы до современного медиадискурса. Докладчики из Якутска, Абакана, Улан-Удэ, Краснодара, Липецка, Воронежа и других городов представили исследования этнонимов, мифонимов, периферийных онимов-неологизмов, а также официального и народного топонимического кода [6-7 и др.].

Секция 3 «Прагматический аспект имятворчества» сосредоточила свое внимание на функционировании онимов в современном коммуникативном пространстве: эргонимии, нейминге, названиях городских объектов, рекламе и блогосфере. География докладов охватила Бишкек, Брест, Тамбов, Нижний Новгород, Иркутск, Тюмень, Елец, Воронеж. Обсуждались лингвокреативные техники создания названий, их связь с локальной идентичностью, прагматический потенциал [8-9 и др.].

Секция 4 «Имя в пространстве художественного текста» стала самой многочисленной и представительной. Доклады были посвящены поэтонимии и библионимии в творчестве А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Платонова, М.А. Шолохова, И.А. Бунина, В.М. Шукшина, Л.Н. Андреева, Г. Газданова, Т. Толстой, Ж. Сарамыго и других авторов. Особое внимание уделялось топонимам как маркерам хронотопа, антропонимам как средству характеристики персонажа, а также философии имени в литературе [10-15 и др.].

Секция 5 «Ономастика глазами молодых» предоставила площадку для начинающих исследователей – студентов и магистрантов из Воронежа, Борисоглебска, Тамбова, Липецка, Ярославля, Витебска. Темы докладов охватывали фамильные системы, прозвища, эргонимы, онимы в сказках, литературных мемах и кино. Живой интерес вызвали исследования регионального материала, а также работы, посвященные языковой игре и креативным техникам создания имен [16-18 и др.].

Завершилась конференция общим подведением итогов, на котором модераторы секций отметили высокий уровень представленных исследований, актуальность тематики и важность продолжения межрегионального и международного сотрудничества. Было подчеркнуто, что «Воронежские ономастические чтения» стали значимой научной площадкой, объединяющей исследователей имени собственного из разных стран и регионов, способствующей обмену опытом и развитию ономастики как отрасли языкознания.

Материалы конференции будут опубликованы в научном журнале «Ономастический вестник», индексируемом в РИНЦ, четыре выпуска которого будут выходить в течение года. Подобная периодичность обусловлена интересом к актуальной тематике конференции, большим количеством интересных докладов, которые представляются на конференцию учеными из разных городов России и других стран.

Библиографический список

1. Грачев М.А. Нижегородские топонимы как памятник российской преступности // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 32-37.
2. Недоступова Л.В. В пространстве воронежских деревенских неофициальных имен // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 38-45.
3. Малыхина Т.М., Зикеева А.А. Этимологическое исследование гидронимов Курского региона (Ворожба, Густомойка, Дичня) // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 46-51.
4. Подюков И.А. Особенности промышленной топонимии Камского Приуралья (XIX – нач. XXI вв.) // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 52-55.
5. Гапонова Ж.К. Антропонимы финно-угорского происхождения в ростовских кадастрах XVII в // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 56-62.
6. Катермина В.В. Периферийные онимы-неологизмы как отражение социокультурных явлений действительности англоязычного дискурса // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 160-164.
7. Жаркова Т.И. Годонимы как отражение исторических связей французской и русской лингвокультур // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 20-26.
8. Гроховская Т.В. Эргонимы г. Тамбова как ресурс сохранения локальной идентичности // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 148-152.
9. Каксин А.Д. Выбор имени для новорожденного: мотивация, предопределенность, воля случая // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 139-142.
10. Бугакова Н.Б. Топонимы как средство формирования пространства (на материале повести А. Платонова «Впрок») // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 110–115.
11. Чечетка В.И., Лукина Л.В., Рыжков О.И. Мифонимы как объект мифологического знания (на примере древ- негерманского героического эпоса) // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 80-85.
12. Нагорная Е.В., Меркулова И.А. Онимы в поэзии А.В. Жигулина // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 92-99.
13. Калинин В.М. К поэтонимологии мифопоэтонимов и олицетворений в «Скупом рыцаре» А.С. Пушкина // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 132-138.
14. Ковалев Г.Ф. Ономастическая игра с лицами (антропонимия в анекдотах) // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 116-126.
15. Попов С.А., Оськина Е.В. Ономастическое пространство как нарративный и философский код в романе В. Пелевина «Чапаев и пустота» // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 106-109.
16. Шиловских В.К. Эргонимикон воронежской доставки // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 143-147.

17. Кормилаева А.А. Имя собственное в прозаическом творчестве И.А. Бунина (на материале рассказов цикла «Темные аллеи») // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 100-105.
18. Королёва А.С. Заглавие как инструмент интерпретации текста в киноадаптации // Ономастический вестник. 2026. № 1(5). С. 153-159.

References

1. Grachev M.A. Nizhny Novgorod Toponyms as a Monument to Russian Crime // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 32-37.
2. Nedostupova L.V. In the Space of Voronezh Village Unofficial Names // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 38-45.
3. Malykhina T.M., Zikeeva A.A. Etymological Study of Hydronyms of the Kursk Region (Vorozhba, Gustomoyka, Dichnya) // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 46-51.
4. Podyukov I.A. Features of Industrial Toponymy of the Kama Urals (19th – Early 21st Centuries) // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). P. 52-55.
5. Gaponova Zh.K. Anthroponyms of Finno-Ugric Origin in the Rostov Cadastres of the 17th Century // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). P. 56-62.
6. Katermina V.V. Peripheral Onyms-Neologisms as a Reflection of Sociocultural Phenomena in the Reality of English-Language Discourse // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). P. 160-164.
7. Zharkova T.I. Godonyms as a Reflection of Historical Ties between French and Russian Linguistic Cultures // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). P. 20-26.
8. Grokhovskaya T.V. Ergonyms of the City of Tambov as a Resource for Preserving Local Identity // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 148-152.
9. Kaksin A.D. Choosing a Name for a Newborn: Motivation, Predetermination, and Chance // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 139-142.
10. Bugakova N.B. Toponyms as a Means of Forming Space (Based on A. Platonov's Story "For Future Use") // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 110-115.
11. Chechetka V.I., Lukina L.V., Ryzhkov O.I. Mythonyms as an Object of Mythological Knowledge (Based on the Old Germanic Heroic Epic) // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). Pp. 80-85.
12. Nagornaya E.V., Merkulova I.A. Onims in the Poetry of A.V. Zhigulin // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1 (5). Pp. 92-99.
13. Kalinkin V.M. On the Poetonymy of Mythopoetonyms and Personifications in A.S. Pushkin's "The Covetous Knight" // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1 (5). Pp. 132-138.
14. Kovalev G.F. Onomastic Play with Faces (Anthroponymy in Anecdotes) // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1 (5). Pp. 116-126.
15. Popov S.A., Oskina E.V. Onomastic Space as a Narrative and Philosophical Code in V. Pelevin's Novel "Chapaev and Emptiness" // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). pp. 106-109.
16. Shilovskikh V.K. Ergonymikon of Voronezh Delivery // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). pp. 143-147.
17. Kormilaeva A.A. Proper Name in the Prose Works of I.A. Bunin (Based on the Stories from the Cycle "Dark Alleys") // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). pp. 100-105.
18. Koroleva A.S. The Title as a Tool for Interpreting the Text in Film Adaptation // Onomastic Bulletin. 2026. No. 1(5). P. 153-159.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц. **Сноски не допускаются.**

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесополуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1 (60) 2026

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 31.03.2026. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 24,1. Усл. печ. л. 26,6. Тираж 28 экз. Заказ №59
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84